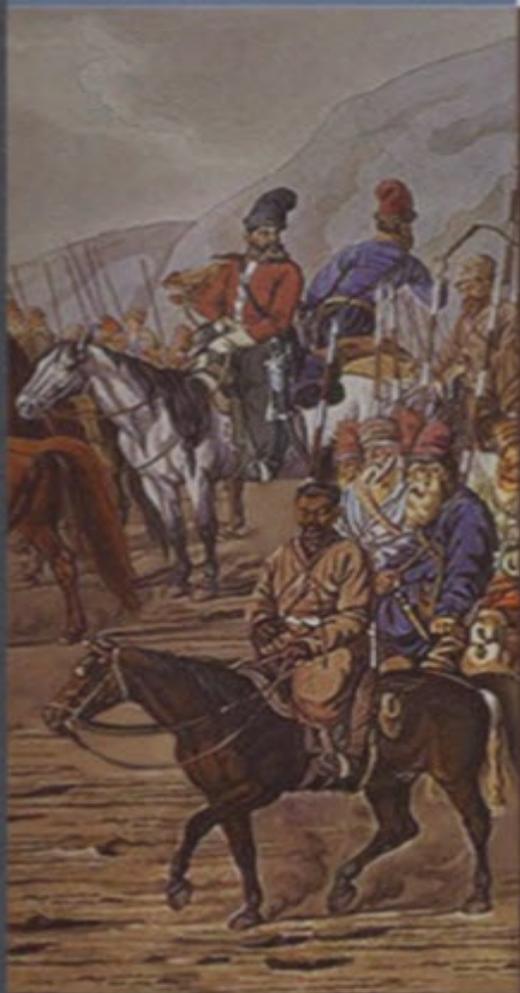

ПУГАЧЕВ

Евгений
Тресфилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Емельян Пугачев заставил говорить о себе не только всю Россию, но и Европу и даже Северную Америку. Одни называли его самозванцем, авантюристом, иностранным шпионом, душегубом и развратником, другие считали народным заступником и правдоискателем, признавали законным «амператором» Петром Федоровичем. Каким образом простой донской казак смог создать многотысячную армию, противостоявшую регулярным царским войскам и бравшую укрепленные города? Была ли возможна победа пугачевцев? Как они предполагали обустроить Россию? Какая судьба в этом случае ждала Екатерину II? Откуда на теле предводителя бунтовщиков появились загадочные «царские знаки»?

Кандидат исторических наук Евгений Трефилов отвечает на эти вопросы, часто устами самих героев книги, на основе документов реконструируя речи одного из самых выдающихся бунтарей в отечественной истории, его соратников и врагов.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Евгений Трефилов](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)

- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)

- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)

- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)

- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)

- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)

- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)

- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)

- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)

- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)

- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)

- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)

- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)

- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)

- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)

- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)

- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)

- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)

- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)

- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)

- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)

- [836](#)
 - [837](#)
 - [838](#)
 - [839](#)
 - [840](#)
 - [841](#)
 - [842](#)
 - [843](#)
 - [844](#)
 - [845](#)
 - [846](#)
 - [847](#)
 - [848](#)
 - [849](#)
 - [850](#)
 - [851](#)
 - [852](#)
 - [853](#)
 - [854](#)
 - [855](#)
 - [856](#)
 - [857](#)
 - [858](#)
 - [859](#)
 - [860](#)
 - [861](#)
 - [862](#)
 - [863](#)
 - [864](#)
 - [865](#)
 - [866](#)
 - [867](#)
 - [868](#)
 - [869](#)
 - [870](#)
 - [871](#)
 - [872](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1732

(1532)

Евгений Трефилов

ПУГАЧЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Трефилов Е. Н., 2015
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бунтарей, самозванцев и разного рода возмутителей спокойствия в истории нашей страны всегда хватало, но хорошо запомнились людям лишь очень немногие из них. Несомненно, особую память по себе оставил донской казак Емельян Пугачев, назвавшийся императором Петром III и поднявший в 1773 году одно из крупнейших восстаний в истории России. Об этом восстании и его предводителе потомки написали так много^{1}, что может возникнуть вполне закономерный вопрос: а нужна ли еще одна книга о Пугачеве? Осмелимся сказать, что нужна, поскольку, думается, даже искушенный читатель узнает из нее кое-что новое о знаменитом самозванце.

Например, оказалось, что Пугачев совсем не отличался богатырским телосложением и яркой внешностью. Он был, по нашим меркам, низкорослым, а по тогдашним представлениям «росту среднего»^{1}. В одном официальном документе говорилось, что рост Пугачева — «два аршина четыре вершка с половиной», то есть примерно 1 метр 62 сантиметра. Самозванец был плечист, «но в поясице очень тонок», лицо имел продолговатое, смуглое, с желтыми конопатинами, большие карие глаза и нос с горбинкой. Темнорусые волосы были «пострижены по-казацки» — «в кружок». Относительно цвета бороды мнения расходятся: некоторые считали, что она черная с проседью, другие — что тоже темно-русая. Имелись у Пугачева и особые приметы: не хватало одного зуба («верхнего спереди»), «от золотухи на левом виску шрам»; кроме того, левый глаз был заметно прищурен.

О голосе Пугачева сведения также противоречивые: по одним данным, он был «несколько сиповат», говорил «тихо и нескоро», по другим — «голос имел громкий»^{2}.

Если такие противоречия имеются в описании внешности и голоса знаменитого самозванца, что уж говорить об оценке его деяний. Даже враги Пугачева в своих оценках не были единодушны. Правда, справедливости ради следует сказать, что основная их масса всё же предпочитала без всяких затей ругать и проклинать грозного бунтовщика. Некоторые делали это в его присутствии, за что поплатились жизнью, причем среди них были не только офицеры-дворяне, но даже один крестьянин^{3}.

Впрочем, таких смельчаков было совсем немного. Большинство

осыпали Пугачева оскорблениями и проклятиями, находясь в полной безопасности. В 1774 году, когда самозванец оказался в руках у властей, известный поэт Александр Сумароков придал этой брани в меру изящную стихотворную форму:

*Ты подлый, дерзкий человек,
Незпно коего природа
Извергла на блаженный век
Ко бедству многого народа.
Забыв и правду и себя
И только сатану любя,
О Боге мыслил без боязни
И шел противу естества,
Отечества и божества,
Не помня неизбежной казни;
Не знал ни малой ты приязни,
В разбой стремясь людей привлечь,
Но днесь отбросил ты свой меч,
И в наши предан ныне руки.
То мало, чтоб тебя сожечь
К отмщению невинных муки.
Но можно ль то вообразить,
Какою мукою разить
Достойного мученья вечна?
Твоей подобья злобе нет.
И не видал доныне свет
Злодея, толь бесчеловечна^{4}.*

Однако некоторые пугачевские враги, не желая его демонизировать, избегали подобного пафоса, высказываясь о мятежнике лишь уничижительно. Например, императрица Екатерина II в письмах называла его глупцом, пьяницей и даже трусом. Государыня и ее иностранные корреспонденты в насмешку именовали Пугачева «маркизом». По мнению одного из командующих антипугачевскими силами А. И. Бибикова, самозванец — всего лишь «чучела, которою воры яицкие казаки играют». Эта оценка повлияла и на дальнейшую историографию. Например, ее подхватил А. С. Пушкин в «Истории Пугачева»: «Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями

прошлеца, не имевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной». О том, что самозванец «был игрушкой в руках лиц, преследовавших свои личные и узкокорпоративные цели», писал и автор наиболее обстоятельной дореволюционной работы о пугачевском бунте, историк и генерал Н. Ф. Дубровин. Знаменитый историк С. М. Соловьев пытался внушить похожие мысли гимназистам и студентам через «Учебную книгу русской истории»^{5}.

Но порой даже современники, враждебно относившиеся к Пугачеву, высоко оценивали отдельные его качества. Интересно, что Екатерина II в письме Вольтеру высказалась о «маркизе Пугачеве», который «умрет в скором времени подлым трусом», только тогда, когда получила письмо от председательствовавшего на суде над самозванцем А. А. Вяземского, сообщавшего о робком характере Пугачева, а до этого писала тому же Вольтеру (2 ноября 1774 года), что Пугачев «чрезвычайно смелой и решительной человек». Умственные способности Емельяна Ивановича также вызвали неоднозначные оценки. Если главнокомандующий в Москве и по совместительству пугачевский следователь Михаил Никитич Волконский был о них самого невысокого мнения, то члены Оренбургской секретной комиссии 21 мая 1774 года писали Екатерине: «Самозванец, хотя человек злой и продерской, но пронырливой, и в роде своем — прехитрой и замысловатой. <...> Пугачев не дурак, ибо он, зная сам себя, не приглашал в советы умных, да и не искал их дружбы для того, чтоб они не усмотрели его невежества и не зделали в толпе против него возстания, ибо он грамоте не знал». Правда, Волконский лично допрашивал мятежника, а оренбургские следователи зделали свои выводы на основании показаний пугачевских сподвижников^{6}.

Интересно, что некоторые современники самозванца сожалели, что его способности не получили должного применения. Неоднократно встречавшийся с пленным Пугачевым в Симбирске командующий правительственными войсками П. И. Панин в одном из писем заметил: «Надобно и в злодействе дать ему справедливость, что дух имеет он бодрой, которой бы мог быть весьма полезен, естли бы обращен был не во зло, а в добро». Похожую мысль высказал и начальник секретных комиссий П. С. Потемкин, допрашивавший самозванца в Симбирске в октябре 1774 года^{7}. Идея, что Пугачев хотя и злодей, но наделенный от природы некоторыми талантами, а то и благородством, высказывалась в исторических и литературных произведениях конца XVIII — первой половины XIX века, к примеру, в вышедшем еще в 1775 году в Лондоне на

французском языке романе, в русском переводе получившем название «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика, Емельки Пугачева». Конечно, самым ярким примером здесь может служить пушкинская «Капитанская дочка». Создатель истории Войска Донского В. Б. Броневский также признавал за Пугачевым большие способности, правда, напрочь отказывал ему в благородстве^{8}. Некоторые декабристы полагали, что самозванец, разумеется, злодей, а возглавленное им восстание — ужасное происшествие, но оно было реакцией на различные злоупотребления властью имущих. Например, для декабриста А. В. Поджио Пугачев лишь под конец стал бесчеловечным «разбойником», начинал же он как «гражданин», выступивший против несправедливости и рабства. Впрочем, преобладало у деятелей тайных обществ отрицательное отношение к пугачевщине^{9}.

Однако отношение к восстанию и его предводителю у следующих поколений противников правительства становится всё более благожелательным. Отдельные радикальные революционеры даже обращаются к народу с прокламациями, призывая к восстанию от имени Пугачева. Некоторые народники объявили Разина и Пугачева своими предшественниками, называя их «социалистами-революционерами». Заметим, что в той или иной степени сочувствовали восстанию или, по крайней мере, оправдывали его и профессиональные историки А. П. Щапов, Д. Л. Мордовцев и В. И. Семевский. Правда, справедливости ради следует сказать, что даже среди людей, настроенных революционно, отнюдь не все высоко оценивали Пугачева. В частности, идеолог народничества П. Л. Лавров полагал, что личность самозванца не соответствовала тому великому движению, которое он возглавил^{10}.

Казалось бы, в советское время как сам Пугачев, так и руководимое им восстание (которое обязательно следовало называть крестьянской войной) должны однозначно оцениваться положительно. Но так сложилось не сразу. В переизданном в 1920 году третьем томе «Русской истории с древнейших времен» идеолог советской исторической науки М. Н. Покровский не посчитал нужным убрать характеристику, данную им еще до революции: «...Менее романтическую фигуру, чем Пугачев, трудно себе представить. Как личность это было нечто среднее между фантастом, способным уверовать в плоды своей фантазии... и просто ловким проходимцем, каких тоже было немало в разбойничьих гнездах Поволжья или даже в воровских притонах Москвы». И хотя Покровский уже тогда понимал, что некоторые его определения и оценки устарели, а от вышеприведенной характеристики

Пугачева в дальнейшем отрекся, это не помешало ему в 1927 году написать: «Ни за один пугачевский документ мы не можем ручаться, что это его именно взгляды, его мысль... И это отсутствие не массовой, не классовой, а индивидуальной идеологии, самим вождем выработанной, в выработке которой он принимал бы, во всяком случае, заведомое личное участие, мешает причислить Пугачева к великим вождям. Ибо великие вожди революции, как бы они ни назывались — Кромвель, Робеспьер, Ленин, — всегда шли во главе и идеологического движения своего класса». При этом историк признавал, что Пугачев «умел руководить массами, был талантливым организатором и агитатором». Впоследствии он написал, что «Пугачев был одним из крупнейших (может быть, самым крупным) вождей крестьянских движений в России»^[11].

Положительная оценка самозванца преобладала начиная с тридцатых годов прошлого века и вплоть до «перестройки». Впрочем, советские историки старались представить Пугачева живым человеком, у которого даже имелись недостатки. Наиболее развернутую характеристику его многочисленных достоинств и отдельных недостатков дали Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин и В. М. Панеях. Пугачев, считали они, был смел, умен, силен, вынослив, весел, справедлив, добр и отзывчив к горю каждого и народа в целом; «только под конец Крестьянской войны, видя террор и жестокость врага, он ожесточился сам». К тому же, по мнению этих исследователей, Пугачев был заботливым мужем и отцом, лихим казаком и хорошим артиллеристом, а еще любил музыку и песни, умел хорошо и убедительно говорить, «был вспыльчив, но отходчив, обладал умом живым, склонным к фантазиям, которым он сам начинал верить». Однако, по мнению названных авторов, народный вождь имел очень серьезный недостаток: будучи казаком, смотрел «свысока на крестьян, вооруженных топорами и дубинами»^[12].

Но во второй половине 1980-х годов вслед за политическими переменами в стране произошла и смена оценок прошлого, порой весьма радикальная. И вот уже известный ученый Н. И. Павленко, можно сказать, посягает на святое. «Под пером иных историков, — пишет он, — крестьянские войны составляют предмет гордости. Между тем они являются едва ли не самым убедительным доказательством отсталости России, ибо несли на себе печать средневековья». С исчезновением цензурных ограничений оценки и пугачевщины, и ее предводителя становились всё резче. Публицист Н. Н. Шахмагонов, помимо тех обвинений, которые обычно выдвигали против Пугачева и его

сподвижников еще до революции, неожиданно выдвинул отвергнутое еще екатерининскими властями: якобы восстание было инициировано и проплачено извне. А вот историк В. И. Лесин сравнительно недавно назвал Пугачева «авантюристом», «убийцей», «грабителем» и «похотливым хамом». Интересно, что выдающийся советский исследователь Пугачевского восстания Р. В. Овчинников после политических перемен хотя и продолжал положительно относиться к Пугачеву и пугачевцам, всё же личность предводителя восстания оценивал уже не столь благостно. Перечислив все добродетели, которыми наделяла Пугачева советская историческая наука, он тем не менее отмечал: «Но порою в поступках его проявлялось и плутовство, и коварство, и мстительность, и даже жестокость»^{13}.

Конечно, в последние годы о восстании и его вожаке пишут не так много, как в советское время. Тем не менее некоторые исследователи в той или иной степени затрагивают эту тему. Например, именно пугачевщина стала главным предметом изучения для современного историка В. Я. Мауля. Ученый явно относится к восставшим с большей симпатией, чем к их противникам, но это отнюдь не означает, что он лишь повторяет точку зрения советских предшественников. Исследователь полагает, что пугачевский бунт был своего рода защитной реакцией на проводившуюся в России модернизацию. Его предводитель мечтал «изменить страну, вернуть ее в традиционное русло». Подобное желание стало, по мнению историка, одной из причин, по которым Пугачев решил стать «Петром III» и сделал это лучше других самозванцев. Другие причины — «наличие у него особых харизматических задатков, отсутствовавших у прочих претендентов на это высокое имя», «базисные черты православного человека», «чуткая боль к народным страданиям», «готовность использовать новые средства достижения цели, завуалировав их под традиционной «оболочкой». К тому же в этом, полагает Мауль, «не последнюю роль играла и несомненная психическая неординарность Пугачева, наличие высокой, как правило, не соответствовавшей реальному статусу, самооценки»^{14}.

Источники, на которых основана эта книга, можно разделить на три большие группы:

источники, отражающие точку зрения противников восстания (манифесты и указы Екатерины II, переписка императрицы с чиновниками и военачальниками, принимавшими участие в подавлении бунта, рапорты военачальников, мемуары современников и пр.);

документы, вышедшие из-под пера самих повстанцев (манифесты и

указы самозванного царя, переписка повстанческих командиров и пр.);

судебно-следственные материалы (допросы бунтовщиков, в том числе показания самого Емельяна Пугачева).

Особняком стоят воспоминания пугачевского полковника Дементия Верхоланцева, записанные в XIX веке.

Источники, порождённые пугачевщиной, печатались еще до революции^{15}, однако большая их часть (главным образом показания восставших и повстанческие документы) была издана в советское время, в чем особая заслуга Р. В. Овчинникова (кстати, именно он вместе с А. С. Светенко уже в постсоветское время опубликовал все протоколы допросов Емельяна Пугачева)^{16}. Перу Овчинникова также принадлежат источниковедческие работы, в которых проанализированы манифесты и указы самозванного царя, а также судебно-следственные материалы по делу Пугачева и его сподвижников^{17}.

Помимо опубликованных источников, в нашей книге используются и неопубликованные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном военно-историческом архиве.

Поскольку зачастую наши знания о Пугачеве, да и о восстании в целом, основываются на свидетельствах людей, враждебно настроенных к повстанцам, или на показаниях самих пугачевцев, полученных под психологическим давлением, а то и при помощи истязаний, закономерен вопрос, стоит ли доверять такого рода источникам. К тому же следователи добавляли в протоколы показаний повстанцев разные уничижительные слова и выражения, и получалось, будто пугачевцы называли свое войско «воровскими толпами», «злодейской сволочью» и т. п.^{18} Эти источники нужно, а главное, можно проверять.

Несомненно, особого доверия заслуживает та информация, которую можно получить в результате сопоставления не связанных друг с другом источников. Однако это, к сожалению, не всегда возможно, а потому приходится прибегать к иным приемам. В свое время выдающийся отечественный историк Н. Н. Покровский заметил, что сведения наиболее достоверны, когда источник сообщает их «вопреки своей основной тенденции»^{19}. Например, противник бунтовщиков свидетельствует о положительных моментах деятельности повстанцев или, напротив, молчит о бесчинствах, о которых обязательно упомянул бы, имей они место.

Зачастую на допросах повстанцы, несмотря на давление со стороны дознавателей, высказывали свою точку зрения, а не ту, которую от них

хотели услышать. Так, например, пугачевский любимец Иван Почиталин показывал, что «грабительства безвинных людей он (Пугачев. — Е. Т.) не любил». Иногда залогом того, что перед нами взгляды самих повстанцев, может служить своеобразие их мышления и речи, запечатленное в протоколах показаний, характерное для простолюдинов и несколько не походившее на манеру следователей, принадлежавших к образованному меньшинству. Ярким примером такого рода может служить не подтвержденное никакими документальными свидетельствами предание яицких казаков, будто бы их предки получили грамоту от царя Михаила Федоровича, даровавшую казакам различные права и привилегии. Понятно, что следователи к возникновению этого предания не могли быть причастны^{20}.

Протоколы показаний нередко передают живую, разговорную речь самого Пугачева и его сподвижников. Вот, например, командир пугачевской гвардии Тимофей Мясников на одном из допросов рассказывал, что И. Зарубин-Чика при встрече с другим казаком, Д. Лысовым, воскликнул: «Ну-ка, рожа, насилу тебя принесло!» Далее Мясников пояснил: «Чика Лысова рожею назвал из братской любви, а не потому, чтоб гадок был лицом, ибо оной собою весьма молодоват был и средних лет...» В данном случае понятно, что не дознаватели выдумали «рожу», ведь Мясниковское объяснение могло последовать после их недоуменного вопроса^{21}.

Вообще показания Пугачева и других подследственных содержат так много живой речи и так часто передают разговоры людей, что я позволил себе превратить их в диалоги, которые свойственны скорее художественным, а не научным текстам. Осмелюсь сказать, что научная составляющая книги от этого ничего не потеряла, поскольку при таком преобразовании из текста допроса, как правило, изымались лишь слова, не имеющие отношения к сути разговора, и никогда не добавлялись лишние слова, как это часто бывает в популярной литературе.

В свое время писательница Наталья Кончаловская, работавшая над книгой «Наша древняя столица», приступив к главе о Степане Разине, обратилась за советом к выдающемуся историку, академику Е. В. Тарле. Помимо прочего он пожелал, чтобы у нее получился «именно Стенька, а не причесанный под благодного политрука «Степан Тимофеевич Разин»^{22}. Хочется надеяться, что и в нашей книге герой выглядит не «благодным политруком», а донским казаком Емелькой Пугачевым со своими представлениями о добре и зле, которые порой весьма далеки от тех, которыми руководствуются наши современники. Насколько это

удалось, судить читателю.

Автор сердечно благодарит людей, без которых эта книга не была бы написана: ученых-историков — коллег по факультету истории НИУ ВШЭ Е. В. Акельева, Г. О. Бабкову, И. Н. Данилевского, И. А. Ролдугину, Е. Б. Смилянскую, а также И. А. Журавлеву (РГГУ), В. Я. Мауля (ТюмГНГУ) и О. Г. Усенко (ТвГУ) за научные консультации и профессиональные советы; сотрудников архивов и библиотек О. А. Курбатова, Н. П. Малышева и Г. А. Тарасову (РГАДА), К. В. Татарникова (РГВИА), М. М. Интизарова (РГБС) за помощь в подборе и чтении литературы и архивных документов; членов своей семьи и друзей за постоянную всестороннюю поддержку; выражает особую признательность своему учителю А. Б. Каменскому.

Глава первая

ЕЩЕ НЕ «АМПЕРАТОР»

Детство «злодея»

Некоторые историки любят подчеркивать, что «малой родиной» мятежного казака была та же самая станица Зимовейская, где ранее появился на свет другой знаменитый бунтовщик Стенька Разин^{23}. Из этого совпадения, разумеется, делают далекоидущие выводы, например, что деяния знаменитого земляка, о которых Емельян слышал еще в детстве, во многом повлияли на его дальнейшую судьбу. Однако есть в этой версии один маленький изъян: у исследователей нет никаких надежных сведений о месте рождения Разина. По некоторым косвенным данным можно предположить, что это был Черкасск, тогдашняя столица Войска Донского^{24}. Но как бы ни обстояло дело с Разиным, Пугачев и впрямь родился в Зимовейской^{25}. Правда, сведения о том, в каком году могло произойти это событие, весьма противоречивы^{26}. Наиболее вероятной датой рождения будущего самозванца является 1742 год^{27}.

Родителями Емельяна были Иван Михайлович и Анна Михайловна Пугачевы. Прозвание свое, или, говоря по-современному, фамилию, он получил от деда по отцовской линии, прозвище которого было Пугач, что по-украински означает «филин». Этот факт вместе с тем обстоятельством, что Зимовейская в то время считалась малороссийской станицей, свидетельствует, что по происхождению Емельян Пугачев был украинец. Таким образом, становится понятно, почему, по свидетельству людей, знавших Емельяна уже во время восстания, речь его «сбивается в черкасскую», то есть украинскую. «Хохлачи» и «черкасы» издавна селились на Дону, однако неизвестно, когда там появились предки Пугачева. С уверенностью можно сказать только, что уже его деды несли казачью службу и жили в той же Зимовейской станице^{28}.

Помимо Емельяна, Иван Михайлович и Анна Михайловна имели еще троих детей: Дементия, Ульяну и Федосью. На следствии в ноябре 1774 года самозванец показывал, что его «большой», то есть старший брат Дементий жил в той же станице, но «с ним в разделе, в своем доме». У

Дементия с женой Настасьей были два сына и две дочери. Интересно, что по имени Емельян сумел вспомнить только старшего племянника Никиту, а про племянниц сказал только, что «обе малолетные». О «большой» сестре самозванца, Ульяне, нам известно только то, что она была замужем за донским казаком той же станицы Федором Брыкалиным^{29}. Он сыграл определенную роль в судьбе Пугачева, впрочем, как и муж младшей сестры Федосьи.

Как и у любого человека в те времена, у Пугачева кроме родителей были еще и крестные отец и мать. Как сам он рассказывал на следствии, его крестной была казачка «по отчеству Игнатьева, а прозванием Ермолова, но как ей имя — не помнит». Крестным же был священник станичной церкви «Казанския богородицы» Тимофей Авдеев; он же и совершил обряд крещения маленького Емельяна^{30}.

Здесь нелишним будет задаться вопросом, какую веру, старую или никонианскую, принял и потом исповедовал Емельян Иванович. Дело в том, что современники как из числа противников самозванца, так и из числа его сторонников заявляли, что Пугачев — «раскольник». Эту версию поддерживали и многие историки. Правда, другие ученые были с ней категорически не согласны^{31}. Что же на этот счет говорил сам Пугачев? На допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 года он заявил, что «...не раскольник, как протчия донския и яицкия казаки, а православнаго греческаго исповедания кафолической веры, и молюсь Богу тем крестом, как и все православныя християне, и слагаю крестное знамение первыми тремя перстами (а не последними)», а на московском допросе в ноябре того же года добавил: «С самого ево малолетства в церковь Божию он, Емелька, ходил и отца духовного имел...»^{32} Эти сведения подтверждаются и показаниями первой жены самозванца Софьи, которые никак не могли быть спровоцированы признаниями мужа, поскольку были получены задолго до его ареста^{33}. Наконец, непосредственно перед казнью Пугачев исповедался и причастился у никонианского священника^{34}.

Таким образом, вполне очевидно, что Емельян принадлежал к официальной Церкви, что, кстати, констатировалось и в выписке, сделанной властями по его следственному делу. Правда, необходимо обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство: в этой же выписке говорится, что молился Пугачев не тремя, а двумя перстами^{35}, как старообрядцы. Впрочем, для русского XVIII века в таком «двоеверии» нет ничего не обычного^{36}. Однако мы не знаем, на чем основывались власти, делая подобную запись. Быть может, на каких-то не дошедших до

нас устных признаниях Пугачева? А может быть, самозванец перекрестился во время следствия и тем самым выдал себя?

По общепринятому в советской науке мнению, Пугачев родился в простой и бедной казачьей семье^{37}. Сам он на следствии говорил: «...он, Емелька, грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет, и никогда не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его... были простые казаки». К этому нужно добавить, что пугачевская семья собственными руками обрабатывала свой земельный надел, что едва ли приносило большой доход^{38}. Можно даже допустить, хотя и без веских оснований, что родители будущего «амператора» были людьми неимущими. Однако сам Емельян, став взрослым, был довольно-таки зажиточным человеком — разумеется, по станичным меркам.

Что же касается детства будущего «Петра Федоровича», то о нем известно немного. На допросе в Яицком городке Пугачев сказал: «До семнадцатилетнего возраста жил я всё при отце своем так, как и другия казачьи малолетки в праздности». Из показаний его первой жены мы даже немного знаем о развлечениях казачонка. Так, описывая внешность мужа, она отметила: «...во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил салазками еще в малолетстве в игре»^{39}. Но, по всей видимости, признание Пугачева, что он провел детские годы «в праздности», не означало, что он только играл и бездельничал. По крайней мере, на другом допросе в ноябре 1774 года самозванец поведал, что «жил он, Емелька, в помянутом доме отца своего безотлучно до семнадцати лет, где кормился он, пахав сам свой казацкой участок земли, а в самом бывши малолетстве боронил за отцом своим землю»^{40}.

Историки любят напоминать, что Пугачев, как и другой знаменитый мятежник Стенька Разин, был выходцем из донского казачества. Однако факт, что семье самозванца, как и многим другим донцам, приходилось обрабатывать земельный участок, свидетельствует о том, как переменилась жизнь казачества по сравнению с разинскими временами, когда казаки почти не занимались земледелием, а источниками их существования были государево жалованье (в том числе хлебное), рыболовство, охота, скотоводство и торговля. Кроме того, важной статьёй пополнения казачьего бюджета являлись «походы за зипунами» — так сами донцы называли свои набеги на территории Крымского ханства, Турции и Персии, а также грабежи судов, плававших по Волге. Бывало, подобные набеги осуществлялись казаками вопреки запретам российского правительства. Однако донцы, пользовавшиеся в Московском государстве широкой

автономией, зачастую в грош не ставили эти запреты. Будучи людьми вольными, казаки принимали к себе беглых помещичьих крестьян, стрельцов, посадских людей и многих других, кто желал свободной жизни. Среди этих беглецов встречался и уголовный элемент. Однако на требования московского правительства выдать тех или иных «утеклецов» донцы неизменно отвечали: «С Дона выдачи нет». К вышесказанному можно добавить, что донцами в Москве ведал Посольский приказ, отвечавший за сношения с иностранными державами, да и «честь» их посольствам («станциям») в Москве оказывали такую же, «как чужеземским нарочитым людям»^{41}. Вот в какой обстановке вырос Стенька Разин^{42}.

Совсем в иное время жил Емельян Пугачев. У казаков уже не было прежних вольностей. Донцы теперь не выбирали войсковых атаманов — их назначало правительство. Казаки уже не могли, как прежде, ответить: «С Дона выдачи нет». Центральная власть контролировала внутреннюю жизнь некогда своевольных людей. О «походах за зипунами» Пугачев мог знать разве что из рассказов глубоких стариков да из песен и преданий. На войну казаки ходили теперь вместе с регулярными российскими войсками и только по приказанию Военной коллегии, в ведении которой они теперь состояли. Да еще им приходилось пахать землю подобно «мужикам». Конечно, из всего этого не следует, что жизнь простого донского казака стала отчасти похожа на жизнь солдата или крепостного. Достаточно сказать, что казак даже в это время пользовался несравненно большей личной свободой. Тем не менее нужно помнить, что два самых знаменитых бунтовщика, Разин и Пугачев, хотя и были донцами, всё же родились в совершенно разные эпохи, а потому и свою мятежную «карьеру» Пугачев был вынужден выстраивать иначе, чем его предшественник^{43}.

Женитьба, служба и... прусский король

«На осмнатцатом году своего возраста», то есть примерно в 1759-м, Емельян был «написан в казаки», заняв место отца, который «пошел тогда в отставку»^{44}. А уже в следующем году Пугачев женился на казачке станицы Есауловской Софье Недюжевой, которая была младше супруга примерно на два года^{45}. Во время следствия над самозванцем в ноябре 1774 года главнокомандующий в Москве Михаил Никитич Волконский в письме Екатерине II дал казачке следующую характеристику: «Жена его

человек самой подлой и, видно, тихой». (Волконский имел в виду ее низкое социальное происхождение и, вероятно, невежественность, а не моральные качества. Впрочем, по его мнению, низкое социальное происхождение само по себе означало, что человек «скверен». По крайней мере, о Пугачеве он писал, что тот «скверен так, как мужику быть простому свойственно»^{46}.) О Софье, пожалуй, можно добавить только то, что ее родителей звали Аксинья и Дмитрий (отец умер, когда она была маленькой) и у нее были две сестры и брат^{47}.

Молодожены прожили всего неделю, когда новоиспеченному супругу было приказано отправляться на войну. Тогда Россия в качестве союзницы Австрии участвовала в Семилетней войне (1756–1763) против Пруссии. Пугачев состоял «в пятисотной каманде» «с протчими своею братьею, рядовыми ж как и он, Емелька, казаками», а возглавляли ее полковник Илья Денисов и есаул Роман Пименов, пугачевский земляк. Отряд прибыл в Польшу, где был включен в состав корпуса, которым командовал граф Захар Григорьевич Чернышев^{48}.

Много лет спустя бывшие соратники окажутся противниками: Чернышев в качестве президента Военной коллегии будет руководить организацией военных операций против пугачевцев, Илья Денисов — сражаться против самозванца, а Роман Пименов вместе с атаманом и стариками Зимовейской 5 января 1775 года подпишет приговор о переносе станицы на новое место и переименовании ее в Потемкинскую, чтобы навсегда истребить память о Пугачеве^{49}. Забегая вперед скажем, Пугачеву во время бунта придется противостоять и другим своим бывшим командирам, например генералу Петру Никитичу Кречетникову или Петру Ивановичу Панину.

Пока же Пугачев вместе с другими казаками участвовал в боях с пруссаками и состоял при Денисове в должности ординарца. Как вспоминал на следствии сам Пугачев, полковник взял его к себе «за отличную проворность». Правда, однажды проворности ему всё же не хватило. По всей видимости, в польском городе Коронове, по воспоминаниям Пугачева, «...напали на передовую казачью партию пруссаки и, хотя урону большаго не было, однакож, учинили великую тревогу. А как тут были в ведомстве у меня полковника Денисова лошади, то в торопости от пруссаков, не знаю как, упустил одну лошадь, за которую мою неосторожность объявленной Денисов наказал меня нещадно плетью»^{50}. Обычно этому эпизоду исследователи придают большое значение. Например, советский историк В. В. Мавродин заметил: «Так

Пугачев впервые познакомился с той жестокостью и бесчеловечностью, которая составляла характерную черту крепостной России и царизма»^{51}. Выходит, что до того, живя на Дону, Пугачев не только не подвергался телесным наказаниям, но и слыхом о них не слыхивал, то есть в отличие от крепостной России казаками подобные наказания не практиковались. Однако эта версия несостоятельна хотя бы потому, что Пугачев был наказан за оплошность своим же казачьим полковником.

В советской литературе высказывалось также мнение, что «эта жестокость и несправедливость запали в душу горячего и вольнолюбивого казака»^{52}. Солидаризуясь с ним, современный историк В. Я. Мауль делает важное добавление: «Произошло столкновение двух установок — представлений Пугачева о самом себе, его ожиданий, честолюбивых помыслов с суровой реальностью, мало совпадавшей с высокой самооценкой. Не будь ее, возможно, побои... не произвели бы большого впечатления на Пугачева...»^{53} Пугачевская самооценка, в чем мы неоднократно убедимся по ходу книги, и впрямь была высока, а значит, это наказание действительно могло запасть в душу будущего самозванца. В пользу этого предположения можно трактовать и тот факт, что во время следствия в сентябре 1774 года Пугачев совершенно добровольно решил припомнить этот эпизод. Впрочем, зачем бы честолюбцу понадобилось без всякой необходимости и надежды на сочувствие рассказывать об этом унижении следователю, явно настроенному к нему враждебно? Скорее всего, у признания самозванца была другая причина: он опасался, что при осмотре увидят на его теле следы от побоев и будут задавать вопросы об их происхождении, как это уже было во время допроса в Казани в январе 1773 года^{54}.

В отличие от начальства неприятель никакого урона Пугачеву не причинил^{55}. Правда, война для него продолжалась сравнительно недолго. 25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна. Престол занял ее племянник Петр Федорович, чьим кумиром был прусский король Фридрих II. Смена фигуры на российском престоле повлекла за собой перемены во внешней политике: практически побежденный прусский монарх из врага неожиданно превратился в союзника. Договор о мире и союзе между двумя самодержцами был заключен 24 апреля (5 мая) 1762 года. Результатом стало выдвижение корпуса Чернышева в Пруссию на помощь Фридриху. По воспоминаниям самозванца, «на другой день по переходе» через реку Одер «сам его величество» осматривал Русский корпус^{56}. Таким образом, Пугачеву довелось собственными глазами

видеть Фридриха Великого. Надо отметить, что это был единственный монарх, которого когда-либо лицезрел Пугачев. Однако какое впечатление произвел на будущего самозванца настоящий король, неизвестно, как и то, припоминал ли Пугачев впоследствии, играя роль самодержца, манеры, походку и внешность Фридриха.

В Пруссии корпус Чернышева пробыл недолго и уже в сентябре того же года вернулся в Россию. На обратном пути, между прочим, стало известно, что в результате переворота 28 июня 1762 года на престол взошла Екатерина II. Разумеется, государыня и слыхом не слыхивала о донском казаке Емельке Пугачеве и не представляла, сколько беспокойства принесет он ей в будущем. Впрочем, и сам Пугачев, по его собственному признанию, тогда даже не помышлял назваться именем ее свергнутого супруга, а вместе с товарищами-казаками присягнул новой императрице^{57}.

После Прусской кампании Пугачев около пяти лет жил дома, хотя сам он и его жена показывали на следствии, что после возвращения с войны он провел в станице «четыре года», «года с четыре», «года с полтора»^{58}. В его личной жизни произошли важные события. Скорее всего, именно в этот временной отрезок умер его отец. Но примерно в 1764 году произошло и прибавление в семействе — родился первенец, названный Трофимом. Помимо Трофима у Пугачева были и другие дети, из которых выжили дочери Аграфена и Христина^{59}.

В 1767 году Пугачев был зачислен в донскую казачью команду есаула Елисея Яковлева, которая входила в состав корпуса Кречетникова, посланного на Правобережную Украину, входившую тогда в состав Речи Посполитой. «Служба наша, — вспоминал Пугачев, — в то время состояла: выгонять из Польши российских беглецов, кои жили тамо в разных раскольничьих (старообрядческих. — *Е. Т.*) слободах. А как таковых множество собрано было, то генерал Кречетников отправил нас, донских казаков, при афицерах в город Чернигов, где беглецы и отданы были в ведомство тамошнему коменданту»^{60}.

Выполнив это задание, казаки возвратились на Дон. В течение следующих полутора лет, по воспоминаниям самозванца, он «посылыван бывал в разные партии (то есть для выполнения различных заданий. — *Е. Т.*), но не более бывал в тех партиях, где месяц, где два, и потом возвращался паки в дом свой»^{61}.

Однако началась Русско-турецкая война (1768–1774), а потому «камандирован он, Емелька», в казачий полк Ефима Кутейникова, причем, по некоторым данным, не рядовым казаком, а хорунжим, то есть имел

младший казацкий офицерский чин. Впрочем, возможно, Пугачев получил его уже во время самой Турецкой кампании. В любом случае его присвоение означает, что Пугачев исправно нес казачью службу и был на хорошем счету у начальства, ибо «в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым»^{62}.

К сожалению, мы не знаем подробностей фронтовой жизни будущего «царя» во время Русско-турецкой войны. Нам известны лишь, что называется, голые факты — например, что Пугачев принимал участие в кампаниях 1769–1770 годов, в том числе в осаде и штурме турецкой крепости Бендеры на правом берегу Днестра. 16 (27) сентября 1770 года русские войска под предводительством П. И. Панина взяли Бендеры, после чего полк Кутейникова был отправлен «на зимовья квартиры» в селе Голая Каменка близ Елисаветграда. Здесь Пугачев серьезно заболел — по его собственному рассказу, «гнили у него грудь и ноги». В. Я. Мауль предположил, что у Пугачева, возможно, был гидраденит или эктима — гнойничковая болезнь кожи^{63}. В январе 1771 года он вместе с казачьим отрядом, направлявшимся на Дон за лошадьми, вернулся домой^{64}.

Однако там «болезнь не умалилась, а умножилась», а потому, когда кончилось время отпуска, он остался дома, а вместо себя нанял казака Глазуновской станицы Михайлу Бирюкова, отдав тому, по собственным словам, «две лошади с седлами, саблю, бурку, зипун синей, харч всякой и денег двенадцать Рублев»^{65}. Возможно, Емельян Иванович немного прихвастнул по поводу тех богатств, которыми расплатился с Бирюковым, однако сам факт, что он нанял казака, подтверждается другими источниками^{66}. Таким образом, к тому времени Пугачев уж точно не был неимущим. Это и неудивительно, ведь он участвовал уже не в одной военной боевой кампании, а казаку, тем более такому проворному, как Пугачев, на войне всегда есть чем поживиться. В том, что Емельян возвратился с турецкой войны не с пустыми руками, нам еще предстоит убедиться.

Голштинский родственник и прочие неприятности

Итак, Пугачев отправил в полк нанятого казака, а сам остался в Зимовейской. Однако «старые казаки, приходя его навещать в болезни, советовали ему, Емельке, проситься в отставку и ехать в Черкас[с]к». Так он и поступил: выпросил у станичного атамана Трофима Фомина

«пашпорт» и отправился на лодке в столицу Войска Донского^{67}. Прибыв в Черкасск в первой половине июля 1771 года, Пугачев остановился у матери сослуживца по Турецкой кампании вдовы Скоробогатой. В тот же день он явился в войсковую канцелярию, где получил разъяснение: «для излечения ран» он должен лечь в лазарет, и только в том случае, если лечение не поможет, он получит отставку. Пугачев отвечал войсковому начальству: «Нет, я в лазарет не пойду, а лутче стану на своем коште (за свой счет. — Е. Т.) лечитца». Впоследствии он вспоминал: «...я не пошел в лазарет, боясь того, чтоб больше болезнь моя не умножилась»^{68}.

Вернувшись «в квартиру показанной Скоробогатой», Пугачев рассказал ей о том, что ему посоветовали в канцелярии. Вдова тоже не доверяла казенной медицине, а потому считала, что в лазарете ему делать нечего.

— Нет, Пугачев, — говорила баба, — не ходи в лекарство, вить оно очень трудно, покажи-ка мне ноги-та.

Осмотрев его болячки, она дала совет:

— Лечись ты из убитых баранов лехким и прикладывай то лехкое к ранам, то тебе лехче будет.

Емельян воспользовался ее рецептом: «покупая лехкое, три дни к ногам прикладывал». И если довериться его показаниям, от этих процедур «стало ему несколько лехче»^{69}.

Пройдя этот своеобразный курс лечения, Пугачев решил навестить свою сестру Федосью. Она была замужем за Симоном Павловым, тоже казаком станицы Зимовейской, но в начале Русско-турецкой войны его «перевели на вечное житье в Таганрок». Туда Емельян и направился в середине июля 1771 года верхом на лошади, которую арендовал у той же Скоробогатой «за два пуда пшена и за два ж пуда муки»^{70}.

Судьба пугачевского зятя столь причудлива, что о ней нужно сказать хотя бы несколько слов. Если донской казак Пугачев выдавал себя за бывшего голштинского герцога, российского императора Петра III, то Симон Павлов, уроженец Шлезвиг-Гольштейна, напротив, превратился в донского казака. В 1762 году во время Семилетней войны он ребенком стал добычей казака Никиты Павлова, который привез маленького немца в Зимовейскую. От Никиты Павлова мальчик получил отчество и прозвище. В станице Симон вырос, вступил в казачью службу и женился на сестре Пугачева^{71}.

Емельян пробыл у родственников две или три недели. В это время «между многих разговоров» Симон жаловался Пугачеву на жизнь в

Таганроге:

— Нас хотят обучать ныне по-гусарски и всяким регулярным военным подвигам. У нас много уже и переменено: старшин у нас уже нет, а названы вместо оных ротмистры.

Пугачев не одобрил этих нововведений:

— Не годится, чтоб переменять устав казачьей службы, и надобно о сем просить, чтоб оставить казаков на таком основании, как деды и отцы войска Донскаго служили.

Не нравилось Симону и то, что вблизи Таганрога «лесу нет и ездют за лесом недели по две». От такой жизни хотелось, и не только ему, бежать куда-нибудь из ненавистного города «туда, куда наши глаза глядеть будут»^{72}. И это были не просто слова — Симон с товарищами действительно совершит побег из Таганрога.

На разных этапах следствия Пугачев по-разному рассказывал о своей роли в этом предприятии. Например, на допросе в Яицком городке 16 сентября 1774 года он показал, что промолчал, услышав о желании зятя покинуть Таганрог. Создается впечатление, что, будучи в доме Симона, Емельян не вел с ним никаких разговоров по поводу побега. По словам Пугачева, лишь на обратном пути домой «от города Черкаска верст сорок» его догнал зять с двумя казаками «и сказывал, что они бежали для того, что не хотят служить под новым обрядом службы». На это Пугачев якобы сказал ему:

— Что вы его вздумали, беду и с мною делаете, ниравно будет погоня, так — по поимке — и меня свяжут, в тех мыслях, якобы вас подговорил, а я в том безвинно отвечать принужден буду.

— Что ты ни говори, — отвечали Симон с товарищами, — мы назад не поедем, а поедем туда, куда Бог наразумит.

И только тогда, не сумев уговорить зятя и его товарищей вернуться, Пугачев согласился помочь им и даже посоветовал бежать им «на реку Терик», потому что «там-де много живут людей, рек и лесов довольно, и так прожить будет способно. А тамошня-де жители странноприимчивы и вас для житья примут»^{73}.

Возможно, так оно и было; однако то пассивное участие в побеге, которое приписывает себе Пугачев, все же вызывает сомнение. Дело в том, что во время следствия он частенько пытался переложить вину за свои действия на других; получалось, что если бы не злые люди, он не стал бы самозванцем и вообще не совершил бы в жизни ничего противозаконного. Таким образом, большего доверия заслуживают другие его показания,

данные в Москве 4—14 ноября 1774 года, в которых он отводил себе в этом побеге более значимую роль.

Прежде всего, из этих показаний явствует: уже во время пребывания Пугачева у сестры Симон рассказал шурина, что «уже согласился» с несколькими товарищами бежать из Таганрога. В данном случае Пугачев не стал утверждать, что в ответ промолчал или стал отговаривать зятя от побега, а признался, что обсуждал с ним, куда лучше отправиться, и посоветовал, «коли уж бежать, так бежать на Терек», где можно будет обосноваться вместе с семьей. Из показаний самозванца понятно, что сам он решил составить беглецам компанию. Пугачев с зятем составили план побега: сначала в путь должны были отправиться Емельян с сестрой и маленькой племянницей Прасковьей; Симон же «с показанными товарищами своими, тремя человеки», поедет за ними «спустя неделю-другую», поскольку, если он «скоро за женою побежит, то ротмистр догадаетца, что и жена бежала с ним вместе», «пошлет в погоню, и их тотчас схватают». А тогда, справедливо полагал Пугачев, «и ему достанетца так, как подговорщику».

Итак, всё решено. Федосья «выпросилась у ротмистра как бы для свидания с матерью» и, получив «билет» — письменное разрешение на поездку, могла свободно покинуть Таганрог с братом и дочерью. Где-то в конце июля или начале августа 1771 года они на двух лошадях отправились в путь.

Они находились в дороге «дней с пять», когда их нагнал зять с товарищами.

Емельян был сильно встревожен:

— Што вы это наделали? Вить тово и смотри, что нас поймают! Вить я говорил, чтоб помешкать недели две. Погубили вы и меня, и себя.

Однако возвращаться было уже поздно, а потому решили продолжить путь всемером^{74}.

Спустя некоторое время беглецы прибыли в Зимовейскую. Вполне резонно предположить, что заехать на «малую родину» Пугачевых их заставило желание пополнить припасы на дорогу. Кроме того, было решено оставить маленькую Прасковью у Никиты Павлова, того самого казака, который в свое время привез на Дон Симона и опекал его (кстати, в семье Никиты уже жила другая дочь Симона и Федосьи)^{75}. Наконец, наверное, беглецам хотелось повидать родных, прежде чем пускаться в путь на Терек.

На большом московском допросе в ноябре 1774 года Пугачев вспоминал, что, приехав домой, он сказал матери:

— Вот, матушка, знаешь ли, вить зять-та хочет и з женою бежать на Терек, да и меня зовут с собою.

Мать и жена, услыша эти вести, стали плакать. Тогда Пугачев их утешил:

— Нет, матушка, не бось, я только их провожу чрез Дон, а сам никуда не поеду.

Женщины уговаривали его не делать и этого, ибо «будет и ему беда». Пугачев уже поддался было на их уговоры, но в конце концов всё же решил помочь зятю переправиться через Дон. Делать это надо было побыстрее, потому что их в любое время могли хватиться, тем более что один из товарищей Симона, передумав, вернулся в Таганрог, а значит, мог указать властям местонахождение беглецов^{76}.

Пугачев перевез на своей лодке сестру, зятя и двух его товарищей «на Нагайскую сторону», где разошелся с ними. Правда, есть две сильно различающиеся версии его расставания с зятем. На допросе в Яицком городке он рассказывал, что простился с Симоном вполне дружелюбно, а вот на большом московском допросе сообщил уже совсем иное: «...высадя всех их на берег, сам с лоткою от берегу отвалил. Зять, увидя, что он с ними на берегу не остался и их оставил, кинулся, обнажа саблю, в воду и хотел ево, Емельку, срубить, но однакож он уехал». Самозванец так объяснял причину этого гнева: «Оной зять гнался за ним с серцов, потому что он ево обманул, ибо, как оне вознамеривались бежать на Терек, то он, Емелька, обнадеживал зятя, что и он с ними туда поедит»^{77}.

Однако не так уж важно, как на самом деле Симон расстался с Емельяном; гораздо важнее, что они с Федосьей так и не добрались до терских казаков. По словам Пугачева, его зять просто не нашел дороги на Терек, а потому решил вернуться в Зимовейскую. Здесь «на станичном сборе» он рассказал, что Емельян перевез их через Дон и сам хотел с ними бежать. Более того, Павлов обвинил шурина в том, что именно он подговорил их бежать из Таганрога. Нелишним будет заметить, что неприятности у Емельяна начались еще до возвращения зятя и сестры, когда станичный атаман увидел у него лошадь, по всей видимости, принадлежавшую одному из беглецов, Василию Кусачкину, и стал о ней расспрашивать^{78}. Новые обвинения не сулили Пугачеву ничего хорошего, поскольку «всем казакам под казнию объявлено, чтоб за реку беглецов не перевозить и самим не бегать», а потому, не дожидаясь ареста, он решил скрыться^{79}.

«Шатался» Емельян «по степям две недели», «а как стала ему скушно,

да и хлеб, который взял с собою, весь съел», то возвратился домой. Дома жена рассказала ему, что зятя и мать арестовали и отправили в Черкасск {80}. Услышав эту новость, Пугачев и сам решил отправиться в столицу Войска Донского. Его план заключался в следующем: приехать в Черкасск раньше, чем туда привезут зятя и мать, и прийти в войсковую канцелярию, чтобы там подумали, «будто он — человек правой», раз «сам явился» к начальству. Поначалу всё шло так, как он намечал. Пугачев приехал в Черкасск раньше своих родственников.

— Я слышу, — заявил он войсковому дьяку Карпу Колпакову, — што про меня говорят, будто я бежал, а я не бегал.

Для убедительности Емельян показал ему «пашпорт станишной» — тот же самый, который предьявлял в канцелярии в июле, когда приезжал в Черкасск проситься в отставку.

Дьяк посмотрел документ:

— Кой же чорт пишут, что ты бежал, а у тебя пашпорт!

С этими словами Колпаков отпустил Пугачева {81}.

Однако на следующий день в город доставили его родственников, а так как Симон опять повторил, что шурин «ево провожал и с ним бежать хотел, то и велели ево, Емельку, в Черкас[с]ке искать». Услышав об этом, Пугачев спешно вернулся в Зимовейскую, где на следующий же день по приезде был арестован станичными властями. Причем, если верить самому Емельяну, донес о нем станичным властям другой его зять, Федор Брыкалин. «...как он домой приехал, — вспоминал самозванец, — то пришла к нему повидатца сестра ево родная Ульяна... а повидавшись с ним, пошед домой, сказала мужу своему, а муж объявил в станишной избе» {82}.

Но прежде чем продолжить рассказ о дальнейших приключениях нашего героя, добавим пару слов о судьбе его родственников, оставшихся под арестом в Черкасске. Можно предположить, что Симон получил какое-то наказание, однако едва ли тяжкое, поскольку в феврале 1774 года уже вновь обретался с женой в Таганроге и продолжал нести казачью службу. А вот мать Пугачева Анна Михайловна, по всей видимости, умерла под арестом {83}.

Что же касается самого Емельяна, то он в тот раз под арестом пробыл недолго. «В станишной избе держался он только две ночи, а в третью ночь... оттуда бежал». Он несколько дней скрывался «в камышах в болоте». Однако «как есть ему было нечево», да и время было холодное (дело происходило в ноябре или декабре 1771 года), он решился вернуться домой.

Пугачев резонно рассудил, что там станичные власти искать его не станут, «потому что не могли старшины думать, чтоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме своем»^{84}.

У «сказочных» казаков

«В доме своем» Емельян прожил почти весь Филиппов (Рождественский) пост. Однако ближе к Рождеству (которое по старому стилю отмечается 25 декабря) засобирался в путь. «Приказав жене» приготовить на дорогу «харчу», он сообщил ей, что «поедит на Терек, и кали ево тамо примут, то он и за нею приедит»^{85}. Пугачев и впрямь отправился на Терек и в отличие от сестры и зятя добрался до тамошних казаков.

Интересно, что на допросах осенью — зимой 1774 года самозванец так ничего и не сказал о своем пребывании на Тереке (об этом периоде его жизни мы знаем по другим источникам). На большом московском допросе в ноябре 1774 года он сообщил, что действительно поехал на Терек, но из-за болезни, а также потому, что «стоскнулось ему по жене и детях», решил вернуться домой. При этом, правда, Пугачев поведал довольно-таки фантастическую историю, как по пути встретились ему некие беглые люди «из Сибири» (их имен он, разумеется, не знал, хотя провел с ними более двух недель), показавшие ему лисью нору, в которой находилось «множество» золота^{86}. Судя по всему, следователи не поверили сообщению о кладе, поскольку не предприняли ни малейшей попытки для его проверки. Да и сам Пугачев, кажется, не собирался настаивать на достоверности своего рассказа. Вполне понятно, зачем была нужна эта выдумка: поездка за «золотом» могла как минимум продлить его жизнь, а в лучшем случае дать еще одну возможность бежать. Не случайно он приписывал своим знакомым слова: «...здесь етово сокровища множество, да жаль-де, что всемилостивейшая государыня етово не знает»^{87}, — то есть подчеркивал государственную значимость клада. Повторимся: если сама эта выдумка понятна, то причина, по которой Пугачеву, виновному перед властями в стольких преступлениях, понадобилось скрывать свое пребывание на Тереке, остается загадкой.

В терской станице Ицорской Пугачев объявился в первой половине января 1772 года, а оттуда поехал в станицу Дубовскую к атаману Терского казачьего войска Павлу Татаринцеву, которому заявил, что на Терек прибыл

еще в прошлом 1771 году с Дона вместе со «сказочными казаками»^[2] и хочет быть записан в Терское Семейное войско^[3]. Просьба Пугачева была удовлетворена^{88}. Причем, как явствует из документов, Емельян собирался жить на Тереке с женой, правда, назвал ее не Софьей Дмитриевной, а Прасковьей Фоминичной^{89}. Не исключено, конечно, что Пугачев за такое короткое время успел подыскать себе на Тереке новую подругу. Однако более вероятным представляется, что по каким-то причинам он решил ввести в заблуждение казачьи власти, а потому переименовал свою Софью в Прасковью.

Во время недолгого пребывания на Тереке Пугачев успел пожить в трех станицах. Поначалу он был записан в Каргалинскую, потом определен в Дубовскую, откуда, наконец, с разрешения властей направился в Ищорскую. «Сказочные» казаки этой и некоторых других станиц были недовольны тем, что получали меньшее жалованье, чем коренные терцы. Прибыв в Ищорскую, Емельян принялся обсуждать проблемы новоселов, причем говорил, по всей видимости, настолько ярко и убедительно, что казаки трех станиц — Галюкаевской, Ищорской и Наурской — избрали его, человека на Тереке нового, своим войсковым атаманом и «просили его, Пугачева, чтобы он взял на себя ходатайство за них о испрошении им в Государственной Военной коллегии к произведению денежного жалованья и провианта против Терскаго Семейнаго войска казаков»^{90}.

Получив на дорогу от казаков «двадцать рублей денег», Пугачев отправился в Петербург. Но до столицы он так и не добрался — 8 февраля 1772 года, при выезде из Моздока, «за рогаткою»^[4], был схвачен местными казаками и «отдан под караул». Однако уже в ночь на 14 февраля арестант, отпросившись «для натуральной нужды на двор», в очередной раз бежал, да не один, а вместе с охранявшим его солдатом Венедиктом Лаптевым^{91}.

Скитания мнимые и настоящие

Куда подевался Лаптев, неизвестно, а вот Пугачев опять вернулся на родину, в Зимовейскую. Софья, встретив мужа, отвела детей к жене его старшего брата Дементия, который в это время был на войне, «для того, чтоб они о приходе ево домой не разболтались». Емельян стал ей рассказывать, что был на Тереке и что тамошние казаки хотят принять его к себе.

— А как у них теперь нет атамана, а я — человек честной, то оне меня

и атаманом выберут.

Жена, однако, не поверила Емельяну и только плакала. Он в сердцах присоветовал:

— Ну, ин, кали так, так поди и скажи про меня, што я пришол.

По словам Пугачева, Софья сообщила о его приходе «братниной жене», а та, в свою очередь, поставила в известность казаков, «кои тот час пришли и, взяв, отвели ево к атаману». Правда, из показаний самой Софьи получается, что не «братнина жена», а она сама донесла на мужа^[92].

На следующее утро Пугачев был отправлен в станицу Чирскую «в розыскную команду», которая занималась поиском и высылкой «беглых всякого звания людей»^[93]. В Чирской, если довериться пугачевским показаниям, возглавлявший розыскную команду Михаил Макаров, оставшись с ним наедине, предложил:

— Ну, Пугачев, дай мне сто рублей, так я напишу тебя в службу, чтоб ты вину свою заслужил, и в Черкасск тебя не пошлю.

На это Емельян ответил:

— У меня ста рублей нет, а пятьдесят рублей дам.

За недостающей суммой Пугачев под конвоем был препровожден к старшине Чирской станицы Карпу Денисову и по приходе обо всём ему рассказал.

— На, возьми и отнеси, — протянул ему деньги старшина. — Это хорошо, кали он тебя запишет в службу.

Когда вернувшийся Пугачев стал отдавать деньги Макарову, тот поинтересовался:

— Где ты деньги эти занял?

Емельян отвечал, что у Денисова.

— Нет, — сказал Макаров, — кали ты занел у него, то я у тебя их не возму. Он свой брат — полковник, так как он о этом сведает, что я с тебя взял, то он на меня донесет, и меня за это разжалуют.

Пугачев отнес деньги обратно, однако Денисов принял только «сорок рублей, а десять рублей дал ему, Емельке».

— На, тебе в Черкасском згодятца^[94].

В этот же день Пугачев под охраной четырех казаков был послан в войсковую столицу Черкасск. Имеются сведения, что по дороге его завезли в Зимовейскую^[95]. Последний раз в жизни он увидел родную станицу. Было это приблизительно в марте 1772 года.

Пугачев и его конвоиры были в пути уже «с неделю», когда приехали в станицу Цимлянскую. Здесь арестанта посадили «в станишную избу», куда

через некоторое время пришел повидать его тамошний казак Лукьян Иванович Худяков, его сослуживец по Семилетней войне.

— Я, сведав про тебя, што ты привезен сюда... ходил к атаману и выпросил тебя у него на свои руки, чтоб тебя отвести в Черкасск.

Худяков повел приятеля к себе домой, где затеял неожиданный разговор:

— О, Пугачев, жаль мне отца твоего хлеба-соли, погиб ты, а хочетца мне тебя спасти вот как: я пошлю с тобою своего сына и велю, отъехавши отсюда несколько, тебя отпустить.

Разумеется, Емельян не отказался от такого предложения, а потому на следующий день поутру отправился с Прокофием Худяковым в дорогу. Прокофий проехал с Пугачевым «верст со ста, а затем простился с ним» и вернулся обратно^[96].

Так излагал эту историю самозванец на большом московском допросе в ноябре 1774 года. На других допросах некоторые ее детали разнятся, но суть остается неизменной — именно Худяков подбил Пугачева на побег и сам его организовал^[97]. Однако исследователи этой версии не доверяют — уж больно сомнительно выглядит рассказ, в котором Пугачев вновь является жертвой чужих подговоров. Более достоверными представляются откровения самого Лукьяна Худякова, сделанные 2 декабря 1774 года на допросе в Москве. Тот показал, что Пугачев сам пришел к его куреню, жаловался на своего земляка Романа Пименова, который его «раззорил» и «пограбил», и «клялся Богом», что сам он ни в чем не виноват. Пугачев просил бывшего сослуживца взять его на поруки, посулив за это шесть рублей. Лукьян согласился, пошел в станичную избу и пообещал атаману, что «Пугачева в Черкасск отвезет за своею порукою», на что и получил разрешение. На следующий день Худяков отправил Пугачева в Черкасск верхом в сопровождении своего сына. Впоследствии Лукьян уверял дознавателей, что вопреки показаниям самозванца не давал сыну указания отпустить Пугачева, но, впрочем, не приказывал и караулить его, поскольку верил, что тот не убежит. На третий день Прокофий вернулся домой и рассказал отцу, что Пугачев бежал и «лошадь, на которой он ехал, увел». Поскольку Прокофий был «малолетком», то наказали Лукьяна — высекли плетью. Досталось и атаману, отдавшему Пугачева на поруки, — его на месяц посадили под караул на хлеб и воду^[98].

Однако побег, кто бы ни был его инициатором, был совершен. Беглец направился на реку Ковсуг («Койсуха», как называл ее сам Пугачев), «где поселены выгнанные ис Польши беглые раскольники». В слободе

Черниговке (Валуйский уезд Белгородской губернии) Емельян спросил у встречного мужика, «не найдется ли кто из оного селения отвести ево х каманде» полковника Краснощекова. Этот отряд направлялся на фронт. Пугачев назвал себя казаком краснощековской «команды», «чтоб не подумали о нем, что он — беглец». Мужик отвел Пугачева на двор крестьянина Ивана Каверина. Тот приказал своему пасынку Алексею проводить Пугачева в село Протопоповку, прельстившись обещанными за помощь тремя рублями с полтиной (этот конечный пункт путешествия и сумму назвал на допросе в Москве Иван Каверин, в показаниях же самозванца фигурируют село Царево и «два рубли»^{99}).

По дороге, когда путники «остановились в поле начевать и варили кашу», Емельян открылся своему проводнику, что едет «не для догнания Краснощокова». Якобы не ратные, а духовные подвиги звали его в путь:

— Мне хочитца пожить для Бога, да не знаю, где б сыскать таких богобоязливых людей.

На следствии Пугачев признавался, что говорил это, «зная... что оной Алексей — раскольник», а те, как ему было известно, «беглым дают пристанище и им вспомошествоуют»^{100}.

На счастье Емельяна, его провожатый знал такого «набожнова» человека. Им был некий Осип Иванович Коровка. Жил он относительно недалеко, в Кабаньей слободе (ныне село Краснореченское Луганской области Украины)^{101}.

На следующее утро они отправились в путь. Вечером, «по приезде на хутор» Коровки, Пугачев послал Алексея к хозяину разузнать, «пустит ли он» его к себе. Через некоторое время Алексей вернулся вместе с каким-то старым мужиком и указал тому на Пугачева:

— Вот, Осип Иванович, этот человек, которой желает пожить Бога ради.

Это и был тот самый Коровка. Пугачев, встав с телеги, обратился к нему:

— Пожалуй, Осип Иванович, прими меня к себе Бога ради.

— Милости прошу, поди, брате, за мной^{102}.

Разумеется, живя в доме у Коровки, Пугачев продолжал уверять хозяина в том, что он благочестивый старовер, который бежал с Дона «из усердия к Богу, потому што-де в службе никак Богу угодить невозможно». Осип Иванович рад был принять единовеца, правда, сетовал на то, что от беглых ему одни хлопоты. В разговорах он жаловался гостю, что «здесь нашей братье, староверам, жить нельзя», и рассказывал ему, как «страдал»

«за крест и бороду», был под следствием за неуплату двойной «раскольничьей» подушной подати^[5]. «Да, дай Бог здоровье милосливой государыне, — заканчивал свой рассказ Осип Иванович, — она дала свой о кресте-та и бороде указ, так меня освободили»^{103}.

Прожив некоторое время у Коровки, Пугачев снова засобирався в дорогу. Сначала он решил заехать в какую-то слободу, находившуюся за Кременчугом, где он, возвращаясь с фронта на Дон, оставил военную добычу — как он рассказывал Осипу Ивановичу, «много пожитки, серебра и платья». Затем Емельян намеревался отправиться в недавно завоеванные у турок Бендеры, где, по слухам, было разрешено селиться «всякому без разбору». Однако ему не удалось добраться даже до Кременчуга — помешали карантинные посты, выставленные по случаю чумы. Тем не менее, вернувшись в июне в Кабанью слободу, Пугачев сообщил Коровке, что слух про Бендеры оказался правдивым. Старик обрадовался, ибо и сам собирався там поселиться, а потому отрядил с Емельяном в Бендеры своего сына Антона «выправить указ», разрешавший жить в тех местах^{104}.

Итак, под чужим именем (неизвестно, пользовался ли он поддельным паспортом или паспортом Осипа Ивановича) Пугачев, получив от Коровки 50 рублей, вместе с его сыном отправился в путь. По прибытии в Кременчуг путники узнали, что слухи насчет Бендер оказались ложными. Что же касается пугачевских богатств, оставленных в местечке за Кременчугом у тамошнего жителя Усачова, то «оной... дал ему за всю ево пажить только дватцать рублей да два толковых кушака»^{105}.

Раз уж с Бендерами не повезло, было решено ехать в Польшу. Правда, селиться там навсегда в планы Пугачева не входило. По совету некоторых «раскольников», встреченных по пути, он намеревался пройти между форпостами в Польшу, пожить там некоторое время, а потом вернуться в Россию, сказавшись на границе «польским выходцем», то есть старообрядцем, родившимся в Польше. Пугачева уверяли, что таким «выходцам» на границе «дают билеты (паспорта. — *Е. Т.*) в те места, куда кто пожелает, на поселение», а там уже можно будет «жить целой век спокойно» (если верить пугачевским показаниям, данным в Яицком городке, впервые об этом он услышал еще от Коровки)^{106}. На сей раз это были не просто слухи. В связи со смягчением отношения властей к раскольникам вышедшим из Польши староверам разрешалось селиться по желанию при крепости Святой Елизаветы (город Елизавет-град), в Оренбургской губернии (в том числе на реке Иргизе), в Сибири (при Усть-Каменогорской крепости, в Барабинской степи) и некоторых других

местах^{107}. Таким образом, у Пугачева появился бы шанс начать новую жизнь.

На допросе в Москве 18 ноября 1774 года самозванец показал, что в местечке Крюково под Кременчугом они с Антоном «наняли того ж местечка жителей трех человек за шесть рублей, чтоб проводить за границу мимо заставы, кои их в Польшу в один день и проводили». Впрочем, он не был бы самим собой, если бы поведал только одну версию своего перехода через границу. Согласно его показаниям на другом допросе в Польшу их проводил раскольничий монах старец Василий^{108}.

Так или иначе, но в июне 1772 года Емельян и Антон перешли польскую границу. В Польше с ними произошла неприятная история: их арестовал русский офицер (он находился в Польше в составе российской армии, введенной туда при первом разделе Речи Посполитой), отнял лошадей и деньги. Однако приключение всё же закончилось для путников благополучно: офицер, «подержав» их «двои сутки, отпустил». Затем они уже без всяких приключений добрались до «раскольничьей» слободы Ветка (ныне город Гомельской области Белоруссии). У Антона здесь были свои дела, а потому он задержался в слободе. Пугачев же, прожив там недолго, отправился обратно в Россию и через некоторое время вышел на Добрянский форпост (ныне поселок Добрянка Черниговской области Украины на границе с Белоруссией)^{109}.

Там увидел Емельян множество беглых русских, которые, как и он, хотели перейти на легальное положение. Эти люди уже были опрошены тамошним комендантом и выдерживались в противочумном карантине, а потому Пугачев решил получить у них консультацию:

— Как, братцы, здесь являютца на фарпост?

— Ты, как придешь х камандиру, — давали ему советы, — и он тебя спросит, откуда ты и што за человек, так ты скажи: «Я родился в Польше, а желаю итти в Россию», — так больше тебя и не станут спрашивать, а кали ты скажешься чьем из России, то делают из этова привлеки^{110}.

Пугачев последовал полученным рекомендациям, и всё сошло благополучно. Расспросив Емельяна, комендант «послал его в карантин», где лекарь осмотрел его и вынес вердикт:

— Ты здоров, но надобно тебе высидеть в карантине шесть недель.

От лекаря Пугачева отправили «в карантинной дом, где он был трои сутки безвыходно». Кстати, именно там Емельян познакомился с беглым солдатом Алексеем Логачевым, которого впоследствии называл одним из главных виновников своего самозванства. Новый товарищ нашего героя

был уроженцем Курска. Примерно в 1770 году его забрали в рекруты и определили в Первый гренадерский полк, дислоцировавшийся в Киеве. Затем Алексей бежал в Польшу и в конце концов также объявился на Добрянском форпосте^{111}.

Через три дня Пугачева и Логачева «стали выпускать из «карантинного дома», чтобы они могли заработать себе на жизнь (они строили то ли сарай, то ли баню). А по окончании шестинедельного карантина, 12 августа 1772 года, Емельян и Алексей опять пришли к коменданту «и объявили желание свое иттить поселитца на Иргис в дворцовую Малыковскую волость» (ныне город Вольск Саратовской области). Как вспоминал сам Пугачев, он остановил свой выбор на Малыковке, потому что «езде сказывали, что сие место к поселению для такого сорта людей, какого я, способно»^{112}.

Приятель получил паспорта, позволявшие им беспрепятственно добраться до нового места жительства. К счастью для историков, паспорт Пугачева сохранился:

«По указу ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской и прочая и прочая и прочая.

Объявитель сего, вышедшей ис Польши и явившейся собою при Добрянском фарпосте веры раскольнической Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию ево для житья определен в Казанскую губернию, в Синбирскую правинцию, к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободной пропуск, обид, налог и притеснения не чинить, и давать квартиры по указам. А по прибытии ему явитца с сим пашпортом в Казанской губернии в Синбирской правинциальной канцелярии, також следуючи и в протчих правинциальных и городских канцеляриях являтца; празно ж оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной ево нужды.

Оной же Пугачев при Добрянском фарпосте указанной карантин выдержал, в котором находился здоров и от опасной болезни, по свидетельству лекарскому, явился несумнителен.

А приметамы оной: волосы на голове темнорусые, ус и борода черныя с сединою, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой сиски две ямки, росту дву аршин четырех вершков с половиною, от роду сорок лет (на самом деле тридцать. — *Е. Т.*). При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеетца.

Во верность чего дан сей от главнаго Добрянского фарпостнаго правления за подписанием руки и с приложением печати моей в благополучном месте 1772 году

августа 12 дня.

Майор Мельников.

Пограничный лекарь Андрей Томашевской.

При исправлении письменных дел
каптенармус Никифор Баранов»^{113}.

Однако прежде чем покинуть Добрянку, Пугачев и Логачев навестили купца Петра Кожевникова — тот «нашивал в карантин милостыню». Потому и сейчас путники рассчитывали получить от него припасы на дорогу. Кожевников «дал им целой хлеб» и поинтересовался, куда они держат путь, а узнав, что на Иргиз, попросил:

— Кланяйтесь отцу Филарету, меня на Иргисе все знают^{114}.

Впоследствии, будучи привлечен по делу Пугачева, Кожевников наверняка не раз пожалел об этой мимолетной встрече, тем более что самозванец и ему отвел немаловажную роль в своем предприятии.

По дороге к новому месту жительства Пугачев решил посетить своих старых знакомых. Сперва они с Логачевым намеревались зайти в Черниговку к Кавериным. Как вспоминал на следствии Логачев, его спутник, подходя к Черниговке, вдруг обратился к нему с предложением:

— Как мы придем в эту слободу, то ты потакай по мне. Я скажу, што я — человек богатой и у меня много оставлено денег и тавару на границе.

Логачев согласился. И когда в каверинском доме Емельян рассказывал, что он побывал в Царьграде и Египте, что на границе ждет его множество товаров, Алексей поддакивал товарищу^{115}. (Как мы увидим далее, это вранье помогло Пугачеву пожить за счет некоторых доверчивых людей.)

Гости предъявили Алексею Каверину свои паспорта, и тому «пашпорты показали», то есть понравились. Он велел своему знакомому по имени Василий, находившемуся у него в доме, написать «такой же пашпорт» на его имя. Пугачев же попросил этого человека сделать подобные документы для Коровки и его родственников, которые и отдал старику при встрече. По всей видимости, ему вспомнились разговоры с Осипом Ивановичем, который был не прочь вместе с ним уйти в Бендеры, чтобы начать там другую, вольготную жизнь. На следующее утро, оставив Логачева в каверинском доме, Пугачев и Алексей Каверин поехали в Кабанью слободу. Коровка попенял Пугачеву за длительное отсутствие, а потом спросил, где его сын. Пугачев, памятуя о том, что и в первый приезд к Коровке, и в доме Кавериных он рассказывал о своих несметных богатствах, видимо, решил и далее врать в том же духе — заверил Осипа

Ивановича, что оставил Антона в Ветке: «наняв ему лавку, посадил торговать серебром»^{116}.

Зашел у них разговор и о староверческих поселениях на Иргизе, куда направлялся Емельян. Пугачев предложил: если «на Иргизе жить худо будет, то можно оттуда уехать на Кубань, куда ушли некрасовцы». Подобные же разговоры, по его собственному признанию, он вел и в доме Каверина; по сообщению Логачева, он заговаривал об этом и по дороге на Иргиз^{117}. Некрасовцы — это донские казаки (по всей видимости, преимущественно старообрядцы) во главе с атаманом Игнатом Некрасовым, которые в 1708 году во время подавления Булавинского восстания ушли на Кубань под защиту крымского хана и турецкого султана. Причем, по всей видимости, под «бусурманским» владычеством некрасовцы жили неплохо^{118}. Слухи об этом, скорее всего, доходили и до Пугачева, раз он завел разговор об уходе на Кубань. Заметим, что эти речи впоследствии сыграют весьма важную роль в судьбе Пугачева и не только его.

На следующий день, получив на дорогу от Коровки «пять Рублев», Пугачев с Кавериным вернулись в Черниговку, откуда через некоторое время, уже с Логачевым, Емельян направился на Иргиз. Покидая Черниговку, путники в придачу к своей лошади наняли еще одну у местного жителя Алексея Родионова — до села Казанки, где ее надлежало возвратить хозяину, который для этого поехал вместе с ними. На следствии Иван Каверин рассказывал, что Родионов вернулся в Черниговку в тот же день и рассказал ему, его пасынку, а также местному сотскому: «...онный Емелька и Логачев, отъехав от их слободы верст тридцать, с телеги его, Родионова, столкнули и лошадь у него увели». Из слободы была выслана погоня, однако похитители лошади ушли уже далеко и догнать их не удалось^{119}.

Через несколько дней, по словам всё того же Ивана Каверина, к нему домой приехал Осип Коровка, отправившийся на поиски сына, поскольку не поверил пугачевским рассказам.

— Вот с твоим пасынком, — начал Коровка, — приезжал ко мне казак Емелька Иванов Пугачев. Да видно, что он недоброй человек.

Осип Иванович рассказал, что Емелька обещал привезти указы о поселении под Бендерами, но «только выманил у него денег пятьдесят рублей», а теперь вот и сына «незнаемо куда запропастил».

— Он прямо недоброй человек, — согласился Иван, — ибо он и у здешняго жителя лошадь отнял.

Затем Коровка вместе с Алексеем Кавериным поехал искать Антона, который и был ими найден на Добрянском форпосте^{120}.

Емельян же с Логачевым по дороге на Иргиз побывали на Дону у казаков Степана Вершинина и Андрея Кузнецова, с которыми познакомились случайно в поисках ночлега. В гостях у Вершинина, а затем и у Кузнецова Пугачев опять выдавал себя за богатого купца, уверял собеседников, что жил «в Цареграде двенадцать лет и тамо построил русской монастырь», а кроме того, выкупал русских полоняников «и на Русь отпускал». «Купец» также поведал казакам дивную историю о том, как он «ехал морем» и «занесло» его «во Египет». Там ему «принесли 3 вязанки соболей», из которых две он продал, «а третью к государыне во дворец отдал, и меня де государыня за это жаловала». Да и ныне у него много товара, который на границе «лежит запечатан». Возможно, Емельян и здесь говорил о своем намерении отправиться на Кубань, если ему не понравится житье на Иргизе^{121}. На одном из допросов Андрей Кузнецов показал, что свою нынешнюю бедность Пугачев объяснял тем, что его ограбили разбойники^{122}.

Покидая кузнецовский дом, Емельян обменял свою «худую кобыленку» на «хорошую» хозяйскую лошадь. Если верить показаниям Кузнецова, то на этот обмен он согласился, ибо Пугачев «клялся ему распятием Христовым», что приведет лошадь обратно, когда поедет с Иргиза за товаром. К тому же «купец» обещал построить на Иргизе «раскольничий» монастырь, а это не могло не понравиться старOVERу Кузнецову^{123}.

С Дона приятели отправились на Камышенку, а оттуда в Саратов. Там их арестовали, но, выяснив, что они «польские выходцы», отпустили. Покинув Саратов, они уже без всяких приключений примерно в начале ноября 1772 года добрались до Малыковской слободы. Напомню, именно в Малыковской волости на реке Иргиз и собирались поселиться Пугачев и Логачев, а потому и явились со своими «пашпортами» к местному управителю. По словам самозванца, управитель намеревался направить их «в симбирскую провинциальную канцелярию для записки в назначенное место». Однако им удалось добиться отсрочки и, воспользовавшись ей, посетить настоятеля «раскольничьего» скита близ Мечетной слободы (ныне город Пугачев Саратовской области) отца Филарета Семенова, того самого, которому передавал поклон Добрянский купец Кожевников^{124}.

О чем говорили Пугачев с Филаретом? Надопросе в Казани 8 февраля 1774 года последний уверял следователей, что приехавший к нему человек

показал паспорт и «изыскивал место, где б ему удобнее было поселиться». Логачев, в свою очередь, на следствии заявил, что поскольку он сам не был старообрядцем, Филарет и Пугачев его за стол с собой не сажали, да и вообще большую часть времени он находился «в кибитке» (крытой телеге, на которой они приехали), а потому никаких разговоров не слышал. Что же касается самого Пугачева, то он на допросах по-разному рассказывал о своем общении с Филаретом. Не исключено, что именно у Филарета Пугачев впервые заговорил о своем намерении увести яицких казаков на Кубань^{125}.

Пробыв у Филарета дня три, Пугачев и Логачев вместе с ним возвратились в Малыковку. По всей видимости, здесь приятели расстались. Как вспоминал на следствии Логачев, Емельян сказал ему:

— Алексей, пойдя ты таперь, куда хочешь. А я стану здесь стоять с отцом Филаретом.

После этого Логачев, «не имев никакого пропитания», пошел в солдаты вместо одного крестьянина и был направлен на службу в Симбирский гарнизон^{126}. Получилось, что он вернулся к той же солдатской службе, от которой ранее бежал.

Но зачем в Малыковку поехал Филарет? Если верить показаниям Пугачева (Филарет на допросах вообще умолчал об этой поездке), раскольничий настоятель надеялся упротить малыковского управителя еще какое-то время не отправлять Емельяна в Симбирск. Отсрочка была получена, причем, по словам Пугачева, она стоила ему пуд меда, специально приобретенный в селе Терса недалеко от Малыковки для подкупа чиновника. Уже на следующий день после возвращения в скит Пугачев отправился в Мечетную слободу, где остановился у крестьянина-старовера Степана Косова. Сам он объяснял свой отъезд тем, что «в монастыре, хотя я и раскольником уже назывался, жить было неблагопристойно»^{127}.

Емельян Иванович хотя и пробыл в Мечетной всего «с неделю», успел близко сойтись с принявшим его Косовым и даже стал крестным его ребенку, а значит, кумом самому Степану. Узнав, что тесть Косова Семен Сытников собирается по делам в Яицкий городок, Пугачев попросился поехать вместе с ним «для покупки себе и Филарету рыбы», на что взял деньги у того же Филарета. Кроме того, он уверял Сытникова, что едет в городок «якобы для взыскания в Яике по векселю с брата своего... денег ста рублей»^{128}.

Нужно ли говорить, что никакого брата на Яике у Пугачева не было?

Да и поездка за рыбой была для нашего героя только предлогом. А вот зачем он в действительности ехал в Яицкий городок?

Глава вторая

«ПЕТР ФЕДОРОВИЧ» ЖИВ!

Первое пришествие на Яик

Яицкий городок, куда Пугачев и Сытников направились 15 ноября 1772 года, был столицей Яицкого казачьего войска. В начале того же года местные казаки восстали, но спустя полгода бунт был подавлен. Пугачев, несомненно, знал об этих событиях, причем имеются сведения, что о бунте он слышал «прежде еще побега» в Польшу^{129}.

Предыстория возмущения яицких казаков и само оно хорошо описаны в научной литературе^{130}, поэтому остановимся на них лишь вкратце. Историками признано, что восстание, вспыхнувшее в 1772 году, явилось итогом долгого противостояния двух враждебных партий, на которые Яицкое войско окончательно раскололось в начале 60-х годов XVIII века. Одну партию составляли казачьи старшины и их приверженцы, «согласные» или «послушные» казаки, а другую — «непослушные» или «несогласные», причем к ней принадлежала большая часть войска, а потому ее приверженцев еще называли казаками «войсковой стороны». «Несогласные» обвиняли старшин в различных злоупотреблениях, например в том, что они удерживают жалованье, а на рыбную ловлю допускают только «послушных». Отсутствие денежных выдач и невозможность заниматься важнейшим казачьим промыслом при малом распространении на Яике хлебопашества делали положение казаков весьма тяжелым.

По мнению советских историков (И. Г. Рознера, А. И. Андрущенко и др.), правительство поддерживало старшин, а те, в свою очередь, не препятствовали стремлению государства упразднить казачьи права и привилегии, что, разумеется, не могло нравиться «непослушным». Напомним, что наступление на казачьи вольности — подчинение государству и вмешательство во внутренние дела казачьих войск — началось еще в конце XVII века, а особенно отличился в этом деле Петр I. Что же касается 1760-х и начала 1770-х годов, то в это время «непослушные» особенно опасались «регулярства», то есть превращения казаков в обыкновенных солдат. Оно, помимо прочего, означало, что им

будут брить бороды, а это для яицких казаков-старообрядцев было смерти подобно. Поэтому «непослушные» отказывались выполнять те правительственные распоряжения, которые, по их мнению, несли им это «регулярство». Так, например, в 1770 году они отказались служить в так называемом Московском легионе, созданном в помощь действующей регулярной армии.

Однако в свое время дореволюционный историк Н. Ф. Дубровин высказал мнение, что Екатерина в общем признавала претензии «несогласных» к старшинам справедливыми и не собиралась вводить на Яике «регулярство», а также лишать казаков вольностей, а те просто неправильно интерпретировали отдельные распоряжения властей. Неподчинение этим распоряжениям, с одной стороны, враждебное отношение к «непослушным» некоторых правительственных чиновников, в особенности вице-президента Военной коллегии Захара Григорьевича Чернышева, а также руководителей следственных комиссий, прибывавших на Яик и покрывавших старшин — с другой и привели, считал Дубровин, к вооруженному противостоянию^{131}.

Думается, эта точка зрения во многом справедлива. По крайней мере, Дубровин убедительно доказал, что Екатерина II действительно хотела разрешить этот конфликт и предписала наказывать старшин. Более того, порой власти даже шли на уступки «непослушным» — сначала Военная коллегия позволила казакам при поступлении в Московский легион не брить бороды, а потом императрица и вовсе освободила их от этой службы^{132}.

При этом, однако, государыня не собиралась наказывать тех руководителей комиссий, прибывавших на Яик, которые покрывали старшин и вели себя весьма жестоко по отношению к «непослушным». Речь, прежде всего, идет о генерале Черепове, который «по лежащим казакам стрелял», о чем в Петербурге узнали из донесения гвардии капитана П. Чебышева, сменившего Черепова на посту руководителя правительственной комиссии. С такой политикой, конечно, было невозможно устранить старшинское своеволие. Что же касается «неправильного» понимания казаками правительственных распоряжений, то оно было таковым с точки зрения историка второй половины XIX века, не совпадавшей с точкой зрения казаков. Хотя им и было разрешено не служить в Московском легионе, другие свои распоряжения правительство отменять не спешило, в том числе те, которые шли вразрез с казачьими традициями. Например, Яицкое войско истари направляло на различные

службы добровольцев, которых нанимали остальные казаки за определенную сумму. Теперь же правительство, а вслед за ним и войсковой атаман требовали службы не по найму, а по очереди^{133}.

Казаки всё больше демонстрировали неповиновение правительству и войсковой администрации. Впрочем, «непослушные» заявляли, что остаются верными императрице, порой обосновывая свои действия высочайшими указами (именно так в 1771 году они аргументировали свой отказ преследовать калмыков, бежавших из-за притеснений за пределы России^{134}). Разумеется, подобное поведение не могло понравиться властям, а потому руководители следственных комиссий предлагали правительству покарать «несогласных», а иногда и сами наказывали наиболее активных из них. Те, в свою очередь, волновались и посылали делегации в Петербург с жалобами на старшин и следователей.

В Яицком городке в то время действовала очередная следственная комиссия. Ее начальник генерал-майор Михаил Михайлович фон Траубенберг хотел быстро и решительно навести в казачьем войске порядок, а потому распорядился наказать плетью и отправить в солдаты семерых самых опасных с его точки зрения казаков. Однако в 40 верстах от Яицкого городка «непослушные» напали на конвой, сопровождавший арестованных, и отбили шестерых казаков. Траубенберг объявил это открытым бунтом и попросил оренбургского губернатора помочь ему восстановить порядок.

Как раз в это беспокойное время в Яицкий городок прибыл сотник Кирпичников с товарищами, которого «непослушные» посылали в Петербург искать правду. Депутация вернулась ни с чем, однако своим сторонникам заявила, что привезла указ, коим государыня повелевает им самим «себе делать управу», ибо вся несправедливость происходит от графа Чернышева. Кирпичников утверждал, что если они сами за себя не постоят, Чернышев их всех «изведет». Хотя Кирпичников был настроен на борьбу, поначалу он всё же предложил попытаться решить дело миром. Но для этого Траубенберг должен был отстранить от власти атамана Тамбовцева и прочих старшин, которые, в свою очередь, должны были заплатить штраф «непослушным».

Тринадцатого января 1772 года после торжественного молебна казаки с образами двинулись к войсковой канцелярии, чтобы «всем миром», вместе с женщинами и детьми, просить Траубенберга и личного уполномоченного Екатерины гвардии капитана Дурново о смещении атамана и старшин. Кроме того, казаки желали, чтобы и сам генерал со

своей командой покинул Яицкий городок. Разумеется, никто не собирался выполнять казачьи требования. Траубенберг приказал открыть по толпе огонь из всех пушек и ружей. Было убито более ста человек. Однако казаки напали на команду Траубенберга и разгромили ее. Разгром вооруженной команды едва ли был бы возможен, если бы, как уверял Кирпичников, лишь малая часть казаков была с ружьями, а остальные — лишь с «дрекольем», причем вооруженные казаки шли боковыми улицами и переулками. Скорее всего, ближе к истине были противники «несогласных», утверждавшие, что те хорошо подготовились к такому ходу событий: были «все с ружьями и саблями», «рассыпались все по разным улицам и ярам» или расположились «по огородам», чтобы выступить на помощь толпе в случае надобности.

Жертвами повстанцев стали несколько десятков человек, в их числе и сам генерал Траубенберг (он был «саблями заколот» и брошен на мусорную кучу), атаман Тамбовцев и несколько видных старшин. Посланцу Екатерины II капитану Дурново повезло больше — он был только ранен. После расправы казаки вновь послали делегацию в Петербург в надежде на царскую милость. Однако челобитчики были арестованы, а на Яик послан не милостивый указ, а корпус во главе с генерал-майором Ф. Ю. Фрейманом. 3–4 июня 1772 года на реке Ембулатовке, недалеко от Яицкого городка, Фрейман разбил повстанческое войско, а 6 июня занял и саму столицу яицкого казачества. Власти приняли ряд новых мер по ограничению казацкого своеволия: по указам императрицы временно упразднился казачий круг, вместо войсковой канцелярии, или избы, была создана «Управляющая войском Яицким комендантская канцелярия» во главе с армейским подполковником Симоновым. Кроме того, в Яицком городке вводилась должность полицмейстера. Сначала ее занимал двоюродный брат убитого восставшими атамана Тамбовцева, а затем — ненавистный «непослушным» старшина Мартемьян Бородин. Для поддержания порядка в Яицком городке власти организовали «пятисотую команду», состоявшую главным образом из представителей старшинской партии. Ко всему вышесказанному следует добавить, что в августе 1772 года начала работу следственная комиссия во главе с полковником Нероновым, которая немедленно приступила к поискам участников восстания и арестам. Комиссия просила Петербург строго наказывать бунтовщиков. К тому же вернувшиеся в Яицкий городок старшины и прочие «согласные» казаки потребовали у «несогласных» вернуть их добро, похищенное во время бунта^{135}.

В такое-то время Пугачев направляется в Яицкий городок. Об истинной цели своего путешествия он сообщил сопровождавшему его

Сытникову:

— Што, Семен Филипович, я тебе поведаю! Вить я в Яик-та еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь ты сам, какое ныне гонение. И хочю я об этом с ними поговорить: согласятся ли они итти со мною на Кубань.

— Как им не согласитца? — отвечал ему спутник. — У них ныне великое идет раззорение, и все с Яику бегут. Так, как им о этом скажешь, то они с радостию побегут с тобою, да и мы не отстанем, а пойдем все за вами.

Тогда Пугачев рассказал Семену, что «у него на границе оставлено до двух сот тысяч рублей товару, ис которых он то бежавшее Яицкое войско и коштовать будет».

— И как они за границу пройдут, то встретит их турецкой паша, и ежели понадобится войску денег на проход, то он, паша, даст еще до пяти миллионов рублей.

— Да што же? За што ж ты этакое жалованье давать станешь? Бога ради, што ли? — изумился Сытников.

Пугачев объяснил, что намеревается стать войсковым атаманом. Сытников эту идею одобрил и заверил, что казаки его «атаманом сделают» и пойдут с ним «с радостию». Емельян, в свою очередь, пообещал, что не забудет Семена Филиповича — став атаманом, сделает его старшиной^{136}.

Разговоры об уходе на Кубань Пугачев вел и на Таловом умете (постоялом дворе), верстах в шестидесяти от Яицкого городка, куда они с Сытниковым заехали переночевать. Сначала Емельян беседовал об этом с держателем умета Степаном Оболяевым по прозвищу Еремина Курица (на одном допросе Оболяев сказал, что получил прозвище, «потому что он сам всегда оное слово употребляет и в шутку и вместо бранного слова», а на другом — что так его прозвали за смирный характер^{137}), а затем с яицкими казаками братьями Григорием и Ефремом Закладновыми. Казаки благосклонно отнеслись к его планам, тем более что «несогласные» и раньше, сразу после подавления бунта, собирались бежать в персидские земли, в Астрабад или в легендарную Золотую Мечеть на берегах Каспийского моря, где будто бы издавна селились вольные казаки. О том же Пугачев толковал с участником недавнего бунта Денисом Пьяновым, в доме которого в Яицком городке он с Сытниковым остановился^{138}. Однако на сей раз разговор не ограничился обсуждением казацкого ухода на Кубань и гипотетической помощи турок в этом предприятии.

В марте 1772 года в станице Дубовской под Царицыном солдат Федот Иванович Богомолов объявил себя Петром III. Он был схвачен, отправлен в Сибирь на каторжные работы, но по дороге скончался^{139}. Вероятно, именно эта история подтолкнула Пугачева к созданию собственной легенды.

— Здесь слышно было на Яике, — рассказал Пьянов, — што проявился было какой-та в Царицыне человек и называл себя государем Петром Феодоровичем, да бог знает, после о нем и слуху нет, иные говорили, что он скрылся, а другие говорили, что ево тут засекали.

— Это правда, — отвечал Емельян, — и тот есть подлинно царь Петр Федорович; и, хотя его в Царицыне поймали, однако ж он ушел, а вместо его замучили другова.

— Как этому статца? Вить Петр Федорович умер.

— Неправда — он так же спасся и в Петербурге от смерти, как и в Царицыне^{140}.

На допросе в Оренбурге 10 мая 1774 года Пьянов показывал, что, услышав такой ответ, «он... много усомнился, однако ж вдаль любопытствовать не стал»^{141}. Если же доверять пугачевским показаниям, данным 1 декабря 1774 года в Москве, диалог о царицынском самозванце имел очень важное продолжение. Собеседники вновь вернулись к теме бегства казаков на Кубань. Денис Степанович усомнился, что Пугачев сможет дать каждому беглецу по 12 рублей, поскольку «таких больших денег не может быть [ни у кого], кроме государя». И тогда Пугачев открыл ему великую тайну:

— Я вить не купец, а государь Петр Феодорович! Я-та был и в Царицыне-та, да Бог меня и добрыя люди сохранили, а вместо меня засекали караульнова салдата. Ай в Питере-та сохранил меня один афицер.

— Да скажи же, пожалуй, — полюбопытствовал Пьянов, — как тебя Бог сохранил и где ж ты так долго странствовал?

В ответ новоявленный «Петр Федорович» рассказал историю своего чудесного спасения и странствий по далеким землям, которую, несколько варьируя, будет повторять еще много раз:

— Меня пришла гвардия и взяла под караул, а капитан Маслов и отпустил. И я ходил в Польше, в Цареграде, в Египте, а оттоль пришел к вам на Яик^{142}.

Крупнейшие отечественные исследователи Пугачевского восстания полагали, что именно Денис Пьянов в ноябре 1772 года был первым, кому Пугачев открыл свою «тайну»^{143}. Сам Пугачев во время следствия по-разному говорил о том, где и когда он впервые объявил себя Петром III, однако в конце концов остановился именно на вышеприведенном варианте. О признании Пьянову мы знаем исключительно со слов Пугачева (очных ставок с Денисом Степановичем не проводилось — к тому времени он уже умер), однако эта версия заслуживает наибольшего доверия, поскольку именно после общения самозванца с Пьяновым по Яику поползли слухи, что у старого казака побывал сам «государь»^{144}. Впрочем, на наш взгляд, это не так уж и важно. Гораздо важнее понять, почему простой казак решил стать Петром III. Этот вопрос волновал еще следователей по его делу и саму Екатерину II. Поначалу власти полагали, что Пугачев является креатурой каких-то враждебных сил, которые, соответственно, и надоумили его «похитить» имя покойного императора. Однако под конец следствия дознаватели пришли к убеждению, что инициатором самозванства был сам Пугачев. По мнению властей, на это и прочие злодеяния самозванца толкала его преступная натура^{145}. Некоторые же историки, враждебно настроенные к Пугачеву, винили во всём авантюрный склад его характера и склонность к фантазированию^{146}. Советские ученые, считавшие Пугачева фигурой, безусловно, положительной, тоже писали об этой присущей ему черте, а также о его большом честолюбии. Однако, по их мнению, не эти особенности психики и характера сделали Пугачева самозванцем, а его сочувствие таким же, как и он сам, бедным, подневольным людям, которых он собирался освободить от ярма рабства^{147}.

Что же на этот счет говорил сам Пугачев? В соответствии с показаниями, данными им в Яицком городке 15 и 16 сентября 1774 года, назваться царем он решил без всякого наущения со стороны. Правда, согласно тем же признаниям, сделал это впервые не в ноябре 1772 года в доме у Пьянова, а в августе 1773-го на Таловом умеете сначала при Ереминой Курице, а потом и при казаках «в чаянии том, что яицкия казаки по обольщению моему скоряй, чем в другом месте, меня признают и помогут мне в моем намерении действительно». При этом, однако, Пугачев заявлял, что «не столько виновен, как яицкие казаки», ибо они быстро сообразили, что никакой он не царь, а «простой человек», но всё равно его

поддерживали^{148}.

Следствие продолжилось в Симбирске, и здесь Пугачев совсем по-иному заговорил о том, как и почему стал самозванцем. Теперь он подвергался не только психологическому давлению, но и физическому насилию. Уже 1 октября, в первый день пребывания в Симбирске, он был публично избит главнокомандующим правительственными войсками Петром Ивановичем Паниным. Граф, по собственному признанию, драл арестанта за бороду и дал ему несколько пощечин^{149}.

На следующий день начался официальный допрос с ведением протокола, продлившийся до 6 октября. Допрос проводил начальник секретных следственных комиссий генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин (троюродный брат екатерининского фаворита). В составленном им «вступлении к расспросу» содержалось увещание, обращенное к самозванцу: «Теперь, зная, какие предстоят тебе по всем государственным законам казни и наимучительнейшия истязания ко извлечению из тебя всей по твоим злым намерениям и произведениям истины, показывай, не утаивая ничего в душе твоей, к облегчению себя от оных и к чистому покаению пред создателем вселенной, ведущим все тайны сердец человеческих, и пред своею самодержавною законною государынею, в высочайшем лице которой ты теперь спрашиваешься с полною властью ко всем над тобою мучениям, какая только жестокость человеческая выдумать может»^{150}.

Как вспоминал очевидец этого допроса Павел Степанович Рунич (тогда он был премьер-майором), Потемкин «своими вопросами доводил [Пугачева] до крайнего (в ответах) замешательства, так что по допросам сим в пот кидало злодея». Генеральские угрозы направлялись на то, чтобы узнать, «не подкуплен ли он был какими иностранцами или особенно кем из одной или другой столицы, Петербурга и Москвы, на незаконное объявление себя императором Петром III»^{151}. На этот вопрос — впрочем, как и на многие другие — самозванец ответил отрицательно. Однако кое в чем Пугачев всё же признался, например объявил, что идею увести яицких казаков на Кубань подал донец Андрей Кузнецов, у которого он останавливался по дороге на Иргиз, и оный же Кузнецов направил его к Филарету, которому мысль об уходе на Кубань также весьма приглянулась^{152}.

Но Потемкин ждал иных ответов. Как вспоминал Рунич, генерал «с грозным видом сказал ему (Пугачеву. — Е. Т.): «Ты скажешь всю правду», после чего велел гренадерам раздеть арестанта, растянуть на полу и крепко

держат за ноги и за руки. Палач начал свое дело: «помочив водой всю ладонь правой руки, протянул ею по голой спине Пугачева, на коей ту минуту означились багровые по спине полосы. Палач, увидев оные, сказал: «А! Он уж был в наших руках». Напуганный самозванец закричал: «Помилуйте, всю истину скажу и открою!» Из записок Рунича однозначно следует, что Пугачева не пытали — было велено «поднять и одеть» его, а гренадерам и палачу приказано покинуть помещение. Однако здесь мемуариста подвела память, ибо на самом деле палачу всё же пришлось поработать. Об этом на одном из московских допросов говорил сам подследственный, и об этом же свидетельствует запись в следственном деле: «учинено было ему малое наказание»^{153}.

Теперь Пугачев понял, как следует отвечать на вопрос, по собственной ли инициативе он решил стать самозванцем или «по советам» с другими людьми, а потому открыл следователям, что решил назваться царем еще на Добрянском форпосте «по научению тамошняго купца Кожевникова». Помимо Кожевникова, он оговорил еще нескольких человек, якобы причастных к этому делу^{154}.

Через месяц на большом московском допросе Пугачев превратил этот оговор в красочный рассказ. Начал его Емельян с того, как в «карантинном доме» он познакомился с уже известным нам солдатом Алексеем Семеновичем Логачевым, или, как называл его подследственный, с Алексеем Семеновым. После окончания карантина они подрядились построить купцу Кожевникову сарай. Три дня работали без всяких происшествий, а на четвертый произошло событие, изменившее судьбу Емельяна. Пугачев и Семенов (будем и мы так его называть), а с ними еще несколько человек пришли обедать в дом купца. Во время обеда Семенов вдруг посмотрел «ему, Емельке, в глаза пристально», после чего обратился к хозяину и, указывая пальцем на соседа, воскликнул:

— Кожевников, смотри! Этот человек точно как Петр Третьей!

— Врешь, дурак! — оборвал его Пугачев, ибо от таких слов «подрало на нем Емельке кожу».

После обеда, когда в избе остались только Пугачев, Кожевников и Семенов, последний опять затеял прежний разговор:

— Слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты точно как Петр Третьей.

Пугачев, обращаясь к хозяину, сказал, что он, мол, только донской казак, гонимый за старую веру.

— Это правда, што нам, староверам, везде гонение, — признал

Кожевников. — Ваши казаки были многие и в Ветке, и в Стародубе есть. Да вот што: была река Яик, и та помутилась, так ты возьми на себя это имя, а тебя там примут.

Семенов, в свою очередь, якобы пообещал, что пойдет вместе с Пугачевым и будет уверять людей, будто тот — Петр III.

— Я вить служил гвардии гранодером, — заверял Алексей, — и государя-та видал, так ты не бойся — прими на себя это имя.

Пугачев уже вроде бы и согласился, однако его беспокоил финансовый вопрос:

— Хорошо, ну я приму, да с чем я туда пойду? У меня денег только дватцать алтын, да и теми надобно пашпорт выкупить. Да пусть меня и на Яике примут, вить там хлеба не пашут, а казакам-та дают по двенатцати рублев жалованья, так что ж я им буду давать?

— А ты, как тебя тамо примут, — обнадеживал Кожевников, — то ты отпиши ко мне, я тебе хотя тритцать тысяч рублев тотчас пришлю, — у меня столько своих денег сыщется. А буде-де этих мало будет, то у протчих приятелей достать можно, сколько потребуешь.

И как уверял своих следователей Пугачев, слова Семенова, что он, Емельян, похож на покойного государя, а также уговоры и обнадеживания Кожевникова сделали свое дело. Он решил и впрямь назваться царем и пойти на Яик, где недовольные казаки, как он полагал, его с удовольствием примут^[155].

По словам самозванца, после того как он согласился выдать себя за царя, Кожевников развил активную деятельность: переговорил с местным купцом Крыловым, а также посоветовал Емельяну обратиться за помощью к уже известным нам крестьянину Коровке и игумену Филарету; последнему он якобы даже написал письмо, в котором сообщал, что Пугачев «принял на себя имя Петра Третьяго» и собирается увести яицких казаков на Кубань. Филарет будто бы одобрил это предприятие, а Коровка даже оказал финансовую помощь новоявленному государю — Пугачев уверял, что получил от него 370 рублей. По словам самозванца, деньги ему давали и другие люди, встреченные им по дороге на Иргиз, а именно два донских казака, Кузнецов и Долотин: первый пожертвовал 74 рубля, второй — 42. Как уверял Пугачев, помогали ему эти старoverы по той причине, что и сами собирались бежать вместе с «Петром Федоровичем» и яицкими казаками на Кубань^[156].

Таким образом, получается, что в ноябре 1772 года в Яицкий городок прибыл не просто самозванец-одиночка, а ставленник раскольников;

Пьянов же был отнюдь не первым, которому Пугачев поведал о том, что он «Петр Федорович». Однако от показаний, сделанных в Симбирске и на большом московском допросе, Пугачев в конечном счете отказался во время другого допроса в Москве 18 ноября 1774 года: «...как стали ево стегать, то и не знал, кого б ему оговаривать. А как показанных людей именами он знал, то на них и показывал». В Москве же, по его словам, он не отрекся от первых ложных признаний, «боясь уже показать разноречие»^{157}.

Но почему в таком случае самозванец всё же отказался от этих показаний? Сделал он это тогда, когда привезенный в Москву по его оговору Осип Иванович Коровка уличил его во лжи, и после того, как был «увещевай» следователями сказать всю правду. Отвергли пугачевские обвинения и другие «участники заговора». Причем одного из «заговорщиков», казака Долотина, как выяснилось, Пугачев вообще никогда не видал (по всей видимости, лишь где-то слышал о нем). В итоге оговоренных самозванцем по этому делу отпустили без всякого наказания — всех, кроме отца Филарета. Зимой 1774 года тот был арестован и отправлен в Казань за пересказ толков о победе Пугачева над правительственными войсками. В июле того же года он, как и все колодники, был освобожден из тюрьмы повстанцами, занявшими Казань, после чего будто бы предстал перед Пугачевым, а потом бесследно исчез^{158}.

У читателя может возникнуть вопрос: а что, если следствие пришло к неправильным выводам и старообрядческий заговор всё же существовал? На наш взгляд, на него можно ответить однозначно, что никакого заговора не было даже в помине. Хороши же были «заговорщики», если палец о палец не ударили для осуществления своего предприятия. Его «глава» Кожевников, даже если судить по первоначальным обвинительным показаниям самозванца, так и не прислал обещанных денег. Логачев, вместо того чтобы пойти на Яик и уверять тамошних казаков, что Пугачев и есть подлинный император, нанялся в рекруты. Казак Андрей Кузнецов и вовсе с оружием в руках сражался против Пугачева. Единственный, кто хотя бы как-то тянет на роль заговорщика, — Филарет. Однако тот факт, что он пересказывал толки о поражении, нанесенном самозванцем правительственным войскам, еще не означает, что старец сочувствовал своему давнему знакомому. К этому надо добавить, что Филарет принимал участие в поимке Пугачева в декабре 1772 года и погоне за ним в августе 1773-го (об этих приключениях самозванца речь пойдет ниже). И наконец,

если Кожевников и прочие не были заговорщиками, то в каком заговоре тогда состоял Филарет?^{159}

Итак, Пугачев самостоятельно «принял на себя имя» покойного императора. И в этом поступке нет ничего удивительного, ведь он и раньше постоянно врал: то назывался благочестивым старовером, то богатым купцом. Причем перевоплощался Емельян, как правило, в людей, стоящих на социальной лестнице гораздо выше, нежели он сам. Объясняется это не только его богатой фантазией, но и непомерными амбициями.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующий эпизод из его жизни. До властей дошел слух, что во время Русско-турецкой войны Пугачев якобы называл себя крестником Петра Великого. На допросе в Яицком городке самозванец отказался признать справедливость этого обвинения, а на допросе в Симбирске заявил, как было записано в протоколе: «Будучи в службе ея императорскаго величества под Бендерами в команде генерал-аншефа и разных орденов кавалера графа Петра Ивановича Панина, случилось ему быть пьяному. Тогда выговорил он одному из казаков (имяни не помнит), которой спрашивал его: откуда он взял саблю? — Злодей, ведая, что хорошия сабли даются от государей в награждение за заслуги, и что таковые казаки в почтении, ответствовал, что сабля его пожалована от государя. А как он еще заслуг никаких тогда не сделал, а отличным быть всегда хотелось, то сказал: сабля ему пожалована потому, что он — крестник государя Петра Перваго. Сие сказано, заклинается злодей, ни от каких иных намерений, кроме, чтобы тем произвесть в себе отличность от других»^{160}.

В данном случае не так уж важно, действительно ли Пугачев называл себя крестником Петра I, гораздо важнее его признание, что «произвесть в себе отличность от других» и «отличным быть всегда хотелось». Подобное откровение вполне подтверждается всей его жизнью. Разумеется, Емельян остался бы обыкновенным мечтателем, не будь у него вдобавок, что называется, лидерских качеств, без которых он никогда бы не стал за столь короткое время войсковым атаманом у «сказочных» казаков, а потом и предводителем многотысячной армии недовольных. И наконец, не сделался бы Пугачев самозванцем, если бы не был человеком отважным и беспокойным. Вернувшись из Польши, он мог начать на Иргизе новую тихую жизнь, но покой явно был ему не по душе. Здесь нелишне будет отметить, что, по свидетельствам пугачевских сподвижников, во время боя он выказывал беспримерную храбрость и неоднократно рисковал своей жизнью. Подробнее об этом будет рассказано ниже, а пока лишь заметим,

что даже такой несомненный противник Пугачева, как П. С. Потемкин, признавал, что «дерзновение его овладеть всем происходило от смелого духа»^{161}.

Какие цели преследовал Пугачев, назвавшись царем? На допросах в Яицком городке в сентябре 1774 года он говорил: «Дальнаго намерения, чтобы завладеть всем Российским царством, не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способен. А шол на то: естли удастся чем поживиться или убиту быть на войне — вить всё я заслужил смерть, — так лутче умереть на войне... так похвальней быть со славою убиту!»^{162}

Из всего вышесказанного трудно сделать вывод, что стать самозванцем Емельяна Ивановича заставили любовь и сочувствие к простому народу. Едва ли сыграли значительную роль в этом решении и собственные обиды на «крепостническое государство». По крайней мере, источники не позволяют безапелляционно это утверждать. Однако это не означает, что заявления «Петра III» о сострадании, испытываемом им к яицким казакам и к «черни» вообще, с которыми мы неоднократно встретимся, были лживыми. Пугачев, будучи простым казаком, надо думать, вполне искренне сочувствовал себе подобным простолюдинам, особенно яицким казакам, которым навязывалось чуждое им «регулярство».

Разумеется, для успешного исполнения предприятия, задуманного Пугачевым, было недостаточно его собственных достоинств, а также особенностей его психики и характера. Он не мог обойтись без людей, которые ему поверили бы. А поскольку такие люди нашлись, то необходимо понять, почему подобная вера была возможна, понять особенности тогдашней социальной психологии. Отличительной ее чертой была вера в различные чудеса, колдовство и другие самые невероятные с точки зрения современного человека вещи. Так, в народе ходили устойчивые слухи, что цари или царевичи, умершие как естественной, так и насильственной смертью в относительно раннем возрасте, на самом деле живы; что их и впрямь хотели извести «злодеи» (обычно бояре), однако с помощью верных людей им чудесным образом удавалось спастись. Считалось, что избежавший смерти «царь» или «царевич» после долгих странствий объявится среди своих «подданных», которых призовет поквитаться с его, а значит, и с народными, обидчиками. Замечательный отечественный фольклорист Кирилл Васильевич Чистов называл подобные представления легендой о «возвращающихся царях или царевичах-избавителях». Вера в чудесное спасение монарших особ являлась в России

XVII–XVIII веков питательной средой для самозванства, которое, по словам В. О. Ключевского, «стало хронической болезнью государства»^{163}.

В свою очередь, массовость монархического самозванства лишний раз показывает, каким огромным авторитетом в народном сознании в то время обладала царская власть. Царь был народным заступником, воплощением справедливости и добра. И если бы не «злодеи-бояре», постоянно искажавшие государеву волю и скрывавшие от него правду, то в стране царили бы мир и порядок. Иногда, правда, в качестве виновников народных бедствий выступали не «бояре», а правящие монархи. Речь прежде всего идет об отношении народа к Петру I. Однако анализ антипетровских выпадов показывает, что в большинстве случаев простолюдины критиковали не законного государя, а узурпатора, захватившего престол, Антихриста или «подменного» немчина. Таким образом, предполагалось, что если бы на престоле сидел настоящий, законный государь, то он никогда не допустил бы подобных безобразий. А значит, вопреки распространенному мнению, антипетровские выпады не разрушали авторитета самой царской власти, а, напротив, подчеркивали его. Кроме того, не следует преувеличивать и само недовольство Петром Великим, ибо многие простолюдины, как и прежде, продолжали винить в своих невзгодах не царя-реформатора, а его окружение или местных чиновников^{164}.

Едва ли также можно согласиться с мнением, что женщины, сидевшие после Петра на русском троне, нанесли серьезный удар по престижу царской власти^{165}. Конечно, историки выявили немало выпадов в адрес русских цариц. Тем не менее недовольные «бабьим» правлением, насколько нам известно, никогда не предлагали сменить монархию на какой-нибудь иной тип власти, а свои надежды продолжали возлагать на наследников по мужской линии или всё тех же царей или царевичей-избавителей. Кроме того, как и в случае с Петром, не следует думать, что народ поголовно был недоволен пребыванием женщин на престоле. Так, например, отдельные группы простолюдинов возлагали большие надежды на Екатерину II. Особенно это проявилось накануне и во время восстания на Яике в 1772 году^{166}. Более того, как будет показано ниже, даже отношение пугачевцев к императрице не было таким однозначно негативным, каким обычно представляется в научной литературе.

Но если самозванство в целом можно объяснить верой в чудеса и высоким авторитетом царской власти, то чем объяснить особую популярность в народе Петра III, о которой свидетельствует наличие десятков самозванцев, выдававших себя за него?^{167} Традиционно

историки связывают эту популярность с некоторыми политическими решениями, принятыми в царствование Петра Федоровича (например, с переводом монастырских и церковных крестьян в разряд экономических, запрещением приобретать крестьян для работы на купеческих мануфактурах, более терпимым отношением к старообрядцам) и вызвавшими у простолюдинов определенные иллюзии. Однако с этой точкой зрения был категорически не согласен К. В. Чистов, полагавший, что образы царей-избавителей «исполнены обычно негативного содержания; они противопоставляются правящим царям, источникам социального зла, как некое, понимаемое в самых неопределенных сочетаниях, социальное добро». Поэтому, считал исследователь, гораздо важнее в биографии Петра III то, что он был в 19 лет официально назначен наследником престола, «воцарения которого с нетерпением ожидали, на которого возлагали годами таившиеся надежды, приобретающие реальные формы в зависимости от социально-политической ситуации в стране, и, наконец, особенно то, что он царствовал коротко и не успел (так же как не успел, например, Лжедмитрий I) дискредитировать себя в глазах народа». Кроме того, по мнению историка, в популярности Петра III в народе «известную роль сыграло и то, что он был после длительного перерыва единственным наследником-мужчиной, единственным царевичем в условиях, когда социальная несправедливость и беспорядок в государстве объяснялись помимо всего прочего и тем, что у власти стоят женщины-царицы»^{168}. (Справедливости ради нужно сказать, что и в традиционной точке зрения отводилось место противостоянию «злой» Екатерины и «доброго» Петра Федоровича^{169}.)

В этой книге мы ограничимся лишь ответом на вопрос, чем для Пугачева и его сподвижников была привлекательна фигура внука Петра Великого. Обратившись к показаниям повстанцев, нетрудно обнаружить, что самозванец объяснял подобную привлекательность тем, что был (во всяком случае, на словах) сторонником старой веры, стоял за народ и правду, но против «бояр». Один из его сподвижников Тимофей Подуров (в документах может встречаться написание Падуров) передавал пугачевскую версию свержения Петра III с престола: «Меня де возненавидели бояра за то, что я зачал было поступать с ними строго, и выдумали вот что на меня: будто бы я хотел церкви переобратить в кирки, чего де у меня и в мыслях не бывало, а я де только хотел снять с церковей четвероконечные кресты и поставить осьмиконечные. А под тем-то видом, что будто бы я — беззаконник, свергли меня с престола...» А вот изложение плана

незавершенных «реформ» «Петра Федоровича» и причины его падения другим пугачевцем, Яковом Почиталиным: «Я де с церковей велел кресты снять, те, которые зделаны крыжом, так, как на кирках бывает, а вместо их поставить настояция кресты так, как божественное писание повелевает... А главная де причина — вот чем я им был не люб: многие де из бояр-та, молодые люди и середовичи, бывало, еще при тетушке Елисавете Петровне, да потом и при мне, годные бы еще служить, взявши себе чин, пойдет в отставку да и живет себе в деревне с крестьянами, разоряет их, бедных, совсем, и одни себе почти завладели всем царством; так я де стал таковых принуждать в службу и хотел де отнять у них деревни, чтоб они служили на одном жалованье. А судей-та де, которые дела судят неправдою и притесняют народ, наказывал и смерти хотел предавать. Вот-де за ето они и стали надо мною копать яму»^{170}.

Если «приверженность» Петра III к старой вере и можно как-то связать с реальными послаблениями политики по отношению к старообрядцам, то якобы существовавшее у него намерение «принуждать в службу» дворян ничего общего с реальностью не имеет. Напротив, манифестом «О даровании вольности российскому дворянству» от 18 февраля 1762 года император отменил обязательную службу благородного сословия^{171}. Однако в народе считали, что государь даровал вольность не дворянам, а крестьянам (или, по крайней мере, собирался это сделать), за что и был дворянами свергнут. Такая мысль, как мы видели, проводилась самозванцем; по крайней мере, она фигурировала в показаниях Почиталина, а также в одном из посланий пугачевского атамана Ивана Грязнова^{172}. Возможно, Петр III был так популярен в народе именно потому, что считалось, что он «поплатился» престолом за этот «указ». В таком искажении реальности нет ничего удивительного, ведь предполагалось, что настоящий законный государь всегда любит народ и ненавидит дворян. Что касается противостояния «злой» Екатерины и «добрый» Петра Федоровича, то оно, конечно, имело место, однако, как будет показано в свое время, Екатерина отнюдь не была главным врагом пугачевцев, да и самого «Петра Федоровича».

Коварный попутчик, несчастный солдат

и медлительный губернатор

Итак, в ноябре 1772 года в доме Дениса Пьянова Пугачев поведал хозяину, что он не купец, а император Петр III. По словам самозванца, Пьянов, выслушав его, обещал рассказать о намерении «государя» увести казаков на Кубань старикам и передать ему, «што оне скажут». Если верить показаниям самозванца, через некоторое время Денис Степанович принес ответ: старики намерение одобрили, однако сочли, что его нужно обсудить со всеми казаками, когда они соберутся перед Рождеством «на багрень» — зимний лов рыбы. О том же Пьянов рассказал и Сытникову, утаив, однако, «правду» о «чудесно спасшемся императоре». Сам же «император» в то время ни с кем, кроме Пьянова, крамольных речей не вел, а лишь «хаживал» по Яицкому городку и слушал казачьи разговоры, из которых было ясно, что «казаки нынешним состоянием недовольны, и один другому рассказывали свои обиды, бывшие им от старшин»^{173}.

Прожив у Пьянова неделю, Пугачев вместе с Сытниковым 29 ноября отправился обратно в Мечетную слободу. Но так как у Сытникова «были возы тяжелые», а Емельян вез лишь небольшое количество рыбы, то он уехал вперед. По пути он опять остановился на Таловом уме и опять вел разговоры с Ереминой Курицей и братьями Закладновыми об уходе казаков на Кубань, а по некоторым слухам (едва ли достоверным), даже «открылся» Григорию Закладнову, что он «император». Из Мечетной слободы путь Пугачева лежал в Малыковку — то ли он намеревался продать там рыбу, то ли ехать далее в Симбирск для получения в провинциальной канцелярии «определения к жительству на реку Ирғиз». Однако каковы бы ни были его планы, осуществить их не удалось. 18 декабря Пугачев был арестован в Малыковке по доносу Семена Сытникова. На следствии тот поведал, что поначалу «по сущей простоте своей» не понимал, что пугачевские «намерения» отправиться на Кубань «есть вредные и злые», но по дороге в Мечетную, оставшись один, смекнул, что «сей подговор — дело злое», и тогда «пришел на него великой страх». Этот страх и заставил Семена сообщить в Мечетной слободе о пугачевских словах тамошнему смотрителю Федоту Фадееву и сотскому Протопопову. Последний отправился в Малыковку, где при участии местных жителей, а также игумена Филарета арестовал Пугачева^{174}.

В тот же день Емельян был допрошен в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости. По позднейшим уверениям самозванца, его допрашивали с пристрастием, били батогами. На этом допросе Пугачев сделал важные признания: во-первых, что он беглый донской казак, а во-вторых, что вел с Денисом Пьяновым разговоры об уходе казаков «в

Турецкую область, на реку Лобу». При этом, правда, он уверял, что не собирался переводить казаков в подданство султана, и категорически отрицал, что кому-то говорил о деньгах, якобы обещанных турецким пашой казакам. Да и сами разговоры об уходе на Кубань он просил не воспринимать всерьез: «...всё-де оное проговаривал он, Пугачев, тому казаку, смеючись, пьяной». Сделанные арестантом признания, а также небезосновательные подозрения, что он ранее уже был порот, заставили управителя Малыковской волости Алексея Позняка отослать его в более высокую инстанцию — Симбирскую провинциальную канцелярию. Туда он и был отправлен под караулом уже на следующий день, 19 декабря^{175}.

По дороге в Симбирск Пугачев хотел попытаться счастья, чтобы опять оказаться на свободе. Он попробовал обмануть своих конвоиров, крестьян Василия Шмоткина и Василия Попова. На некоторых допросах Пугачев рассказывал, что за свое освобождение он сулил мужикам деньги, которые будто бы он оставил у Филарета, а на очной ставке с Поповым 3 декабря 1774 года дал показания, что всучил Шмоткину мелкие монеты, выдавая их за золотые. Но в обоих случаях обман не удался. Кстати, сам Попов также признал, что Пугачев сулил ему с товарищем взятку. Последний уже было согласился взять «червонцы», завернутые в бумажку (никаких червонцев там, конечно, не было), но Попов, не разворачивая бумажки, приказал вернуть деньги назад, сказав: «Нам не надобно». Пугачев на допросах говорил, что и в самом Симбирске сулил тамошним чиновникам несуществующие деньги, но опять потерпел неудачу. Кстати, чтобы убедить конвоиров, а возможно, и чиновников провинциальной канцелярии в своей платежеспособности, Пугачев продиктовал Попову письмо Филарету, в котором просил прислать для подкупа чиновников отданные ему на сохранение деньги. Попов не только написал это письмо, но и взялся доставить его к Филарету за 30 рублей. Однако игумен, прочитав послание, сказал, что Пугачев не только не оставлял ему деньги, но, более того, сам остался ему должен «Рублев до ста». Интересно, что в этом письме содержались не только просьбы, но и угрозы разорить с помощью властей Филаретов скит; однако мысль попугать раскольникского игумена принадлежала не Пугачеву, а то ли самому Попову, то ли его знакомому земскому Петру Удалову, который переписывал это письмо набело^{176}.

Итак, вместо свободы Пугачева ожидали допросы и прочие «радости» арестантской жизни, среди которых, конечно, могли быть и телесные наказания. Впрочем, в Симбирске, где он пробыл несколько дней, его никто не сек и даже не допрашивал. Симбирские чиновники сочли нужным

отослать колодника в более высокую инстанцию — в Казанскую губернскую канцелярию, куда он и был отправлен в последний день 1772 года. В Казань Пугачева привезли 4 января 1773-го, а 7 января допросили. На этом допросе арестант кратко рассказал о своих скитаниях, во время которых, по его словам, «он никакова воровства и противностей законам не учинил». Кроме того, он был осмотрен «запленным мастером», подтвердившим его слова, что он «подлинно был наказан плетьюми, а не кнутом» (как мы помним, во время Семилетней войны). По всей видимости, спрашивали у Пугачева и о его намерении увести казаков на Кубань, однако эти вопросы и его ответы на них почему-то в протокол допроса не попали^{177}.

В Казани Пугачев сначала содержался в колодничьей палате («черной» тюрьме) при местной губернской канцелярии. Однако канцелярию за ветхостью собрались сносить, а потому в марте 1773 года заключенных, в числе которых был и наш герой, перевели на общий тюремный двор в «острог», находившийся вблизи кремля^{178}. Здесь Емельян пробыл до 29 мая. Посмотрим, как проходила его повседневная жизнь в неволе.

Пугачев, как и прочие арестанты, «употреблялся... во всякия казенныя работы». В основном эти работы приходилось выполнять на Арском поле в восточном предместье Казани, где стоял дом губернатора. Вблизи губернаторской резиденции, на берегу реки Казанки, находились казенные кирпичные сараи — здесь и работали колодники. Пугачеву и его товарищам по несчастью приходилось также разгружать дровяные баржи. Однако верный себе Пугачев и здесь попытался выделиться из толпы и пустить пыль в глаза своим товарищам. «Вина же я тогда не пил, — вспоминал он на одном из допросов, — и временем молился Богу, почему протчия колодники, также и солдаты почитали меня добрым человеком». О религиозности Пугачева говорил и беглый солдат Иван Мамаев, который в одно время с ним содержался в казанском остроге: «...многая колодники из почтения называли Емельяном Иванычем, потому что он, будучи раскольник, казался всем набожным человеком и маливался, сказывают, много по ночам». Репутацию «доброего человека» Пугачев поддерживал не только молитвами, но и великодушными поступками, «...пропало у меня, — рассказывал он на допросе в Яицком городке, — не помню сколько денег. А как многия о сем узнали и хотели отыскивать, однакож я об них не тужил, а сказал протчим: «Я-де щитаю сие за милостыню, кто взял — бог с ним». Переживать по этому поводу было тем более незачем, что вскоре он возместил утраченное: «...по порядочной моей жизни от подаяния собрал

я, сверх пропавших у меня денег, около или и больше тридцати рублей. Что много у меня сих денег было, то ни от чего другова, как по хорошей моей тогда жизни многия на имя подавали; некоторые — вдруг по рублю и больше». Но иногда Пугачев всё же снисходил до мирских развлечений — играл с товарищами в карты «на острожном дворе»^{179}.

Разумеется, наш герой не собирался лишь молиться да перекидываться в картишки, дожидаясь решения по своему делу. Будучи человеком деятельным, он использовал любую возможность, чтобы освободиться из заключения. Причем и в этом предприятии поначалу Емельян Иванович делал ставку на свою репутацию благочестивого человека и помощь староверов. Как-то в тюрьму для раздачи милостыни пришел купец-раскольник Иван Иванович Седухин (самозванец называл его Хлебниковым). Пугачев рассказал ему, что страдает за «крест и бороду», а через некоторое время вручил ему очередное письмо для передачи Филарету (письмо было написано под диктовку его товарищем по несчастью Иваном Бичаговым) — опять с просьбой, «чтоб Филарет старался о освобождении и прислал бы к нему деньги». Однако это письмо Седухин передал адресату только осенью 1773 года, когда у самозванца нужды в деньгах уже не было^{180}.

Другим пугачевским знакомым был Василий Федорович Щолоков, также купец-старовер. Однажды — по всей видимости, весной 1773 года, — когда Пугачев «сидел с другими колодниками под окошком», один из его товарищей сказал:

— Вот Василей Федорыч Щолоков идет. Никак он приехал уже с Москвы?

О Щолокове Пугачев слышал еще у старца Филарета. Игумен называл его своим приятелем «и хвалил его, что он — доброй человек». А потому, когда через некоторое время от Щолокова в тюрьму пришел «мальчик с калачами», Емельян попросил его:

— Пожалуй, мальчик, скажи, Бога ради, чтоб Василей Федорович пришел ко мне, и скажи ему про меня, что я — донской казак и имею до него нуждицу.

Милосердный Щолоков пришел в тюрьму. Пугачев поведал ему, что его-де «взяли по поклепному делу да за крест и бороду», а также передал просьбу, якобы исходившую от Филарета, позаботиться о бедном арестанте — поговорить о его деле с губернатором или еще каким-нибудь представителем власти. Щолоков обещал:

— Добро, миленькой, я к губернатору схожу и к секретарю, и их

попрошу.

Пугачев также посоветовал Щолокову, когда тот будет ходатайствовать о его освобождении, не скупиться на посулы.

— Вить у меня деньги, слава богу, есть, и оне лежат у отца Филарета^{181}.

Купец сдержал обещание — и вправду отправился в губернскую канцелярию. На допросе 15 ноября 1774 года в Москве Щолоков вспоминал, что на это его подвигли не только пугачевские просьбы, но и письмо от Филарета, которое он якобы получил в феврале 1773-го (оно не сохранилось). В нем, по воспоминаниям Щолокова, говорилось, что Пугачев «страждет по поклепному делу за крест и бороду». Это очень странно, если учесть, что старец принимал участие в аресте Пугачева.

Так или иначе, но Щолоков обратился к секретарю губернской канцелярии Андриану Аврамову с просьбой поспособствовать освобождению Пугачева — если, конечно, «до него дело невелико и непротивно законам», — добавив, что Филарет за это «вам служить будет». Однако секретарь, по словам купца, ответил: «Мне де ничего не надобно. А когда де дело рассмотрено будет, тогда резолюция последует». При этом, приходя в острог раздавать милостыню, благодетель обнадежил Пугачева известием, что пообещал секретарю 20 рублей и просил о его освобождении самого губернатора. На следствии же купец утверждал, что никаких денег он Аврамову «не обещал, равно и губернатора и присутствующих никого об оном Емельке он не просил», но обманывал «того Емельку, дабы он более просьбою ему не скучал». Однако «Емелька» и в следующий приход купца «скучал» ему расспросами, а потому Василий Федорович, чтобы отделаться от пристающего арестанта, сказал, что о его деле «ничего не слышно»^{182}.

Тем не менее есть подозрение, что переговоры Щолокова с Аврамовым не прошли бесследно. На свободу Пугачев, конечно, не вышел, но ручные кандалы с него сняли, а на ноги «положили» лишь «легинькия железы». Более того, на следствии, проводившемся после разгрома пугачевщины, казанский секретарь так и не смог до конца опровергнуть обвинения, что именно по его приказу руки колодника расковали^{183}.

Получив значительное послабление арестантского режима, но не выйдя на свободу, Пугачев для достижения этой цели решил действовать по-другому.

Двадцать седьмого марта Емельян с прочими колодниками был переведен из губернской канцелярии в острог. Там он близко сошелся с

купцом из городка Алата под Казанью Парфеном Петровичем Дружининым. Тот в свое время был целовальником соляной продажи, но после обнаружения недостачи 220 рублей казенных денег купца осудили и отправили в казанский острог. Однажды, наблюдая, как одного арестанта секут кнутом, Дружинин обратился к товарищу:

— Што, Емелька, вот и смотри, что как и нас также выведут да сечь станут.

Смиренно ждать наказания Пугачев не собирался, а потому предложил бежать.

— Да как же бежать-та и куда? — с удивлением и в то же время с надеждой спросил Парфен.

— А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле, так как туда пойдем, караул-ат за нами не велик, то, сев на судно, да и были таковы.

— Да куды ж мы побежим?

— Премехонько выедем на Иргис.

Напомним, что дело происходило весной. Казанка разлилась. Для побега уже была готова лодка, которую купил семнадцатилетний сын Дружинина Филимон (всё то время, пока Парфен Петрович содержался в остроге, его семья жила у свойственников в Казани и Филимон часто навещал отца). И всё-таки этому предприятию не суждено было сбыться. Время шло, а беглецы не могли найти «к побегу удобного случая»; между тем весеннее половодье пошло на убыль ^[184].

Когда стало понятно, что «бежать водою» не удастся, Пугачев и Дружинин решили разработать новый план освобождения. Этот план в любой момент мог быть разрушен, ведь у властей имелись свои намерения насчет Пугачева, правда, осуществляемые весьма неспешно. Только 21 марта 1773 года, спустя два с половиной месяца после присылки арестанта в Казань, губернатор Яков Ларионович Брандт отправил в Сенат донесение с изложением материалов его дела. Разговоры Пугачева об уходе яицких казаков на Кубань, по мнению губернатора, происходили лишь от пьянства и «от сущего его невежества», а потому не требовали дополнительного расследования. За эти «непристойные и вредные слова», а также за побег в Польшу Брандт предлагал, «учиня наказание кнутом», сослать Пугачева «на вечное житье в Сибирь». В Петербурге согласились с предложением казанского губернатора. Согласно определению генерал-прокурора Сената Александра Алексеевича Вяземского от 6 мая 1773 года, преступному казаку следовало «учинить наказание плетями и послать, так, как бродягу и привыкшего к праздной и продерской притом жизни, в город Пелым, где и употреблять его в казенную работу такую, какая случиться может, давая за

то ему в пропитание по три копейки на день. Однако ж накрепко за ним смотреть того, чтоб он оттуда утечки учинить не мог». Это определение было одобрено Екатериной II (так она впервые услышала о Пугачеве), то есть уже стало повелением самой императрицы. Вяземский сообщил о нем Брандту в письме от 10 мая^{185}.

В то время, когда это письмо находилось в пути из Петербурга до Казани, Пугачев и Дружинин готовились к побегу. Пугачев полагал, что, «не подговоря с собою к побегу салдата караульнова, уйтить не только трудно, но и нельзя». Он обратил внимание на одного тихого солдата из малороссиян, Григория Мищенкова, приметив в нем «наклонность и неудовольствие в его жизни». И вот однажды Пугачев, «смеючись», поинтересовался:

— Што, служивой, служить ли ты хочешь или на волю бежать хочешь?

— Я б давно бежал, да не знаю, куда бежать-та, видишь, стало от своей стороны далеко.

Тогда Пугачев предложил Григорию бежать вместе с ними, на что тот согласился.

Дружинина в предстоящем предприятии смущало лишь одно: куда им деваться после побега?

— Мало места, куда бежать? — успокаивал его товарищ. — На Яик, на Иргис, а не то — так на Дон! Уш о этом не пекись, найдем дорогу, лишь бы отсюда как выбраться.

Эти слова, а также согласие солдата Мищенкова принять участие в побеге убедили Дружинина, что их предприятие отнюдь не безнадежно, а потому он и сам подключился к его подготовке. По его приказанию Филимон купил лошадь и телегу, с которыми в назначенное время должен был дожидаться беглецов в условленном месте^{186}.

В те времена не только добросердечные люди приходили в тюрьму, чтобы раздать милостыню сидельцам, но и самих колодников, «коим никаких кормовых денег и хлеба не производилось», отпускали из острога просить подаяние «за пристойным караулом». (Кстати, в Москве к тому времени просить милостыню на улицах было запрещено^{187}.) Причем арестанты делали это не только на улице, но и заходили на квартиры. Так, например, Пугачев в сопровождении конвоира пришел на квартиру к Седухину и передал ему письмо для Филарета. Этой-то возможностью покинуть острог и решили воспользоваться беглецы^{188}.

Поутру 29 мая 1773 года Пугачев и Дружинин, отпросившись у караульного офицера, под конвоем двух солдат (один из них — Григорий

Мищенков) отправились «для испрошения милостыни» к дружининскому свойственнику (их жены были двоюродными сестрами) попу Ивану Ефимову. Правда, настоящей целью их визита в дом священника была отнюдь не милостыня. Здесь они собирались обезвредить не посвященного в их планы второго конвоира Дениса Рыбакова, напоив его. Кроме того, у этого дома беглецов должен был ожидать Филимон Дружинин с лошадей и кибиткой. Однако хозяина дома не оказалось. Пришлось вернуться в острог, ведь «с попадьёю... пить нехорошо, да она же и пить не согласится, а без хозяина чинить сие дурно». Через несколько часов они опять пришли к батюшке — на этот раз он был дома. Дружинин дал ему денег и попросил купить вина, пива и меду. Поп не знал о заговоре, а потому без всякого умысла сходил в питейный дом и принес оттуда горячительные напитки. Началась попойка. Беглецы «старались напоить» Рыбакова, а сами хотя и прикладывались к спиртному, но всё же «весьма береглись». Когда же выпивка кончилась, Дружинин послал священника за добавкой. Тот принес «штоф вина», и заговорщикам наконец удалось мертвецки напоить «опасного им салдата».

Пришла пора прощаться с гостеприимным хозяином. Выйдя за ворота, беглецы увидели лошадь, запряженную в кибитку.

— Ямщик! Что возьмешь довести до острога? — закричал Дружинин сыну.

— Пять копеек, — пошутил Филимон.

Когда они уселись в кибитку и затолкали туда пьяного солдата, то решили закрыться рогожей, чтобы Рыбаков не понял, куда они едут. Однако когда от города отехали уже «верст с восемь», Рыбаков, видимо, несколько протрезвевший на воздухе, спросил Пугачева:

— Што, брат, долго едим?

— Видишь, кривую дорогою везут, — смеясь, ответил Емельян.

Проехав еще с полверсты, беглецы остановили кибитку у Арского поля и высадили конвоира. В тот момент, по словам Пугачева и Парфена Дружинина, Рыбаков «весьма оробел и стал, как изумленной»^[189].

Так об этом побеге рассказывали на следствии Пугачев (осенью 1774 года) и Парфен и Филимон Дружинины (в марте 1775-го). Еще одного участника предприятия, Григория Мищенкова, поймать не удалось. А что же другие действующие лица этих событий? Солдат Денис Рыбаков и священник Иван Ефимов на допросах в июне 1773 года называли разное количество спиртного, потребленного каждым участником попойки в поповском доме, но были согласны, что все выпили понемногу, а потому не были пьяны (разве могли признать иное священник и солдат, находившийся

«при исполнении»?). Упустивший беглецов конвоир утверждал, что, выйдя из дома священника, те, «ухватя его, Рыбакова, за голову, зажав ему рот, чтоб кричать ему было невозможно», бросили его в кибитку. Когда же они приехали на Арское поле, то Мищенков столкнул его с телеги, «ударил... в грудь и притом отбил (то есть отнял. — *Е. Т.*) казенную шпагу да шляпу». В конечном счете Рыбаков добрался до тюремного двора, где и объявил о случившемся прапорщику Александру Зыкову^{190}.

По всей видимости, Рыбаков, уверяя дознавателей, что в тот день был трезвым, говорил неправду. По крайней мере, есть серьезные основания полагать, что именно его «бесчувственно пьяного» вечером 29 мая видели в селе Царицыне под Казанью тамошний управитель и его подчиненные. Впрочем, это не означает, что Рыбаков обязательно лгал и насчет побоев, нанесенных ему беглецами. 15 сентября 1774 года первый следователь по делу самозванца Савва Иванович Маврин в рапорте П. С. Потемкину сообщил содержание предварительного словесного допроса Пугачева, в том числе его показания по поводу вышеописанного эпизода: «...сели в кибитку Емелька, Дружинин с сыном и два солдата, из коих одному, несогласному к побегу, зажали рот, чтобы не кричал, и поскакали на Арское поле, где несогласного к побегу солдата, остановись, били насмерть и, оставя онаго на месте, поскакали далее». Однако впоследствии и Пугачев, и Дружинины уверяли следователей, что Рыбакова никто не бил (как выразился самозванец, «никто из них не тронули ни волосом»). Так или иначе, но этот побег стал роковым событием — по крайней мере в судьбе Рыбакова. Будучи взят под арест, он через некоторое время заболел и 3 августа 1773 года умер в госпитале^{191}.

Еще один фигурант этого дела священник Иван Ефимов, за то, что поил колодников и солдат вином, по приказанию казанского архиепископа Вениамина был заключен в монастырь, где содержался в кандалах на хлебе и воде. По приговору Сената от 31 мая 1775 года Ефимов был признан не причастным к побегу и освобожден из заключения^{192}.

Читатель, возможно, полагает, что, узнав о побеге Пугачева и его товарищей, власти немедленно приняли меры для их поимки. В действительности подобные шаги были сделаны с большим опозданием. 30 мая, на следующий день после побега, караульный офицер Зыков донес о случившемся своему начальнику капитану Васильеву, но тот подал рапорт в губернскую канцелярию лишь 1 июня. Рапорт поступил в канцелярию 3 июня, и только тогда казанский губернатор Брандт приказал искать «утеклецов» в Алате (на родине Дружинина) и в Малыковской волости на

Иргизе. Необходимо было сообщить о бегстве Пугачева и в Петербург, поскольку 1 июня в Казань пришло письмо Вяземского с приговором Пугачеву, который теперь невозможно было исполнить. Однако по каким-то причинам Брандт написал об этом генерал-прокурору лишь 21 июня, причем не послал письмо с нарочным, а сдал на почту, где оно пролежало шесть дней, прежде чем наконец-то было отправлено. В Петербург это послание пришло только 8 августа. 14 августа Военная коллегия предписала начальству Войска Донского и оренбургскому губернатору Ивану Андреевичу Рейнсдорпу найти Пугачева и «за особливим конвоем» вернуть в Казань. Рейнсдорп должен был выяснить, «не шатается ли» беглец в пределах Оренбургской губернии, «а особливо Яицкого войска в жилищах». Петербургское руководство не ошиблось в предположении, что «Емельку» следует искать на Яике (именно неподалеку от столицы Яицкого войска он в то время и находился). Однако, когда 18 сентября 1773 года Рейнсдорп сообщал в Военную коллегия, что меры он принял, но беглецов пока отыскать не удалось, Пугачев уже возглавил восстание и всенародно объявил себя «амператором»^{193}.

Еремина Курица

Но прежде чем очутиться на Яике и вновь объявить себя царем, Пугачев проделал довольно большой путь, во время которого он и его спутники стали участниками немаловажных происшествий.

Выбросив из кибитки солдата Рыбакова, беглецы направились в татарскую деревню Кирша, где у одного местного жителя «в укрывательстве» жила дружининская жена Домна с двумя малолетними детьми (она перебралась туда из Казани, узнав от старшего сына о намерении мужа бежать). Преступная компания взяла их с собой и двинулась к Ал ату, чтобы забрать иконы из дома Дружинина. Однако из этой затеи ничего не вышло — «в доме стоял уже караул». Узнав об этом, беглецы убрались из Алата. Переправившись сначала через реку Вятку, а потом через Каму, Емельян и его спутники очутились в селе Сарсасы, где проживал раскольник Алексей Кандалинцев, с которым Емельян познакомился, когда сидел в Казанской губернской канцелярии, а Кандалинцев приходил туда по делам. Заметим, что и этому знакомству поспособствовала «приверженность» Пугачева к старой вере. В Сарсасах Емельян задержался, а его спутники отправились на Иргиз. Вернее, выехал Пугачев вместе с ними, но затем, как утверждал во время следствия, по

наущению Кандалинцева тайком покинул товарищей и вернулся в дом Алексея^{194}.

Пару слов скажем о дальнейшей судьбе пугачевских спутников. Семья Дружининых скиталась по Заволжью, затем вернулась в родные места, жила близ Алата в землянке до тех пор, пока в феврале 1775 года не была арестована и доставлена в Казань. В марте Парфена и Филимона для дальнейшего следствия отправили в Москву, в Тайную экспедицию. В конечном счете Дружининых признали невинными в антигосударственных деяниях Пугачева. Парфена возвратили в Казанскую губернскую канцелярию, где он должен был находиться до тех пор, пока не покроет недостачу казенных денег. Но Парфен недолго содержался в неволе — вскорости деньги за него внесли человеколюбивые «сограждане». Филимон же был освобожден сразу. Что же касается солдата Григория Мищенкова, то он летом 1773 года, отколовшись от Дружининых, поселился на реке Кинеле в Черкасской слободе. Что случилось с ним дальше, неизвестно^{195}.

Пугачев прожил в Сарсасах несколько недель, а потом отправился в дальнейший путь, который лежал на Яик. Вместе с ним поехал и Кандалинцев. Правда, по словам Пугачева, Алексей ничего не знал о его «злых замыслах» и направлялся на Иргиз «для спасения в скит». Не доезжая Яицкого городка «версты с четыре», путники встретили местную бабу, которую Пугачев спросил:

— Што, молодушка, можно ли пробратца на Яик?

— Кали есть у вас пашпорты, так, пожалуй, поезжай, а кали нет пашпорта, то тут есть салдаты, так вас поймают.

Товарищи, «испужавшись сих слов», поехали в сторону Талого умета, держателем которого был Степан Оболяев, он же Еремина Курица. Неподалеку от умета они встретили возвращавшихся с Яика порожняком «Мечетной слободы мужиков». Кандалинцев поехал с ними в Мечетную, а Пугачев, заплатив ему за лошадей, направился к Ереминой Курице. О Кандалинцеве можно добавить только то, что во время пугачевщины он принял участие в восстании, за что и был казнен^{196}.

У Оболяева Пугачев появился, по одним данным, в середине июля 1773 года, а по другим — «накануне Успеньева дни», то есть 14 августа. Ереминой Курице запомнилось, что «платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжной, кушак верблюжей, шляпа распущенная, рубашка крестьянская холстинная, у которой ворот вышит был шолком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные, белые».

Степан, конечно, знал об аресте Емельяна, а потому немало удивился, увидев его.

— Как ты, Пугачев, свободился?

— Бог помог мне бежать, так я ис Казани ушел.

— Ну, слава богу, што Бог тебя спас!

— Што, брат, не искали ли меня здесь?

— Нет.

— Што слышно на Яике?

— Смирно.

— Што, Пьянов жив ли?

— Пьянов бегаёт, для тово что проведали на Яике, што он подговаривал казаков бежать на Кубань^{197}.

Степан разрешил Пугачеву пожить некоторое время на умете. Его нисколько не смущало, что Емельян бежал из тюрьмы — «хотя бы он с виселицы был». Главное для Степана — исполнить «слово Божие», повелевающее «странных (странников. — *Е. Т.*) призирать и питать». И уж тем более не могло его смутить признание Пугачева, что он не купец, а «дубовский казак Петр Иванович» (в этот раз по каким-то причинам Пугачев решил назваться так)^{198}.

Какое-то время Емельян жил спокойно, «упражнялся в стрельянии и ловле на степи зверей». Однако разговоры укрывавшихся от властей казаков, заезжавших на умет, напоминали Пугачеву, что он приехал сюда не прохлаждаться. Казаки жаловались, что должны выплачивать большие штрафы за убийства и грабежи, совершённые ими во время бунта: «... велено собрать с кого сорок, с кого тритцать, а с некоторых и по пятидесяти рублей... А как такой суммы заплатить нечем, военная ж команда строго разыскивает, и так-де многая от етого разъехались, а с жон-де наших взять нечего, что хотят, то и делают с ними. И заступить-де за нас некому. Сотников же наших, кои было вступились за войско, били кнутом и послали в ссылку. И так-де мы вконец разорились и разоряемся. Теперь-де мы укрываемся, а как пойманы будем, то и нам, как сотникам, видно, также пострадать будет. И чрез ето-де мы погибнем, да и намерены по причине той обиды разбежаться все. Да мы-де и прежде уже хотели бежать в Золотую Мечеть, однакож-де отдумали до время»^{199}.

К этим казачьим сетованиям необходим комментарий, без которого трудно понять ситуацию на Яике накануне Пугачевского восстания. В конце апреля 1773 года был получен окончательный приговор Военной коллегии по делу участников яицкого мятежа, подписанный императрицей.

Он был гораздо мягче, чем проект, предложенный следственной комиссией: казнить несколько десятков человек, часть казаков наказать «нещадно плетьюми» и отправить на фронт, наказать и детей мятежников «от пятнадцати лет и свыше». Окончательный приговор вообще не предусматривал смертной казни. 16 человек «первых и главнейших зачинщиков» следовало, «наказав кнутом, вырвав ноздри и поставя знаки, сослать в Сибирь на Нерчинские заводы в работу вечную». Еще 38 человек подлежали битью кнутом, но уже без вырывания ноздрей и клеймения, а потом отправке с женами и «малолетными детьми» на поселения в разные места. Шестерых сознавшихся в своих преступлениях предписывалось, выпоров плетьюми, отправить на фронт. Наконец, еще 25 бунтовщиков также повелевалось наказывать плетьюми, а затем престарелых отправить в симбирский гарнизон, а молодых распределить по различным армейским полкам. Этот приговор был публично исполнен в Яицком городке 10 июля 1773 года.

Однако помимо кнута, в прямом и переносном смысле, приговор предусматривал для мятежных казаков и «пряник». Прежде всего, объявлялось прощение шестерым мятежникам, которые во время бунта защищали офицеров и старшин от «мести» восставших и уговаривали последних прекратить бунтовать. Среди прощенных был Максим Шигаев — в недалеком будущем он станет одним из ближайших пугачевских сподвижников. Определенную роль в подготовке будущего восстания сыграет и еще один помилованный, Михаил Кожевников, — он будет шить знамена для повстанцев. Но этим указ не ограничился. Были прощены остальные «непослушные» казаки, участники восстания (2461 человек), которые, по мнению правительства, бунтовали «от сущего невежества и по незнанию истинного своего благоденствия». Беглым обещалось прощение в случае, если они вернуться в течение трех месяцев. Правда, «пряник» для казаков был с изрядной долей горечи. Кроме того, что они должны были вторично принести присягу, их обязывали выплатить огромный денежный штраф — 20 107 рублей 70 копеек, который впоследствии был произвольно увеличен комендантом Яицкого городка Симановым и старшинами до 36 756 рублей. Причем после этого увеличения штраф должны были выплачивать все «непослушные» казаки, в том числе и те, кто не был причастен к бунту, а служил, например, на Кавказе^{200}.

Подобное положение вещей, когда, с одной стороны, «непослушные» казаки должны выплачивать непосильный штраф, а с другой — большая их часть остается на воле, притом вооруженная и плохо контролируемая, означало, что новый конфликт казачества с правительством становится

неизбежным. Конечно, едва ли Пугачев мыслил такими категориями, однако он был прекрасно осведомлен о недовольстве казаков и понимал, что самое время этим недовольством воспользоваться. Именно поэтому он решил поведать, что никакой он не Петр Иванович, а государь Петр Федорович. И первому он открылся Степану Оболяеву — Ереминой Курице. Как вспоминал сам Оболяев, однажды после бани Пугачев вдруг его спросил:

— Што, Степан Максимыч, давеча ты парился со мною в бане, приметил ли ты на мне царския знаки?

— Какия знаки, почему мне их знать? Я не только не видывал, да и не слыхивал, что такая за царския знаки.

— Эдакая ты простая курица! Уж царских знаков не слыхивал! Ведь каждой царь на себе имеет телесныя знаки. Я вам, когда яицкия казаки сюда приедут, покажу их.

Степан, «усумнясь в его словах», спросил, глядя Пугачеву в глаза:

— Што это, Петр Иваныч, к чему ты это говоришь? Каким быть на тебе царским знакам?

— Эдакой ты безумной, — говорил с усмешкой Емельян, — уж того-то не догадаешься, к чему я это говорю. Вить я не купец и не казак, так как тебе сказался, а государь ваш Петр Федорович.

Оболяев с сомнением и в то же время со страхом проговорил:

— Да как же это? Я слышал, что государь Петр Федорович помер.

— Врешь! Петр Федорович жив, а не умер! Ты смотри на меня так, как на него. Я был за морем и приехал в Россию прошедшего года и, услыша, что яицкия казаки приведены все в разоренье, так нарочно для них сюда на выручку приехал и хочу, есть ли Бог допустит, опять вступить на царство.

Оболяев «по простоте своей» поверил Пугачеву и стал оказывать ему должное почтение. Однако самозванец «до времени» запретил ему делать это «на людях», а также приказал никому о нем не говорить, кроме яицких казаков «войсковой», то есть мятежной, стороны. Похожим образом суть этого разговора передавал и сам Пугачев^[201].

Необходимо пояснить, о каких «царских знаках» говорил Пугачев Ереминой Курице. Дело в том, что многие в народе полагали, будто настоящий царь должен иметь на теле специальные отметины: царский герб, кресты, месяц, звезды и т. п. Наличие этих знаков, по народным представлениям, свидетельствовало «о божественном предназначении подлинного царя». Иногда самозванцы специально наносили подобные знаки на тело, например выжигали их. Но зачастую за «царские знаки» выдавались и принимались отметины, данные самой природой: родимое

пятно, очертаниями напоминавшее двуглавого орла, «грудь, обросшая волосами крестом», и т. п.^{202} Что же касается Пугачева, то он, как мы увидим, за «царские знаки» выдавал болячки «под титьками» и «на левом виске пятно». Болячки остались после того, как «гнили у него грудь и ноги», а пятно на виске — от «золотухи».

Новоявленный «царь», как мы помним, желал, чтобы о нем стало известно мятежным яицким казакам. Вскорости ему представился шанс поговорить с одним из них. На умет по делам приехал Григорий Закладное. Разумеется, Пугачев поведал ему, что он никакой не купец, а государь. Сообщив это, «амператор» отправил Григория в Яицкий городок — передать, чтобы казаки «войсковой стороны» прислали к нему «двух нарочитых людей». «Я уже их избавлю от раззарения старшины, — обещал самозванец, — и проведу их на Кубань. А если оне да замешкаются и добра себе не захотят, то я ждять долго не буду, только меня и видели». Кроме того, «Петр Федорович» строго повелел Григорию не рассказывать о том, что он узнал на умете, не только «посторонним», но и собственной жене. Закладное, судя по всему, был шокирован услышанным — по его собственному признанию, «испужался и онемел и не знал, что делать». Несколько опомнившись, Григорий сел на лошадь и «поехал в Яик», где передал нескольким казакам, что «на умете у Ереминой Курицы проявился государь, Петр Федорович»^{203}.

Через несколько дней по решению казаков (число их пока было невелико) на умет отправился их посланец Денис Караваев, чтобы собственными глазами посмотреть на «царя» и поговорить с ним. Для компании он захватил с собой приятеля, Сергея Кунишникова. Подъехав к умету и увидев Еремину Курицу, Караваев тихо спросил: правду ли, мол, говорят, что у него живет государь Петр Федорович? Уметчик заверил его, что это истинная правда, но с царем сейчас повидаться нельзя, поскольку около умета много посторонних людей. Казаки переночевали на умете, а наутро Степан повел их в «плетневый сарай», где тогда и пребывал «Петр Федорович». Разумеется, Оболяев предварительно уведомил «императора» о желании казаков повидать его, и тот дал добро на аудиенцию, приказав предварительно «спросить у тех казаков, бывали ли они в Петербурге и знают ли, как должно к государю подходить». Если же «не бывали и не знают», то их следовало проинструктировать: надобно встать перед «Петром Федоровичем» на колени и поцеловать его руку. К счастью для самозванца, Караваев и Кунишников в столице никогда не бывали и императора не видели (в противном случае «царская» карьера Пугачева

могла бы на этой встрече и закончиться), а потому, войдя в сарай, по наущению Ереминой Курицы бухнулись самозванцу в ноги и поцеловали ему руку. «Государь» стал их выпрашивать, с чем приехали.

— Мы теперь вконец разорены, — начал Караваев, — детей наших в солдаты хотят отдавать, а нам бороды брить.

Казакам, конечно, такая жизнь была не по сердцу. Они хотели «служить по-старому, как при царе Петре Алексеевиче было, и по грамотам». Поэтому Караваев просил «государя» за них заступиться, в свою очередь обещая, что и казаки его не оставят.

— Хорошо, друзья мои, — сказал самозванец, — Ежели вы хотите за меня вступить, так и я за вас вступлюсь. Только скажите своим старикам, чтобы они исполнили всё то, что я прикажу.

— Изволь, батюшка, надежда-государь, — заплакав, закивали казаки, — всё, что вы не прикажете, будет исправно.

Самозванец также не мог сдержать слез:

— Ну, детушки, не покиньте вы меня, соколы ясные. Теперь я у вас пешей сизой орел, подправьте сизому орлу крылья. Умею я вами и нарядить, и разрядить.

Затем были отданы первые приказания Яицкому войску. Самозванец велел готовить знамена для будущего сбора, а также прислать ему «платье хорошее и шапку бархатную», понимая, что в нынешней своей одежде ему нельзя появиться перед войском. Кстати, по некоторым данным, именно после этой просьбы произошел один малоприятный для Пугачева эпизод. Казаки попросили самозванца составить список потребной ему одежды и материалов, нужных для изготовления знамен (по другим данным, Караваев попросил «царя» написать в Яицкое войско указ). Неграмотному Пугачеву пришлось выкручиваться; он отговорился то ли тем, что у него нет ни бумаги, ни чернил, то ли отсутствием писаря.

Вывернувшись из этой весьма щекотливой ситуации, Пугачев продолжил играть роль милостивого и щедрого государя. Он пообещал Яицкому войску вернуть все те привилегии, которыми, по казачьему преданию (подробнее о нем речь пойдет ниже), казаков жаловали цари, начиная с первого Романова, Михаила Федоровича, да еще кое-что добавить от себя:

— Ежели Бог меня допустит принять царство, так я буду вас, Яицкое войско, жаловать, так, как и прежние государи: рекою Яиком и всеми протоками, рыбными ловлями и санными покосами, безданно и безошлинно, и распространю соль на все четыре стороны, вози кто куда хочет безденежно, и оставлю вас при прежних обрядах. И буду жаловать

так, как и донских казаков: по двенадцать рублей жалованья, по двенадцати четвертей хлеба. А вы мне за то послужите верой и правдою.

Гости опять выразили готовность от имени Яицкого войска послужить «царю», однако просили повременить со сбором войска, поскольку в данный момент казаки заняты на сенокосе. Пугачев, в свою очередь, говорил им, что «надобно это делать как можно скорее, чтоб в огласку как не пошло». Поэтому он приказал яицким посланцам возвращаться домой, посоветоваться с казаками насчет будущего сбора и вернуться с ответом через три дня. Если «царь» окажется в отлучке (Пугачев с Оболяевым собирались по делам на Иргиз), то следовало подождать, осведомившись о нем у оболяевского работника, беглого крестьянина Афанасия Чучкова. Кстати, Афанасий во время «аудиенции» пытался подслушать, о чем говорят приезжие казаки с постояльцем, но был изгнан последним из сарая. Однако он всё же успел услышать, как «Петр Иванович» называет себя царем. Работник рассказал об этом чудном разговоре хозяину и получил от него разъяснение, что это никакой не Петр Иванович, а самый настоящий государь Петр Федорович^{204}.

Конечно, на взгляд современного человека, «аудиенция» в сарае выглядит комично. Но последствия ее будут куда как серьезны. Порой из сущей чепухи вырастают самые значительные исторические события. Эта «аудиенция» оказала важное, а может быть, и решающее влияние на дальнейший ход событий. Советский историк В. И. Буганов верно заметил, что во время разговора Пугачева с казаками «обе стороны не говорят уже ни о каком уходе с Яика. Наоборот, речь идет о том, как лучше устроить жизнь на Яике»^{205}.

Расставшись с Караваевым и Кунишниковым, Пугачев и Еремина Курица засобирались в дорогу. Путь они держали на Иргиз, где в тамошних «раскольничьих» скитах Пугачев надеялся найти грамотея, который стал бы у «государя» «вся-кия дела писать». После недавнего конфуза во время «аудиенции» необходимость в таком человеке стала для самозванца очевидной. Кроме того, Пугачев намеревался заехать в Мечетную слободу к своему куму Степану Косову, у которого оставил рубашки. На следствии Оболяев рассказывал, что ему не хотелось ехать на Иргиз, ибо он «как бы предчувствовал беду». Однако Пугачев сумел его уговорить. Сначала они заехали в Исаакиев скит, но ни в самом монастыре, ни на его хуторе никакого «письмянного человека» «не отыскалось» (Оболяев по наущению самозванца «открылся» одному скитскому старцу, что писарь нужен для «государя Петра Федоровича»). Затем, оставив телегу на хуторе, путники

поехали верхом в Мечетную слободу. «Малолетный» сын Косова сказал, что отец «хлеб с пашни возит на гумно». По дороге на гумно встретили Косова, и Оболяев оставил Пугачева наедине с кумом, а сам направился по своим делам в Пахомиев скит. От его внимания не укрылось, что Косов, «увидя самозванца, так как бы чего испугался».

— Как Бог тебя выручил из Казани?

— Вашими молитвами.

— Что ты, кум, сюда приехал?

— Приехал к тебе за рубашками.

— Да есть ли у тебя пашпорт?

— Есть.

— Да где ж он?

— Вон у меня пашпорт лежит в телеге для тово, што, видишь, идет дозжик, то, штоб не замочить, и оставил в телеге.

Сообразив, что «кум собирается его изловить», Пугачев под каким-то предлогом быстро убрался с его двора. На слободской околице он нашел Еремину Курицу — тот так и не добрался до монастыря, «замешкавшись» у одного знакомого мужика, — и вместе с ним отправился в Пахомиев скит, где намеревался спрятаться от возможной погони. Косов и впрямь не собирался оставлять кума в покое, а донес на него старосте Мечетной слободы. Тот организовал поиски, к участникам которых позже присоединились монахи Филаретова скита. Укрыться в Пахомиевом скиту не удалось. Не успели Пугачев и Оболяев появиться там, как монахи закричали: «Смотрите! За вами погоня!» Самозванец предложил Оболяеву бежать, но тот говорил:

— Ты поезжай себе. А мне чево бояться и от чево бежать? Совсем скоро выяснилось, что он очень сильно ошибался. Пугачев в одиночку бросился к Иргизу и, переправившись на лодке, избавился от преследователей. Нагнав Еремину Курицу, те били его настолько немилосердно, что крики несчастного Пугачев слышал на другом берегу^{206}.

Следствие по делу Ереминой Курицы продолжалось до 10 января 1775 года. По определению Сената он был бит кнутом, заклеямен и сослан на пожизненное поселение в Кольский острог. Последнее документальное прижизненное известие о нем относится к 1801 году^{207}.

Вышеописанные события в Мечетной слободе и ее окрестностях произошли 27 августа 1773 года. До начала восстания оставалось без малого три недели. Как же за столь короткое время искра, брошенная Пугачевым, превратилась в пламя пугачевщины?

Глава третья

ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРЕЛОСЬ ПЛАМЯ

Накануне

Когда Пугачев вернулся на Таловый умет, оболяевский работник Афанасий Чучков сообщил, что приехали яицкие казаки. Это были уже известный нам Денис Караваяев и его товарищ Максим Шигаев. Они с Пугачевым расположились для разговора и обеда на расстоянии «с версту» от умета, поскольку оставаться на самом умете было небезопасно: «много людей ездит», не ровен час «хто увидит». Несколько погодя к ним присоединились еще два казака, Иван Зарубин, он же Чика, и Тимофей Мясников, также приехавшие, чтобы повидать «государя». Впрочем, по признанию Мясникова, Пугачев мало напоминал царя, а походил на казака — «в шерстяном армяке, в сапогах и в шляпе». Несоответствие внешнего вида и статуса многим бросалось в глаза, поэтому неудивительно, что и Караваяева еще с первой встречи с самозванцем мучили сомнения: «Подлинно уж он государь ли?» Чтобы развеять их, Караваяев теперь в присутствии других казаков и Чучкова попросил «государя» продемонстрировать «царские знаки». Если верить показаниям Чучкова, Емельян в ответ вознегодовал: «Раб ты мой, а повелеваешь мной!» — но «знаки», то есть отметины, оставшиеся после болезни, всё же предъявил. Пятно на левом виске Пугачев называл гербом, а происхождение ранок «под титьками» объяснил тем, что в это место во время переворота «его гвардионцы кололи штыками». И если отметины «под титьками» имели земное происхождение, то герб появился у «царя» явно без вмешательства земных сил, а потому Шигаев поинтересовался у самозванца:

— Што ж это, батюшка, все што ли цари с эдакими знаками роятся или уже после как Божиим изволением делается?

— Не подобает вам, други мои, простым людям, этова ведать, — напустил туману «государь».

Во время этой встречи «Петр Федорович» не только показал «царские знаки», но и поведал казакам о своем «чудесном спасении» и странствиях по далеким землям — примерно так, как ранее рассказал об этом Денису Пьянову. Казаки говорили, что верят ему, и опять убеждали «вступиться» за

них, а «царь», в свою очередь, просил «вступиться» за него. В связи с арестом Ереминой Курицы просьба «Петра Федоровича» была особенно актуальна, ведь в любое время на ум могла нагрянуть воинская команда и арестовать его. Было необходимо спрятать Пугачева в надежном месте. Решили, что этим займется Зарубин, который в конечном счете благополучно выполнил эту задачу, доставив самозванца на хутор братьев Кожевниковых^{208}.

Поскольку первые сподвижники Пугачева сыграли большую роль в самозванческом предприятии, будет нелишне сказать о них чуть подробнее. Разумеется, все четверо были представителями «непослушного» казачества и участниками прошедшего бунта.

Самому старшему из них, Денису Константиновичу Караваеву, на тот момент было 49 лет. Караваев наверняка вошел бы в ближайшее окружение самозванца во время самого восстания, если бы не был арестован 8 сентября 1773 года по доносу казачьего старшины П. Митрясова, которому стало известно об их знакомстве. На допросе в Яицком городке «под битьем плетью» Караваев сознался лишь в первой встрече с Пугачевым, но ничего не сказал о второй встрече и о местонахождении самозванца. Затем было следствие в Оренбурге и Москве. Суд постановил высечь Караваева кнутом, заклеить, вырвать ноздри и сослать на каторгу. Каторжные работы он отбывал в Балтийском Порте (до 1762 года город назывался Рогервик, ныне — Палдиски в Эстонии), где и умер не ранее 1776 года.

Максиму Григорьевичу Шигаеву в описываемый момент шел сорок восьмой год. В конце января 1772-го он возглавлял делегацию мятежных казаков, доставившую в Петербург челобитную Екатерине II. Посланцев выслушали на заседании Военной коллегии, а затем заключили в Петропавловскую крепость. В июне того же года, после подавления восстания, Шигаева с товарищами отправили в Оренбург, где они содержались в тамошней тюрьме вместе с активными участниками Яицкого бунта. Однако 10 июля 1773 года Шигаев был помилован за то, что во время бунта защитил нескольких офицеров и казачьих старшин. Во время пугачевщины он вошел в ближайшее окружение самозванца, в частности стал одним из судей созданной «Петром Федоровичем» «Военной коллегии».

Ивану Никифоровичу Зарубину-Чике в то время было 37 лет. Во время пугачевщины он стал одним из ближайших сподвижников самозваного «царя», по повелению которого именовался графом Чернышевым.

Что же касается самого молодого из первых сообщников «Петра

Федоровича», 27-летнего Тимофея Григорьевича Мясникова, то он хотя и участвовал в мятеже 1772 года, тем не менее «остался без наказания», ибо «был он не из главных бунтовщиков». Во время пугачевщины Мясников командовал самозванческой гвардией^{209}.

В то время как Пугачев жил на хуторе у братьев Кожевниковых, казаки, удостоенные «царской» аудиенции, рассказывали в Яицком городке о «проявившемся государе» «и подговаривали к себе людей в шайку»^{210}. Действительно ли самозванцу удалось убедить Караваяева и его товарищей, что перед ними настоящий царь, — или же они согласились служить ему по каким-то иным соображениям? В научной литературе неоднократно высказывалось мнение, что ближайшие сподвижники Пугачева из яицких казаков прекрасно понимали, что никакой он не царь, а донской казак, но шли за ним, чтобы восстановить свои погрязшие права и вольности^{211}. Подобное соображение находит подтверждение в источниках. Так, например, на допросе 8 мая 1774 года в Оренбургской секретной комиссии секретарь пугачевской «Военной коллегии» Максим Горшков передал слова Тимофея Мясникова о причине поддержки самозванца казаками «непослушной стороны»: «...мы по многих советываниях и разговорах приметили в нем проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев... И так для сих то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего были...»^{212}

Если о мыслях Мясникова по поводу происхождения «государя» мы знаем с чужих слов, то о неверии в «царя» Шигаева и Зарубина нам известно из их собственных показаний: первый говорил об этом на допросе в Оренбурге 8 мая 1774 года, второй — на допросе в Казани в сентябре того же года. Зарубин признавался, что он «о самозванце по подлому его состоянию усумнился, чтоб он подлинной был государь». Кроме того, Чика разговаривал о происхождении самозванца с Денисом Караваяевым. По словам Зарубина, тот заявил: «...ето де не государь, а донской козак», — впрочем, добавив к этому: «Нам де всё равно, лишь быть в добре». Чика согласился с таким подходом, однако решил выведать у самого Пугачева, кто же он на самом деле:

- Батюшка, скажи суцую правду про себя, точно ли ты государь?
- Точной я вам государь.
- Ведь нас, батюшка, только двоечка, — продолжал настаивать Чика.

— Мне видь Караваев росказал о тебе, какой ты человек.

— Что же тебе Караваев обо мне сказал?

— От людей утаишь, а от Бога ведь не утаишь; ты — донской казак.

— Врешь, дурак!

— Я в том Караваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь и тебе, батюшка, даю, — ведь мне в том нужды нет: хоша ты и донской казак, только мы уже за государя тебя признали, так тому и быть.

— Ну, коли так, то смотри же, держи в тайне: я подлинно донской казак Емельян Иванов. Не потаил я о себе и сказывал Караваеву и Шигаеву, также Пьянову^{213}.

Так передавал свой разговор с самозванцем Чика. Впрочем, и сам Пугачев на одном из московских допросов подтвердил, что яицкие казаки «точно знали, что он не государь, а донской казак»^{214}.

В нашем распоряжении есть и другие свидетельства, что не только вышеназванные казаки, но и люди, присоединившиеся к Пугачеву позже, причем необязательно из числа яицких казаков, прекрасно понимали, что имеют дело с самозванцем. Уже во время восстания, в январе 1774 года, выбежавший из пугачевского стана татарин Абдусалам Хасанов на допросе в Оренбурге дал характеристику как тем, кто понимал, что Пугачев самозванец, так и принимавшим его за царя: «Его, Пугачева, признавают те, кои худого состояния, за царя, а кои смышленее — за плута». Некоторые из этих «смышленных» людей служили самозванцу из страха смерти, в то время как другие вполне добровольно поддерживали его из корыстных соображений. Следовательно, они, в отличие от многих тогдашних простолюдинов, не испытывали никакого священного трепета перед персоной монарха, поскольку, по мнению таких циников, царь должен был лишь удовлетворять их требования, а кто он при этом по происхождению — Петр Федорович или простой казак — дело десятое. По словам казака Ильи Ульянова, Шигаев, Зарубин, а также некоторые другие приближенные Пугачева в подпитии хвастались: «...нам де что, государь ли он или нет, мы де из грязей умеем делать князей». К вышесказанному следует добавить, что знавшие правду пугачевские приближенные убеждали более легковверных повстанцев, что во главе их войска стоит настоящий император — мол, простой казак не может назваться царем^{215}.

Вроде бы всё свидетельствует о том, что заявления ближайших пугачевских сподвижников Шигаева, Мясникова и Зарубина, например на допросах в Москве в ноябре — декабре 1774 года, будто они принимали Пугачева за государя Петра Федоровича^{216}, являются лишь немудреной

уловкой — мол, «по простоте своей» почитали его государем и не могли ему прекословить, а значит, за убийства и грабежи ответственности не несем. Однако не следует принимать на веру и все противоположные признания, в которых подследственные говорят, будто сразу поняли, что перед ними самозванец. Речь прежде всего идет о полюбившихся историкам показаниях яицкого казака Ивана Пономарева (Самодурова). В Оренбурге 12 мая 1774 года он рассказывал, что в начале или середине июня 1773-го между речками Большим и Малым Узенем в Камыш-Самаре он встретил укрывавшихся там яицких казаков, среди которых находились Илья Ульянов, Иван Зарубин и Пугачев, которого казаки величали государем Петром Федоровичем. Проницательный Пономарев понял, что «это один обман». Пономарев даже сообщил детали: «...казаки не так тогда его почитали, как бы надлежало прямого царя, ибо говорили с ним без опаски и, ходя с ним, надевали шапки». Нелишним будет добавить, что перед допросом Пономарева упоминается о весьма важном заявлении, которое он сделал ранее в присутствии оренбургского губернатора: «...якобы яицкие казаки, Чика с товарищи, будучи на Узенях, соглашались Емельку Пугачева назвать государем». Однако впоследствии выяснилось, что Пономарев дал ложные признания. Ни в начале, ни даже в конце июня Пугачева на Узенях не было. Как оказалось, сам Пономарев вплоть до очной ставки с Пугачевым в Москве не видал самозванца и даже ничего о нем не слышал до тех пор, пока не был арестован властями за участие в бунте 1772 года. Что же касается первоначальных показаний, то Иван дал их под пыткой, «не стерпя боли». В итоге разбирательства казака без наказания с оправдательным паспортом выпустили на волю^{217}.

На хуторе у братьев Кожевниковых Пугачев прожил неделю, пока один из братьев, Андрей, вернувшись домой из Яицкого городка, не сообщил, что власти снаряжают команду для поиска самозванца. Понятно, что новость о «проявившемся государе» и встречах с ним представителей «непослушного» казачества не могла не достигнуть слуха коменданта и старшин. Однако, организуя розыск, власти даже не подозревали, где этот «государь» находится. Разумеется, об их неосведомленности Пугачев знать не мог, а потому предпочел покинуть хутор и отправиться в сопровождении Мясникова и Зарубина в более безопасное место — на речку Усиху в 65 верстах южнее Яицкого городка.

На хуторе у Кожевниковых, а теперь и на Усихе стали появляться новые сторонники самозванца из яицких казаков: Кузьма Фофанов, Дмитрий Лысов, братья Алексей и Кузьма Кочуровы, Василий Плотников и др. Некоторые возвращались в Яицкий городок подговаривать своих

товарищей присоединиться к новоявленному «царю», а иные оставались при «надеже-государе». Пугачев просил казаков предоставить ему писаря и достать одежду попримечнее. Эта просьба была уважена. Вскоре на Усиху прибыл девятнадцатилетний казак Иван Почиталин, который стал первым пугачевским секретарем. Он привез самозванцу «зеленой кавтан кармазинной, канаватной бешмет, толковой кушак и шапку бархатную», а Мясников — сапоги. Казаки также привезли необходимые для «царского» войска знамена: какие-то сшил у себя на хуторе Михайла Кожевников, а несколько штук сохранилось с предыдущего бунта. Что же касается бунта следующего, то его наметили на то время, когда всё войско соберется на осеннюю «плавню» — коллективную рыбную ловлю, продолжавшуюся с 1 октября до середины ноября. Бунтовщики собирались во время «плавни» «перевязать всех старшин», а затем направиться в Яицкий городок и выбить из него или «заарестовать» коменданта Симонова с командой. Если бы «плавня» по какой-то причине не состоялась, Пугачев с сообщниками намеревался, «собрав несколько сот человек, итти прямо в городок». В случае неудачи с его взятием Пугачев планировал пройти «мимо» и проследовать прямо в Петербург^[218]. Однако военные действия пришлось начать гораздо раньше, нежели предполагалось.

Однажды, приехав с Усихи в Яицкий городок, Тимофей Мясников поведал о том, где обретается «царь», встреченному на базаре казаку Петру Кочурову, а тот спьяну разболтал об этом своему крестному Степану Кононову. Степан пошел в комендантскую канцелярию и донес на крестника. Разумеется, Кочурова арестовали. На допросе он показал, что «на Усихе находится теперь какой-то самозванец, называющийся государем». Ему не верили — «секли плетьюми» и спрашивали: «Не ближе ли де где злодей?» Кочуров, однако, стоял на своем. В конце концов на поиски самозванца была послана команда, но отправилась почему-то не на Усиху, а на хутор братьев Кожевниковых. Там они застали и арестовали одного из братьев, Михайлу — того самого, который шил знамена. Михайла прекрасно знал, что Пугачев на Усихе, однако сначала об этом не сообщил, «а сказал тогда, когда уж дал время злодею уйтить». Предупредил «злодея» об опасности младший из братьев Кожевниковых, Степан. Пугачев и его сообщники вскочили на лошадей и поскакали к Бударинскому хутору братьев Толкачевых, находившемуся на правом берегу Яика в 88 верстах ниже Яицкого городка. На Усихе остался только «безлошадной» и «дряхлый ногами» казак Василий Плотников, который и был арестован на следующий день. Это бегство, столь знаменательное не только для его участников, но и, как оказалось впоследствии, для всей

России, произошло в понедельник 16 сентября 1773 года. Правда, данные источников о том, кто сопровождал Пугачева, несколько разнятся. По всей видимости, с ним было не более пятнадцати человек. Среди них, например, называют Алексея и Кузьму Кочуровых, Степана и Сидора Кожевниковых, Ивана Зарубина, Ивана Почиталина, Василия Коновалова, калмыка Сюзюка Малаева и нескольких казаков из татар, в частности Идеркея Баймекова. Иногда среди беглецов встречается имя Тимофея Мясникова, однако его, как и двух других виднейших сподвижников, Шигаева и Караваева, в это время с Пугачевым не было: Караваев, как уже говорилось, в начале сентября был арестован, а Шигаев и Мясников присоединились к «царю» несколько позже^{219}.

По дороге на хутор Толкачевых было решено, собрав людей, идти на Яицкий городок, а в случае неудачи «бежать... кто где спастись может». Во исполнение этого плана Идеркей (как звали его казаки, Идорка) Баймеков отпросился у «государя» «в свои кибитки», чтобы собрать других татар, которые также были казаками, хотя и исповедовали ислам^{220}. Сам же «император» обратился к Почиталину и Зарубину:

— Што мы едем к Толкачову собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас письменнова ничево нету, што б могли народу объявить. Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко.

И Почиталин написал:

«Самодержавнаго императора, нашего великаго государя, Петра Федаровича Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая.

Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови, дяды и отцы ваши, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорскому величеству Петру Фе[до]рави-чу, винныя были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до уся и землю, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порохам, и хлебным правиянтам.

Я, великий государь амператор, жалую вас, Петр Федаравич.

1773 году синтября 17 числа»^{221}.

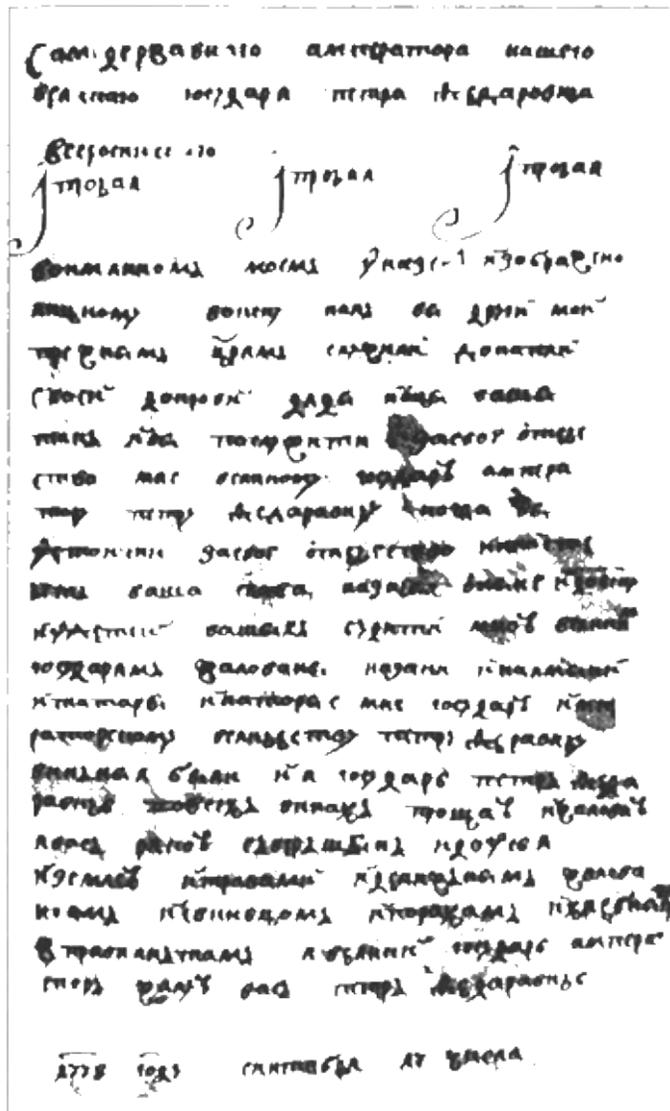
На самом деле указ, насколько можно судить из источников, был написан вечером 16 сентября. По предположению отечественного историка Р. В. Овчинникова, «расхождение в датах может быть объяснено тем, что

Почитал ин обозначил на указе дату его обнаружения, а это имело место в ночь с 16 на 17 сентября», когда Пугачев послал указ с толкачевского хутора на различные форпосты (небольшие укрепления, окруженные земляным валом и плетнем либо бревенчатыми стенами, с вышкой, откуда местность просматривалась на большое расстояние, гарнизоном из 20–25 казаков и одной-двумя пушками)^{222}.

Что же касается авторства этого указа, то, по мнению исследователя, он был составлен самим Пугачевым, а «роль... Почиталина сводилась к фиксации сказанного ему в форме именного указа». Это мнение основано на признаниях самого Пугачева в Яицком городке и показаниях Почиталина в Оренбурге. В том, что сам Емельян Иванович стал автором этого указа, полагает историк, нет ничего удивительного, ведь «Пугачев, часто обсуждавший с казаками политические вопросы поднятого ими восстания, имел более полные представления о требованиях яицкого казачества и лучше знал то, что следовало написать в своем первом указе, нежели молодой казак Почиталин, только что примкнувший к повстанцам». Показания же самозванца на большом московском допросе в ноябре 1774 года, что указ писал Почиталин, а он, мол, «не одного слова не знал, как бы написать надобно», по мнению Овчинникова, «могут быть объяснены тактикой его поведения на следствии в Москве»^{223}.

Возможно, так оно и было, ибо, как мы видели, самозванец прекрасно знал, каких пожалований ждут от «государя» яицкие казаки. Однако и сам Почиталин мог принять участие в составлении указа, поскольку его содержание было основано на предании, о котором секретарь наверняка слышал от старших казаков. Согласно этому преданию яицкие казаки, русские и татары, много лет жили «своевольно, ни под чьею державою», однако затем, «собравшись, думали, у кого им быть под властью», и, поразмышляв, «послали от себя двух казаков — русская) да татарина к государю Михаилу Федоровичи) с челобитьем, чтоб он, великой государь, их пожаловал, принял под свою протекцию». Царь, конечно, принял казаков под свою руку, при этом не отнял у них прежних прав и вольностей, пожаловал грамоту на владение рекой Яиком вместе с прилегающими землями «с вершин той реки до устья» и признал за казаками право «набираться на жилье вольными людьми» и «служить казачью службу по своему обыкновению». Это предание, записанное в Петровскую эпоху, в той или иной форме дожило до пугачевщины. Некоторые казаки на следствии в Яицком городке в 1774 году говорили капитан-поручику гвардии Маврину о грамоте царя Михаила, который «позволил им на том

месте, где они ныне обитают, поселиться и пожаловал их, по собственной их просьбе, пользоваться следующим: рекою Яиком с вершины и до устья и впадающими в нее реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью безпошлинно, также крестом и бородою»^[224]. Последняя привилегия означала свободу исповедания старой веры, которое в предании появилось тогда, когда государство стало притеснять раскольников. Первый указ «Петра Федоровича» не содержит пожалования «крестом и бородою» — оно появится в пугачевских указах несколько позже, в октябре 1773 года, и будет потом неоднократно повторяться. (Впрочем, не исключено, что устно «амператор» пожаловал казаков «крестом и бородою» уже в первые дни восстания^[225].)

Указ Пугачева казакам Яицкого войска.

17 сентября 1773 г.

Итак, указ — вернее, манифест — был написан, и теперь «амператору» оставалось только собственноручно подписать его, о чем Почиталин и попросил самозванца. Неграмотному Пугачеву опять пришлось изворачиваться:

— Подпиши ты, а мне подписывать невозможно до самой Москвы, для того, что не надобно казать мне свою руку, и есть в оном великая причина.

Почиталин не стал противиться «высочайшей» воле и подписал царский указ^{226}.

На хутор братьев Толкачевых, а точнее, в дом старшего, Петра, «амператор» и его свита прибыли уже ночью. Через некоторое время там собрались казаки с ближайших хуторов. Почиталин огласил собравшимся «царский» манифест, который они слушали «в великом молчании» и «весьма прилежно». Когда же чтение было закончено, то Пугачев обратился к казакам:

— Што, хорошо ль?

— Хорошо, — был ответ, — и служить тебе готовы!

Затем казак Петр Владимиров поехал с этим манифестом на Кожехаров и Бударинский форпосты — призывать тамошних обитателей послужить «Петру Федоровичу». Днем 17 сентября в распоряжении самозванца было уже несколько десятков казаков и калмыков. Сам Пугачев на большом московском допросе в ноябре 1774 года вспоминал: «...с фарпостов и из домов съехались русских казаков и калмыков человек с шездесят...» Другие свидетели называли иные цифры: 40, 80 и даже около ста человек. В любом случае повстанцы сочли, что людей собралось достаточно, чтобы выступить в поход. Поэтому, развернув знамена со старообрядческими осьмиконечными крестами (яицкие казаки, как мы помним, большей частью были раскольники), восставшие двинулись к Яицкому городку^{227}. Так 17 сентября 1773 года начался один из крупнейших в дореволюционной России бунтов.

По дороге к Яицкому городку пугачевское войско пополнялось всё новыми и новыми силами. Когда 18 сентября повстанцы подошли к городку, в их рядах, по разным данным, насчитывалось от 140 до 400 казаков. Кстати, среди влившихся в войско были уже известные нам Тимофей Мясников и Идеркей Баймеков. Последний, как и обещал, привел к самозванцу татар (их количество в показаниях подследственных колеблется от четырех до пятидесяти человек, «а может, и больше»)^[228].

Впрочем, в это время к самозванцу приезжали не только яицкие казаки. Кочевавший неподалеку правитель Младшего казахского жуза Нуралы-хан, услышав, что у казаков появился какой-то человек, называющий себя Петром III, послал проведать о нем бывшего казанского муллу Забира Карамуллина. Забир, сопровождаемый яицким казаком Уразгильды Амановым, достиг пугачевского лагеря в ночь на 18 сентября, когда идущее к Яицкому городку повстанческое войско остановилось на привал на реке Кушум. Посланец вручил самозванцу ханские подарки (жеребца, саблю, чекан^[6], халат) и попросил, чтобы «царь» прислал хану письмо. Это письмо было написано на татарском языке приемным сыном Идеркея Балтаем. «Царь» скорее просил, чем приказывал, чтобы хан прислал своего «сына солтана со ста человеками». Повез его к Нуралы-хану сопровождавший муллу Аманов, однако, отъехав всего три версты, был арестован командой казачьего старшины Ивана Акутина и препровожден в Яицкий городок. Узнав об аресте своего посланца, самозванец по просьбе Забира приказал Балтаю написать еще одно послание «в такой же силе, как и первое». На этот раз повез его к Нуралы-хану уже сам Забир с казаками Муратом Чинаевым и Жумачильды Сеитовым. Забир благополучно добрался до своего повелителя, а сопровождавшие его казаки сбежали и перешли на правительственную сторону. Что же касается помощи со стороны Нуралы, то о ней и речи быть не могло, потому что хан вел двойную игру: с одной стороны, отправлял посланцев к «Петру III», с другой — уверял в своей преданности екатерининских чиновников. Впрочем, из показаний самозванца на большом московском допросе в ноябре 1774 года следует, что он не возлагал больших надежд на союз с ханом: «Оную ж от Мурали-хана силу

требовал он не столько для помощи разбойничать, как для славы такой, что ему и уже орды прикланяютца». Правда, если считать эти показания правдивыми, получается, что первое письмо Нуралы-хану было написано еще до приезда муллы Забира, что не соответствует действительности. Кроме того, существует версия, что Пугачев сам побывал у хана незадолго до восстания^{229}.

Во время похода пугачевского войска к Яицкому городку произошло еще одно событие чрезвычайной важности. Неподалеку от городка, у Сластиных хуторов, повстанцы задержали, а потом и повесили зятя бывшего атамана Тамбовцева (напомним, убитого бунтовщиками в январе 1772 года), казака «послушной» стороны Алексея Скворкина (Шкворкина). Таким образом, он стал первой жертвой Пугачевского восстания. Об этом эпизоде сам Пугачев вспоминал на большом московском допросе: казаки, доставившие к нему Скворкина, рассказали, что поймали его, «кроющагося в хуторах», и добавили, что он, мол, «послан шпионом из городка разведать о вашем величестве».

— Зачем ты здесь по хуторам позади моего войска ездешь? — вопрошал самозванец «шпиона».

— Я послан от старшины Мартемьяна Бородина из городка проведать об вас, где вы идете и сколько у вас силы, а проведав о том, ему сказать.

— Ты человек молодой, и должно было тебе мне служить, а ты еще поехал против меня шпионничать, а тебе б, коли мне не хотел служить, так сидеть уже было дома, а проведать-та бы пусть ехал хто постарейя и посмышленейя тебя.

На следующем привале к самозванцу подошли два его казака, Яким Давилин и Дмитрий Дубовов, и стали говорить ему:

— Надежа-государь, прикажи сего злодея повесить. Отец ево нам делал великие обиды, да и он, даром што молот, но так же, как и отец, нас смертельно обижал.

Другие казаки просьбу поддержали, после чего самозванец объявил:

— Ну, кали он такой худой человек, так повесьте его.

Стоит ли говорить, что приказание было тут же исполнено?^{230}

Из пугачевских показаний получается, что главными виновниками смерти Скворкина были яицкие казаки. Ведь самозванец, узнав, что молодой казак «шпионничает», не сразу приказал его казнить, а лишь тогда, когда его об этом попросили. Один из яицких казаков, Василий Коновалов, напротив, всю вину за эту смерть возлагал на самого Пугачева. На допросе в Москве 17 ноября 1774 года он говорил: «...Как привели того Скворкина

пред злодея, то он (Скворкин. — *Е. Т.*) улыбнулся, и злодей сказал: «Еще он мною насмехается!» — и велел повесить»^{231}. Однако казаки и Пугачев несли за эту казнь одинаковую ответственность. Возможно, столь несвоевременная улыбка и ускорила конец Скворкина, но не была его первопричиной. Надо думать, с точки зрения мятежных яицких казаков, он был достоин казни уже потому, что являлся зятем Тамбовцева и принадлежал к ненавистной партии «послушных», причем, по всей видимости, был отнюдь не рядовым ее участником. А тут еще он признаётся в том, что «шпионничал». По этим же причинам и Пугачев едва ли собирался прощать пленника, тем более что тот и не просил о прощении.

Зато о нем просил (и получил) другой пленник, дворянин, сержант 7-й легкой полевой команды Дмитрий Кальминский, также пойманный казаками 18 сентября во время похода на Яицкий городок. Кальминский был отправлен комендантом Яицкого городка Симоновым в нижнеяицкие крепости и форпосты с «публикацией», призывающей схватить Пугачева. Правда, поначалу сержант в этом не признался, а убедил самозванца, что едет «по фарпостам, чтоб стояли караулы осторожно, для того што-де орда пришла к Яику», и даже был отпущен. Однако подводчик, везший сержанта, донес на него казаку-пугачевцу Якиму Давилину, который, разумеется, опять привел Кальминского к «государю». Пугачев велел при всех прочитать найденную у него «публикацию», а по ее оглашении изрек:

— Што Пугачева ловить? Пугачев сам идет в город! Так пусть, коли я — Пугачев, как оне называют, возьмут и свяжут. А кали я государь, так с честью примут в город.

В конечном счете Кальминский выпросил у «императора» помилование. Не последнюю роль сыграло и то, что он «писать умеет», поскольку одного малограмотного Почиталина было явно недостаточно для составления указов и прочих «царских» документов. Кальминский действительно написал ряд указов, а также присягу на верность «императору». Однако ему недолго пришлось служить самозванцу — 27 сентября казаки утопили Кальминского, по словам Пугачева, «для того, что он был дворянин, а сих людей они не терпят»^{232}.

Комендант Яицкого городка подполковник Симонов, услышав о приближении Пугачева, выслал ему навстречу команду из 270 солдат гарнизона и сорока оренбургских казаков под началом секунд-майора Наумова. Эта команда остановилась у реки Чаган, куда в скором времени прибыло «множественное число» казаков во главе со старшинами

Акутиным, Назаровым и Витошновым. Увидев восставших, Наумов выдвинул в их направлении отряд легких драгун, оренбургских и яицких казаков. Самозванец, в свою очередь, приказал повстанческому войску «построиться в одну шеренгу и распустить знамена», чтобы враги думали, будто у него «силы много». Кроме того, бунтовщики отправляли к приближающемуся неприятельскому авангарду своих посланцев, в том числе казака Петра Быкова с уже известным нам «царским» указом. Этот указ было велено отдать старшине Ивану Акутину «и в кругу вычесть», а самого казачьего старшину «вызвать» к «императору» «для опознания», «ибо... Акутин бывал в Петербурге и государя Петра Третьяго видал». Пугачев надеялся, что казаки, выслушав указ, перейдут на его сторону и ему без боя удастся войти в городок. Но этим надеждам суждено было сбыться лишь отчасти. Быков и сопровождавший его казак Кирпичников явились перед неприятельским отрядом с пугачевским указом, «имевши оной на голове», и стали призывать казаков поддержать «Петра III». Акутин указ взял, но читать не стал, а отдал начальнику отряда капитану Крылову^[7]. Последний не только не огласил пугачевский документ, но и приказал схватить привезших его посланцев «императора», чему, впрочем, воспрепятствовали яицкие казаки, а потому Быков с товарищем благополучно ушел восвояси. Казаки, волновавшиеся еще до появления пугачевских эмиссаров, не только помешали их аресту, но и начали переходить на сторону самозванца. Трудно сказать, сколько их перебежало в тот раз, но, по сведениям коменданта Симонова, 18 и 19 сентября к бунтовщикам примкнули 462 казака. Ропот и бегство казаков заставили Крылова повернуть свой отряд и отойти к Чаганскому мосту, где находилась остальная команда. Несмотря на это, Пугачев не смог подойти к Яицкому городку ближе. На пути у повстанцев оставалась довольно внушительная воинская команда, у которой имелась артиллерия (есть данные, что правительственные силы дали несколько пушечных залпов по пугачевцам). Самозванец отступил и «пошел вверх по Чагану с тем, чтоб перейти оной и начевать, ибо сие происходило уже к вечеру»^{233}.

Неприятель пытался помешать переправе пугачевцев через Чаган, выслав в погоню за ними казачий отряд во главе со старшиной Андреем Витошновым. Однако вместо того чтобы вступить в бой с бунтовщиками, отряд перешел на их сторону, а находившиеся в его составе «подозрительные» казаки, большей частью «старшинской руки», были связаны, а 11 или 12 и вовсе повешены на следующее утро. Кстати, во время следствия Тимофей Мясников и некоторые другие бунтовщики

вспоминали, что после этой казни «все бывшая в его (Пугачева. — Е. Т.) шайке пришли в великой страх и сочли его за подлинного государя, заключая так, что простой человек людей казнить так смело не отважился бы». Среди связанных пугачевцами старшин оказался и командир отряда Витошнов. Однако он не был повешен, «ибо об нем просило войско». Возможно, впрочем, что Витошнов, выдавший настоящего императора, заслужил прощение тем, что, пусть и несколько уклончиво, подтвердил, будто руководитель бунтовщиков и есть Петр III. Так или иначе, Витошнов был прощен и вскоре стал при самозванце большим человеком, как и некоторые другие казаки, появившиеся в пугачевском войске 18 сентября, например Дмитрий Лысов, перешедший к бунтовщикам еще под Яицким городком, или Максим Шигаев, находившийся в отряде Витошнова. Напомним, что эти казаки и раньше выдали «государя» — Лысов на Усихе, а Шигаев и вовсе еще на Таловом уме. Среди перебежчиков этого дня следует отметить Андрея Овчинникова и Якова Почиталина (отца Ивана Почиталина), которые также будут играть у пугачевцев не последние роли.

Остаток дня прошел более или менее спокойно. Повстанцы перешли вброд Чаган и остановились на ночлег в урочище Крутицкая Лука. На следующий день, после того как были повешены упомянутые выше 11 или 12 казаков, пугачевцы вновь двинулись к Яицкому городку. Однако и второй приступ к столице Яицкого казачьего войска был неудачен — восставших «прочь отбили пушечными выстрелами». И хотя, по всей видимости, никто из них не пострадал, самозванец был вынужден отступить от городка и пойти «вверх по Яику-реке» в сторону Оренбурга. Без артиллерии нечего было и думать взять Яицкий городок. Однако и наличие пушек не гарантировало бы мятежникам успеха, ведь в распоряжении коменданта Симонова находились 6-я и 7-я легкие полевые команды (923 человека), которые, по любым подсчетам, численно превосходили повстанческое войско. Остававшиеся в городке сочувствующие самозванцу яицкие казаки едва ли могли оказать ему поддержку. Есть сведения, что угрозы Симонова зажечь город и расправиться как с самими казаками, так и с их женами и детьми сильно поубавили желание казаков соединиться с Пугачевым^{234}.

Уходя прочь от Яицкого городка, повстанцы без сопротивления занимали различные форпосты, а казаки, служившие на них, вливались в пугачевский отряд. Здесь же восставшие обзавелись первыми и столь необходимыми пушками. Судьба благоволила к бунтовщикам — Симонов не имел возможности преследовать их: на казаков, находившихся в городке, полагаться было нельзя, выслать же в погоню регулярные войска комендант

также не решился, ибо принужден был «оними командами в колебании оказавшихся казаков удерживать». Это позволило пугачевцам беспрепятственно приблизиться к Илецкому городку^{235}. Однако перед рассказом о случившемся в этом городке необходимо упомянуть о важных событиях, произошедших накануне.

Вечером 19 сентября в урочище Белые Берега самозванец собрал «круг», на котором то ли он назначил, то ли казаки выбрали атамана и «протчих чиновных». Но даже если эти назначения были сделаны самим Пугачевым, он наверняка учитывал мнение казаков. Так или иначе, походным атаманом стал Андрей Овчинников, а полковником — Дмитрий Лысов. Среди перечня есаулов встречаем имя Андрея Витошнова, а среди сотников — Тимофея Мясникова. Хорунжими помимо прочих стали уже известные нам Иван Зарубин-Чика, Степан Кожевников, Алексей Кочуров. Кроме того, в хорунжие был избран племянник казачьего старшины Мартемьяна Бородина Григорий (он находился в отряде Витошнова, но, в отличие от некоторых других казаков «старшинской руки», избежал казни и влился в повстанческое войско). Впоследствии, когда удача отвернулась от Пугачева, Григорий Бородин одним из первых покинул ряды восставших^{236}.

Во время этой же сходки самозванец, желая, чтобы всё в его армии было уж совсем по-настоящему, приказал пленному сержанту Дмитрию Кальминскому составить присягу на верность императору. Тот написал, а Иван Почиталин прочел всему войску:

«Я, нижеимянный, обещаюсь и кленуся всемогущим Богом пред святым его Евангелием в том, что хочу и должен всепресветлейшему державнейшему великому государю императору Петру Федоровичу служить и во всем повиноватца, не щадя живота своего до последней капли крови, в чем да поможет мне Господь Бог всемогущий».

Как вспоминал сам Пугачев, казаки, услышав эту присягу, закричали:

— Готовы тебе, надежа-государь, служить верою и правдою!^{237}

Итак, 20 сентября пугачевское войско подошло к Илецкому городку. Свое название он получил от реки Илек, впадавшей неподалеку в Яик. Городок насчитывал до трехсот домов и был укреплен бревенчатыми стенами, «имел ров и земляную осыпь». Кроме того, гарнизон имел 12 пушек, то есть «к отбитию злодеев был довольно крепок». «Злодеи», понимая это, в крепость «прямо идти поопасались». Подходя к Илецкому городку, самозванец приказал Кальминскому написать «именной указ» тамошним казакам, чтобы склонить их на свою сторону. «Петр Федорович»

обещал всякого рода выгоды и награды за покорность и жестокие наказания за неповиновение. С указом в городок был послан казак Василий Овчинников, который благополучно доставил его и отдал атаману Лазарю Портнову^{238}.

Настроения в Илецком городке до прибытия Овчинникова были неоднозначными. Атаман, получив от коменданта Симонова ордер о приближении бунтовщиков, оповестил казаков. Те обещали сражаться против Пугачева, однако нашлись среди них и такие, кто стал уверять собратьев, будто это не Пугачев, а настоящий Петр Федорович. А тут еще с «государевым» указом подоспел пугачевский посланец. От прежней решимости послужить государыне императрице не осталось и следа. Поначалу атаман не хотел обнародовать указ, однако казаки «принудили» прочесть его «и стали за ним (Портновым. — *Е. Т.*) присматривать, чтоб не ушел». Несмотря на это, атаман с подручными пытался сломать мост через Яик, по которому должны были пройти пугачевцы, чтобы попасть в городок, но из этой затеи ничего не вышло — помешали казаки. Поэтому уже на следующее утро Андрей Овчинников во главе небольшого отряда вошел в городок «и атамана Портнова заарестовал». Илецкий казак Иван Творогов вспоминал на следствии: Овчинников, прибыв в городок, «собравшимся в кучу тутошним казакам» говорил, что «государь» идет «с великою силою», и убеждал казаков выходить к нему «с хлебом и солью».

— Смотрите, атаманы-молотцы! Не дурачьтесь, встретьте его с подобающею честью! А ежели вы хотя мало воспротивитесь, так государь приказал вам сказать, что он и выжжет, и вырубит весь ваш город!^{239}

(Правда, есть данные, что Портнов так и не прочел казакам указ самозванца, а в Илецкий городок ночью приезжал еще один пугачевский посланец, который запретил ломать мост.)

В этот же день Пугачев со своим войском под колокольный звон вступил в Илецкий городок. Еще за городом самозванца встретили духовенство с крестами и казаки со знаменами. Мятежники спешили, «царь» подошел к священникам и приложился к кресту, а те целовали ему руку. В городе самозванец первым делом пошел в церковь, где приказал служить молебен за здравие «Петра Федоровича», запретив при этом на ектеньях упоминать имя «жены», Екатерины II.

— Когда Бог меня донесет в Петербург, — заявил «Петр Федорович» собравшимся в церкви, — то зашлю ее в монастырь, и пушай за грехи свои Бога молит.

Досталось, однако, не только «супруге», но и извечным врагам народа,

а значит, и царя:

— А у бояр села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами. А которыми я лишен престола, тех без всякой пощады перевешаю.

Однако собравшиеся в церкви казаки увидели в «Петре Федоровиче» не только грозного «императора», но и нежного, любящего «родителя». Говоря о великом князе Павле Петровиче, «государь» вдруг прослезился:

— Сын мой — человек еще молодой, так он меня и не знает. Дай бог, чтоб я мог дойти до Петербурга и сына своего увидел здорова^{240}.

«По отпении молебна» илецкие казаки начали присягать «императору», в то время как сам он отправился на постой в избу уже известного нам казака Ивана Творогова. Этот дом был выбран потому, что был «лутче протчих» и в нем «всегда проезжающия господа имели ночлеги». «Петру Федоровичу» на квартиру принесли пива и вина, а он, видимо, желая, чтобы и всё войско вместе с ним повеселилось в такой славный день, «велел растворить питейной дом».

— Пускай пьют казаки, — успокаивал Пугачев его содержателя, — за мною ничего твоего не пропадет, и я заплачу тебе по времени.

В твороговской избе «царь» и пришедшие к нему илецкие казаки определили участь местного атамана Лазаря Портнова. После обеда, по всей видимости, за городом атаман был повешен, а дом его разорен. Самозванцу из награбленного «принисено денег триста рублей да ковш, два бешмета, кафтан и коноватная шуба, да кушак». Атаманского сына, одиннадцатилетнего Ивана, «Петр Федорович» взял с собой и сделал своим «пажом». После разгрома пугачевщины мальчик вернулся на родину, а впоследствии сделал неплохую для казака карьеру — стал войсковым старшиной и атаманом Илецкой станицы^{241}.

В этот день, помимо прочего, произошло еще одно весьма важное для Пугачева событие. Самозванец всегда нуждался в людях, которые подтверждали его «царственное» происхождение. В Илецком городке таким человеком был волжский казак Федор Дубовской, отбывавший там пожизненную ссылку. Увидев Пугачева, он сказал:

— Я ваше величество узнал, ибо я в то время был в Петербурге, как вы обручались.

— Ну, старичок, хорошо, когда ты меня знаешь, — похвалил «царь».

Впоследствии «Петр Федорович» вознаградил казака за вовремя сказанное слово — назначил его атаманом Сакмарского городка^{242}.

В Илецком городке Пугачев пробыл до 24 сентября. Покидая его, он забрал из крепости порох, свинец, несколько пушек «и к тем взятым

пушкам ядры», а также взял с собой казаков «человек с триста» (Зарубин утверждал, что до пятисот), а на место повешенного атамана Портнова назначил илецкого есаула Ивана Жеребятникова; впрочем, через несколько дней он тоже был повешен за измену — посылку своего сына в Оренбург с сообщением о захвате городка пугачевцами^{243}.

Пройдя «верст дватцать от городка», Пугачев собрал «круг» из илецких казаков. По одним данным, сам «император» поставил Ивана Творогова полковником над илецкими казаками, по другим — Творогова «в тот чин удостоили» сами казаки. Сам же Творогов на допросах уверял, что Пугачев назначил его полковником еще 21 сентября, будучи у него дома. (Этот персонаж впоследствии сыграл роковую роль в судьбе Пугачева.) Тогда же еще один илецкий казак, участник прошедшего мятежа Максим Горшков, был то ли избран, то ли назначен в «императорские» секретари^{244}.

В тот же день повстанцы подошли к Рассыпной крепости, куда самозванец «посылал наперед указ, чтоб здались без супротивления». Тамошний гарнизон состоял из пятидесяти оренбургских казаков и роты солдат под командованием коменданта крепости секунд-майора Ивана Беловского. Кроме того, 25 сентября им на помощь из Нижнеозерной (Столбовой) крепости отправились рота пехоты и сотня казаков во главе с капитаном Петром Суриным. Однако удача в то время явно была на стороне Пугачева. Сурин со своим отрядом на помощь Рассыпной не подоспел, а ее гарнизон отказался сражаться с повстанцами. Сопротивление оказали лишь комендант Беловский, еще три офицера и казачий атаман, которые держали оборону, запершись в комендантском доме. Бунтовщики «хотели было зажечь его дом», но Пугачев запретил, «чтоб не выжечь всей крепости», и «приказал оного камендан-та достать так». Казаки ворвались в дом и захватили оставшихся в живых коменданта и двух офицеров. За сопротивление, при котором они ранили двух казаков, Пугачев приказал повесить офицеров за крепостью, что и было исполнено в его присутствии. Есть сведения, что был повешен также местный священник. Затем, не задерживаясь в Рассыпной, взяв пушки, ядра и порох, а также здешних казаков и солдат, самозванец двинулся дальше^{245}.

На следующий день была захвачена соседняя Нижнеозерная крепость. На пути к этой крепости Пугачев встретил команду капитана Сурина — ту самую, которую так и не дождался майор Беловский. Команда была окружена и сдалась после того, как повстанцами был застрелен поручик Толбаев, приказавший открыть по ним огонь. Командира, капитана Сурина,

пугачевцы казнили, а солдат и казаков включили в свое войско. Что же касается Нижнеозерной крепости, то ее самозванец также «почти без сопротивления взял». Здесь, как и в Рассыпной, повстанцам противостояли комендант, премьер-майор Захар Харлов и несколько офицеров. Впрочем, не исключено, что и отдельные солдаты принимали участие в обороне. По крайней мере, на одном из допросов самозванец вспоминал, что видел убитыми «человек десять рядовых». Но большинство солдат никакого сопротивления бунтовщикам не оказало и перешло к Пугачеву, а оренбургские казаки, состоявшие в крепостном гарнизоне, сделали это еще ночью. После взятия крепости тяжелораненый комендант был повешен пугачевцами, других оставшихся в живых защитников также казнили. В Нижнеозерной восставшие тоже не стали задерживаться, а, забрав людей, пушки, ядра «да пороху пять бочек», двинулись к Татищевой крепости^{246}.

Ввиду таких успехов Пугачева непременно возникает вопрос, какие меры предпринимали власти для обуздания новоявленного «царя» и его войска. Оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп узнал о начавшемся бунте 21 сентября, когда в Оренбург прискакал какой-то илецкий казак с вестями о падении городка. Хотя губернатор и не поверил его сообщению, но всё-таки в тот же день обратился с «увещеванием» к яицким и илецким казакам, которое, правда, у первых казаков не вызвало особого энтузиазма, а до вторых, по понятным причинам, и вовсе не дошло. Кроме того, губернатор послал секретное письмо оренбургскому обер-коменданту генерал-майору Карлу Валленштерну, требуя вернуть солдат из отлучек и приготовиться к обороне. Таким образом, Рейнсдорп, вопреки мнению дореволюционного историка Николая Дубровина, не остался безучастным. При этом, однако, справедливо и то, что до 24 сентября губернатор не предпринимал никаких активных действий да и вообще желал сохранить видимость полного спокойствия. 22-го числа он как ни в чем не бывало дал бал по случаю одиннадцатой годовщины коронации Екатерины II. Иногда подобное поведение губернатора исследователи объясняют его нежеланием вызывать неоправданную панику в Оренбурге и излишнюю нервозность в петербургских и московских верхах, которая могла отразиться на его служебном положении. При этом он «понимал сложность ситуации», но «вначале решил держать всё в тайне, думая без особых усилий справиться с движением»^{247}.

Надо полагать, к более активным действиям Рейнсдорпа подтолкнули новые вести о бунте. Так, уже во время упомянутого бала губернатор получил донесение коменданта Татищевой крепости полковника Елагина,

подтверждавшее взятие Илецкого городка. Несколько позже в Оренбурге был получен рапорт от коменданта Яицкого городка подполковника Симонова, в котором выражалось опасение, как бы Пугачев не склонил на свою сторону Нуралы-хана. Кстати, в Оренбург прибыл и посланец самого хана. На этот раз ведущий двойную игру правитель Младшего казахского жуза предлагал губернатору помощь против самозванца, но Рейнсдорп отказался, надеясь справиться имевшимися в его распоряжении силами. Губернатор приказал бригадиру барону Христиану Христиановичу фон Биллову отправиться к Илецкому городку с шестью орудиями и отрядом в 410 человек: 110 солдат Алексеевского полка, 90 гарнизонных солдат, 60 ставропольских калмыков и 150 оренбургских казаков под начальством сотника и депутата Уложенной комиссии 1767 года Тимофея Подурова. Кроме того, коменданту Яицкого городка предписывалось сформировать из частей 6-й и 7-й легких полевых команд отряд во главе с майором Наумовым и отправить его на помощь Биллову. Для этой же цели выделялось 500 ставропольских калмыков, столько же башкир и 300 сеитовских^[8] татар. За поимку живого Пугачева Рейнсдорп назначил награду — 500 рублей, а за его труп — 250. (Интересно, что к августу 1774 года за поимку самозванца будут обещать уже 30 тысяч рублей^{248}.) Комментируя распоряжения оренбургского губернатора, Н. Ф. Дубровин отмечал: «...делая все эти распоряжения, Рейнсдорп и не подозревал, что в сущности он хлопочет для Пугачева и что большая часть калмыков, башкирцев и татар, отправляемых на театр действий, перейдут на сторону самозванца и увеличат его силы»^{249}.

Биллов со своим отрядом вышел из Оренбурга 24 сентября, а в ночь на 25-е прибыл в Татищеву крепость. Утром 26-го числа он отправился к Нижнеозерной, однако, получив от коменданта этой крепости майора Харлова рапорт о разгроме Пугачевым суринского отряда с просьбой о помощи, на выручку не поспешил, ибо полагал, что «помянутый злодей следует к Нижне-Озерной крепости уже в трех тысячах». Посоветовав Харлову спастись любыми способами, Биллов в нерешительности остановил свой отряд в поле, где и узнал о падении Нижнеозерной, после чего повернул назад к Татищевой крепости, чтобы дожидаться повстанцев там^{250}.

Татищева крепость, построенная неправильным четырехугольником, стояла на возвышенности недалеко от впадения в Яик ее правого притока Камыш-Самары. Обычно историки называют эту крепость, окруженную бревенчатой стеной с рогатками и установленными по углам батареями,

самой сильной крепостью Яицкой линии. Однако, по мнению современника событий, сосланного в Оренбург бывшего вице-президента Мануфактур-коллегии Федора Сукина, укреплена она была не лучшим образом: «Татищева крепость имела одно укрепление деревянное и весьма ветхое». Гарнизон Татищевой после присоединения к нему отряда Билова увеличился до тысячи человек при тринадцати орудиях, а значит, мог по меньшей мере оказать достойное сопротивление повстанцам. Правда, чтобы отстоять крепость, сил оказалось недостаточно^{251}.

На подходе к Татищевой 27 сентября Пугачев поначалу попытался мирным путем склонить гарнизон на свою сторону: посылал в крепость казаков на «переговорку», а возможно, даже отправил туда «царский» указ. Понятно, что ни бригадир Биллов, ни комендант полковник Григорий Елагин не собирались переходить на сторону самозванца. Еще до «переговорки» навстречу Пугачеву из крепости выдвинулся разведывательный отряд, который был разгромлен повстанцами. Когда же мятежники подошли ближе, Биллов приказал Тимофею Подурову «со всеми казаками выехать за крепость» навстречу приближавшимся бунтовщикам и «разсыпаться по степи», полагая, что те, «устрашася» их «множества», отойдут назад. Однако, если верить следственным показаниям Подурова, получился обратный эффект — устрашились сами защитники крепости: увидев, что повстанцы открыли огонь по казакам Подурова, бригадир приказал отряду отступить в крепость. Впрочем, имеются сведения, что подуровцы в крепость не возвращались, а уже тогда перешли на сторону мятежников. Нелишне будет заметить, что еще в ночь с 26 на 27 сентября из Татищевой ушли калмыки.

Теперь повстанцы могли приступить к штурму. «А как был жестокой из крепости отпор», то Пугачев приказал поджечь вблизи от крепостных стен «лежащее в стогах сено», откуда огонь перекинулся на деревянные укрепления. Как вспоминал самозванец, «народ же, бывшей тамо, оробел, а мои ободрились и тотчас в крепость ворвались». В самой крепости серьезного сопротивления оказано не было. По словам Пугачева, «из ево толпы побито пять казаков: до смерти — три, да ранено два». Многие казаки и солдаты, находившиеся в крепости, сочувствовали «Петру Федоровичу». Последнее обстоятельство обусловило сравнительно небольшое число жертв. Захватив Татищеву крепость, самозванец «велел всех солдат привести в верности в службе к присяге и остричь всех по-казацки». А вот отношение к дворянам было куда более жестоким. Раненого бригадира Билова повстанцы добились во время взятия крепости. Вероятно, тогда же был убит и поручик Гаврила Соколов. Татищевского

коменданта Елагина, его жену Анисью Семеновну и укрывавшуюся здесь вдову коменданта Рассыпной крепости Беловского Ирину Даниловну повстанцы казнили. По словам самого Пугачева, последнюю (на допросе он ошибочно называл ее женой Билова), а также пятерых солдат он приказал повесить за то, что «они хотели ис Татищевой бежать и дать весть в Оренбурхе, что он, Емелька, овладел крепостью». Впрочем, по другим данным, Пугачев расправился с несчастной вдовой за то, что она спрятала от него свои деньги^{252}.

Однако некоторым дворянам в этот день «император» всё же оказал милость. Дочь Елагина, семнадцатилетняя Татьяна, была женой коменданта Нижнеозерной крепости майора Харлова. При приближении восставших к Нижнеозерной Харлов отправил жену к родителям в Татищеву крепость. Там Татьяна и ее одиннадцатилетний брат Николай были схвачены мятежниками. Как вспоминал сам Пугачев, яицкие казаки хотели их убить, но он не позволил и взял пленников под свою опеку. Татьяна стала наложницей самозванца, но в конечном счете и это не избавило ее и брата от расправы. В начале ноября 1773 года казаки расстреляли Татьяну с Николаем под Бердской слободой, как утверждал на следствии Пугачев, без его ведома, «за то действительно, что я ее любил». Впрочем, существует версия, что сам Пугачев приказал расправиться с Харловой и ее братом, «осердясь на нее по наветам его любимцев»^{253}.

Почему гарнизоны Татищевой и прочих крепостей, находившихся на пути к Оренбургу, сочувствовали Пугачеву и так легко переходили на его сторону? Чиновник следственной комиссии Савва Иванович Маврин в одном из посланий императрице писал, что хотя в каждой из крепостей имелись воинские команды, таковыми они были только по названию, ибо «служивые люди являлись больше хлебопашцами, чем воинами». «...да они в том и невиновны, — оправдывал «служивых» Маврин, — для того, что все командиры в оных местах имеют свои хутора и живут помещиками, а они их данники». Что же касается самих крепостей, то и они, по мнению Саввы Ивановича, «только одно название имеют, а чем были ограждены, давно сгнило и в развалинах»^{254}.

Взятие Татищевой крепости значительно усилило пугачевское войско. Здесь самозванец захватил «немалое число полковой, кабацких и соляных сборов денежной казны, многое число военной амуниции, провианта, соли и вина, да и самую лучшую артиллерию с ее припасами и служителями». Повстанческая армия пополнилась казаками и солдатами гарнизона крепости. По мнению известного ученого Петра Ивановича Рычкова,

находившегося в то время в Оренбурге, после захвата Татищевой в пугачевском войске насчитывалось «около 3000 человек»^{255}. Трудно сказать, насколько верна эта цифра, однако в любом случае повстанческое войско становилось действительно грозной силой. И теперь предводителю этой силы и его окружению предстояло выбрать, куда идти дальше, ибо один путь из Татищевой вел на Самарскую линию и далее на Казань, другой — на Оренбург. Повстанцы выбрали второй маршрут. Советский историк В. В. Мавродин писал: «Считая овладение Оренбургом, вечно висевшим дамокловым мечом над яицким казачеством, основной целью боевых действий на данном этапе, яицкие казаки, предводительствуемые Пугачевым, двинулись к Оренбургу»^{256}.

Из Татищевой выступили 29 сентября, а уже на следующий день без боя захватили Чернореченскую крепость, всего лишь в 28 верстах от Оренбурга. Однако восставшие не пошли оттуда прямой дорогой на столицу губернии, а повернули налево, чтобы окружить ее и «пресечь наперед отсюда с сим городом коммуникацию». Реализуя этот план, пугачевцы с легкостью занимали населенные пункты, встречавшиеся на их пути. 1 октября (по другим данным — на следующий день) они вошли в Сеитовскую (Каргалинскую) татарскую слободу, 2-го — в Сакмарский городок, а на следующий день — в Пречистенскую крепость. Уже 5 октября бунтовщики почти полностью окружили Оренбург. Единственной, да и то не очень надежной нитью, связывавшей его с внешним миром, оставалась лишь киргиз-кайсацкая (казахская) степь^{257}.

Почему Пугачев не пошел из Чернореченской прямой дорогой на Оренбург? Ведь большая часть полков была отправлена из губернии в действующую армию (как мы помним, в то время шла Русско-турецкая война). Вся Оренбургская губерния охранялась лишь тремя полевыми командами (1227 человек) да несколькими гарнизонными батальонами и местным казачьим населением. Что же касается городских оборонительных укреплений, то они не были должным образом подготовлены к нападению повстанцев. По мнению Рычкова, «ежели б оный злодей, не мешкав в Татищевой и Чернореченской крепостях, прямо на Оренбург устремился, то б ему ворваться в город никакой трудности не было; ибо городские валы и рвы в таком состоянии были, что во многих местах без всякого затруднения на лошадях верхом выезжать было можно». Возможно, бунтовщики, несмотря на присутствие в их стане оренбургских жителей, в частности Тимофея Подурова, всё же не до конца понимали, насколько плохо защищен город, а потому не надеялись взять его штурмом. Не исключено

также, что на решение не идти прямой дорогой на Оренбург повлияло еще одно обстоятельство: захватив Чернореченскую, самозванец отправил в Оренбург ссыльного Семена Демидова уговаривать жителей перейти на сторону мятежников, однако тот не решился выполнить приказ, а вернувшись в повстанческий лагерь, солгал, будто оренбуржцы не хотят присоединиться к повстанцам. Правда, неизвестно, когда Демидов сообщил об этом Пугачеву — до или после принятия решения не идти прямой дорогой на Оренбург. В это же время Пугачев отправил в Оренбург еще одного агитатора — сержанта Ивана Костицына. Тот проник в город, говорил с местными жителями, но затем был схвачен и «признался в намерении заколоть губернатора»^{258}.

Однако чем бы ни объяснялся отказ мятежников от движения прямой дорогой на Оренбург, он дал губернатору время для принятия мер по укреплению города. Захват его был бы серьезным ударом по интересам империи — Оренбург был административным и торговым центром обширного края, прикрывавшим все важнейшие пути с юго-востока в центр России и державшим под присмотром беспокойных соседей, «... соседи у Оренбурга, — писал Ф. И. Сукин, — с одной стороны — киргисцы (предки современных казахов. — Е. Т.), которые хотя худья воины, но к грабежу всегда готовы, число же их весьма велико, с другой стороны — башкирцы, народ ветренной, котораго дерзость доказывают прежния его бунты»^{259}. Кроме того, Оренбург вместе с Астраханью являлся важным пунктом русской торговли со Средней Азией^{260}.

Губернатор не только приказал обер-коменданту Валленштерну вернуть всех солдат из отлучек, но и предписал другому своему подчиненному, коменданту Верхнеозерной дистанции бригадиру Корфу, командировать в Оренбург по 20 человек с пяти крепостей. 24 сентября Рейнсдорп написал о грозившей опасности сибирскому губернатору Чичерину, казанскому Брандту и астраханскому Кречетникову, а также в подведомственные провинциальные канцелярии. 28 сентября он созвал совет из высших военных и гражданских чиновников, на котором было решено прежде всего отобрать оружие у вызывавших подозрение ссыльных польских конфедератов и вывести их из города^{9}. Совет постановил также привести в исправное состояние артиллерию и снабдить ее всем необходимым, перевести в Оренбург сеитовских татар (вооруженных следовало использовать для обороны города, а невооруженных и местных обывателей — для тушения пожаров; то же относилось к местным обывателям), разрушить мосты через Сакмару, а «все слабые места города,

которые требуют укрепления... осмотреть» и в случае надобности привести в порядок. Особое внимание совет уделил военной дисциплине среди обороняющихся: им запрещалось отлучаться «от тех мест, где кто назначен», «а буде кто отлучится, того в страх другим застрелить»^{261}.

Среди мер, принятых властями в это время, нужно отметить укрепление обветшавших крепостных стен и инженерных сооружений вокруг города. Срочно был очищен крепостной ров, за ним «поставлены рогатины», исправлен земляной вал, у которого «крутости... осыпались». Городские ворота, по свидетельству современника, «не только запирают, но и навозом заваливать стали». Однако последнее распоряжение вскоре было отменено, «ибо признано ненужным и затруднительным»^{262}.

Но, несмотря на эти меры предосторожности, Рейнсдорп и другие чиновники, по всей видимости, до конца не верили в возможность осады Оренбурга — иначе чем объяснить тот факт, что власти не запаслись ни продовольствием, ни фуражом? Надежда городских жителей на скорую победу над Пугачевым привела к тому, что и они не сделали запасов необходимых продуктов. Стоит ли говорить, что всё это привело к тяжким последствиям во время осады Оренбурга?^{263}

Власти допустили и другие промахи. Речь прежде всего идет о «публикации» — своего рода увещевании, с которым 30 сентября они обратились к местным жителям. Оно было вызвано тем, что «в здешних обывателях, по легкомыслию некоторых разгласителей, носится слух, якобы он (Пугачев. — *Е. Т.*) другого состояния, нежели как есть», иными словами, что он император Петр III. В опровержение в «публикации» говорилось: «...он злодействующий в самом деле беглый донской казак Емельян Пугачев, который за его злодейства наказан кнутом с постановлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того пред предводительствуемыми им никогда шапки не снимает...» При этом власти ссылались на очевидцев, «из которых один солдат Демид Куликов, вчера выбежавший, точно засвидетельствовать может»^{264}.

Губернатор и его окружение, не проверив эту информацию, совершили большую ошибку, ведь никаких «знаков» на лице самозванца не было. Впоследствии, вспоминая об этой «публикации», Пугачев свидетельствовал: «...сие не только в толпе моей разврату не причинило, но еще и уверение вселило... что я — подлинно государь»^{265}. Подтверждением пугачевских слов могут служить отдельные документы повстанцев, например письмо Тимофея Подурова от 4 ноября 1773 года в Оренбург казачьему старшине Мартемьяну Бородину: «Вы называете его

донским казаком Емельяном Пугачевым, и якобы у него ноздри рваные и клейменной. А по усмотрению моему, что у него тех признаков не имеется. И с чево бы, братец, в то вступили, и не можно ль вам просить прощения, и може он, человек милостивой, в той вас вине простить может?»^{266}

Обернулась против властей и отправка в пугачевский стан Афанасия Соколова (Хлопуши) — крепостного крестьянина вотчины тверского архиерея Митрофана сельца Машкович, отбывавшего в Оренбурге пожизненную каторгу. Свою преступную карьеру он начал в юности, когда работал извозчиком в Москве и попался на воровстве. По наущению своих поделщиков, некоего сержанта и капрала, Хлопуша назвался в полиции «беглым Черниговского полку солдатом», а потому был отослан в военный суд, по решению которого «гоним он шпицрутен через тысячу человек шесть раз». По всей видимости, товарищи посоветовали Хлопуше назваться солдатом не для того, чтобы он был подвергнут такому жестокому наказанию, а для того, чтобы потом он попал в военную команду, из которой было легче сбежать. Соколов был отправлен в команду майора Есипова, откуда уже через месяц совершил побег. Причем, если верить показаниям Хлопуши, побег инициировали и организовали его бывшие поделщики: пришли к нему и отвели «на базар, где купя дали ему русскую рубашку, серой кафтан, пару лошадей и велели бежать в дом, что он и исполнил». Впрочем, возможно, всё перечисленное досталось Соколову в результате грабежа. Так или иначе, Хлопуша вернулся домой, где прожил года четыре, после чего был обвинен (по его словам, ложно) в краже лошади у какого-то крестьянина.

В Тверскую провинциальную канцелярию, где разбиралось дело Хлопуши, поступило доношение из домовой конторы преосвященного Митрофана, в котором говорилось, что «он, Хлопуша, человек худаго состояния и всегда находится в пьянстве, почему его в жительство обыватели (то есть односельчане. — Е. Т.) и принять уже не желают». Хлопуша был высечен кнутом и сослан в Оренбургскую губернию. Поначалу он вел здесь вполне добропорядочную жизнь: на протяжении многих лет «работывал в вотчине» коллежского советника Тимашева, затем на Ашкадарском руднике медеплавильного завода А. И. Шувалова; женился, родил сына. Однако всё вернулось на круги своя: грабеж, а затем арест и наказание кнутом, но теперь «с вырыванием уже ноздрей и поставлением на лице знаков», ссылка в Тобольск «в каторжную работу», бегство, поимка неподалеку от Оренбурга, битие кнутом, отправка «в Омскую крепость», опять бегство и опять поимка неподалеку от Оренбурга... В итоге Хлопушу привезли в Оренбург, где «в четвертый раз

били кнутом и оставили уже здесь в городской работе вечно»^{267}.

И вот этого-то человека в начале октября 1773 года Рейнсдорп по совету Тимашева и своего помощника Мясоедова отправил к самозванцу с увещеваниями. Причем одно из них, если верить показаниям Хлопуши, предназначалось самому Пугачеву. Целью этой поездки было переманить бунтовщиков на сторону правительства, а при возможности схватить самого Пугачева «и свести» его в Оренбург.

Хлопуша отправился из города ночью. По дороге ему встретился знакомый кузнец, которого он спросил:

— Где стоит Пугачев?

— Он стоит на старице реки Сакмары, — отвечал кузнец, — на самом берегу, а чтоб тебе приметно было, то увидишь тут повешенных трех человек.

Хлопуша, благополучно добравшись до лагеря мятежников, сразу подошел к самозванцу, стоявшему вместе с Максимом Шигаевым, и поклонился.

— Что за человек? — спросил Пугачев.

— Это, ваше величество, Хлопуша, — отвечал Шигаев, — самый бедный человек.

Шигаев знал Хлопушу, потому что после бунта 1772 года содержался вместе с ним в оренбургской тюрьме.

Самозванец велел накормить Хлопушу, который, в свою очередь, также в долгу не остался — «выняв из-за пазухи данные ему указы, подал Пугачеву». На следствии он объяснил свой поступок тем, что, мол, эти указы «отдать было некому, ибо ему навстречу из казаков никто не попался». По всей видимости, Хлопуша не только отдал бумаги, но и рассказал, что в них написано и вообще для чего он послан к повстанцам. Именно этим может объясняться отсутствие у Пугачева какого-либо интереса к этим указам: «...он велел их положить на стол; а сам поехал с молодыми казаками бегать по степи на лошадях». Но когда «император» возвратился, то призвал Хлопушу к себе в кибитку и спросил с усмешкой:

— Разве лутче тебя неково было губернатору послать?

— Я, ваше величество, не знаю.

— Только знать у губернатора-та и дела, что людей бить кнутом да ноздря рвать.

Затем самозванец распечатал указы и, сделав вид, что просмотрел их, приказал разодрать и сжечь, а Хлопушу спросил:

— Что ты, в Оренбург ли хочешь обратно ехать или остаться у меня служить?

— Зачем мне, батюшка, в Оренбург уже ехать, я желаю вашему величеству служить.

«Государь» дал новообретенному «рабу» семь рублей, велел купить одежду и наказал приходить вновь, когда деньги закончатся или не будет хлеба.

На следствии Хлопуша в свое оправдание говорил, что остался у самозванца, чтобы выполнить приказание губернатора — узнать, «сколько именно у Пугачева пушек и прочего снаряду, также и людей». По всей видимости, он и впрямь не исключал возможности возвращения в Оренбург, ибо действительно пересчитал людей и орудия. Согласно показаниям Хлопуши через несколько дней после описанной аудиенции бунтовщики чуть не повесили его, обвинив, что он приехал «для изведения государя», за что получил от губернатора две тысячи. Кроме того, у пугачевцев, вероятно, вызвало подозрение, что Хлопуша с известными нам целями ходил «блиско артиллерии». Однако заступничество Шигаева и результаты обыска (упомянутые две тысячи рублей не были найдены) избавили лазутчика Рейнсдорпа от смерти. Этот эпизод закончился торжественным прощением. Хлопушу подвели к ящику с хлебом, после чего Пугачев, «дав ему один коровай и две ноги баранины», сказал:

— Возьми и ешь, государь тебя прощает, только не ходи блиско артиллерии^{268}.

Через некоторое время Хлопуша опять едва не стал жертвой подобных наветов, однако и на этот раз для него всё закончилось благополучно. В скором времени он стал одним из самых известных пугачевских полковников — такова была цена промаха, сделанного губернатором и его окружением. Впрочем, справедливости ради скажем, что подобные промахи совершали не только в Оренбурге, но, как увидим далее, и в самой столице. Теперь же вернемся к тому времени, когда пока еще рядовой бунтовщик Хлопуша вместе с другими пугачевцами приближался к Оренбургу.

Свидетельства о величине самозванческого войска сильно разнятся. Однако, на наш взгляд, наибольшего доверия заслуживают данные Хлопуши, который, в отличие от других очевидцев, специально выяснял, сколько у «Петра III» людей и пушек. По его подсчетам, «было у Пугачева 46 пушек, людей яицких казаков и всякого сорту с лишком две тысячи и большею частею пехота». В любом случае число восставших не было большим — по самым смелым и, видимо, недостоверным предположениям, на 5 октября 1773 года оно составляло до пяти тысяч человек. Однако, по сведениям губернатора Рейнсдорпа от 7 октября, пугачевцев было «около

трех тысяч» (правда, он добавлял, что их войско день ото дня умножается). Как вспоминал самозванец на следствии, на подходе к Оренбургу он приказал «всю свою толпу растянуть в одну шеренгу, дабы издали можно было видеть, что сила у меня непобедимая»^{269}.

Какими же силами защищался Оренбург? По разным подсчетам, его гарнизон на 1 октября 1773 года составлял чуть меньше или чуть больше трех тысяч человек при 70–92 орудиях^{270}. Правда, среди оборонявшихся были не только офицеры, солдаты и казаки — под ружье были поставлены даже купцы и разночинцы. Находившийся в то время в Оренбурге Федор Сукин писал, что вооружить пришлось, например, приехавших в город на ярмарку. По свидетельству того же очевидца, «гарнизон находился в самом слабейшем состоянии, так что, исключая отправленных з Биловым и раскамандированных кроме того по крепостям так же необходимых в городе караулов и больных солдат, не оставалось к обороне города 500 человек регулярного войска. А каковы при них большою частию афицеры — о том лутче я умолчю»^{271}.

Однако перед тем как Пугачев отрезал Оренбург от остальной России, в начале октября в него пришло довольно солидное подкрепление из Яицкого городка — отряд майора Наумова, насчитывавший 246 пехотинцев и 378 конных казаков под предводительством старшины Мартемьяна Бородина. В связи с этим Рейнсдорп удовлетворенно заявлял: «Оренбургская крепость, в случае атаки, в состояние пришла»^{272}. Впрочем, Пугачев мог надеяться на более солидную поддержку, нежели его противники. Слишком много недовольных было как в Оренбургской, так и в соседних с ней губерниях, да и вообще по всей империи. Выше уже упоминалось, что во время совета 28 сентября было решено выдворить из Оренбурга ссыльных польских конфедератов. В ответ находившиеся «как на службе в местном гарнизоне, так и вне службы» поляки «взбунтовались и согласились к содействию с злодейскими шайками Пугачева». Правда, «умысел» конфедератов был раскрыт, и их «заарестовали». Четверо арестованных, признанные зачинщиками, были повешены. Однако жесткие меры не смирили поляков — во время пугачевщины они бунтовали в Оренбургской и Сибирской губерниях и пополняли войско самозванного «Петра Федоровича»^{273}.

Впрочем, немногочисленные поляки-повстанцы были лишь незначительной частью тех недовольных, которые примерно с начала октября стали активно присоединяться к восставшим казакам. Речь идет главным образом о русских крестьянах и представителях различных

социальных слоев нерусских народностей: башкир, татар, чувашей, марийцев, удмуртов, калмыков и др. По подсчетам, только в Оренбургской губернии приняло участие в пугачевщине не менее двухсот тысяч человек из пятисот тысяч душ населения^{274}. Чем же были недовольны эти люди?

Почему мужик бунтует?

О тяжелом положении крестьян во времена крепостного права, и в частности в царствование Екатерины II, написано немало^{275}. Причем даже те историки, которые высоко оценивают екатерининские реформы, признают, что они не изменили к лучшему положение большинства крепостных. Например, по мнению современного исследователя А. Б. Каменского, подвижки в этом направлении «были незначительны, а сам институт крепостничества продолжал развиваться в сторону ужесточения»^{276}.

Крестьяне по-разному отвечали на своеволие помещиков. Одним из способов избавиться от него было бегство на окраины государства или за его границы. Так, в 1763 году новгородские помещики заявили, что из их деревень только в этом году в Польшу бежало около ста семей — до пятисот человек обоего пола, а если верить заявлениям смоленских дворян в 1767 году, в Польшу ушло примерно 50 тысяч их крепостных. Власти пытались понять, почему крестьяне бегут в Польшу и как предотвратить подобные побегы. По мнению Петра Ивановича Панина (кстати, в будущем одного из усмирителей пугачевщины), главными причинами бегства были гонения на раскольников, неограниченная власть помещиков, заставлявших крепостных работать выше человеческих сил и допускавших злоупотребления при рекрутских наборах, несносное отношение к рекрутам в армии, дороговизна вина и соли и, наконец, лихоимство и прочие злоупотребления чиновников. Новгородский губернатор Яков Сиверс также полагал, что «неограниченная власть требовать с крестьянина какой угодно работы и брать какой угодно оброк» приводила к бегству крепостных в Польшу и Литву, «где зло еще не дошло до такой крайности». Разумеется, ни Панин, ни Сиверс не предлагали упразднить крепостное право — они советовали лишь облегчить участь крестьян в рамках существующего порядка, например определив размер оброка и количество дней барщины^{277}.

Однако благие пожелания так и остались пожеланиями, а помещики

продолжали утруждать своих крепостных тяжелой работой и по собственному произволу жестоко наказывать за ее невыполнение и иные провинности. Француз Пассенанс, долгое время живший в России, писал: «Наказание рабов изменяется сообразно с расположением духа и характером господина или заступающего его место. Оно гораздо чаще соразмеряется со строгостью того, кто его предписывает, чем с важностью проступка наказываемого. Самые обычные исправительные средства — палки, плети и розги. Наказания производятся обыкновенно в конюшне, или в другом отдаленном месте, чтобы крики истязаемого не беспокоили господ... Палками наказывали как за кражу, так и за опрокинутую солонку (последняя, по русской примете, предзнаменует большое несчастье, и потому такое преступление редко прощается), за пьянство и за легкое непослушание, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный суп. При наказании обыкновенно присутствует управитель, если при этом не бывает господина. Подвергающийся наказанию в одной рубашке ложится, один или чаще два человека помещаются сбоку и по очереди бьют, как по пуховику. Несчастный испускает пронзительные крики, просит прощения, клянется, что не провинится больше, но управитель приказывает: «сильнее, сильнее», и если наказываемый замедлит удары, ему самому грозят наказанием...»^{278}

Наблюдения иностранца вполне подтверждаются другими источниками. Дореволюционный историк В. И. Семевский в книге, посвященной крестьянам в царствование Екатерины II, привел большое число примеров различных наказаний, а порой и просто диких расправ, которым подвергались крепостные^{279}. Правда, Семевский пишет, что «личности, зверски истязавшие своих крепостных, несомненно, составляли исключение», в то время как «целая половина крепостных — крестьяне оброчных вотчин — были избавлены от непосредственной барской расправы»^{280}. Историк сообщает о двадцати известных ему случаях, когда помещики, замучившие своих людей до смерти, властями были признаны виновными. Однако из его же труда отчетливо видно, что помещиков-мучителей было гораздо больше. Кроме того, некоторые бары наказывали своих «рабов» не из садистских побуждений, а, так сказать, с целью исправления, но это воспитание также походило на мучительство. Причем к таким «педагогическим» мерам прибегали весьма просвещенные люди того времени, которые, наверное, очень удивились бы, если бы их обвинили в жестокости. Знаменитый полководец Александр Васильевич Суворов был гуманным человеком. Одному из своих управляющих он

приказывал лишь «словесно усовещевать, сажать на хлеб и на воду, в крайности, сечь по рассмотрении вины розгами». А когда Суворов узнал, что управляющий держит виновных скованными, то запретил прибегать к подобным мерам. Однако Александр Васильевич очень не любил пьяных, а потому приказывал поливать водой у колодца замеченных в пьянстве крестьян даже зимой. Суворов говаривал: «От холодной воды хмельное скорее пройдет, и дольше этот человек стыд и муку будет помнить, чем если его высечь розгами. Коли горячее любишь, то и к холодному будь способен». К телесным наказаниям прибегали также ученый и мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов и поэт Гаврила Романович Державин. Последний, например, приказал высечь принародно четырех скотниц за то, что они, плохо присматривая за скотиной, еще и «осмелились» просить барина их «от страды уволить». Старых скотниц надлежало сечь «поменьше», а молодых — «поболее». И если просвещенные люди таким образом «перевоспитывали» своих крепостных, то что же творилось у остальных помещиков?^{281}

Екатерину II частенько обвиняют в лицемерии: мол, ее заявления не соответствовали реальной политике. А. С. Пушкин в «Заметках по русской истории» (1822) назвал императрицу «Гартюфом в юбке и в короне»^{282}. (Правда, по мнению А. Б. Каменского, «в более зрелые годы представления Пушкина о екатерининском периоде русской истории, вероятно, несколько трансформировались», о чем «свидетельствует образ императрицы в повести «Капитанская дочка»^{283}.) «Чернильным кокетством» назвал екатерининские декларации советский историк Р. В. Овчинников^{284}. Однако, на наш взгляд, в жизни всё было гораздо сложнее. Зачастую политика Екатерины совпадала с ее декларациями о гуманном отношении к подданным. Вспомним хотя бы, что подписанный императрицей приговор яицким казакам, участникам бунта 1772 года, был несравненно мягче, чем его проект, предложенный следственной комиссией. Да и участь многих пугачевцев, как увидим позже, была облегчена благодаря опять же воле государыни. Это же можно сказать и о людях, оговоренных самозванцем или оговоривших себя.

Тем не менее остается вопиющее противоречие между декларациями и реальной политикой императрицы: с одной стороны, она заявляла о негативном отношении к крепостному праву, с другой — так и не улучшила положение помещичьих крестьян. Возможно, Екатерина не могла сделать этого, поскольку, по оценке современного историка А. Б. Каменского, «реальная власть российского монарха во второй половине XVIII в.

действительно была далеко не абсолютной и контролировалась определенными политическими и социальными силами, действовавшими в интересах дворянства»^{285}. Может быть, именно этим и объясняется появление в годы, предшествующие пугачевщине, указов, подтверждавших и даже укреплявших власть помещика над его крепостными. Среди прочего крестьянам запрещалось (сенатским указом от 22 августа 1767 года) подавать челобитные на своих господ, «а наипаче ее величеству в собственные руки», а их составителям и подателям грозили наказание кнутом и ссылка в Нерчинск на вечные каторжные работы^{286}. Таким образом, и без того минимальная возможность пожаловаться на самоуправство барина исчезла вовсе. Несомненно, правы историки, утверждающие, что этот и другие екатерининские указы лишь возобновили давние нормы, которые восходили еще к Соборному уложению 1649 года^{287}. Однако мы хорошо знаем, что прежде Екатерина, невзирая на Уложение, собственноручно принимала крестьянские челобитные. И если бы не подобная практика, то злодеяния знаменитой барыни-садистки Салтычихи, возможно, так никогда и не вышли бы наружу^{288}.

Поскольку легальные способы борьбы с барским произволом были минимальными, крестьяне противостояли ему сами, как могли. Помимо бегства на окраины государства и за его границы, мужики частенько бунтовали против своих помещиков и расправлялись с ними. Поэтому призывы самозваного Петра Федоровича и его атаманов получили, что называется, широкий отклик у помещичьих крестьян. «Всеми свету известно, — говорилось в одном из посланий пугачевского атамана И. Н. Грязнова, — сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж — вам самим то небызвестно. Дворянство обладает крестьянами, но, хотя в законе Божиим и написано, чтоб оне крестьян так же содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян (собак. — Е. Т.) своих, с которыми гоняли за зайцами». И если Грязнов только констатирует дворянские злодеяния, то «Петр Федорович» в указе от 31 июля 1774 года откровенно призывает к расправе со злодеями: «... повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах — оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами»^{289}.

Помимо барских, участие в пугачевщине принимали и другие категории крестьян. Так, уже в октябре — ноябре 1773 года к восстанию в

массовом порядке начали присоединяться заводские крестьяне. Речь идет главным образом об уральских заводах, где были постоянные и временные работники. Первую группу составляли мастеровые (мастера, подмастерья и ученики) и работные люди (выполняли подсобные работы) из собственных крепостных заводчика или посессионных крестьян. Посессионные юридически не были собственностью заводчика, а принадлежали самому заводу, однако фактически зачастую находились в полной власти владельца предприятия. Если мастеровые сравнительно хорошо обеспечивались, получали заработную плату, то работные люди находились в незавидном положении. Что же касается временных работников, то большая их часть состояла из приписных государственных крестьян (они еще назывались «партийными», поскольку на заводы их посылали посменно, партиями, для отработки подушного и оброчного окладов). Сюда же следует отнести вольнонаемных из податного населения^{290}.

Екатерина уже в самом начале своего царствования столкнулась с крестьянскими волнениями, в том числе с выступлениями заводских крестьян. Причем власти понимали, что нужно не только применять репрессии против недовольных, но и улучшать условия их существования. Так, например, в мае 1769 года приписным крестьянам была поднята зарплата. Однако эта мера оказалась неэффективной, так как в связи с началом Русско-турецкой войны размер подати с государственных крестьян был увеличен вдвое. Еще одной мерой, улучшавшей положение заводских крестьян, мог быть перевод заводов в казенную собственность. По мнению А. И. Андрущенко, переход Аннинского завода обанкротившегося графа Чернышева в казну в 1769 году «несколько облегчил положение заводского населения и приписных крестьян». Историк полагает, что именно это обстоятельство стало причиной того, что группа работных людей и мастеровых поддержала правительство во время пугачевщины (впрочем, другие рабочие перешли на сторону самозванца)^{291}.

Произвол заводовладельцев также не был устранен. 21 мая 1774 года, уже во время пугачевщины, член следственной комиссии С. И. Маврин просил императрицу обратить «взор свой на крестьян заводских, а паче на приписных, которые отданы совершенно в жертву заводчикам, а оные хищники ни о чем другом не помышляют, как о своем прибытии, и алчно пожирают всё крестьянское имущество, ибо многие приписные крестьяне ходят на иго работы от четырех до семисот верст. А порядок у них тот, что все они, кои могут работать, разделены на... партии: одна работает, а другая идет на смену, и до тех пор первая не возвратится в дома, пока

другая не придет сменить. Работа ж сия на заводах большею частью тогда потребна, когда крестьянин должен доставать насущное пропитание, а когда земледелец не достанет себе из земли сокровища, то он нищий»^{292}. Всё необходимое для жизни, по словам Маврина, крестьянин должен покупать втридорога в лавке у заводчика.

О тяжелом положении заводских крестьян, которое заставило их принять участие в пугачевщине, писали и другие чиновники. Например, главнокомандующий правительственными войсками генерал-поручик Ф. Ф. Щербатов в письме оренбургскому губернатору Рейнсдорпу от 16 июня 1774 года признавал: «...жестокость, употребляемая от заводчиков с своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ». Таким образом, обвинения в адрес заводчиков со стороны правительственных чиновников мало чем отличаются от подобных обвинений со стороны восставших. «Компанейщики завели премножество заводов, — провозглашал пугачевский атаман И. Н. Грязнов в одном из посланий, — и так крестьян работою удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет»^{293}. Другое дело, что восставшие и чиновники по-разному собирались решать крестьянские проблемы. Маврин и вовсе предлагал на время отложить их решение. «Не говорю, чтоб при нынешних обстоятельствах во удовольствие их было чтоб сделано, — писал он Екатерине, — для того, чтобы и впредь сия чернь не возмнила бунтом же требовать своего благоденствия и не пожелала того, чего сделать невозможно»^{294}.

Итак, понятно, почему крестьяне приняли участие в пугачевщине. Помимо помещичьих и заводских, бунтовали также дворцовые, экономические (бывшие монастырские) и государственные крестьяне, не имевшие отношения к заводам, чье положение было гораздо легче, чем у заводских и помещичьих крестьян. Кроме того, примкнули к повстанцам и ясачные крестьяне из нерусских народов (они не платили подушную подать, а вносили в казну налог-ясак). Можно ли на этом основании назвать Пугачевское восстание крестьянской войной, как это делали советские историки? Не крестьяне, а казаки стали инициаторами пугачевщины и впоследствии занимали главенствующее положение в повстанческом войске^{295}. В связи с этим неудивительно, что, несмотря на попытки подражать порядкам противоборствующего лагеря, идеалом устройства повстанческого войска, да и государства в целом, были казачьи обычаи, а потому, например, крестьяне, ставшие подданными «Петра Федоровича», назывались казаками^{296}. Важно добавить, что казаки, предводители

восстания, могли при случае разогнать мужиков или оставить их на произвол судьбы, что также едва ли дает основания называть пугачевщину крестьянской войной.

К сказанному следует добавить, что повстанцы — представители нерусских народностей далеко не все были крестьянами, среди них можно встретить ремесленников, а также кочевников и полукочевников. Причем зачастую на восстание их поднимали представители местной знати, старшины, чьи интересы порой были весьма далеки от крестьянских. Эти народности были недовольны злоупотреблениями и притеснениями со стороны помещиков и властей, как светских, так и духовных, в частности насильственной христианизацией. Наиболее активными участниками пугачевщины среди нерусских народов были башкиры, у которых помимо прочего вызывал возмущение захват их земель для строительства металлургических заводов. Они уже неоднократно поднимали восстания, а потому власти опасались их присоединения к Пугачеву. Опасность была тем более высока, что башкиры располагались близко к эпицентру восстания — большая их часть проживала в Уфимской провинции Оренбургской губернии. Нелишне будет добавить, что там обитали и другие нерусские народности, например татары, мишари, чуваша, калмыки, принявшие ислам, у которых имелись свои претензии к властям^{297}.

Заканчивая разговор о социальном и национальном составе участников пугачевщины, добавим, что среди них можно было встретить также горожан, священников, немцев-колонистов и даже отдельных дворян, но подробнее об этом будет сказано ниже.

Пока же вернемся в пугачевский лагерь под Оренбургом, куда, оправдывая опасения властей, в конце сентября — начале октября начали подходить башкиры. Самозванец, в свою очередь, 1 октября приказал отправить к ним, а также к татарам и калмыкам «царские» указы, которыми «прощающей народ и животных в винах... сладоязычной, милостивый, мяжкосердечный российский царь, император Петр Федорович» жаловал башкир и прочие народности «землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами... хлебом, верою и законом... солью» и т. д.^{298}

В тот же день восставшие отправили еще два «царских» указа: первый — оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, чиновникам губернской канцелярии, солдатам и казакам гарнизона и всем жителям города; второй — атаману оренбургских казаков подполковнику Василию Могутову. «Государь» требовал сдать город без боя. Однако власти не только не

собирались покоряться самозванцу, но и в указе от имени императрицы, который был отправлен в лагерь мятежников, призывали яицких и илецких казаков прекратить бунт и схватить его предводителя^{299}. Разумеется, всё это не устраивало повстанцев, а потому они перешли к более решительным действиям.

Глава четвертая

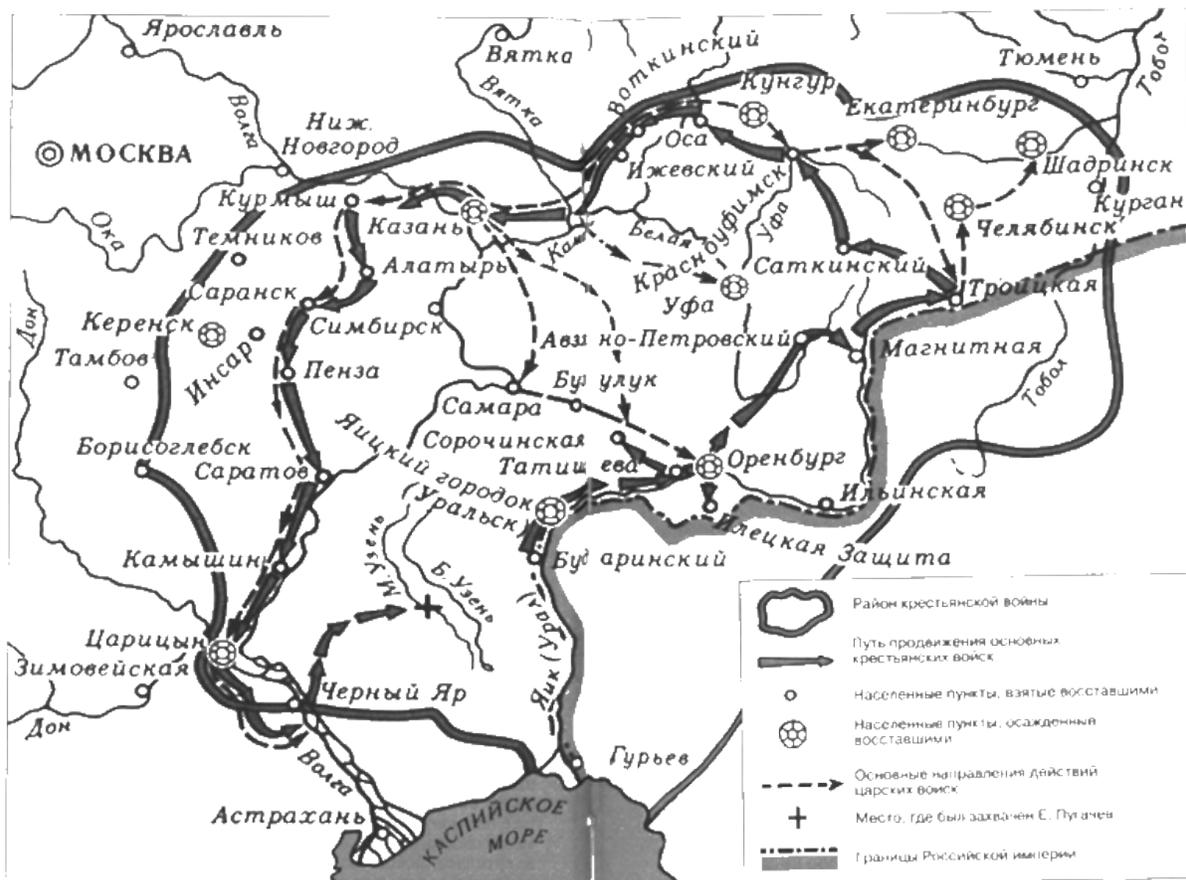
«ЦАРЬ» ПОБЕЖДАЕТ ЦАРИЦУ

Осажденный город и его окрестности

Пятого октября 1773 года началась осада Оренбурга, которая продлилась почти полгода. В этот день Пугачев со своим войском «показался» вблизи города «в великих толпах». В Оренбурге была объявлена тревога и, как вспоминал очевидец событий священник Иван Осипов, «все себе жители представляли смерть, и был великой плач и неутешное рыдание». Однако город хорошо подготовился к нападению повстанцев. Прежде всего было решено перевести жителей загородной Егорьевской слободы в Оренбург, а саму слободу сжечь, чтобы бунтовщики не смогли укрепиться на ее территории, прилегавшей «к самому городскому валу и к главной соборной церкви». «А дабы злодеи в близость города не шли, — писал П. И. Рычков, — для того выпалено в них с городского отсель вала из пушек ядрами и картечами 88 зарядов и брошены три бомбы тридцатифунтовые...» Этот обстрел заставил пугачевцев отойти на Казачьи луга, находившиеся в пяти верстах от Оренбурга, где они еще утром устроили свой лагерь^{300}.

На следующий день около полудня из города увидели, что Пугачев зажег заготовленное на зиму сено. Из Оренбурга был выслан отряд под началом майора Наумова, «состоящий в 1500 человеках регулярных и нерегулярных людей с пристойным числом артиллерии». Перестрелка продлилась часа два, после чего майору, заметившему «в подчиненных своих робость и страх», пришлось увести отряд в город^{301}. Не исключено, что на исход боя повлияла военная хитрость, примененная повстанцами. Оренбургский священник Иван Полянский пишет, что Наумов, выйдя из города, открыл артиллерийский огонь по пугачевцам, расположившимся «за горою в одной не с большим версте»; пугачевцы же, несмотря на обстрел, «с места своего отнюдь не трогались» и не открывали ответного артиллерийского огня, чтобы противник не мог обнаружить спрятанных ими под горой орудий. И только когда у правительственного отряда снаряды были на исходе, «Емелька с сообщники вдруг залпом почти из всех пушек стали по наших палить, и больше часа беспрестанная пальба со

обоих сторон продолжалась»^[302].

Восстание 1773—1775 годов под руководством Е. И. Пугачева

Впрочем, «страх» и «робость» подчиненных Наумова могли объясняться еще и тем, что они, как уже неоднократно бывало ранее, просто не желали сражаться с мятежниками. Вечером пугачевцы обстреливали Оренбург из пушек, а некоторые, «отважнейшие, подъезжая близко к городским валам, палили из ружьев и причинили тревогу». Целью артиллерийского обстрела было поджечь город и, воспользовавшись паникой, ворваться внутрь, как это было в Татищевой крепости. На первый взгляд, устроить пожар было нетрудно, поскольку «осень... тогда была около Оренбурга очень ведренная, а оттого и засуха такая сделалась, что река Яик и Сакмара пересохли так, что в иных местах по колено только воды было; а сена, привезенного в город, у жителей было немало». Но, хотя «жители были все в великом и неопisanном страхе», «тое ночь вреда никакого не причинено городу». Во многом, конечно, это была заслуга оборонявшихся, отбивших наступление бунтовщиков. А по мнению

священника Ивана Полянского, неудача попытки поджечь Оренбург объяснялась тем, что канониры из команды Билова, попавшие в плен к самозванцу, портили снаряды: «...много наши в городе гранат находили таких, в которых дырочки деревянными гвоздями заколочены были»^{303}.

За весь день осажденные потеряли лишь одного человека убитым и несколько ранеными, в то время как потери бунтовщиков, по некоторым сведениям, составляли до семидесяти убитых, а еще несколько повстанцев были взяты в плен или перешли на сторону правительственных войск. Тем не менее неудачная атака Наумове кого отряда свидетельствовала о том, что в стане обороняющихся отнюдь не всё благополучно. Губернатору, и не только ему, были ясны причины этой неудачи. На военном совете, созванном 7 октября, Рейнсдорп говорил «о колеблющемся здешнего народа состоянии»: «...вчерашняя вылазка доказывает крайнюю на казаков и татар безнадежность». По его мнению, наблюдалась «в оренбургских и яицких казаках к сражению с злодеями некоторая неохотность». Все участники совета, кроме вице-губернатора В. Я. Старово-Милюкова, высказались за то, чтобы отказаться от активных действий против самозванца, «поступать оборонительно» и дожидаться подкрепления. На это решение повлияли «усмотренное у злодеев людство» (многочисленность) и наличие у них мощной артиллерии. Впрочем, Рейнсдорп не оставлял надежды разбить Пугачева в открытом полевым сражении. Однако это сражение, произошедшее 12 октября, не принесло желаемого результата, а потому губернатор решил окончательно отказаться от крупных вылазок до подхода помощи^{304}.

Пугачев же намеревался во что бы то ни стало взять Оренбург раньше и неоднократно пытался сделать это. Наиболее решительный штурм города был предпринят 2 ноября. Утром по сигналу — выстрелу вестовой пушки — повстанцы открыли по городу артиллерийский огонь, который продолжался «до самой ночи». Этот обстрел был весьма опасен, ибо батареи располагались «вкруг всего здешнего города». Пугачевцы «завезли несколько пушек своих к самой Егорьевской церкви... от городского вала не далее двухсот сажень». Оборонявшиеся, в свою очередь, отвечали пушечной пальбой. Как вспоминал очевидец, «от такого происходящего с обеих сторон грому не только человеки трепетали, но и здания тряслись». Но одним артиллерийским огнем крепость не возьмешь, а потому около тысячи пеших повстанцев под командованием самого «Петра Федоровича» пытались ворваться в город. Говорили, что «государь» обещал соратникам «сверх того, что они грабежом могут получить, по 10 руб. на человека

деньгами и по хорошему кафтану, а потом отпустить их на волю, куда кто желает».

Легко можно представить, как подобные обещания вдохновляли бунтовщиков. Но неменьшее воздействие на них оказывало личное участие «царя» в этом штурме. Один из ближайших пугачевских сподвижников Тимофей Мясников вспоминал: «...все были поощряемы ево смелостию и проворством, ибо когда случалось на приступах к городу Оренбургу или на сражениях каких против воинских команд, то всегда был сам наперед, нимало не опасаясь стрельбы ни из пушек, ни из ружей. А как некоторыя из ево доброжелателей уговаривали ево иногда, чтоб он поберег свой живот, то он на то говаривал: «Пушка де царя не убьет! Где де ето видано, чтоб пушка царя убила?»^{305}. (А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» приводит диалог, якобы состоявшийся вблизи Нижнеозерной крепости между старым казаком и Пугачевым, ехавшим впереди войска. «Берегись, государь, — сказал ему старый казак, — неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек, — отвечал самозванец, — разве пушки льются на царей?»^{306}.) О бесстрашии Пугачева во время боя и о том, что оно вдохновляло других восставших, говорил во время следствия и казак Максим Горшков. При этом, правда, и он, и некоторые другие повстанцы отмечали, что самозванец выходил на сражение в «худом» платье, чтобы его не узнали^{307}.

И вот повстанцы, ведомые Пугачевым, приблизились к городскому валу, и началась перестрелка. Поскольку ружейные выстрелы с вала не приносили вреда залегшим за горой пугачевцам, Рейнсдорп приказал егерям 6-й легкой полевой команды перейти Яик и обстрелять бунтовщиков. Восставшим пришлось отступить. Солдаты, бросившись с вала на отступавших, «порубили и покололи из них человек до 30». Многие бунтовщики думали спастись, перейдя по льду на другой берег Яика, «но за тонкостию льда, проломившись, утонули». Говорили, что и сам их предводитель чуть было не погиб, да был спасен яицкими казаками.

Итак, штурм Оренбурга не удался. Впрочем, определенный урон городу нанести всё же удалось: были повреждены некоторые здания. Правда, число погибших было невелико — по всей видимости, их было семеро. По некоторым данным, столько же было и раненых. Среди убитых были не только защитники города, но и обыватели, например богатый купец и депутат Уложенной комиссии Илья Лукьянович Кочнев. У него в доме священник служил молебен, хозяин стоял возле окна, «имея правую руку прижату к левой». В это время ядро, пробив оконное стекло, ранило

Кочнева в правую руку, оторвав средний палец, «а потом разбило кость у левой руки выше локтя», так что «рука осталась на одной только мясной части». Решено было провести ампутацию, но купец скончался то ли во время операции, то ли после, а может, и вовсе не дождавшись ее. Среди мирных жителей, убитых в этот день, была также некая баба, ходившая по воду^{308}.

После этого штурма и осаждавшие, и осажденные на время прекратили активные боевые действия. Наступившие сильные морозы заставили Пугачева с войском перебраться из лагеря, находившегося между Бердской слободой и Маячной горой, в саму слободу в семи верстах от Оренбурга, которая до конца марта 1774 года стала своеобразной повстанческой столицей. Там «Петр Федорович» с комфортом устроился в теплом доме — не то что прежде. До переселения в Берду самозванец жил в походных условиях, ночевал или в палатке, или в кибитке, захваченной на хуторе советника Мясоедова. Как вспоминал писарь Полуворотов, побывавший в то время в плену у самозванца, в кибитку эту никто не имел права входить, кроме двух казаков (одним из них был Чика) и вдовы майора Харлова — той самой, которую Пугачев захватил в Татищевой крепости и сделал своей любовницей. Когда мнимый царь выходил из кибитки, то ему ставили кресло, сидя на котором он выслушивал и вершил «всякие дела». Приходившие к самозванцу люди кланялись ему в землю и целовали руку, а называли его «ваше величество», а порой просто «батюшка». При чем почтение это было вполне искренним, поскольку, по словам того же Полуворотова, повстанцы заочно продолжали почтительно величать своего предводителя «отцом».

Что же касается самих бунтовщиков, то до переезда в Берду они располагались в шалашах и балаганах, покрытых «для тепла» сеном, а также в землянках; лишь небольшая их часть разместилась по домам и сараям, когда 18 октября пугачевцы перешли в новый лагерь между Бердской слободой и Маячной горой. Однако обилие съестного и хмельного, как думается, вполне компенсировало все эти неудобства. Провиант в пугачевское войско свозили «из тех мест, коими он (самозванец. — *Е. Т.*) завладел». И, как отмечал очевидец, «скотины ж, отогнанной из разных мест, весьма у него много». Если же кому-то и этого не хватало, то он мог потребное прикупить себе, потому что в пугачевском лагере была разрешена торговля.

Разумеется, и в это время Пугачев делал всё возможное, дабы походить на заправдашнего императора, а потому решил учредить гвардию, командиром которой стал Тимофей Мясников. С этой же целью и, видимо,

примерно в это же время самозванец приказал некоторым своим приближенным взять фамилии виднейших екатерининских сановников: Чика стал Чернышевым, Чумаков — Орловым, а Шигаев — Воронцовым (в дальнейшем из всех этих новых фамилий прижилась только фамилия Чернышев). Думается, излишне пояснять, что «екатерининские орлы» и гвардейцы из яицких казаков, одетые в казачьи кафтаны, мало напоминали свои петербургские прототипы. Впрочем, это относилось и к самому «императору», носившему казачью шапку, плисовую малиновую шубу «да и шаровары такие ж».

Однако даже со стороны тех, кто понимал, что это маскарад, Пугачеву ничего не угрожало — до тех пор, пока ему улыбалась удача. Правда, самозванец, по всей видимости, понимал, что в любой момент она могла от него отвернуться. Поговаривали, что он выбрал 30 «самых лучших и резвых» лошадей, которых всегда содержал «на хорошем корму у себя», видимо, чтобы при необходимости ускакать со своим окружением от преследователей^{309}.

Уже в октябре восстание охватило большую часть Оренбургской губернии. Зачастую небольшие отряды пугачевцев, пользуясь сочувствием местного населения, легко овладевали крепостями и населенными пунктами^{310}. Помещики, слышав о восстании, бежали из своих имений. Так, например, поступили отец историка Н. М. Карамзина и его соседи, чьи имения располагались в Ставропольском уезде (Ставрополь-Волжский — современный Тольятти) в 250 верстах от Оренбурга. В середине октября в деревню Карамзиха приехали 11 яицких казаков и, собрав здешних крестьян, объявили, «что они посланы из армии от государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу», при этом строго предупредили собравшихся: «Смотрите жа-де, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите, а есть ли де мы вперед застанем на помещичьей работе, так всех переколем». После этого казаки разграбили помещичий дом и уехали из деревни. Недоверчивые мужики, «желая осведомиться о подлинности сей сказанной им вести», отправили своих депутатов под Оренбург к самому «Петру Федоровичу». «Государь» принял карамзинских крестьян и вручил им свой указ, в котором говорилось, что крестьяне, ставшие теперь казаками, награждаются, помимо прочего, «вечною вольностию». Разумеется, указ был зачитан крестьянам Карамзихи и близлежащих деревень. Кроме того, один из побывавших у «царя» мужиков, Леонтий Травкин, рассказал священнику соседней деревни Ляховка Петру Степанову об устном

наставлении, будто бы полученном им от «Петра Федоровича»: «Ежели кто помещика убьет до смерти и дом его разорит, тому дано будет жалованья — денег сто; а кто десять дворянских домов разорит, тому — тыща рублей и чин генеральской». Однако «чин генеральской» Травкину получить не удалось, как и собрать отряд из крестьян, поскольку в скором времени он с товарищами был арестован командой, присланной симбирским комендантом Чернышевым^{311}.

Мятежные казаки появлялись и в других деревнях и селах, где также запрещали мужикам работать на помещиков, а порой вместе с этими же мужиками грабили господские дома, а то и убивали самих господ, не успевших скрыться. Так, опять же в октябре в деревне Пополутове Оренбургского уезда была ограблена, а потом и зверски убита местная барыня: сначала в нее стреляли из ружья, потом кололи копьями, били дубьем «и после, накинув на шею петлю, стащили ее под гору». Когда же увидели, что и после стольких мучений помещица была жива, сын местного старосты, «прибыв с топором, ударил ее обухом в голову, от чего она и умерла». Однако с убийством барыни эта страшная история не закончилась. По свидетельству пополутовского крестьянина Гурьяна Феклистова, «как тело ее отвезли в лес и оставили по совету Старостина сына без погребения, то собаки иногда руку, а иногда ногу таскали по деревне, и крестьянские бабы, отнимая у собак, похоронили потаенно». У помещицы остались три малолетние дочери. Казаки приказали местным жителям взять девочек к себе «вместо детей», а когда они вырастут, выдать замуж «за крестьян же»^{312}.

В октябре 1773 года пугачевские посланцы, указы от имени «Петра Федоровича», а также слухи о восстании подняли на бунт и часть заводских работных людей на Урале. В октябре к восстанию присоединились 13 из 129 действовавших там металлургических заводов^{313}. Заводы эти были нужны Пугачеву, помимо прочего, потому, что имели боеприпасы и орудия, а также людей, которые могли их отливать. Так, на Авзяно-Петровский завод Пугачев отправил в середине октября уже известного нам бывшего каторжника Соколова-Хлопушу. Как вспоминал на следствии сам Хлопуша, тамошние мужики, выслушав «царский» указ, закричали: «Рады ему, государю, послужить!» — и «выбралось охотников к Пугачеву в службу пятьсот человек», причем эти добровольцы, «взяв своево приказчика Набатова и протчих расходчиков, всего сем человек, сковали», а затем отправили их в Берду к Пугачеву, где они и были повешены. Покидая завод, пугачевский атаман захватил с собой

шесть пушек, «сто двадцать лошадей со всеми приборами, а в конторе сем тысяч денег, в том числе по скаскам заводских крестьян было две тысячи рублей подушных, кои расходчик тут же раздал крестьянам. Еще взято: триста баранов, семдесят сем быков, посуды серебряной пуда два, столовые часы, медную и ловянную посуду, пороху два пуда и всякой господской одежды множество». Напоследок «приказал тут Хлопуша вылить шесть пудов ядер»^{314}.

Всего на сторону Пугачева во время восстания перешло 64 уральских завода. При этом нужно отметить, что зачастую заводские крестьяне восставали только тогда, когда к ним приходили пугачевцы. Так, по данным советского историка А. И. Андрущенко, 30 из 44 заводов, присоединившихся к восстанию в декабре — январе 1773/74 года, примкнули к «Петру III» после появления в их округе повстанцев. Руководителями повстанческих органов власти на заводах, как правило, становились начальники прибывших пугачевских отрядов. (Мы уже видели, что похожим образом к восстанию присоединялись и помещичьи крестьяне, то есть зачастую инициатива принадлежала не им, а опять-таки казакам-пугачевцам.) С другой стороны, отнюдь не все горнозаводские рабочие присоединились к восстанию. 28 заводов держали оборону против пугачевцев, а еще 15 заводов, находившихся вне территории восстания, посылали людей в правительственные отряды, сражавшиеся с бунтовщиками. К тому же и работные некоторых заводов, примкнувшие к восстанию, впоследствии колебались или отходили от Пугачева. Соппротивление отрядам «Петра III» было обусловлено не только тем, что хозяева и управители подкупали и запугивали своих работников, но и бесчинствами, чинимыми в отношении местного населения повстанцами, в особенности башкирами: грабежами и убийствами, сожжением домов и пр.^{315}

Нападения башкир на заводы начались уже в октябре 1773 года — почти сразу после того, как они стали присоединяться к «Петру Федоровичу». Впрочем, многие башкирские и мишарские старшины в это время еще не сделали окончательный выбор, на чьей они стороне, и по-настоящему пугачевщина запылает здесь несколько позже^{316}. В октябре 1773 года к самозванцу примкнули ставропольские калмыки (они были подняты на восстание пугачевским полковником Дмитрием Лысовым), а также отдельные отряды киргиз-кайсаков (казахов), в то время как другие казахи, воспользовавшись беспорядками, уже с сентября того же года начали совершать набеги в пределы Оренбургской губернии^{317}.

Перед катастрофой

Вспыхнувшее в Оренбуржье восстание в любой момент могло перекинуться на соседние территории, например на Казанскую губернию, обороноспособность которой оставляла желать лучшего. Здесь в то время находилось всего три гарнизонных батальона, причем большинство их личного состава было командировано для набора рекрутов и конвоирования арестантов в Сибирь. Что же касается местных жителей, то, по мнению казанского губернатора Якова Брандта, высказанному в начале октября 1773 года, полагаться на них было невозможно: «Земледельцы разных родов, а особливо помещичьи крестьяне, по их легкомыслию, в сем случае весьма опасны, и нет надежды, чтобы помещики крестьян своих с пользой могли употребить себе и обществу в оборону». Правда, при этом губернатор предложил дворянам вооружить своих дворовых для защиты губернии, что и было сделано. Для этих же целей Брандт приказал вернуть посланных для набора рекрутов «нижних чинов» в Казань и Симбирск, а также употребить в дело отставных солдат, хотя они уже давно не служили и были скорее крестьянами. Этих сил было явно недостаточно, а потому губернатор обратился за помощью. 8 октября, получив донесение от Брандта, главнокомандующий в Москве генерал-аншеф Михаил Никитич Волконский на следующий день направил в Казань отряд в 300 человек из Томского полка с одним орудием и поспешил уведомить обо всём президента Военной коллегии графа Захара Григорьевича Чернышева^{318}.

Помимо Волконского, о начавшемся восстании правительству сообщали и сам Брандт, и, конечно, Рейнсдорп, однако в силу разных причин вести о бунте достигли Петербурга лишь 14 октября — именно в этот день в столицу были доставлены письмо Волконского Чернышеву и донесения в Военную коллегию Рейнсдорпа от 29 сентября и Брандта от 2 октября. Напомним, Россия в то время вела войну с Турцией и опасалась войны со Швецией, а потому свободных войск в распоряжении правительства не имелось. Перебрасывать же полки, находившиеся на границе, означало придать мятежу слишком серьезное значение и ненужную огласку. В результате войска против самозванного «Петра Федоровича» пришлось, по замечанию Н. Ф. Дубровина, собирать «по клочкам, небольшими разрозненными командами, и отправлять на театр действий без всякой связи и единства». Волконский получил приказ немедленно командировать из Калуги в Казань генерал-майора Фреймана, в

1772 году усмирявшего бунт яицких казаков. С ним были посланы 300 рядовых и оставшиеся три орудия пехотного Томского полка. В Казань решили послать также гренадерскую роту (182 человека) с двумя орудиями. Кроме того, царицынскому коменданту полковнику Цыплетеву было приказано не допустить переправы Пугачева через Волгу «для следования на Кубань», а коменданту крепости Святого Димитрия Ростовского генерал-майору Потапову предписывалось не допустить самозванца на Дон. Главнокомандующим войсками, посланными против Пугачева, назначался генерал-майор Василий Алексеевич Кар, один из немногих генералов, находившихся в то время в Петербурге. В его распоряжение поступали как вышеозначенные отряды, направлявшиеся в Казань, так и «тамо находящиеся войска». В случае необходимости ему были даны полномочия привлечь «башкирцев и поселенных в Казанской губернии отставных столько, сколько надобность потребует»^{319}.

Когда на заседании Государственного совета 15 октября императрица спросила, достаточны ли меры, принятые против бунтовщиков, члены совета ответили утвердительно. Большинство сановников в то время полагали, будто новый бунт «не может иметь следствий, кроме что расстроить рекрутский набор и умножить ослушников и разбойников». Поэтому императрица решила добавить к уже принятым мерам лишь издание манифеста, в котором изобличала самозванца и призывала мятежников «отстать» от него. Манифест был отпечатан на следующий день в сенатской типографии в количестве 200 экземпляров, дабы не давать делу широкую огласку. Правда, вскоре после новых донесений Рейнсдорпа, в частности о начавшейся осаде Оренбурга, власти всё же решили несколько усилить войска, посланные на усмирение восставших. Военная коллегия предписывала Рейнсдорпу бунтовщиков «атаковать, разбить и рассеять», а самого Пугачева схватить. Видимо, и сам губернатор уверился в своих силах, поскольку отказался от помощи войск под начальством генерала Ивана Александровича Деколонга, двигавшихся к осажденному Оренбургу из Сибири^{320}.

Существуют разные версии того, почему Рейнсдорп отказался от помощи. По одной из них, он не желал делить с кем-либо славу за победу над бунтовщиками; согласно другой, не хотел лишней раз вызывать недовольство Петербурга, преувеличивая опасность^{321}. Трудно сказать, как было на самом деле, но очевидно, что в Петербурге опасность и впрямь считали преувеличенной. Поэтому неудивительно, что первоначально отряд Кара состоял всего из 522 человек при шести орудиях, а его командир

вообще не ожидал сопротивления со стороны повстанцев. Находясь на границе Казанской губернии, в Кичуевском фельдшанце, в письме Екатерине II от 31 октября он писал: «Опасаясь только того, что сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег...» Днем раньше Кар получил в свое распоряжение «оружейных людей» (3468 человек), собранных по приказанию казанского губернатора Брандта. Причем часть их шла к Оренбургу отдельно, самостоятельными отрядами, например отряд симбирского коменданта полковника Чернышева. Большой частью люди, собранные Брандтом, были или плохо подготовлены к боевым действиям, или же крайне ненадежны, однако ждать подкрепления Кару было особенно неоткуда. Башкиры и калмыки, посланные ему на помощь, разбежались или уходили к Пугачеву, а отправленные в его распоряжение полевые команды (преимущественно из западных губерний) по тогдашним условиям могли добраться до цели не ранее января 1774 года. Кару не хватало провианта, орудий и боеприпасов, а имевшаяся артиллерия находилась в ненадлежащем состоянии; местные жители не только сочувствовали самозванцу, но и переходили на его сторону. Причем о подобном положении, помимо прочего, мы знаем и из собственных донесений Кара в Петербург. Правда, несмотря на это, он продолжал быть уверен в том, что Пугачев, завидев правительственные войска, сразу же побежит, и только сокрушался, что у него недостает кавалерии для погони за самозванцем. Чтобы преградить Пугачеву путь к отступлению, генерал приказал симбирскому коменданту полковнику Чернышеву занять Татищеву крепость.

Шестого ноября Кар со своим отрядом при пяти орудиях дошел до деревень Мустафиной и Сарманаевой и решил подождать здесь присылки из Казани артиллерии и прибытия роты 2-го гренадерского полка. В то время под его командованием находилось 1467 человек — офицеры и солдаты Томского и Вятского полков, посланные из Москвы, а также гарнизонные солдаты, татары, конные поселенцы и экономические крестьяне, собранные Брандтом; таким образом, его отряд больше чем наполовину был укомплектован людьми, малопригодными для военных действий, а орудия оставляли желать лучшего. Однако от правительственных войск могла всё же исходить реальная опасность для бунтовщиков. Из Верхнеозерной крепости к Оренбургу двигался довольно внушительный отряд бригадира Корфа, а к Татищевой крепости, как мы помним, отряд Чернышева. Кроме того, в Орске располагались значительные силы под командованием Деколонга. Как писал Н. Ф. Дубровин, «при одновременном и единомышленном действии этих отрядов,

подкрепленных еще вылазкой из Оренбурга, конечно, толпа мятежников не в состоянии была бы бороться с регулярными войсками». Однако Кар даже не подозревал о близком присутствии отрядов Деколонга и Корфа, как, впрочем, и Деколонг с Корфом не имели никаких известий о Каре. К тому же Кар имел весьма скудные сведения и о противнике — он лишь знал, что тот «стоит под Оренбургом по реке Сакмаре до Сакмарского казачьего городка». Как уверил его Брандт, войско самозванца немногочисленно «и состоит из сущей сволочи»^{322}.

Но знал ли Пугачев о приближении Кара? Как вообще обстояли дела в его лагере накануне важных событий?

После неудачной попытки взять 2 ноября Оренбург штурмом самозванец, разумеется, не оставил надежды захватить город. Уже 4-го числа «государь» вызвал депутата екатерининской Уложенной комиссии от оренбургских казаков Тимофея Подурова (напомним, перешедшего на его сторону под Татищевой крепостью):

— Я намерен к городу посылать казаков на переговоры, чтобы жители, не доводя себя до конечной гибели, сдались мне. Так ты напиши от себя к оренбургскому атаману Василию Могутову да к яицкому старшине Мартемьяну Бородину, чтоб они, если желают получить от меня за противность их прощение, уговаривали городских солдат и казаков, а равно губернатора и всех командиров к сдаче мне города и покорение в мое подданство. Ты их обнадежь, что я, право, им ничего не сделаю и прощу. А если они не сдадутся и мне удастся штурмом город взять, то тогда я поступлю с ними безо всякой пощады. Ты уверяй их в тех письмах, что я точно Петр Третий, да опиши притом и мои приметы, вот какие: верхнего напереди зуба нет, правым глазом прищуривает. Видь ты говоришь, что меня прежде не видывал, так и нельзя тебе знать этих примет, а они меня видали и помнят оные приметы. Да напиши к Могутову и то: разве ты забыл государевы милости? Видь он сына твоего пожаловал в пажи!

Разумеется, Подуров выполнил пугачевское приказание — написал послания Могутову и Бородину, в которых, помимо прочего, по требованию самозванца сообщил «государевы приметы»^{323}. У Емельяна Ивановича и впрямь не было «верхнего спереди зуба», и он прищуривал один глаз. Возможно, именно по этим приметам некоторые яицкие казаки еще до восстания признали в Пугачеве «Петра Федоровича»^{324}.

Однако Пугачеву показалось, что подуровских посланий недостаточно, а потому 5 ноября он приказал Почиталину составить — разумеется, от имени «Петра Федоровича» — указ «во Оренбургскую губернскую

канцелярию губернатору к Рейнсдорпу Ивану Андреевичю и всем господам и всякаго звания людем», а также обращение к Мартемьяну Бородину и его казакам. В этих указах «император» обещал прощение, а казакам Бородина даже награду за подчинение и грозил в случае непокорности, что было обычным делом. Необычным был способ доставки подуровских писем и пугачевских указов в Оренбург. 5 ноября караульные у городской крепости задержали четырех «казачьих женок», появившихся со стороны Бердской слободы. При обыске у одной из них, Ирины Репиной, нашли зашитые в плечах шубы бумаги. На допросе казачка показала, что эти послания «сняв с нее, Ирины, шубу, сам он, Падуров, зашил во оную против плеч, между крышки и овчины», а на словах приказал ей с товаркой, казачкой Черемухиной, отдать пугачевские указы лично губернатору при Могутове, «а другие два письма велел ему, Могутову, отдать тихонько». Подуров также велел передать на словах Рейнсдорпу и всем оренбуржцам, что им дается четыре дня на размышление, а если по прошествии отведенного времени они не сдадутся, повстанцы «опять зделают приступ». Необходимо лишь добавить, что эти «женки» были не добровольными, а невольными курьершами восставших — они были захвачены бунтовщиками 18 октября вместе с фуражирами, ездившими за сеном^{325}.

Выше уже упоминалось, что 4 ноября, через день после неудачного штурма Оренбурга, пугачевское войско из-за сильных морозов переселилось в Бердскую слободу, в семи верстах к северо-востоку от губернского города. Поскольку жилья на всех не хватало, «император» приказал около Берды и в самой слободе «на дворах делать землянки», сам же поселился в доме Константина Ситникова, «так как етот дом был из лутчих» и потому «назывался дворцом государевым». Как на следствии вспоминал командир пугачевской гвардии Тимофей Мясников, у «дворца» «на крыльце всегда непременно стоял караул, состоящей из выбранных нарочно для сего лутчих яицких казаков, дватцати пяти человек». Если «царь» куда-нибудь выезжал, то эти казаки «всегда за ним и ездили», а потому «назывались они гвардиєю». Поведал Мясников и о некоторых деталях убранства «государева дворца» и пребывания в нем Пугачева: «Покой у него был обит вместо обоев шумихою, по стенам зеркала и портрет государя цесаревича Павла Петровича, взятой у офицера при разбитии не припомнит которой крепости. Дежурным всегда при нем был из яицких казаков Яким Давилин. В покое с ним никто не начевывал, кроме двух живших у него русских девок, а чьи такая — не знает, и двух мальчиков... которых он называл своими детьми». Одним из них был сын повешенного илецкого атамана Лазаря Портнова, Иван, исполнявший при

«императоре» должность «камер-пажа». О втором мальчике известно со слов Мясникова лишь то, что он «взят у отставного яицкого атамана Бородина, живущей у него, неизвестно, чей такой». По всей видимости, следователей заинтересовала и роль «девок», которым позволялось ночевать в покоях самозванца, поскольку о них Мясников заявил: «... показанныя ж девки были у него (Пугачева. — Е. Т.) стряпухами»^{326}.

При этом, правда, возникает вопрос: какая, так сказать, профессиональная необходимость заставляла стряпух «ночевывать» в одном «покое» с Пугачевым? Судьба Харловой наводит на мысль, что девки оставались в «царских» апартаментах не только для того, чтобы приготовить еду проголодавшемуся посреди ночи «государю». Дореволюционные историки, в том числе и А. С. Пушкин, и вовсе утверждали, что пугачевский лагерь представлял из себя «вертеп» «распутства» и «разврата»^{327}. Попытаемся разобраться, насколько обоснованы такие утверждения.

О разврате и пьянстве

На допросе в Яицком городке самозванец, рассказывая об освобождении в июле 1774 года своей первой жены Софьи из казанского острога, добавил: «Было у меня и еще женщин около десятка, однакож — не жены, а только адевали и готовили для меня есть, и делали всякия прислуги». Сама первая жена самозванца на допросе в том же Яицком городке в сентябре 1774 года также рассказывала, что несколько «девок» и «женщин», захваченных восставшими, прислуживали ее мужу. Поскольку у «царской» палатки «полы были подняты», Софье удалось подсмотреть, что там происходило. Когда Пугачев вошел в палатку, «то две подскочили к нему, приняли у него шапку, сняли с него саблю и раздели. А он, раздевшись, лег на перины. И покуда он лежал, то между тем девки приготовляли обедать. А как было всё готово, то он, вставши, сел на подушки и обедал один, а девки и некоторыя казаки перед ним стояли... Во время обеда, да и после оногo, Пугачев всё, что ему ни потребно было, приказывал девкам так: «девки, подай то, девки, адень». А они поспешно то исполняли»^{328}.

Однако отнюдь не всё происходившее в палатке Софья видела своими глазами, кое о чем ей поведала одна из «девок», «боярская дочь» Авдотья, захваченная повстанцами на одном из заводов.

— Мы с батюшкою-государем, — хвасталась Авдотья, — спим вместе на одной постели по две попеременно! Он у нас всегда в середках!

Авдотья рассказывала об этом «с веселым лицом», из чего супруга «императора» заключила, что «она сие за честь себе ставила». Ну а самой ей, напротив, «было ето досадно слышать». Однако Софья не сказала «девке», кем доводится их «батюшке-государю». Сама же она по достоинству оценила женскую прислугу, состоявшую при ее муже: «... девки были хорошия так, как написаны»^{329}.

Другие источники также свидетельствуют, что порой у Пугачева имелось несколько наложниц одновременно^{330}. Однако можно предположить, что не все из них, подобно упомянутой Авдотье, почитали «за честь» спать с «батюшкой-государем». В то же время покровительство, оказываемое предводителем повстанцев той или иной пленнице, могло спасти ее от более страшного насилия со стороны его подчиненных. Так, в конце июня 1774 года после захвата села Терсы под Казанью Пугачев отправил дворовую помещика Тевкелева в село Котловка к Карпу Карасю, с которым познакомился еще во время бегства из Казани. По свидетельству самого Пугачева, сделал он это, чтобы спасти девушку «от насилия толпы ево». Вероятно, подобные вещи среди его подчиненных происходили нередко. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что повстанцы частенько брали в плен девушек-дворянок. Едва ли бунтовщики оставляли их у себя, например, в качестве поварих или прачек — для этого сгодились бы девушки попроще. Поэтому не следует однозначно считать клеветой (хотя она тоже имела место) заявления противников восстания, что бунтовщики «столько... ругались, сколько им, плутам, хотелось», над дворянскими девицами, «женский пол сквернят блудом» и т. д.^{331}

На этом фоне едва ли кого-то удивят и исходившие от противников восстания обвинения Пугачева и его сообщников в «безмерном» пьянстве. Небезынтересно, что еще в июне 1772 года усмиритель яицкого мятежа генерал Фрейман, характеризуя местных казаков, между прочим отмечал: «...они все по дешевизне у них вина пьяницы, не исключая и женский пол»^{332}. О пьянстве в пугачевском войске рассказывали на следствии и сами повстанцы. Так, например, один из них, горький пьяница Михаил Голев, уверял следователей, что не ушел из пугачевской «толпы» «большей частью для того, что в оной вина пить запрещается ни от кого не было и за пьянство никого в толпе не бивали», по каковой причине Голев «редко в сей толпе и просыпался»^{333}. (Ниже мы увидим, как из-за обильных возлияний восставшие однажды упустили очень важную победу над

правительственными войсками.)

Однако не следует думать, что в войске «Петра Федоровича» служили лишь пьяницы и что для всех повстанцев пьянство было, так сказать, нормой обыденного существования. Именно пристрастие к спиртному не позволило упомянутому Голеву сделать карьеру в пугачевском войске. Как сам Михаил поведал на следствии, он с разрешения самозванца начал было собирать полк, но «по пьянству своему» собрал лишь «мужиков и то с шестью, человек до ста, да и те, видя его всегда пьянова, от него отставали». Затем Голев был отправлен Пугачевым в отряд атамана Ивана Белобородова, но пробыл там лишь несколько дней, после чего, опять-таки за пьянство, отослан обратно. Это неудивительно — Белобородов был противником «жадных к богомерскому пьянству». Кстати, по словам одного из бунтовщиков, Белобородов именно благодаря «трезвости», а также «кроткому нраву» «приобретал доверие» подчиненных. К сказанному можно также добавить, что порой повстанческие руководители, в том числе и сам Пугачев, пытались (правда, не всегда успешно) обуздать пьянство в своем войске. Например, один из бунтовщиков, «горный писчик Верхоланцев», вспоминал: «В городе Камышине распустили тюрьму и разбили винный подвал. До 600 бочек пролили; пить не давали. Арестанты черпали пролитое вино ушатами, шляпами, пили нападкой и в пьяном разгуле дебошировали по городу»^{334}.

А какие отношения с зеленым змием были у самого Емельяна Ивановича? Из показаний его сподвижников известно, что Пугачев не просто выпивал, но порой напивался допьяна. Об этом, например, говорил Максим Шигаев. Однако, по всей видимости, случалось это нечасто. По свидетельству Максима Горшкова, «самозванец от излишняго питья воздерживался и употреблял редко». Первая жена Пугачева, Софья, также говорит о нем как о человеке «состояния трезвого». В пользу того, что Емельян Иванович не был «алчен к пьянству», может свидетельствовать рассказ крестьянина Василия Попова, конвоировавшего Пугачева из Малыковки в Симбирск в декабре 1772 года: «злодей» послал охранника за вином, но «выпил одну чарку, а достальное отдал нам»^{335}. Будь Пугачев беспробудным пьяницей, он уж точно не ограничился бы одной чаркой и не отдал бы остальное спиртное конвоирам. В смысле умеренности в выпивке «Петр Федорович» отличался не только от многих своих сторонников, но и от «предшественника» Степана Разина, который, по свидетельству современников, пил «безобразно»^{336}.

Едва самозванный Петр Федорович со своим войском в начале ноября 1773 года обосновался в Берде, как к нему пришло известие о приближении к Оренбургу отряда Кара. На большом московском допросе Пугачев вспоминал, что в то время явился к атаману Андрею Овчинникову «незнаемо откуда приезжей мужик», который сообщил:

- К Сакмару идет енарал Кар с камандою.
- Велика ли команда? — спросил Овчинников.
- Не добре велика, однако таки и не мала ж.

Овчинников «лепортовал» Пугачеву, а тот счел благоразумным выслать навстречу противнику разведывательный отряд в 60 человек во главе с сотником Яковом Пономаревым. Выяснив, «сколь велика с генералом Каром команда», Пономарев «прислал к злодею просить еще, чтоб дал на подмогу людей». Во главе посланной подмоги были поставлены Овчинников и Зарубин. О численности их отряда Пугачев говорил по-разному на разных этапах следствия: на допросе в Яицком городке обозначил ее в три сотни казаков и четыре пушки, а на большом московском допросе увеличил до пятисот человек, а к пушкам прибавил еще два «единорога» (гаубицы). Впрочем, другие источники дают иные цифры: менее ста человек, более пятисот и даже более тысячи^{337}.

А вот у Кара разведка была никудышная, а потому он ничего не знал о приближении отряда Овчинникова и Зарубина. Впоследствии Кар в одном из донесений признавался: «Подробных же о злодейской толпе сведений, никакими обещаниями посланным шпионам, достать по сие время не могу, кроме что с моими записками прямо к изменникам являются и об нашем состоянии всё сказывают». Правда, 7 ноября от товарища уфимского воеводы Богданова он получил сведения, что атаман Хлопуша возвращается в пугачевский лагерь «с Овзяно (то есть Авзяно. — Е. Т.) — Петровского Демидова завода с возмутившимися крестьянами под препровождением пяти сот человек башкирцев и везет пушки и мортиры». Генерал решил перехватить повстанцев, для чего приказал секунд-майору Шишкину «с четырьмястами рядовых и двумя пушками, выступя из Мустафиной, занять деревню Юзееву», сам же «с достальными людьми» последовал за ним. Однако авангард шишкинского отряда «под самой Юзеевой деревней» был неожиданно атакован Зарубиным, «при чем тотчас осьмнадцать человек татар к злодеям без малейшего сопротивления предались». Остальные, несмотря на это, не дрогнули и на призывы

бунтовщиков переходить на их сторону ответили огнем. Повстанцы, «убитых и раненых своих подхватя в бывшие при них сани, ускакали за деревню». Шишкин вошел в Юзееву, а ночью с остальными войсками подтянулся Кар. «Учредя из пехоты пикеты», стали дожидаться следующего дня^{338}.

На рассвете 8 ноября появились повстанцы. Если верить Кару, было их «сот до шести с одною трехчетвертною пушкою». Пугачевцев начали уговаривать, чтобы они «отстали от чинимого ими злодеяния». Однако ни эти уговоры, ни переданный мятежникам екатерининский увещательный манифест не заставили их сложить оружие. По поводу манифеста они лишь с бранью «ответствовали», «что их манифесты правее», а потом и вовсе начали стрелять из пушки. Кар приказал открыть ответный артиллерийский огонь, после чего повстанцы были вынуждены отступить^{339}.

От прискакавшего подпоручика Татищева Кар узнал, что на помощь скоро придет вторая гренадерская рота во главе с поручиком Карташевым. Однако Овчинников и Чика, расположившиеся в двух верстах от Юзеевой, также проведали об этой подмоге от захваченного в плен квартирмейстера. Разумеется, пугачевцы решили перехватить команду Карташева, и это им довольно легко удалось. Успеху повстанцев, несомненно, способствовала беспечность Карташева и его подчиненных: ружья у многих были не заряжены, «и каждой в своих саях спал». Подпоручик Михаил Шванвич из команды Карташева вспоминал на следствии: «...остановя нас, [Чика] несколько раз выпалил из пушек... вся команда оробела. А потом всех почти без супротивления побрали по рукам... и, как овец, в сторону от большой дороги версты полторы заворотя, обезоружили». Кроме того, на желание нижних чинов перейти под власть «Петра III», как уже неоднократно бывало, повлияла пропаганда мятежников. В итоге лишь два офицера — командир отряда Александр Карташев и его брат Михаил — были казнены (еще семеро, скорее всего, погибли во время обстрела), а примерно 180 человек отправлены в Берду^{340}.

Кар, услышав ночью пушечные выстрелы и испугавшись, что бунтовщики разобьют команду Карташева, а также «башкирцев», которые должны были прийти ему на помощь, приказал готовиться к выступлению из Юзеевой. 9 ноября, когда отряд вышел из деревни, «со всех сторон, а особливо из деревни Юзеевой... (она была занята бунтовщиками сразу же по выходе оттуда отряда Кара. — Е. Т.) насакало сих злодеев на меня верхами более двух тысяч человек (к отряду Овчинникова-Зарубина присоединились люди Хлопуши. — Е. Т.) и, подвезя артиллерии девять

орудий, начали стрелять ядрами и гранатами». В донесении в Военную коллегию от 11 ноября генерал писал: «...по неимению при мне легких войск не можно мне было ничего с ними сделать, кроме что отстреливаться по их батареям из имевшегося со мною одного осьмифунтового единорога, под которым напоследок подбили лафет, и четырех трехфунтовых пушек, из коих три весьма безнадёжные». «Безнадёжны» были не только пушки, но и люди: «...из конных же моих, как скоро сильная канонада началась, то тридцать один человек экономических крестьян тотчас ускакали в злодейскую шайку; да и солдаты вслух кричать начинали, что бросят ружья». Низкий боевой дух своих людей Кар объяснял тем, что солдаты, «собранные из разных команд и то либо очень старые, или недавно из рекрут, а офицеры от большей части молодые и небывалые на сражениях», и резюмировал: «...насилу могли мы с г. генерал-майором Фрейманом и премьер-майором фон-Варнстедом, бросаясь во все стороны, ободрить их». При этом Кар отдал должное противнику: «...сии злодеи ничего не рискуют, а чиня всякие пакости и смертные убийства, как ветер по степи развеваются, а артиллерию своею чрезвычайно вредят; отбивать же ее атакою пехоты также трудно, да почти и нельзя, потому что они всегда стреляют из нея, имея для отводу готовых лошадей, и как скоро приближаться пехота станет, то они, отвезя ее лошадьми далее на другую гору, и опять стрелять начинают, что весьма проворно делают и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было»^{341}.

Кару пришлось отступить, тем более что помощи ждать было неоткуда: башкиры и мещеряки, «услыша пушечную стрельбу... уехали в сторону, верст за тридцать». Нетрудно догадаться, что впоследствии они перешли на сторону повстанцев (кстати, среди них был и знаменитый Салават Юлаев). Пугачевцы преследовали Кара 17 верст в течение восьми часов и, как уверял Овчинников, могли бы и вовсе разгромить его, но «не достало у нас картузов» — шерстяных мешков с зарядом пороха для пушек. Однако хотя отряд Кара не был разгромлен полностью, но за время боевых действий 7–9 ноября потерял, помимо бежавших к повстанцам и обмороженных, 123 человека убитыми и больше не представлял опасности для бунтовщиков^{342}.

Победоносное войско вернулось в Берду. Пугачев поблагодарил Овчинникова и Чику за службу и приказал выставить победителям бочки с вином. Затем «государю» захотелось посмотреть на пленных из карташевской команды. Он повелел «поставить кресла, сел на оныя» и приказал гренадерам «подходить к руке». Два хитрых солдата объявили

самозванцу, что они узнали в нем государя, которого видели в Петербурге. Самозванец был доволен, ибо всегда нуждался в таких заверениях, тем более что в его войске было много крестьян, которые, по его словам, «верят более салдатам, нежели казакам». Определив солдат в пехоту к атаману из бывших офицеров Ивану Астреневу, «амператор» обратился к ним с речью:

— Вот, детушки! Бог привел меня еще над вами царствовать по двенадцатилетнем странствовании: был во Иерусалиме, в Цареграде и в Египте.

Говоря это, самозванец плакал и вздыхал. Солдаты также не смогли сдержать слез.

Поскольку среди пленников были не только солдаты, но и два офицера, подпоручики Волженский и Шванвич, то Пугачев осведомился у гренадеров:

— Каковы они люди?

Солдаты по просьбе самих офицеров заверили, что те «люди хорошия и они ими довольны», после чего Пугачев оставил их командирами над грендерами, сделав Волженского атаманом, а Шванвича — есаулом. Впоследствии Шванвич также стал атаманом и довольно значительной фигурой в окружении самозванца, а вот Волженский был казнен в январе 1774 года по обвинению в измене.

Заканчивая аудиенцию, «амператор» встал с кресел, махнул рукой и сказал:

— Жалую всех вас землями, морями, лесами, крестом и бороною и всякою вольностию ^{343}.

В тот же день (по другим данным, несколько позже) в полковники был пожалован Афанасий Соколов-Хлопуша. Люди из его отряда участвовали в разгроме Кара, а вот самому Хлопуше принять участие в этом славном деле не довелось — Чика поручил ему отправить пленных гренадеров из команды Карташева в пугачевскую ставку. Соколов привел пленных в Сакмарский городок, откуда они были благополучно доставлены в Берду неким татаринном. Однако самозванец не за это пожаловал Хлопушу, а за то, что он «присылал ему в Берду правиант, порох и деньги» и набрал отряд из пятисот заводских крестьян, при котором было три пушки. Хлопуша, правда, засомневался, может ли он быть полковником — мол, «грамоте не умеет, а потому и управлять людьми неспособно». Однако самозванец его успокоил:

— У нас и дубина [вместо грамоты] служит.

И, может быть, вспомнив каторжное прошлое новоиспеченного полковника, строго добавил:

— А ежли что украдешь, то за алтын удавлю^{344}.

Кара повстанцы прогнали, однако к Оренбургу продвигались с войсками симбирский комендант полковник Чернышев и бригадир Корф. Впрочем, и Кар, дождавшись прибытия подкрепления, артиллерии и боеприпасов, заготовив продовольствие и закупив теплую одежду для солдат, намеревался вместе с Чернышевым напасть на восставших. 10 ноября Кар отправил Чернышеву приказ прекратить движение к Оренбургу и остановиться в Переволоцкой крепости или вовсе отступить к Сорочинской, однако его курьер был схвачен пугачевцами. Но даже если бы он и не попался в руки мятежников, он всё равно не успел бы доставить приказ, ибо в роковую ночь на 13 ноября добрался только до Бузулука, далеко отстоявшего от тогдашнего месторасположения команды Чернышева^{345}.

Между тем, не зная о приказе Кара, Чернышев приближался к Чернореченской крепости в 18 верстах восточнее Оренбурга. О своем намерении прибыть в Чернореченскую Чернышев сообщил Рейнсдорпу. Узнав об этом в три часа ночи 13 ноября, губернатор наверняка был обрадован, ведь он уже получил донесение Корфа, также приближавшегося к Оренбургу. В ту же ночь Рейнсдорп повелел обоим военачальникам, «выступя с начлегов своих на разсвете», следовать «к Оренбургу в боевом порядке». Кроме того, Чернышеву и Корфу сообщалось, что в случае сражения с бунтовщиками им на помощь из Оренбурга выйдет команда в 850 человек. Как писал дворянин Сукин из губернаторского окружения, «можно было ласкать себя надеждою, что во оной [день] будут злодеи с трех сторон нечаянно атакованы, и совершенное разорение их шайке последовать может». Однако Чернышев не получил губернаторского наставления, а потому надежды на разгром мятежников оказались тщетными^{346}.

В ночь на 13 ноября отряд Чернышева прибыл в Чернореченскую и расположился на ночлег. Здесь командир получил известие об отступлении Кара и пленении карташевских гренадеров. Принесший эту весть атаман Сакмарского городка, а за ним и пленные пугачевцы убедили Чернышева, что в Чернореченской оставаться опасно и следует тайно под покровом ночи пробираться в Оренбург. Для этих целей полковнику дали в проводники безногого инвалида, чернореченского ссыльнопоселенца Ивана Наумова. Несомненно, это была специально подстроенная ловушка. Не случайно к Пугачеву прибежал из Чернореченской некий казак «лет семнатцати» и сообщил ему о ночном походе отряда Чернышева.

Самозванец, услышав эту новость, «весьма скоро собрал своей толпы тысяч до двух, да две пушки» и «поехал навстречу того Чернышева». В отряде Чернышева было 600 гарнизонных солдат, 500 ставропольских калмыков, 100 казаков и 15 орудий. Теоретически он вполне мог прорваться в Оренбург. Однако часто теория расходится с жизнью^{347}.

Пугачев со своим войском встретил Чернышева утром 13 ноября в четырех с половиной верстах от Оренбурга у Маячной горы. Бой продолжался недолго. Сначала на сторону самозванца перешли казаки и калмыки, а через некоторое время и солдаты. «Только одни афицеры, собравшись в одну кучку, противились и стреляли из ружей», однако в конечном счете и их «перехватили». Хотя в Оренбурге через посланца Чернышева и были осведомлены о преждевременном выступлении отряда, помочь ему не успели. После того как продолжавшиеся не более четверти часа выстрелы смолкли, Рейнсдорп понял, что Чернышев или отступил, или захвачен пугачевцами, а потому посылать ему на помощь отряд из города было уже нецелесообразно^{348}.

Итак, повстанцами была одержана еще одна победа. Пленников разоружили и отправили в Берду, где офицеров посадили под караул, а солдат оставили на свободе. Проходя мимо солдат, пугачевский адъютант Яким Давилин обратил внимание на одного извозчика, «непохожаго на мужика простаго»: прежде всего в глаза бросилось то, что руки у него «не рабочие». Давилин спросил у солдат:

— Скажите правду, что это за человек?

— Это-ста наш полковник Чернышев.

Чернышева посадили под караул, а вскоре его и прочих офицеров «Петр Федорович» призвал к себе.

— Для чево осмелились вооружаться против меня? — грозно спросил Пугачев. — Вить вы знаете, што я — ваш государь. Ин на салдат нельзя пенять, что оне простые люди, а вы — афицеры и легуру знаете. А ты, — обратился самозванец к Чернышеву, — полковник, да нарядился мужиком. А кабы ты был в порядке, то б можно тебе попасть было в Оренбурх. Вить у тебя была пехота. И за то я тебя и всех вас велю повесить, чтоб вы знали свово государя.

Пугачев тут же приказал Овчинникову вздернуть офицеров. В тот день было повешено более тридцати человек. Причем сведения о том, как вели себя пленные офицеры перед казнью, противоречивы: согласно показаниям Тимофея Мясникова, они со слезами просили пощады у самозванца, а если верить протоколам допросов Ивана Почиталина и самого Пугачева,

офицеры перед смертью ничего не говорили. Почитал ин еще добавил, что приговоренные «шли к виселице полумертвыми»^{349}.

Отряд Чернышева был ликвидирован, но самозванцу было известно, что к Оренбургу движется бригадир Корф, а потому он выслал разведывательную группу «в числе четырех человек» под начальством Якова Пономарева, чтобы «Корфа стеречь». Однако весть о приближении противника пришла к повстанцам явно в неподходящий момент. На следствии Пугачев вспоминал: «...обольстясь толь важною победою (над Чернышевым. — *Е. Т.*), я пооплошал, ибо дал приказ всем людям толпы моей абедать». Разумеется, обед сопровождался обильной выпивкой. В это время от Пономарева прибыл казак с известием о приближении неприятеля. Повстанцы во главе с Андреем Овчинниковым попытались не допустить Корфа в город, но было поздно. К тому же Корф, получив вести о судьбе Чернышевского отряда, пошел к Оренбургу другой дорогой. Бунтовщики настигли и атаковали его только у самого города, но были отбиты. Во время боя был убит не раз посылавшийся на разведку казак Яков Пономарев. Из показаний Зарубина-Чики получается, что именно он, а не Пономарев должен был «с пятью человеками» разведать, сколь «велика» команда, идущая к Оренбургу, однако, «напившись пьян», никуда не поехал, «через что означенная команда в Оренбург и прошла». Пугачев намеревался казнить Зарубина, «но старшины об нем упросили»^{350}.

Получив подкрепление примерно в 2400 человек регулярных и нерегулярных, осажденные решили на следующий же день напасть на повстанцев. Корпус, направлявшийся против «злодеев», возглавил оренбургский комендант Валленштерн. В его распоряжении было около 2500 человек и 26 орудий. Однако боевой дух у подкрепления, видимо, был не лучше, чем у местного гарнизона. По крайней мере, уже известный нам Федор Сукин писал: «...большая часть пришедших с Корфом весьма худоконны и на сражение вовсе не годны». Тем не менее отряд Валленштерна двинулся на пугачевскую столицу. Но застать бунтовщиков врасплох не удалось — навстречу вышел повстанческий отряд примерно в десять тысяч человек при сорока орудиях. Восставшие открыли ураганный артиллерийский огонь по правому крылу правительственных войск, а многочисленная пугачевская конница довершила успех. В результате Валленштерну пришлось отдать приказ построиться в каре для отступления. Бунтовщики выкатили пушки на прямую наводку и стали в упор стрелять по отступающим, «через что в большое замешательство всё войско пришло и скорым маршем под прикрытие своей крепостной

артиллерии поспешили в город». Для поддержки отступающих губернатор выслал отряд яицких казаков во главе с Мартемьяном Бородиным, который остановил пугачевскую атаку, заставив бунтовщиков отойти на исходные позиции^{351}.

Противники восставших утверждали, что потери бунтовщиков значительно превосходили потери правительственных сил, со стороны которых «по ведомости обер-коменданта, урону было: побитых регулярных и нерегулярных людей 32, да раненых 93 человека; а в злодейской толпе более нежели в четверо». Но как бы ни обстояло дело с потерями на самом деле, главным итогом дня был провал наступления отряда Валленштерна. Правда, будто бы удалось захватить в плен ближайшего пугачевского сподвижника Шелудякова — об этом писали П. И. Рычков и другие люди, находившиеся в то время в Оренбурге. Однако, как верно замечает Р. В. Овчинников, из показаний повстанцев, в том числе и самого Пугачева, ничего не известно о таком сподвижнике самозванца. Нет упоминаний о важном пленнике и в документах Оренбургской губернской канцелярии за ноябрь 1773 года. И всё же, похоже, такой бунтовщик 14 ноября и вправду попал в плен к правительственным войскам. Капрал Василий Тиманов и казаки Михаил Ховрин и Иван Воротников 23 ноября в яицкой комендантской канцелярии упомянули о яицком казаке-повстанце Никите Шелудякове, захваченном «под Оренбургом при сражении». Возможно, под пыткой, не стерпя мучений, он и назвал себя ближайшим пугачевским сподвижником^{352}.

Итак, если не считать прорыва Корфа в Оренбург, удача в эти ноябрьские дни явно была на стороне восставших. Когда командующий правительственными войсками генерал Кар ехал на театр военных действий, то он, как мы помним, боялся бегства бунтовщиков, однако бежать пришлось ему самому. Теперь он понимал, что без серьезного подкрепления с самозванцем не справиться. В Военную коллегия Кар сообщал, что «в прибавок ко всем наряженным командам» ему требуется пехотный полк, «да полки ж карабинерной и гусарской», оружие, седла, подводы (лошадей он надеялся достать «у башкирцев»), «артиллерия со всеми служителями», и предупреждал, что в противном случае будет весьма тяжело справиться с бунтовщиками, ибо «по генеральному в сем краю колебанию и застрашиванию народов куды б сей злодей не пошел, везде принят будет»^{353}.

Однако, не дожидаясь подкрепления, Кар передал командование генерал-майору Фрейману и самовольно отправился в Петербург. Как

объяснил Кар в письме от 11 ноября президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву, ехал он в столицу «для переговоров» «о многих сего края подробностях». Правда, несколько позже Кар ввиду открывшейся болезни поменял свое решение и направился для лечения сначала в Казань, а затем в Москву. В Петербурге были крайне недовольны его поступком, поначалу пытались вернуть его назад, а потом и вовсе «дали абшид» — уволили. Как высказалась в одном из писем императрица, «в нужное время не надобно, чтобы больной и трус занимал место и получал жалованья». Екатерина велела передать Кару, чтобы он не смел показываться ей на глаза^{354}.

Самовольный отъезд Кара и появление его в Москве вызвали опасные для правительства разговоры. 3 ноября московский главнокомандующий Волконский в письме президенту Военной коллегии Чернышеву сообщал: «Приезд суды господина Кара худые толкования в публике здесь произвел как в положении оренбургских дел, так и ево персоны, что я сердечно сожалею». Через несколько дней Волконский писал Екатерине, что пытается предотвратить подобные толки среди москвичей, уверяя их в том, будто «оренбургские дела» не заслуживают никакого «уважения», а действующая в тех краях «шайка» в скором времени будет уничтожена. Кару же он через обер-полицмейстера повелел никому ничего «предосудительного» «о тамошних делах» не говорить и запретить делать это своим людям. Императрица ответила: «...А естли на Москве от его приезда болтанья умножилось, то обновите из Сената указы старые о неболтании, каковых много есть и в прежние времена, и при мне уже часто о сем обновлялась память и с успехом»^{355}.

На первый взгляд, история с самовольной отлучкой Кара выглядит однозначно. И если Екатерина II всё же считала, что генерал не только трус, но и впрямь больной человек, то А. С. Пушкин полагал, что болезнь явилась лишь предлогом для испугавшегося генерала, покинувшего свой пост. Однако ряд историков взяли Кара под защиту. Первым из них был Николай Дубровин: «Чрезвычайные обстоятельства вызвали наказание за поступок, который при других условиях считался делом весьма обычным». Кроме того, по мнению Дубровина, эта отлучка была продиктована отнюдь не трусостью, а нежеланием Кара, человека энергичного, стоять в стороне и смотреть, как разгорается бунт: он якобы «решился ехать в Петербург, чтоб рассеять ложный взгляд на совершающиеся события и сколь возможно скорее усилить свои боевые средства». Что же касается поражения, то в нем, полагал историк, был виноват не генерал, а столичные чиновники, в частности президент Военной коллегии, не оказавший должной поддержки

и вообще плохо представлявший себе реальную ситуацию под Оренбургом. По мнению ученого, Кара можно было упрекнуть лишь «в отсутствии сознания, что при тогдашнем положении внутренних и внешних дел появление его в Петербурге будет крайне неприятно»^{356}.

Однако и сам Дубровин отмечает, что наказание было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, а таковыми, как мы помним, было поражение Кара и его самовольный отъезд. Трудно представить, чтобы правительство поблагодарило кого-то за такой поступок. В менее либеральные времена за подобную отлучку могли и вовсе отправить в тюрьму или, чего доброго, на эшафот. Но Кару повезло — он лишь получил отставку, после которой подолгу жил в своих поместьях в Калужской и Московской губерниях, избегая светского общества. Вопреки утверждению А. С. Пушкина, умер Василий Алексеевич не насильственной смертью от рук своих крестьян, а вполне естественной, в своем московском доме, в 76 лет, 25 февраля 1806 года^{357}.

Новый враг и новый друг

Итак, Кар был отправлен в отставку, а сменил его 44-летний генерал-аншеф Александр Ильич Бибииков, проявивший себя как на военной, так и на гражданской службе. Военную карьеру Бибииков начал в 1746 году, принимал участие в Семилетней войне, где показал себя не только талантливым военачальником, но и мужественным человеком. В феврале 1762 года он был произведен в генерал-майоры, в 1763–1764 годах усмирлял восставших заводских крестьян на Урале, в 1767-м был маршалом (председателем) Уложенной комиссии, в 1771 году возглавлял экспедиционный корпус, сражавшийся против мятежных конфедератов в Польше, и получил чин генерал-аншефа и орден Александра Невского. В июле 1773 года Бибииков был назначен командовать корпусом, который из Польши отправлялся на турецкий фронт, на Дунай, где должен был войти в состав армии генерал-фельдмаршала Румянцева. Однако Бибииков счел это назначение немилостью, поскольку был в крайне неприязненных отношениях с командующим армией, и попросил разрешения приехать в Петербург, где надеялся получить — и получил — новое назначение^{358}.

Для подавления бунта Бибииков был наделен чрезвычайными полномочиями — императрица приказала беспрекословно подчиняться ему всем местным духовным, военным и гражданским властям. Правительство

также командировало в Казань столь необходимые дополнительные силы для борьбы с Пугачевым: Изюмский гусарский полк, располагавшийся тогда в Ораниенбауме, а также 2-й гренадерский и Владимирский пехотный полки, квартировавшие соответственно в Нарве и Шлиссельбурге. Из Петербурга было отправлено шесть орудий, а некоторые части из Польши переводили в Смоленск и Петербург, чтобы в случае надобности двинуть их против Пугачева. Однако Бибиков посчитал, что выделенных сил будет недостаточно, а потому было решено отправить из Кексгольма в Казань Архангелогородский карабинерный полк, а еще двум полкам (лейб-кирасирскому и драгунскому) было приказано прибыть в Новгород и Вязьму. Забегая вперед скажем, что новый главнокомандующий впоследствии, ознакомившись с положением дел, неоднократно будет просить подкрепление, особенно кавалерию^{359}.

Екатерина посоветовала Бибикову отправиться в Казань и уже там дожидаться «прибытия войск», а заодно «наблюдать бдительным оком все движения и предначинания возмутителей, дабы, познав прямо их силы, их связь в земле, их ресурсы в пропитании, их внутреннее между собою управление... поднять на них оружие и действовать наступательно с тою поверхностью, каковую мужество, просвещением и искусством руководствуемое, долженствует всегда иметь пред толпою черни, движущуюся одним бурным фанатизма духовного или политического вдохновением и помрачением». По прибытии в Казань ему следовало собрать тамошнее дворянство и «живыми красками» описать «настоящее бедственное состояние» соседней Оренбургской губернии и предупредить об опасности, которая грозит в случае распространения бунта на их край, поскольку «дворяне и чиновные люди, попавшиеся доньше по несчастию в руки мятежников, все без изъятия и без малейшей пощады преданы лютейшей и поносной смерти, которого жребия натурально и они все один по другому ожидать должны». Поэтому для своей защиты и, разумеется, для защиты отечества дворяне на свои средства должны были создать ополчение, которым Бибиков в случае надобности мог бы воспользоваться^{360}.

Получив наставление императрицы, Бибиков поехал в Казань, куда благополучно прибыл в ночь на 26 декабря 1773 года. Новый главнокомандующий вез с собой составленный еще 29 ноября екатерининский манифест «для открытия глаз ослепленной черни», который обнадеживал прощением раскаявшихся мятежников и грозил истреблением непокорным, а также обещал вознаграждение за поимку

Пугачева. Помимо Бибикова на театр военных действий отправились еще несколько офицеров, в том числе генерал-майор П. Д. Мансуров, генерал П. М. Голицын, полковник Ю. Б. Бибиков, которые приняли активное участие в подавлении пугачевщины, а также подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Гаврила Державин. Под начало Бибикова поступали также офицеры, составившие особую комиссию, впоследствии названную секретной, занимавшуюся следствием по делу пугачевцев. Среди прочих в нее вошел не раз уже упоминавшийся капитан-поручик лейб-гвардии Семеновского полка Савва Иванович Маврин. Кстати, именно ему первому довелось допросить самозванца^{361}.

В это время правительство принимало и другие меры, в той или иной степени связанные с подавлением мятежа: приказало увеличить количество лошадей на станциях от Москвы до Казани, ибо в связи с восстанием «посылок много быть может», а также распорядилось не отправлять колодников и ссыльных в Оренбург и Сибирь, а посылать в Александровскую крепость на Днепре (современный город Запорожье), в Азов, Таганрог, Ригу и Финляндию. Колодников же и ссыльных, находившихся в Казанской губернии, было приказано партиями человек по тридцать, связав канатами, через Воронежскую губернию отослать в Азов и Таганрог. Ненадежных поляков-конфедератов в конечном счете (правда, уже в феврале 1774 года) решили отослать через Москву и Смоленск на границу с Речью Посполитой. Наконец, 13 декабря 1773 года Сенат повелел в населенных пунктах, смежных с Оренбургской губернией, «возобновить те осторожности, которые по причине бывшей моровой язвы (чумы. — Е. Т.) к исполнению всем селениям предписаны были», в том числе оставить лишь по одной дороге для проезда, на которой поставить рогатки или ворота, а остальные дороги «сделать к проезду невозможными, держа по прежнему предписанию на оставленных дорогах днем и ночью караулы». Было приказано также «накрепко наблюдать, чтоб всякого звания бродяги, а иногда и самые воры, в селение впущены не были; ибо, ослабев, и разбойнические шайки могут в нищенском одеянии и под разными видами входить». В случае прихода восставших предписывалось, чтобы жители «все без изъятия силы свои употребляли на истребление или на поимку таковых злодеев»^{362}.

К вышесказанному следует добавить, что 23 декабря был обнародован очередной антипугачевский манифест. Его, в отличие от предыдущих, было решено объявить не только бунтовщикам и жителям территорий, прилегающих к району восстания, но и всему населению империи.

Правительству теперь казалось опасным скрывать появление под Оренбургом самозваного императора. В манифесте говорилось: «Излишне было бы обличать и доказывать здесь нелепость и безумие такого обмана, который ни малейшей вероподобности не может представить человеку, имеющему только общий смысл человеческий», — и выражалась весьма смелая надежда на то, что «протекло уже то для России страшное невежества время, в которое сим самым гнусным и ненавистным обманом могли влагать меч в руки брату на брата такие отечества предатели, каков был Гришка Отрепьев и его последователи»^{363}.

Несмотря на военные приготовления, правительство продолжало уповать на то, что бунтовщики сами «отстанут» от Пугачева и выдадут его. Для того чтобы уговорить их сделать это, еще во второй декаде ноября в стан самозванца были отправлены два яицких казака, Афанасий Перфильев и Петр Герасимов, участники бунта на Яике в 1772 году. Они в разное время, но еще до начала пугачевщины прибыли в Петербург по поручению казачьего войска просить Екатерину об отмене наказаний казаков «войсковой» стороны за участие в прошедшем мятеже. Находясь в столице, Перфильев, Герасимов и еще два казака сочинили челобитную на имя императрицы, в которой, как вспоминал на следствии Перфильев, «писали то, что могли вымыслить к оправданию своей войсковой стороны, закрывая сколько можно свою вину, дабы чрез то можно было получить испрашиваемое». Казакам удалось получить аудиенцию у графа Алексея Григорьевича Орлова, «которой после принятия от них сей челобитной, спустя дни с три, объявил им, что он челобитную их вручил ея императорскому величеству, и приказал им дожидаться резолюции». Недели через две Орлов призвал казаков к себе и «объявил им, что у них на Яике зделалось нещастие» — появился «беглой донской казак Пугачев» и поднял бунт. Граф Алексей Григорьевич «приказал им туда съездить и постараться как можно уговорить яицких казаков, дабы они от сего разбойника отстали и ево поймали». Если они справятся с этим заданием, «то по возвращении их в Петербург граф обещал и дело их решить в их пользу», на что казаки «объявили себя готовыми усердно служить всемилостивейшей государыне и обещались, сколько сил будет, сие повеление исполнить в точности».

На следствии Перфильев вспоминал, как они с Герасимовым по дороге из Петербурга засомневались в том, что «простой человек мог назваться государем». Припомнили разговоры, ходившие на Яике, будто «государь не умер, а жив и неизвестно каким образом из-под ареста выкраден и освобожден». А коли так, то человек, которого Орлов называет

самозванцем, никакой не самозванец, а самый настоящий государь — «ему надобно где-нибудь объявиться». Пораскинув мозгами, казаки решили, что если Герасимов признает государя (он уверял товарища, будто императора «видал много раз») «и другие какие доказательства их о сем уверят», то они не станут выполнять данный им приказ: «Как, де, можно нам свои руки поднять на государя, их главы помазанныя?» Кроме того, рассуждали казаки, «бог знает, чью сторону держать: государя или государыни? они между собою как хотят, так и делят, а нам нечего в их дела вступаться. Неравно, де, ево сторона возьмет, так мы в те поры безо всего пропадем, а лутче останемся у него служить».

Приехав в Яицкий городок около Николина дня (6 декабря), Перфильев и Герасимов явились к коменданту Симонову и рассказали, «с чем они из Петербурга сюда присланы». Герасимова комендант «послал для исполнения порученного дела на Нижние Яицкие фарпосты», а Перфильева, дав в сопровождающие трех казаков, отправил непосредственно «в толпу к самозванцу». Сопровождающими, кстати, были «непослушные» казаки, которые, как нетрудно догадаться, сочувствовали самозванцу; однако послать с Перфильевым казаков «старшинской стороны» по понятным причинам было невозможно. По дороге, разговорившись с провожатыми, Перфильев рассказал им, зачем едет к Пугачеву. Те закричали на него:

— Нет, не моги ты етова делать, мы тебя изколим, ежели хоть чуть станешь что-нибудь предпринимать. Он, мы слышали, точный государь, и прислал к войску указ, в котором обещает нас жаловать многими милостями. Мы еще в городке будучи, догадались, что вы с Герасимовым недаром из Петербурга приехали, и хотели было по приезде в Берду на тебя донести, но хорошо, что сам нам открылся, и мы тебе еще подтверждаем, что не моги етого делать.

Перфильев просил не доносить на него и обещал, что «станет с ними служить верно» и никакого зла «царю» не причинит.

Прибыв в Берду, Перфильев первым делом явился к войсковому атаману Андрею Овчинникову, «которой притом и ему, Перфильеву, был великой друг». Однако Афанасий не стал сразу открываться ему, а сказал, что, «будучи в Петербурге, услышав про проявившагося здесь государя, бежал оттуда с тем, чтоб вступить к нему в службу».

— Как же ты, не окончивши нашего войсковаго дела, оттуда ушел? — неожиданно спросил Овчинников.

— Да что же уже нечева там поклоны-та терять: вить сам знаешь, что не скоро дождешься конца. А я прослышал, что здесь государь, так

разсудил: лутче здесь у него милости искать.

Овчинников согласился, добавив:

— Мы теперь и сами резолюцию делаем. Пойдем, я тебя представлю государю.

«Государю» Перфильев повторил ту же версию бегства из Петербурга. Пугачев, выслушав его рассказ, спросил:

— Полно, правда-ли ето, не шпионствовать ли ты пришол, а не подослали ли тебя меня извести?

— Нет, ваше величество, я, право, отнюдь против вас не имею никакова злова намерения, сохрани меня господи, а приехал с тем, чтоб усердно вам служить.

— Ну, когда ето правда, так будь здесь, служи мне так, как и другие ваши казаки служат верно. И хотя бы ты и подлинно с злодейством каким сюда ко мне прислан, так я етого не боюсь и думаю, что со мною никто сего не зделает. А в Петербурге-то уже нечего вам просить, мы и без прозьбы с ними разделаемся.

Несколько погодя Пугачев спросил Перфильева:

— Как обо мне в Петербурге говорят?

— Да бог знает, батюшка, мы от больших господ ничего не слышали, а слышали в кабаках от черни, да и то не вьявь, а тихонько говорят, что явился де около Оренбурга император Петр Третий и берет города и крепости.

Пугачев был явно доволен таким ответом:

— Ето правда, ты сам видишь, сколько теперь взято крепостей, а народу у меня, как песку. А дай сроку, будет время, и к ним в Петербург заберемся, моих рук не минуют. Я знаю, что вся чернь меня везде с радостью примет, лишь только услышит.

По окончании аудиенции Перфильев получил «красной суконной кавтан да денег 13 рублей» и был определен в команду Овчинникова.

Перфильев «охотно» остался у самозванца, возможно, со временем даже поверив, что он и вправду царь, ибо, находясь в его войске, видел, что все бунтовщики считают его таковым, в том числе и «многие самовидцы покойного государя». Через дня три после приезда в Берду Перфильев, будучи наедине с Овчинниковым, по-дружески открылся ему, кем и зачем был послан. Атаман, выслушав друга, успокоил:

— Нет, Афанасий, выкинь всё ето из своей головы, не моги етого и думать. Он точной государь Петр Третий: мы довольно о сем уверены. Вольно им называть ево Пугачовым-та, пусть называют как хотят: они ево прямое название от простых людей скрывают. А на обещании их смотреть

нечева, довольно уже и так мы от них потерпели, теперь мы сами все у себя в руках иметь будем. Смотри, чтоб вперед я от тебя етого никогда не слышал, а ежели прослышу, что ты какое зло на государя думаешь, так тогда не пеняй на меня, несмотря ни на что, даром что ты мне приятель: из своих рук тебя изрублю.

Овчинников сходил к Пугачеву и рассказал ему обо всём — не с целью навредить Перфильеву, а для того, чтобы «государь» «наперед от кого не сведал» об этом «и не счол за измену». «Амператор» пригласил самого Афанасия и милостиво простил, пообещав расправиться с подославшими его ^{364}.

Так Перфильев рассказывал о своей поездке из Петербурга к Пугачеву и о первых днях пребывания в Берде на допросе 12 сентября 1774 года в Яицком городке. На более позднем этапе следствия в Москве он, по сути, повторил свой рассказ (кстати, сообщение Перфильева о содержании разговоров с самозванцем подтверждается и показаниями самого Пугачева). Но на московском допросе Перфильев сделал и одно весьма важное добавление. По его словам, когда он впервые увидел Пугачева, «то в сердце его кольнуло, что то не государь, а какой ни есть простой мужик» ^{365}. Можно не сомневаться, что примерно так при встрече с Пугачевым и подумал Перфильев, ведь он только что вернулся из Петербурга, где видел Алексея Орлова, а значит, примерно представлял себе, как должен выглядеть и говорить государь, и уж точно знал, как он говорить и выглядеть не может.

Создается впечатление, что и товарищ Перфильева Петр Герасимов был не совсем уверен в подлинности государя. Позже ему также довелось увидеть Пугачева. Когда Перфильев при встрече спросил Герасимова, «узнал ли он государя-та и действительно ли ето он», тот довольно уклончиво ответил:

— Кажется, что он точно, я ево признаю, да вить время-та давно прошло, человек переменится ^{366}.

Тем не менее подобные сомнения не заставили ни Герасимова, ни Перфильева приняться за выполнение орловского приказа или хотя бы перейти на сторону правительственных войск. Они остались у самозванца, а Перфильев и вовсе стал у него большим человеком; выходит, власти невольно обеспечили Пугачеву еще одного верного приближенного (первым, напомним, был Хлопуша). Но, несмотря на эту неудачу, правительство, как увидим, не отказалось от посылок агентов в пугачевский лагерь. Однако и в это время, и впоследствии власти делали

главную ставку не на них, а на военную силу.

Глава пятая

«РАСЦВЕТ» ПУГАЧЕВА И «РАССВЕТ» БИБИКОВА

«Злодей» укрепляется

В то время как происходила смена главнокомандующих, а потом Бибииков ехал в Казань, бунтовщики не дремали. Отдельные их отряды захватывали всё новые территории. Впрочем, главное войско самозванца продолжало, никуда не двигаясь, стоять под Оренбургом, «...можно почесть за счастье, — писала Екатерина II М. Н. Волконскому 1 декабря 1773 года, — что сии каналы привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли»^{367}. Историки по-разному трактовали подобное «стояние»: одни называли осаду города стратегической ошибкой, другие — смелым и правильным замыслом. Однако скорее всего правы те исследователи, которые полагают, что намерение Пугачева во что бы то ни стало захватить Оренбург следует связать с пожеланиями яицких казаков, видевших в политике оренбургских властей причину всех своих несчастий^{368}.

Несмотря на большое желание взять Оренбург, «Петр III» теперь уже не пытался штурмом овладеть городом, а хотел взять его измором. Бежавшие из пугачевского стана пленники рассказывали, будто самозванец сожалел, что «на приступах своих к городу много уже потерял людей хороших, и сколько-де он городов ни прошел (сказывая, якобы он бывал в Иерусалиме, в Цареграде и в немецких городах), но столь крепкого города, каков есть Оренбург, не видал, и затем-де более приступов делать к городу не намерен, а хочет осадю до того довести, чтобы у жителей не стало пропитания, а тогда-де и город сдать ему будет принужден»^{369}.

В Оренбурге тем временем «показывалась во всём нужда крайняя». Академик Рычков обрисовал ситуацию в письме от 25 ноября: «Наши обстоятельства такие, каких с начала сдешнего города не бывало... я от роду моего не видывал». Вести о тяжелом положении горожан доходили и до Пугачева. По словам Тимофея Мясникова, самозванец на это говаривал: «Жаль де мне очень беднаго простаго народа, что они голод великой терпят

и напрасно пропадают»^{370}. При таких обстоятельствах бунтовщики могли надеяться, что в ближайшее время город всё же сдастся, и, чтобы подтолкнуть к этому осажденных, использовали уговоры и угрозы. Например, 7 декабря некоторые подъезжавшие к городским стенам повстанцы обещали, что «завтрашний день будет к ним из Москвы великий князь Павел Петрович с тридцатью тысячами войск и с тремя генералами, а в понедельник-де (9 декабря. — *Е. Т.*) сделают они к городу такой приступ, что всему уже городу жарко будет». Ссылаясь на авторитет великого князя, пытался уговорить осажденных и прибывший из Петербурга Афанасий Перфильев. Казак обратился к ним с речью:

— Я — Перфильев, которой был в Петербурге и прислан оттуда к вам от Павла Петровича с тем, чтоб вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу.

На это из города отвечали:

— Кали ты подлинно прислан с естим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, так мы тот час все пойдем.

— На што вам строчка? Я сам всё письмо^{371}.

Угрозы и уговоры звучали и в «царских» указах, адресованных оренбургскому губернатору. Один из указов решено было написать по-немецки, видимо, потому, что Рейнсдорп был немцем. Тут пригодился пленный подпоручик Шванвич. Однажды Пугачев вызвал его:

— Я слышал, что ты умеешь говорить на иностранных языках.

— Умею, надежа-государь.

Самозванец протянул пленному подпоручику перо и бумагу и приказал написать по-шведски внизу листа, указав место пальцем. Шванвич по-шведски не знал, а потому написал по-немецки, а затем и по-французски: «Ваше величество Петр Третий». Самозванец взял лист и, сделав вид, что прочел про себя, сказал:

— Мастер!

Шванвич хотел было уйти, но Пугачев оставил его ужинать. Помимо них за столом сидели только ближайшие пугачевские сподвижники из казаков: Овчинников, Лысов, Почиталин, Давилин и Горшков. Честь, оказанная пленному дворянину, показывает, как нужен был Пугачеву человек, знавший иностранные языки. Впрочем, почтение, оказанное Шванвичу «государем», могло быть связано с еще одним немаловажным обстоятельством: пленный офицер заявил Пугачеву, «что он, Шванович, крестник в Бозе опочивающей государыни императрицы Елисавет Петровны». Не исключено, что пленник и впрямь был крестником

покойной государыни. Дело в том, что он родился в 1749 году, а его отец с 1748-го служил рядовым гренадером в Лейб-компании — дворцовой охране Елизаветы Петровны. Императрица, как известно, частенько становилась кумой своих гвардейцев, а потому вполне возможно, что такой чести был удостоен и Александр Шванвич. (Кстати, отец пленного подпоручика был в своем роде фигурой примечательной: неоднократно подвергался дисциплинарным наказаниям за публичные скандалы, уличные и кабацкие драки. В одном из таких столкновений Александр Шванвич нанес рану будущему екатерининскому сподвижнику Алексею Орлову. От нее осталась знаменитая отметина, благодаря которой Алексей Григорьевич получил шутовское прозвище «Орлов со шрамом». За очередную «продерзость» в 1760 году Шванвич-отец был изгнан из Лейб-компании. Случались в его судьбе и другие примечательные происшествия, однако рассказ о них увел бы нас слишком далеко.)

После ужина самозванец одарил Михаила Шванвича шубой, крытой старым «комлотом на мерлуцетом лапчетом меху», и отпустил.

И вот способности Шванвичагодились. Его вызвал к себе Горшков и протянул пугачевский указ, адресованный оренбургскому губернатору:

— Батюшка государь Петр Федорович велел тебе перевести оный указ на немецкой язык.

Подпоручик, разумеется, исполнил приказание, и 20 декабря этот указ вместе с составленным тремя днями ранее оригиналом был подброшен под стены Оренбурга. «Каждый наш верноподданный знает, — обращался «государь» к Рейнсдорпу, — каким образом злобные люди и недоброжелатели лишили нас по всем правам принадлежащего нам всероссийского престола. Но ныне всемогущий Бог своими праведными судьбами и, услышав сердечные к нему молитвы, снова преклоняет к нашему престолу наших верноподданных, а злодеев, исполненных недоброжелательства, повергает к нашим монаршим ногам». Далее, как нетрудно догадаться, содержалось обещание награды за покорность и наказания за неповиновение.

Появление варианта указа самозванца на немецком языке не могло не обеспокоить Екатерину II. В наказе от 26 апреля 1774 года чиновникам Оренбургской секретной комиссии, созданной после снятия осады с города, императрица писала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужеземцев, и, несмотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине». Видимо, Екатерина подозревала в кознях чужеземцев и внутреннюю дворянскую оппозицию. Однако истина, вскоре открывшаяся на допросах

некоторых видных пугачевцев и самого Шванвича, оказалась не такой страшной, нежели представлялось^{372}.

Пока главные силы повстанцев продолжали осаждать Оренбург, отдельные отряды в разной степени отдаленности от города и с различной долей успеха сражались с правительственными войсками. Так, отряд во главе с беглым крестьянином Ильей Араповым захватил ряд крепостей Самарской линии, а 25 декабря 1773 года и саму Самару — правда, ненадолго: спустя четыре дня они были выбиты из города командой майора Муфеля. Отряду под руководством Михаила Толкачева удалось осуществить казачью мечту — 30 декабря он наконец-то взял Яицкий городок, однако крепостью, которую защищал гарнизон во главе с подполковником Симоновым, так и не овладел^{373}. Отряд во главе с самим Пугачевым не смог захватить расположенную в 110 верстах к востоку от Оренбурга Верхнеозерную крепость, зато в 40 верстах от нее восставшие овладели Ильинской крепостью. Причем последнюю пришлось брать дважды. Во второй раз, 29 ноября, мятежники во главе с «Петром Федоровичем» разгромили вошедший в крепость отряд майора Заева, направлявшийся по приказу генерала Станиславского на помощь оренбургскому гарнизону. Это была очень важная победа, поскольку после нее ни генерал Деколонг, ни генерал Станиславский уже не пытались прорваться к осажденному Оренбургу^{374}. По достоинству оценил ее и новый главнокомандующий Бибииков. В письме Екатерине II накануне наступления 1774 года он признавал: «Удача сего злодея в разбитии бригадира Билова, полковника Чернышева, ретиреды генерала Кара, а наконец последняя удача в разбитии майора Заева с командою в Ильинской крепости, умножили сего злодея и сообщников его дерзость и ободрили весь башкирский народ к бунту; немалая опасность есть к распространению своих злодейств к стороне Сибири... а при такой преклонности черни, сей страх еще основательнее быть видится»^{375}.

Пугачевские успехи и впрямь подстегнули многих недовольных к бунту. В ноябре — декабре 1773 года восстание охватило большую часть Оренбургской губернии и перекинулось на отдельные территории соседней с ней Казанской губернии^{376}. Именно в эти месяцы население Башкирии гораздо решительнее и активнее, нежели прежде, примыкало к самозванцу. Можно говорить чуть ли не о всеобщем бунте «башкирцев» и весьма деятельном участии в нем других народностей, населявших эту территорию. В конце ноября административный центр провинции, город Уфа, со всех сторон «злодеями башкирцами и жительствоющими около

оного ясашными татарами, помещичьими, дворцовыми и экономическими крестьянами окружен и действительно сделался в осаде». В начале декабря «Петр Федорович» отправил одного из своих ближайших сподвижников Ивана Зарубина-Чику руководить захватом города. Однако, несмотря на то что Уфа не имела «крепостного строения, да и никакого укрепления», попытки взять ее штурмом успехом не увенчались, как и переговоры с осажденными. Оставалось уповать только на то, что Уфу заставит сдать голод. Хотя Чике и не удалось полностью блокировать город, положение осажденных было незавидным. И неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы в конце марта 1774 года уфимцев не выручил подошедший полковник Михельсон. Кстати, находившемуся под Уфой в деревне Чесноковке Зарубину — «графу Чернышеву», как стал он называться по приказу Пугачева, — подчинялись не только повстанцы, непосредственно осаждавшие город, но и отряды, действовавшие в разной степени отдаленности, например в Нагайбаке, Исетской и Пермской провинциях и Западной Сибири^{377}. По замечанию историка Н. Ф. Дубровина, Зарубин сделался «хозяином всего Закамского края»^{378}.

Трудно определенно сказать, какое количество людей в это время участвовало в восстании. Сам Пугачев свидетельствовал на допросе, что к декабрю 1773 года только в войске, стоявшем под Оренбургом, насчитывалось «всей толпы сто дватцать тысяч человек». Конечно, эти сведения явно завышены. Известный отечественный историк Р. В. Овчинников считает более реальным участие 20–25 тысяч человек^{379}. В любом случае число вовлеченных в пугачевщину было значительным, и управление ими становилось задачей весьма трудной. Чтобы облегчить эту задачу, в ноябре 1773 года Пугачевым была учреждена «Военная коллегия» — своеобразное повстанческое правительство. Необходимо отметить, что ни во времена Разина, ни во времена Булавина мятежники ничего подобного не создавали.

«Закон и порядок» по-пугачевски

Что явилось непосредственной причиной создания «Военной коллегии»? На одном из допросов самозванец говорил, будто учредил ее по просьбе сподвижников для управления войском во время своих отлучек из Берды. Однако «Военная коллегия» продолжала действовать и во время пребывания «государя» в Берде. По всей видимости, «Петр Федорович» не

желал утруждать себя лишней работой. По словам судьи пугачевской «Военной коллегии» Ивана Творогова, учреждена она была самозванцем потому, «что ему наскучило давать самому указы свои тем, которые, приходя к нему со стороны, изъявляли свое усердие набирать в его службу людей или грабить помещичьи дома и самих [помещиков] убивать, так [же] как и разбирать многие жалобы на Башкирцев и казаков, в его толпе находящихся, в обидах и разорениях, народу причиняемых». О нежелании Пугачева лично разбирать жалобы, а также заниматься делами повстанческих командиров, находившихся в отдалении от Оренбурга, говорил и секретарь этой коллегии Максим Горшков^{380}.

Очевидно, что главный повстанческий орган управления получил свое название от Военной коллегии, находившейся в Петербурге, потому что именно этому правительственному учреждению подчинялись все казаки и им приходилось иметь дело главным образом с ним. Впрочем, пугачевская «Военная коллегия» мало походила на настоящую. Последняя делилась на три экспедиции, в ее штате состояли президент, вице-президент, а также советники в генеральском чине и ассессоры в полковничьем. Что же касается пугачевской «Военной коллегии», то в первые месяцы существования она состояла из четырех судей, секретаря, думного дьяка и еще нескольких сотрудников. В ее компетенцию входили как военные, так и гражданские вопросы (впрочем, в условиях войны порой сложно отделить одно от другого)^{381}. Вот как обрисовал деятельность этого учреждения советский историк В. А. Спирков: «Члены Государственной военной коллегии занимались составлением манифестов и указов, ведали судом и расправой, вводили казацкое самоуправление на территории, отвоеванной восставшими, поддерживали связь с отдельными очагами восстания и иногда даже направляли их боевую деятельность, налаживали связь с заводами и заказывали им оружие для восставших. Наряду с этим Государственная военная коллегия ведала денежной казной, запасами продовольствия и фуража, комплектованием войска, назначением командного состава и присвоением учрежденных Е. Пугачевым воинских званий, награждением отличившихся повстанцев медалями, деньгами или другими материальными ценностями. Военная коллегия принимала меры для укрепления дисциплины в войсках, боролась с мародерством среди восставших, пыталась практически осуществить лозунги восстания, выдвигавшиеся в повстанческих манифестах, и т. п.». К этому исчерпывающему списку можно добавить, пожалуй, лишь еще одну сферу деятельности: обеспечение неимущего населения продовольствием^{382}.

Создавая «Военную коллегия», Пугачев назначил в нее судьями яицких казаков Андрея Витошнова, Максима Шигаева и Данилу Скобычкина, а также илецкого казака Ивана Творогова. Главным судьей стал Витошнов, за ним следовал Творогов, «а Шигаев, хотя и ниже их сидел, но как он был их замысловатее и любимее больше самозванцом, то они следовали больше его советам». Кстати, Шигаев также отвечал в войске за раздачу денег, за «прием» и «отпуск» провианта и прочего награбленного добра^[383]. Единственным грамотным из четверки судей был Творогов, а потому «для письменных дел» в коллегия были определены: думным дьяком — яицкий казак Иван Почиталин, секретарем — илецкий казак Максим Горшков, письмоводителями («повытчиками») яицкие казаки Семен Супонев (Супонин) и Иван Герасимов; бузулуцкий казак, бывший писарь Игнатий Пустоханов и, наконец, еще один бывший писарь Иван Григорьев с Твердышевского завода. Кроме того, в «Военной коллегии» в качестве секретарей-переводчиков служили яицкий казак Балтай Идеркеев, переводивший с восточных языков, и пленный офицер Михаил Шванвич, отвечавший за французский и немецкий языки. После поражения Пугачева под Оренбургом весной 1774 года из членов «Военной коллегии» уцелел только Творогов — остальные или попали в плен, или погибли. Однако орган не прекратил своего существования. В качестве единственного судьи в нем продолжал служить Творогов, а должности секретарей и «повытчиков» исполняли различные грамотеи из простонародья, например бывшие работные люди или заводские писари. Наиболее яркой фигурой среди них был беглый мценский купец Иван Трофимов, который у бунтовщиков действовал под именем Алексей Дубровский. Он был автором самых радикальных антидворянских воззваний от имени Петра III. Пугачевская «Военная коллегия» прекратила существование после окончательного разгрома повстанческого войска 25 августа 1774 года в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром.

Как мы видели, главные должности в «Военной коллегии» занимали казаки, преимущественно яицкие, что лишний раз свидетельствует о том, что крестьянство не было руководящей силой восстания. Правда, очевидно и то, что отнюдь не все люди из ближайшего окружения Пугачева вошли в «Военную коллегия». Так, в ней не состоял походный атаман Андрей Овчинников, хотя он, по признанию Пугачева, был «первой человек во всей его толпе»^[384] (правда, эта характеристика относилась к тому времени, когда Шигаев и прочие видные пугачевцы уже находились в плену). Не входили в «Военную коллегия» и Дмитрий Лысов, Афанасий Соколов-

Хлопуша, Афанасий Перфильев, Тимофей Мясников, Тимофей Подуров и др. (Кстати, среди них лишь Хлопушу можно считать крестьянином.) По мнению некоторых исследователей, Овчинников и другие ближайшие сподвижники самозванца, в том числе и не входившие в «Военную коллегию», составляли то ли секретную Думу, то ли особую походную канцелярию при Пугачеве. Однако если некоторые, пусть и не очень ясные, сведения о походной канцелярии в источниках имеются, то сведений о секретной Думе как о некоем постоянном учреждении нам обнаружить не удалось^[385]. Можно предположить, что под ним подразумеваются просто совещания Пугачева с ближайшими сподвижниками.

О деятельности пугачевской «Военной коллегии» нам известно не только из следственных показаний повстанцев, но и из документов, созданных непосредственно в самой коллегии. До нас дошло 45 актов этого учреждения. (Кстати, ими повстанческое делопроизводство не ограничивалось. Помимо уже известных нам «царских» манифестов и указов, в распоряжении историков имеются также документы различных местных повстанческих канцелярий, включая распоряжения пугачевских командиров, переписку этих командиров между собой, разного рода прошения и т. д.) Однако большая часть повстанческой документации не сохранилась — ее уничтожали как противники восстания, так и сами его участники. Понятно, что первые обоснованно опасались влияния повстанческих воззваний, в частности пугачевских манифестов, на умы простонародья. Что же касается вторых, то и у них были свои резоны для истребления подобных документов. Например, после поражения под Татищевой крепостью в конце марта 1774 года Пугачев приказал сжечь архив «Военной коллегии». По мнению чиновников Оренбургской секретной комиссии, сделал он это, чтобы обезопасить от репрессий своих сторонников, упоминавшихся в документах; впрочем, согласно показаниям Почиталина и Горшкова, самозванец распорядился бросить «некоторые пушки» и сжечь архив «для облегчения», уходя от преследователей. Какая-то часть повстанческих документов погибла уже после пугачевщины, например во время оккупации Москвы французами в 1812 году^[386]. Тем не менее сохранившиеся бумаги дают определенное представление о деятельности различных повстанческих органов управления, в том числе и «Военной коллегии».

Легко ли было грамотеям из простонародья составлять подобные документы? Ведь зачастую они должны были подражать не просто официальному, но и державному языку и стилю актов верховной власти

(напомним, секретари коллегии также писали «царские» указы и манифесты). В показаниях Максима Горшкова сохранился любопытный рассказ о составлении «царского» указа оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 17 ноября 1773 года. Горшков с Почиталиным «сочиняли по приказанию самозванца» этот указ, «выбирая лутчия речи из разных печатных и письменных указов, которые были переплетены в книги». Однако дело не ладилось: «они и по той выборке не умели порядочно речей сплести». Они промучились уже больше недели, когда, на их радость, крестьянин Иван Петров подал в «Военную коллегию» «доношение» на одного «башкирца». Это «доношение» показалось им «разумно написанным», а потому грамотеи призвали Петрова «на квартиру» и попросили его поправить написанный ими указ. Крестьянин, прочитав, вынес вердикт: «Нет, господа! Не так написано» — и «перечернил» документ; в результате и появился на свет указ Рейнсдорпу, ставший образцом для некоторых других указов^{387}.

Не исключено, что именно после этой неудачи Почиталин решил, так сказать, повысить свой образовательный уровень — попросил Шванвича написать ему «русскую азбуку». Вскоре «повыткики злодейской коллегии» в своем стремлении к учености пошли еще дальше — решили тем же манером освоить «французскую азбуку»^{388}.

У «Военной коллегии» имелась своя печать, представлявшая собой круг диаметром 3,5 сантиметра, с надписью по периметру «ГДРЬ ВОЕНОИ КОЛЕГИ ПЕЧАТЬ (то есть Государственной Военной коллегии печать. — Е. Т.). 1774» и двуглавым орлом, держащим в лапах скипетр и державу, в центре круга. Печать была изготовлена на Яике и, по всей видимости, получена «Военной коллегией» в начале марта 1774 года, однако уже в конце месяца была утеряна. Известен единственный оттиск этой печати на одном из пугачевских манифестов. Последующие документы «Военной коллегии» либо вовсе не имели печати, либо скреплялись некоей фамильной дворянской печатью с вензелем из латинских букв и изображением лающей на птицу собаки или именной печатью «Петра Федоровича». Последняя была также вырезана на Яике и получена самозванцем во время его приезда туда в начале марта 1774 года. Диаметр у «царской» печати был примерно такой же, как и у печати «Военной коллегии». По кругу шла надпись: «Б.Г.П. П. Т. ИМП.САМОДЕРЖ.ВСЕРОС. 1774» («Большая государственная печать Петра Третьего, императора и самодержца Всероссийского. 1774»). В центре находился погрудный профильный портрет молодого мужчины в

парике, увенчанного лавровым венком и короной с крестом, с мантией на плечах. Эта печать потерялась во время боев под Казанью 12–15 июля 1774 года. В августе взамен утерянной была сделана новая именная печать «Петра Федоровича», на которой был изображен в профиль молодой мужчина в парике, в стальных латах с орденской лентой через плечо. По краю печати шла круговая надпись: «ПЕТРА: Ш: Б: М: (то есть Божьей милостью. — Е. Т.) ИМПЕРАТОРА: КАРУНА»^{389}.

Суд в «Военной коллегии» производили ее главные члены вместе с Пугачевым, а иногда и без него. Так, судья Иван Творогов на следствии вспоминал, что к ним частенько приводили «разного звания людей», не желавших признавать самозванца государем, «которых иногда злодей сам, а иногда и мы на словах допрашивали», а «по допросе представляли злодею, которых он иногда вешивал, а иногда прощал, но не иначе, как оставлял служить в своей толпе». В отсутствие же Пугачева судом и расправой ведал Шигаев. Поскольку самозванец и большинство его судей были неграмотны, то «в сей названной коллегии никаких письменных судов не производилось, а разбираемы и решены оныя были судьями на одних словах». Как подтвердил на следствии секретарь «злодейской» коллегии Максим Горшков, «вся резолюция состояла только в одном слове и тотчас исполнялась»^{390}.

Впрочем, сохранился один документ, относящийся к судопроизводству в «Военной коллегии». Речь идет о клятве, которую, предположительно, в случае недостатка обвинительных доказательств давал подозреваемый, чтобы освободиться от наказания: «Аз, нижепоименованный, обещаюсь и клянуся всемогущим богом перед святым его евангелием, что клеветец на меня тот, будто я сделал то. Аз же ей-ей иже и ни-ни, как сие божественное евангелие учит и заповедает нам действовать, что я того не делывал, а естли я сказал ложно, что мне изглаголено пресвитером клянущихся и неправедно глаголящим, то буду отлучен от святого единого бога, в сем нынешнем и будущем веце и затресусь яко Каин и да приму проказу Гиезину и удавление Иудино и смерть Ананину и жены его Сапфиры, и буду я з беззаконными еретиками в жилище вечного огня уготованном и не обрящу славы в день воздаяния его и да казнит меня высший царь, яко преступника и супостата. В заключении же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего, аминь»^{391}.

К сожалению, до нас дошло не слишком много свидетельств о каких-то конкретных судебных делах, разбиравшихся в «Военной коллегии». Некоторая информация на этот счет содержится в следственных показаниях

Максима Шигаева. Он вспоминал, что однажды в отсутствие Пугачева в Берде «по приговору коллежских судей» были повешены три гусара, сражавшиеся против повстанцев, и один гренадер или солдат. Последний поначалу «сказывался гвардейским солдатом», которого будто бы к самозванцу послал сам цесаревич Павел Петрович, однако затем изменил показания: «послан из Бугульмы от генерала (Бибикова. — Е. Т.) для увещевания толпы (повстанцев. — Е. Т.), чтобы не дрались» против правительственных войск. А тут еще «башкирцы» нашли у пленного два зашитых в камзол письма, которые он вез в Оренбург, где говорилось о скором прибытии войск на помощь осажденному городу. За то, что во время допроса в коллегии «показывал разноречие, а потому и сочтен он за шпиона», пленный был казнен^{392}.

Однако суд и расправа чинились не только в «злодейской» «Военной коллегии» и главном пугачевском войске. Разумеется, занимались этим и местные повстанческие командиры, например атаман в Яицком городке Никита Каргин. По его собственному признанию, однажды он и местные старшины «одну казачью жену секли плетьюми и дважды огнем жгли: первый раз зажженным веником, а в другой на площади подложенными под ноги дровами». Казачку мучили «за то, что она с умыслу зажигала свой дом и показывала ложно на мать свою и мужа, а равно и на сторонних людей, будто бы зажигала она по наущению их, но после призналась, что сделала сама собой». К этому рассказу Каргин сделал немаловажное добавление: оказывается, дрова под ноги женщине подкладывал ее собственный муж, которого она обвинила в подстрекательстве к поджогу. На второй или третий день после пытки казачка умерла^{393}.

К вышесказанному следует добавить, что в некоторых повстанческих канцеляриях не просто допрашивали людей, но и фиксировали их показания; в одном случае даже было записано решение по делу. Следовательно, нельзя полностью согласиться с современным историком В. Я. Маулем, считающим, что «в повстанческом лагере отсутствует характерная для екатерининской власти судебно-следственная процедура»; она не отсутствует напрочь, хотя и была весьма плохо развита. Однако исследователь, несомненно, прав, утверждая, что главным доказательством вины того или иного человека служила жалоба на него со стороны простолюдинов, например казаков или крестьян^{394}, в чем мы неоднократно убеждались и еще не раз убедимся.

Попробуем разобраться, насколько справедливы обвинения в том, что повстанческие казни были многочисленны и носили крайне жестокий

характер. Например, в одном екатерининском манифесте говорится, что бунтовщики убивали и мучили «состояния вышняго и нижняго (то есть дворян и простолюдинов. — *Е. Т.*) обоего пола людей, даже и до невинных младенцев». Во время восстания в осажденном Оренбурге даже поговаривали, будто бы пугачевцы уже и сами начали страдать от собственной жестокости. В своей «летописи» П. И. Рычков писал, что от пленного бунтовщика и от людей, добровольно вышедших из самозванческого стана, по городу «пронесся чудный слух», якобы в Берде, «при которой в буераках находится великое множество мертвых тел, побитых и удушенных злодеем, оказываются частые привидения и тревожат их обличением о своей невинности и о их варварствах, да и требуют погребения тел своих в землю; а за тем-де злодеи в ночное время и за водою на реку Сакмару не только поодиночке, но и малоллюдно уже не ходят, да и во снах-де оным злодеям с такими представлениями кажутся. Однажды, якобы, так они в ночное время чрез то встревожились, что возмечтав, будто наступают на них военные люди, стреляли из пушек». «Ежели сие справедливо, — заключал Рычков, — то без сомнения происходило в них от воображения, в рассуждении многих их злодейств, чему движение их совести и всегдашнее пьянство наибольшею могло быть причиною»^{395}.

Трудно сказать, как там обстояло дело с привидениями, но тела казненных бунтовщики и вправду оставляли без погребения. Об этом мы знаем со слов людей, бежавших из пугачевского плена, например хорунжего Родиона Чеботарева и подпрапорщика Григория Аверкиева, а также из показаний одного повстанца, захваченного правительственными войсками. Трупы бросали в овраг или оставляли «на улицах». Однако это было не самое страшное, что могли сделать с мертвыми телами бунтовщики. Если верить показаниям Аверкиева, то у двух повешенных офицеров из отряда Чернышева, майора Семенова и капитана Калмыкова, после снятия с виселицы, «как они были собою толсты, вскрыты были груди злодеями и вынимано из них сало», которое, считали пугачевцы, «пригодно для лечения ран». Имеются сведения, что подобным же образом бунтовщики поступили и с комендантом Татищевой крепости полковником Елагиным. В свое время эти сведения привел А. С. Пушкин, обнаружив их в «реестре убитым от самозванца людям», составленном Оренбургской губернской канцелярией. Есть также данные, что и некоторым другим офицерам, в частности бригадиру Билову и майору Заеву, взрезали грудь, однако неизвестно, «вынимали» ли у них сало^{396}.

Справедливости ради следует отметить, что частенько и правительственные силы не спешили с захоронением трупов казненных бунтовщиков. Например, лишь весной 1775 года в Саратове было разрешено снять с виселиц и колес тела казненных и закопать «во отдаленных от города местах в глубокий ямы», ибо трупы начали разлагаться. В Сибири виселицы и колеса убрали только в июне. В прежние времена останки казненных еще дольше могли оставаться для всеобщего обозрения. Например, разрубленное тело Степана Разина, казненного 6 июня 1671 года, оставалось на кольях на Болотной площади по крайней мере до весны 1676-го. Понятно, что трупы повстанцев власти в наказание оставляли без христианского погребения, а выставляли на всеобщее обозрение в назидание живым. (Интересно, что один из донских казаков, за участие в пугачевщине приговоренный войсковой администрацией к повешению, должен был висеть до тех пор, «пока оборвется».) Можно предположить, что с этими же целями не хоронили своих врагов и восставшие^{397}.

Скорее всего, непогребенных вражеских тел в лагере «Петра Федоровича» было немало, поскольку о многочисленных убийствах рассказывали не только люди, находившиеся вне пугачевского войска, но и очевидцы этих убийств, в том числе и сами повстанцы. Согласно их рассказам в пугачевском стане царили доноительство и террор, когда, например, было достаточно малейшего подозрения, что человек не считает самозванца настоящим царем, чтобы лишить его жизни^{398}. Но можно ли хотя бы приблизительно подсчитать количество жертв бунтовщиков за время восстания?

Сохранилась «ведомость», в которой перечисляется, «сколько всяких званий злодеями... умерщвлено». Ведомость эта была отправлена последним главнокомандующим антипугачевскими войсками графом П. И. Паниным вместе с письмом Екатерине II 25 января 1775 года. Согласно этому документу от рук бунтовщиков погибли 2846 (в ведомости указан ошибочный результат подсчетов — 2791) человек, причем более половины убитых (1572) составляли дворяне, «их жены и дети», в том числе 64 младенца. После дворян шли священно-и церковнослужители, а также их жены (237). Остальные жертвы — это унтер-офицеры и прочие нижние чины, разночинцы и канцелярские служители с женами и детьми^{399}.

Некоторые ученые полагают, что вышеприведенные сведения являются неполными. Например, британская исследовательница И. Мадариага считает, что «эти данные не учитывают дворовых, крестьян и

горожан, павших жертвой шаек мятежников». Справедливость данной точки зрения подтверждает и сама ведомость. В конце документа читаем: «...до отправления сего не подоспели еще требованныя о сем же ведомости из 14-ти городских канцелярий отдаленных». По всей видимости, речь в документе идет только о погибших мирных жителях и пленных офицерах и солдатах. Что же касается военных потерь правительственных войск, то они в литературе оцениваются примерно в шесть сотен убитых и тысячу раненых. Из этой же ведомости видно, что самым популярным способом истребления у бунтовщиков было повешение. Об остальных жертвах говорится, что они были перебиты, изрублены, утоплены, застрелены или заколоты, а о некоторых сказано: «Страдальческими смертями замучены»^{400}.

Источники, однако, сохранили не только сухое перечисление жертв, но и довольно подробные рассказы о казнях. Вот, например, следственные показания казака-повстанца Ивана Ефремова, участвовавшего в подготовке экзекуции в Яицком городке в январе 1774 года. Ему было приказано соорудить виселицу напротив дома казачьего старшины Мартемьяна Бородина (хозяин, напомним, в то время находился в Оренбурге), что он и сделал вместе с бывшим бородинским работником Петром Шевяковым.

В день казни, когда народ собрался «для зрелища», привели «более десяти человек послушных казаков», приговоренных к смерти. После появления Пугачева, Толкачева и Овчинникова казаки Никифор Зоркий и Петр Быченин приступили к исполнению приговора. Повесив «послушных», они вывели Якова, дворового человека Мартемьяна Бородина. По словам Ефремова, дворовый, отправленный хозяином по какому-то делу из Оренбурга в Яицкий городок, был пойман на дороге. Пугачев приказал «пятерить» Якова — разрубить его на пять частей. По словам Ивана Ефремова, Зоркий и Быченин положили приговоренного «наземь на приуготовленную плаху и держали его — один за голову, а другой за ноги; топором же сечь было некому. Тогда Пугачев и Овчинников, оборотясь назад прямо на него, Ефремова (где он тогда зрителем же был), приказывали ему пятерить и рубить, почему он, Ефремов, не смея отговоритца против самозванцова приказа, не говоря ни слова, пошел и рубил того человека на части: сперва отрубил руки и ноги, а потом голову». Ефремов не хотел быть палачом, поэтому отправил мать и друга к Овчинникову с просьбой освободить его от «сей должности». «Для почести» ходатаи принесли несколько пряников.

— Подите, — сказал атаман, — теперь не до вас, а придите завтра.

Наутро они вновь явились к Овчинникову, но теперь уже принесли «в

подарок» не пряники, а «денег два рубли».

— Хорошо, — сказал атаман, принимая подношение, — и без вас дело-та делается.

И с тех пор Ефремова в эту «должность» «уже и не употребляли»^{401}.

Пугачев, видимо, всегда присутствовал при массовых казнях и не просто наблюдал, но и иногда руководил ими. Например, уже упоминавшийся подпрапорщик Григорий Аверкиев вспоминал, что во время казни полковника Чернышева и прочих офицеров его отряда (среди казненных была также одна офицерская жена) самозванец «махал платком на того, которого за кем на виселицу вести». Интересно, что во время этой казни вокруг виселицы стояли помилованные пленные, которых бунтовщики заставили смотреть на смерть своих начальников, а позади них яицкие казаки. Добавим, что приговоренных к смерти привели к виселице уже без одежды и обуви. Можно предположить, что, раздев своих врагов донага, пугачевцы хотелишний раз унижить их или же перед смертью помучить холодом (дело было в ноябре). Однако была, вероятно, у этого поступка и более прагматичная причина: бунтовщики хотели получить одежду пленных офицеров незапачканной, ведь при повешении у человека происходят произвольные дефекация и мочеиспускание. Впрочем, восставшие не брезговали после боя снимать одежду с убитых, своих и чужих^{402}.

Аверкиев не запомнил имени яицкого казака, вешавшего Чернышева и прочих пленных офицеров, однако это мог быть Федор Карташев или Иван Бурнов — оба тогда «исправляли палачевскую должность» и, по некоторым сведениям, участвовали в этой казни. Если верить показаниям Пугачева, они «пошли в сию должность охотою». Однако из показаний Бурнова следует, что он стал палачом случайно. Когда Пугачев приказал повесить казака Скворкина (как мы помним, он был самой первой жертвой бунтовщиков), то Бурнов стоял поблизости, а потому самозванец крикнул ему и другому казаку Быкову: «Што вы стали, возьмите его и повесьте!» Те, разумеется, повиновались «государевой» воле. Быков держал лестницу, а Бурнов, «взяв того Скворкина... взведши на лестницу... надел петлю». Впоследствии, по словам Бурнова, вешал главным образом Карташев, а «когда случалось быть Карташеву пьяну, то тогда вешивал он». «Палачевская должность», видимо, тяготила и Бурнова, ибо он «напоследок» обратился с просьбой освободить его от исполнения этих обязанностей к пугачевским приближенным, а те, в свою очередь, просили об этом своего предводителя. Самозванец просьбу уважил и сделал Бурнова

хорунжим в полку, которым командовал Шигаев^{403}.

Разумеется, расправы чинили не только в главном пугачевском войске, но и в многочисленных повстанческих отрядах, действовавших в разной степени отдаленности от ставки самозванного императора. Например, Иван Лунегов, сотник из приписных крестьян, который «у Пугачева назывался подложно Медведевым», впоследствии обвинялся в убийстве под городом Мокшаном неподалеку от Пензы дворян и чиновников с семьями «более тридцати человек». Несчастных поставили на колени, после чего начали расстреливать. Однако сотник, недовольный тем, «что мужики стреляли, недействительно», сам стал орудовать саблей, «поступая зверски, и всю изломал саблю», а «напоследок заставил убивать осями». Лунегов на следствии не отрицал самих фактов жестоких расправ, но заверял, что «неучастен в убийстве», сваливая всё на своих начальников — полковника Ивана Иванова и есаула Ивана Брянчинова. Однако пленные повстанцы напрочь опровергли его оправдания^{404}.

Ответственность за расправы, как и за многое другое, Пугачев во время следствия перекладывал на свое окружение — яицких казаков. Например, однажды он заявил: «Дворян и офицеров... убивал большою частию по представлению яицких казаков, а сам я столько жесток отнюдь не был», — а в другой раз сказал: «...яицкие казаки делали што хотели»^{405}. Интересно, что в разговоре с А. С. Пушкиным в сентябре 1833 года выгораживали Пугачева и старые яицкие (уральские) казаки. «Когда упоминал я о его скотской жестокости, — писал Пушкин, — старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили». Участник пугачевского бунта Михаил Денисович Пьянов (у Пушкина он ошибочно назван Дмитрием), сын того самого Дениса Пьянова, которому самозванец впервые открыл «свое истинное имя», рассказывал Пушкину, будто «Петр Федорович» жаловался его отцу на своеволие яицких казаков, говоря: «Улица моя тесна». Нелишне будет повторить здесь характеристику, которую дал Пугачеву главнокомандующий правительственными войсками А. И. Бибиков в письме Д. И. Фонвизину от 29 января 1774 года: «... Пугачев чучела, которою воры Яицкие казаки играют». Однако сами яицкие казаки из числа пугачевских приближенных на этот счет придерживались совсем иного мнения — они уверяли следователей, что самозванец имел над ними власть безграничную и сам решал, кого казнить, а кого миловать. Так, неформальный руководитель «злодейской» «Военной коллегии» Максим Шигаев утверждал, будто сподвижники Пугачева «перед ним дрожали, не смели много рта-та разевать! Вить он ни на кого не

смотрел: кто бы он таков ни был, тотчас укажет виселицу»^{406}.

Кто тут прав? Как уже неоднократно было сказано, яицкие казаки составляли ближайшее окружение самозванца и вообще играли важную роль в пугачевском движении. Таким образом, вполне законно предположить, что и рассказы об их самоуправстве возникли не на пустом месте^{407}. Но был ли самозванец и впрямь «чучелой» в их руках? Остановимся на свидетельстве корнета Пустовалова (его пересказал П. И. Рычков, а Пушкин использовал для иллюстрации взаимоотношений Пугачева со своим окружением). Корнет был захвачен бунтовщиками и более двух месяцев служил самозванцу, после чего в марте 1774 года бежал в Оренбург, где рассказал: «...с сообщниками своими, которых он (Пугачев. — *Е. Т.*) любит, нередко вместе обедает и напивается допьяна, которые обще с ним сидят в шапках, а иногда-де и в рубахах и поют бурлацкие песни без всякого ему почтения; но когда-де выходит он на базар, тогда снимают шапки и ходят за ним без шапок...» Но, насколько известно, Пустовалов не входил в ближайшее окружение Пугачева, а потому непонятно, откуда он мог знать, как самозванец проводит часы досуга со своими приближенными. Конечно, Пустовалов мог стать случайным очевидцем подобного времяпрепровождения, однако из его-то рассказа вроде бы получается, что он наблюдал эту картину не единожды. Но хотя Пустовалов и рассказывал о непочтительном отношении ближайших сподвижников к своему «царю», он всё же не утверждал, что Пугачев был фигурой несамостоятельной — напротив, подчеркивал: «...когда случается он (Пугачев. — *Е. Т.*) в Берде, то всё распоряжает сам и за всем смотрит не только днем, но и по ночам»^{408}.

В нашем распоряжении имеются и более надежные доказательства того, что в целом Пугачев был фигурой самостоятельной. И пожалуй, наиболее ярким примером в этом смысле служит казнь самозванцем одного из своих ближайших сподвижников, яицкого казачьего полковника Дмитрия Лысова. В данном случае не так уж важно, за что именно Пугачев приказал повесить своего приближенного (по его утверждению, тот грабил и убивал невинных людей, а по версии казака И. Ульянова, полковник спьяну ударил Пугачева копьем); гораздо важнее, что самозванец без всяких последствий для себя мог казнить влиятельного яицкого казака. Кстати, из показаний самого Пугачева также видно, что он не был такой уж несамостоятельной фигурой, как пытался уверить следователей. Например, самозванец не перекладывал ответственность за казнь Лысова на свое окружение, а брал ее на себя^{409}. И, как мы увидим ниже, это был не

единственный случай.

Из всего вышесказанного, конечно, не следует делать вывод, что Пугачев повинен во всём происходившем в главном повстанческом войске. Однако несомненно, что расправы часто вершились на его глазах и по его приказу.

Вопрос, имели ли действия пугачевцев, в том числе расправы, какую-то логику, занимал еще начальника секретных следственных комиссий П. С. Потемкина. 8 октября 1774 года в письме Екатерине II, рассказывая о допросе Пугачева, он между прочим писал: «Не упустил я того, всемилостивейшая государыня, чтоб не изведать: была ль какая система в помыслах самозванца, заключаая быть оной по изъяснениям злодейских обещаний к народу и по намерению истребить всех дворян. Но усмотрел, что в том вовсе никакой связи не было. Все производимо было случайно и по злости»^{410}. Однако как можно говорить, например, о случайности повстанческих расправ, если они имели довольно четкую тенденцию? Мы уже неоднократно говорили о том, что восставшие, как правило, расправлялись с офицерами, помещиками и, напротив, благоволили крестьянам, солдатам и прочим представителям социальных низов. О том, что именно «дворяне и чиновные люди» являлись главным объектом повстанческого террора, писали и представители правительственного лагеря, в том числе сама Екатерина II^{411}. И наконец, если мы обратимся к повстанческим воззваниям, то увидим, что лишь представители привилегированных слоев населения называются в них виновниками народных бедствий, а потому объявляются подлежащими уничтожению. В пугачевских манифестах читаем: «А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники, так, как сущих преступников закона и общаго покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение»; «Обитчики ж и несытые богатством судьи и дворянство без жестокого нашего гнева не преминуют»; «...нами всё оное (дворянство. — *Е. Т.*) истреблено быть может». А вот и наиболее яркий из таких призывов: «...кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах — оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами»^{412}.

Понятно, почему в вышеупомянутой ведомости, где перечислялись жертвы восставших, дворяне занимали первое место. Таким образом,

нельзя полностью согласиться с В. Я. Маулем, считающим: «дворяне, офицеры и чиновники составляли только часть всех казненных пугачевцами», «более правильным представляется говорить об отсутствии сословной направленности повстанческих казней. Жертвами бунтовщиков могли стать люди любой социальной и национальной принадлежности без различия пола и возраста»^{413}. Действительно, представители привилегированных слоев населения составляли лишь «часть всех казненных», однако самую значительную. Кроме того, ни Пугачев, ни его окружение никогда не призывали расправляться с людьми только за их принадлежность к крестьянскому сословию (в отличие от дворян). Представителей социальных низов карали, а также грабили и уничтожали их имущество, как правило, за непослушание или сопротивление самозваному царю^{414}. (Правда, порой бунтовщики нападали на крестьян исключительно с грабительскими целями. Однако такие действия не приветствовались повстанческими властями.) Вероятно, ближе к истине советские историки, полагавшие, что повстанческие расправы носили «классовый характер» и были направлены главным образом против представителей привилегированных слоев населения, а также их подручных, например приказчиков^{415}. Другое дело, что не следует преувеличивать «классовый характер» этой ненависти и в целом «классовую сознательность» бунтовщиков. Как мы видели, отношения между различными социальными и национальными группами восставших порой были весьма непростыми, а отношение к дворянам, например у самого Пугачева, — более сложным, чем представляется на первый взгляд.

О том, что пугачевская жестокость «была не патологической, а социальной», уже в постсоветское время писал известный исследователь А. С. Мыльников^{416}. В связи с этим замечанием стоит обратить внимание на то, что хотя самозванец на следствии и пытался переложить ответственность за расправы на яицких казаков, ответственность за казни «плохих» помещиков и командиров он всё же брал на себя: «...а не попускал тем, кои отягощали своих крестьян, или командиры — подчиненных; также и тех без справок казнил, естли кто из крестьян на помещиков в налогах доносил». Видимо, самозванец был абсолютно уверен в справедливости подобных действий, раз не отпирался от них. Это признание, а также некоторые другие свидетельства — например, слова И. Почиталина, что «грабительства безвинных людей он (Пугачев. — Е. Т.) не любил» — показывают, что казнил и миловал самозванец, руководствуясь народными представлениями о справедливости и в частности о

справедливом царе. Причем согласно этим представлениям грабить и убивать нельзя было не только простолюдинов, но и тех помещиков и офицеров, которые перешли на сторону «Петра Федоровича» или были «одобрены», соответственно, крестьянами и солдатами. Поэтому Пугачев спрашивал Хлопушу, «не обидел ли» тот «и не отнял ли чево ис нажити» у перешедшего на сторону повстанцев капитана, которого положительно охарактеризовали его солдаты.

Кстати, тому же Хлопуше «амператор» в другой раз сказал: «...если что украдешь, то за алтын удавлю». И, видимо, это были не пустые угрозы. По крайней мере, Почиталин вспоминал, что людей, «приличившихся» в грабительстве, самозванец «вешал без пощады». Сам же Пугачев на следствии рассказывал, как однажды «повесил» некую «девку», жившую «у него на квартире», за то, что она украла у «царя» «подсвешник серебряной». Правда, у девки была и еще одна вина — она «волочилась с конюхами». Если предположить, что девка не просто так жила на квартире у «царя», то понятно, почему он так разгневался на нее за связь с конюхами^[417].

Видимо, проблема грабежей и мародерства слишком остро стояла в войске бунтовщиков, раз одной из причин создания «Военной коллегии» стало нежелание Пугачева лично разбирать «многие жалобы» на бесчинства его подчиненных. Как же реагировала «Военная коллегия» на эти жалобы? Знакомство с документами коллегии и местных повстанческих учреждений приводит к выводу, что руководители восстания пытались, по крайней мере, оградить «подданных» «Петра III» от бесчинств бунтовщиков, а иногда даже наказывали за эти бесчинства. Так, в указе «Военной коллегии» «крепостным начальникам» Нижнеяицкой линии от 17 декабря 1773 года говорится, что коллежскому судье Творогову поступила жалоба «командира» Нижнеозерной крепости Разнолишников на то, что некоторые пугачевцы, «мимо крепостей едущия... делают ему, Разнолишникову, и протчим обиды и разорения», то есть нападают на своих. «Если и впредь будут таковыя преступники законам какия причинят обиды и разорения, — повелевала «Военная коллегия», — то таковых, тотчас поймав, и по поимке присылать за караулом в вышереченную Военную государственную коллегия при рапорте со изъяснением их преступления, с которыми поступлено [будет] по законам». «Военная коллегия» пыталась также обезопасить мирных жителей от притеснений со стороны восставших. Например, атаману Илье Арапову было приказано «наблюсти», чтобы его подчиненные («поверенные») «не отваживались чинить крестьянам никаких обид; в противном же случае подвергнут себя

его величества гневу»^{418}.

Имеются также данные о том, что «Военная коллегия» во избежание бессудных расправ приблизительно в декабре 1773 года дала указание, «чтоб впредь никому смертной казни не чинить, но присылать виновных в Оренбург», то есть в Берду. Туда же было приказано отправлять и тех, кто делает «раззорения». Более того, известно, что некоторые нарушители этих предписаний действительно были отправлены в ставку Пугачева. Однако «Военная коллегия» не была последовательна, ведь и в декабре 1773-го, и позже повстанческая верхушка приказывала расправляться с врагами и послушниками. Например, в одном указе «Военной коллегии» от июня 1774 года башкирские и марийские старшины инструктировались: «...если же кто-либо окажет сопротивление, послушавшись, проявит злоумышление и не пойдет на службу великого государя, то с таковыми поступайте: у непокорных грабьте имущество, сжигайте дома»^{419}.

Головной болью для повстанческих властей всех уровней стали нападения «башкирцев» и прочих «иноверцев» на русских мирных жителей, в особенности на заводских крестьян^{420}. Причем башкиры не только грабили и убивали, но и заставляли христиан переходить в ислам, что, думается, для многих было не лучше смерти. Крестьяне пытались найти управу на притеснителей. Так, 18 декабря 1773 года крестьяне Саткинского завода на Южном Урале в рапорте старшине башкир-повстанцев Юлаю Азналину, помимо прочего, сообщали, что на их заводе «производится осторожность не против его величества (то есть Пугачева. — Е. Т.), но от набегу озорнических из башкирцов воровских партий, которая из заводских жителей, выезжающих за сеном, уже много покололи безвинно и лошадей отогнали, и теперь за сеном и протчими потребностями выехать з заводу не дают свободности», и просили «завод от розъезжающих грабительских воровских партий защитить»^{421}. Мужики не знали, что эти башкирские «грабительские партии» как раз и служили «его величеству», а Юлай был не тем человеком, у которого следовало искать защиты, ибо он сам во время пугачевщины вместе со своим сыном Салаватом Юлаевым разорял заводы и убивал крестьян. Впрочем, свои бесчинства Салават и Юлай будут совершать несколько позже, а в декабре 1773 года на Саткинский завод пришли не они, а пугачевский атаман И. Кузнецов^{422}.

Даже переход на сторону Пугачева отнюдь не всегда избавлял мужиков от башкирских бесчинств. Последнее обстоятельство было особенно опасным для руководителей восстания, поскольку подобные бесчинства

могли заставить крестьян переметнуться на правительственную сторону, что иногда и происходило.

Понимая опасность сложившейся ситуации, 20 декабря 1773 года пугачевская «Военная коллегия» указала Зарубину-Чике, находившемуся под Уфой, оградить тамошние русские селения от разорения башкирскими повстанческими отрядами. Непосредственным поводом для появления этого документа послужил рапорт пугачевцев Ивана Губанова и Ивана Гребенщикова. Они сообщали: «...при разных старшинах башкирские и мещерятские команды находящиеся около города Уфы разные русские жительства и помещичьи деревни, которые усердно покорились, не только их самих помещиков, но и людей до основания раззорили, ис коих де много годных есть в службу его императорскаго величества, но только тепер в крайнем несостоянии находятся. И всё движимое имение по себе разделили и смертные убивствы многие чинили, от коих и ныне еще не отвращаются», — и просили дать «от такого своевольства и грабительства верноподданным от тех именуемых башкирских и мещерятских команд защищение». В ответ «Военная коллегия» повелела Чике «послать указ» к башкирским старшинам, «чтоб они разграбленное имение... обратно тем хозяевам отдали и во всём удовольствовались, а паче взятых от помещиков лошадей тем, которые в службу годны, без всякого препятствия отдали ж, и сыскав из них виновных, представили к вам». Окончание указа и вовсе было грозным: «Да впредь, естли ж какие злодеи, хотя из малого чего окажутся, то, не приемля от них никаких отговорок и не возя сюда, чинить смертную казнь, дабы впредь того чинить другие отваживаться не могли»^{423}.

Конечно, повстанческим властям не удалось утихомирить «башкирцев» и прочих «иноверцев». Более того, нападения на заводы в мае — июне, совершавшиеся Салаватом Юлаевым и его отцом, скорее всего, были санкционированы самим Пугачевым. Однако до апреля никто не поощрял подобные бесчинства. 20 января 1774 года предводитель «главного азиатского и российского войска» Иван Кузнецов в послании жителям осажденного Кунгура утверждал, что «азиатские народы» уже «присмирены», а значит, город можно сдавать безбоязненно. Конечно, есть серьезные основания сомневаться в достоверности этого утверждения, однако какие-то шаги в этом направлении действительно были сделаны. Так, И. Кузнецов за самовольную казнь коменданта Ачитской крепости капитана Воинова, а также за неподчинение приказам во время боев под Кунгуром арестовал мещеряцкого старшину Канзафара Усаева. Доставленный под Оренбург к самому Пугачеву, Усаев был им освобожден

без всякого наказания и направлен служить «под Екатеринбург в толпу злодейскова начальника Белобородова». В другой раз И. Зарубин-Чика получил от крестьян Рождественского завода жалобу на «башкирцев», отнявших у них деньги, оружие, лошадей. Самозванный граф вернул крестьянам часть денег, привезенных ему башкирами, но остальную сумму, оружие и лошадей порекомендовал возвратить самостоятельно.

Однако другие представители повстанческих властей сами отправлялись к башкирам, отбирали у них награбленное добро и возвращали его пострадавшим. Причем среди тех, кто восстанавливал справедливость, были и мусульмане, в том числе и башкирский старшина. Даже Салават Юлаев призывал соплеменников к законности. По крайней мере, пленный повстанец Субгангул Картиков на следствии показывал: «При приступе ж к городу Кунгуру от полковника Салавата приказывано было всем: егда город Кунгур в плен взят будет, то б, войдя во оной, никого не рубить, а отрепортовать к Петру Третьему императору» и дожидаться «царского» указа. При этом, правда, с января по март 1774 года у Салавата содержались «Кунгурского уезду разных сел полоненные» крестьяне. «Отрепортовал» ли он о пленниках Пугачеву или удерживал их самовольно, неизвестно^{424}.

Авторы публицистических произведений на исторические темы иногда представляют в роли злодеев-антигероев исключительно Салавата Юлаева и его соплеменников^{425}. Правительственные силы также были способны на весьма жестокие поступки. Например, комендант Верхояицкой дистанции полковник Е. А. Ступишин в рапорте оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 28 февраля 1774 года сообщал, что правительственные войска не только разгромили отряд башкирских повстанцев, но и уничтожили их деревню Москову: «...всю выжгли, где их жен и детей немало згорело»^{426}. И это был не единственный случай проявления жестокости по отношению к башкирам. Правда, в прежние времена с восставшими башкирами расправлялись иногда еще жестче. По данным Оренбургской и Башкирской (Мензелинской) комиссий, с 1735 по 1740 год было казнено и убито около семнадцати тысяч человек; других сослали служить на флот матросами, а более девяти тысяч женщин и детей власти отдали русским помещикам в качестве крепостных. Наконец, было разорено около семисот башкирских деревень^{427}. Неудивительно, что и башкиры порой особенно не церемонились с теми, кто жил на землях, захваченных у них под металлургические заводы и крепости. Впрочем, иногда их отношение к

крестьянам было вполне дружелюбным. Так, например, в деревне Подымаловой под Бирском башкиры ограбили господский дом, «а у крестьян ничего не брали»^{428}.

Пугачевской «Военной коллегии», помимо прочего, приходилось увещевать и предостерегать «иноверцев» от разорения церквей и прочих посягательств на христианскую веру. В одном из указов коллегии говорилось, чтобы в Красноуфимске «башкирцы или мещеряки... до российских церквей божиих обиды или грабежы... разорения никакого бы не оказывали»^{429}. В этом указе не было бы ничего необычного, если бы не одно обстоятельство: некоторые очевидцы свидетельствовали, что разграбление церквей и вообще святотатство были обычным делом для всех пугачевцев, а не только для «иноверцев». Так, побывавший в плену у самозванца подпрапорщик Григорий Аверкиев рассказывал, что бунтовщики совершают грабежи «не только в жительствовах, но и в церквях, обдирая с престолов одежды, а с образов оклады, и колют оные, и пойманный в таком злодеянии остается без всякого наказания». Оренбургский священник Иван Осипов писал, что 2 мая 1774 года «церковь Захария и Елисаветская, состоящая за Яиком рекою на Азиятском меновом дворе, свидетельствована была, в которой без изъятия все иконы святые исколены и копьями и ножами изрезаны ими злодеями, в которой было украшение весьма не худо». «Сие злодейское тиранство над иконами, — заключал священник, — всякого христианина может привести в слезы и в крайнее сожаление, что не самые бы идолопоклонники и жида сделать не могли того или богоотступники то варварство на себя взяли; каждая икона знаков десять и более на себе имеет, а что было можно, то и грабили и увезли без остатку». В ведомости, отправленной П. И. Паниным Екатерине II 25 января 1775 года, говорилось, что во время пугачевщины «разными неистовствами осквернено и разорено: монастырей 14, церквей 63». В том, что подобное «варварство» действительно имело место, на следствии признавался и сам Пугачев. Причем из его признаний вроде бы следует, что и он участвовал в этих злодеяниях^{430}.

Объяснение такому поведению бунтовщиков дал на следствии пугачевский сподвижник Тимофей Подуров: «Из поступок яицких казаков можно было приметить, что самозванец был раскольник, потому что оныя казаки в церквях над образами, которыя были написаны живописью или на то похожим, делали великия надругательства, выкалывая глаза, а иногда и совсем раскалывали и разрубали; но самозванец, будучи о том известен, казакам ничего за то не выговаривал и, по-видимому, попускал их на

истребление оных икон». Уже упомянутый подпрапорщик Григорий Аверкиев свидетельствовал, как яицкие казаки приказали ему и другим пленным участникам отряда Чернышева «креститься двуперстным сложением (то есть по-старообрядчески. — *Е. Т.*), выговаривая при том, что естли кто будет иначе креститься, то батюшка, то есть самозванец, прикажет отрубить пальцы». Пугачев, как мы помним, не был старообрядцем, но в угоду яицким казакам неоднократно заявлял о своей приверженности к старой вере. Например, однажды «Петр Федорович» заявил, что во время странствий после переворота он «испытывал всякие веры, однако ж де лутчей вашей, господа яицкие казаки, нигде не нашел... и... намерен во всём государстве оную сделать»^{431}.

Можно было бы утверждать, что казаки, терроризируя никониан и разоряя их церкви, уже начали проводить в жизнь эту религиозную реформу, если бы не ряд немаловажных обстоятельств. Прежде всего, отнюдь не все современники пугачевщины видели в бунтовщиках кощунников и разорителей храмов. Так, илецкие священники Андрей и Степан Ивановы в доношении, поданном в 1774 году в Оренбургское духовное правление, писали, что Пугачев и его казаки, находясь в местной церкви Николая Чудотворца в сентябре 1773 года, «святым иконам поругания и во оной грабительства никакого не причинили». Эти попы служили торжественный молебен «Петру Федоровичу», и их можно было бы заподозрить в выгораживании бунтовщиков, но, насколько нам известно, никто из очевидцев пребывания Пугачева с войском в Илецком городке не упоминает о святотатстве и разграблении местной церкви. А вот свидетельство врага бунтовщиков Павла Степановича Рунича (во время восстания он был премьер-майором), в августе 1774 года шедшего буквально по их следам: «От города Курмыша Пугачев с войском своим потянулся к Алатырю, от онаго на Саранск, Пензу, Петровск, Саратов, Камышенку, станицу Дубовку и Царицын, оставляя за собою по всему сему краю, где протекал с 50 000 сволочи, грабеж, разорения, ужас и смерть, и всё то, что только имело название дворянина и чиновника, было убиваемо. Но, впрочем, ничто не касалось рукою убийства, грабежа и разорения до монастырей, храмов Божиих, священно-и церковнослужителей, но все онаго места и лица остались невредимы, даже в колониях кирхи и костелы католицкие». Пугачевский атаман И. Грязнов в одном из своих посланий также опровергал обвинения в разорении повстанцами церквей^{432}.

Отчасти наблюдения Рунича подтверждаются другими источниками. Например, из свидетельств представителей саратовского духовенства

следует, что восставшие убили одного священника, но в то же время там нет и намека на разорение Церквей или надругательство над иконами. Да и убийство священника едва ли было вызвано ненавистью к духовенству; более того, есть основания полагать, что бунтовщики хорошо относились к священнослужителям. Из доношения саратовских протопопов Онисима Герасимова и Алексея Иродионова астраханскому и ставропольскому епископу Мефодию от 21 августа — 21 сентября 1774 года известно, что «села Никольская) (Кологреевка тож) поп Прокофий Иванов, войдя в злодейския лагеря, ходил по ним с крестом, требуя, по неимуществу якобы своему, подаьяня». Батюшка не ушел от бунтовщиков с пустыми руками, получив в дар «в Саратове из лавок грабленное, множество лоскутков и разнаго товара, а также один церковный воздух^[11]»; причем он был никонианским священником — в противном случае протопопы обязательно подчеркнули бы его приверженность к расколу^{433}.

В отличие от Саратова в некоторых других городах и селениях Среднего Поволжья летом 1774 года бунтовщики не столь почтительно относились к православному духовенству: священно-и церковнослужителей убивали, а церкви грабили и совершали в них различные святотатства. Зачастую инициаторами расправ над духовенством были представители нерусских народностей, недовольные насильственной христианизацией и прочими притеснениями со стороны православных священников. Однако они не всегда истребляли духовенство своими руками, а частенько отдавали на расправу представителям самозванца. Более того, противники бунтовщиков также обвиняли в святотатстве и убийствах священников не только «инородцев», но и самого Пугачева и его главное войско. Остается неизвестным, кто совершал святотатства во время захвата Казани — участвовали ли в них только иноверцы или же руку приложили и православные бунтовщики. Пугачевец Д. Верхованцев утверждал, что шапка самозванца была «зделана из покровов церковных», однако это утверждение требует проверки^{434}.

Чтобы разрешить многочисленные противоречия, связанные с отношением пугачевцев к различным церковным и религиозным вопросам, потребуется специальное исследование^{435}, однако можно выдвинуть на этот счет некоторые предположения и сделать отдельные выводы. Пожалуй, главный вывод состоит в том, что Пугачев и казаки-староверы не проводили террора (во всяком случае, широкомасштабного) по отношению к никонианам. Историкам известен лишь один приведенный подпрапорщиком Аверкиевым случай, когда казаки заставляли никониан

креститься двумя перстами. По мнению советского историка И. З. Кадсона, имеются лишь отдельные факты принуждения духовенства к ведению службы по-раскольничьи. Оспаривал Кадсон и утверждение Н. Ф. Дубровина, будто бы яицкие казаки внушали населению, что «Петр Федорович» приказал ломать никонианские церкви, а вместо них ставить «семиглавые». Однако заявление Дубровина было основано не на пустом месте. До противников восстания и вправду доходили слухи о намерении пугачевцев ломать никонианские церкви и ставить вместо них старообрядческие, причем вроде бы их распространяли люди, побывавшие в пугачевском стане^{436}.

Хотя Пугачев и обещал ввести в государстве старую веру, а его воззвания и указы «Военной коллегии» «жаловали» старообрядцев древним крестом и бородой, однако ни в одном повстанческом документе не содержится призывов к слому никонианских храмов и убийствам священников. Напротив, там можно найти лишь положительное отношение к духовенству. Например, 15 июля 1774 года «Военная коллегия» повелела дать «взятым из города Казани и отпущенным из армии его величества священному чину и всему церковному причту» указ, по которому они могли «беспрепятственно» у жителей Казанского уезда получать пропитание^{437}.

Конечно, не следует забывать, что в уже не раз упоминавшейся ведомости, где перечислялись погибшие от рук бунтовщиков, священно-и церковнослужители шли сразу за дворянами. Как говорилось выше, духовенство активно уничтожалось представителями нерусских народов; кроме того, его могли убивать за сочувствие правительству и сопротивление самозванцу. Так, пугачевский полковник И. Белобородов на следствии вспоминал: «...в которых же селах священники встретят их со кресты, тех отпускали, а кои не встречали, тех вешали»^{438}. В то же время мы не встретили в источниках ни одного примера убийства раскольниками священника официальной Церкви по религиозным мотивам. Никонианские священники служили молебны, в которых принимал участие Пугачев, встречали его с крестами, и нет никаких оснований полагать, что эти кресты были «раскольничьи». Причем даже из враждебных по отношению к самозванцу свидетельств видно, что он, по крайней мере внешне, проявлял почтение к никонианскому кресту. Так, в уже упоминавшемся «доношении» протопопов Герасимова и Иродионова читаем: «...в Троицкой собор в нижнюю церковь собравшись духовенство, взяв престольный крест с Евангелием и запрестольный образ Богоматери,

пошли ко именуемому от воровской толпы батюшке, известному государственному злодею Пугачеву в лагери, где по приходе ожидали его к приложению святых образов не менее полутора часа. Но когда тот вор, изменник и клятвopепреступник Пугачев выехал в казачей одежде пред Святыя образа верхом на лошади, тогда поднесен был ему престольный животворящий крест, пред коим приподнял он с головы с левой стороны мало шапку, поцеловал оной, сказал только: «Благодарствую...» (Кстати, Саратов был не единственным местом, где летом 1774 года Пугачев прикладывался к никонианскому кресту.) Понятно, что «Петр Федорович» не сделал бы ничего подобного, если бы в августе 1774 года староверы-фанатики играли в его войске какую-либо заметную роль. Впрочем, имеются сведения, что в ноябре 1773 года Пугачев отказался подходить к кресту, а из контекста понятно, что крест был никонианский, а значит, не исключено, что влияние старообрядцев на Пугачева вначале могло быть более заметным^{439}.

Таковы в общих чертах были представления бунтовщиков о суде и наказании, а значит, о добре и зле. Повстанческое руководство боролось с «незаконными» грабежами и расправами, хотя «законные» расправы на взгляд современного человека выглядят не менее дико. При этом, однако, правительственные силы также отнюдь не всегда были гуманны с противниками, в том числе с женщинами и детьми. Напомним, что убийства офицеров, помещиков, приказчиков были пусть и бесчеловечным, но единственно возможным в тех условиях ответом на жестокость господ и их помощников. Михаил Слесарев, сын казненного повстанцами управителя саранского имения графов Воронцовых, вспоминал, как однажды находившийся в плену у пугачевцев саранский воевода А. И. Шувалов, сидевший в кибитке «в одной рубашке», в ответ на жалобу, что ему «невтерпеж стало от стужи», услышал: «...он, воевода, умел людей и зимой босых ставить на снег и тем морозить, а сам де и летом (дело происходило в августе. — Е, Т.) говорит, озяб, чем прозьба и оставлена без удовольствия»^{440}.

Однако после столь долгого, но, на наш взгляд, необходимого отступления вернемся к событиям декабря 1773 года, когда новый главнокомандующий правительственными войсками А. И. Бибиков приступал к своим обязанностям.

Бибиков понимал, с какой грозной силой ему придется иметь дело. Положение усугублялось тем, что даже в сравнительном удалении от очага восстания простолюдины с надеждой ждали самозванца и всегда были готовы подняться на бунт, в то время как дух дворян, напуганных пугачевщиной, едва ли можно было назвать боевым. Кого могли ободрить и убедить, например, обращения казанского губернатора Брандта, уверявшего, что мятежники не столь многочисленны и опасны, как об этом говорят, если сам Брандт, а за ним и другие должностные лица отправляли свои семьи из Казани в Козьмодемьянск? Впрочем, не только женщины и дети покидали свои дома, но и «воеводы и начальники гражданские из многих мест от страху удалились, оставя города и свои правления на расхищение злодеям». По словам члена следственной комиссии Саввы Маврина, прибывшего в Казань в декабре 1773 года, отчаяние и страх здесь были настолько велики, что самозванец легко овладел бы городом, если бы прислал туда три десятка человек^{441}.

Рассказывали, будто бы Бибиков, прибыв в Казань в ночь на 26 декабря, первым делом выразил неудовольствие действиями здешних властей:

— Для чего дали Пугачеву так усилиться? — обратился новый главнокомандующий к губернатору и его приближенным.

Не получив прямого ответа, Бибиков уединился с Брандтом в особой комнате для совещания. После отъезда Брандта главнокомандующий вышел к ожидавшим его и будто бы сказал:

— Государи мои, давно ли сей муж (губернатор. — *Е. Т.*) с ума сошел? Что за план его истребления Пугачева? Советует мне защищать границу Казанской губернии и просит только не пропустить его (самозванца. — *Е. Т.*) за оную! Да разве Оренбургская и прочие губернии другого государя? Злодея должно истреблять во всех местах одинаково и делать над ним поиск, если б он был и в воде, дабы в другом виде оттуда не показался!^{442}

Размах пугачевщины и неспособность местных властей должным образом противостоят ей показали Бибинову истинное положение вещей. 30 декабря он писал жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны, так что и описать, буде б хотел, не могу. Вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская, делаю всё возможное и прошу Господа о помощи, он один исправить может

своею милостию»^{443}.

Что же делает Бибиков для противодействия бунту? В конце декабря он посылает майора Муфеля с командой, чтобы освободить Самару, занятую повстанцами. 29 декабря Муфель успешно выполняет задание главнокомандующего. Однако для дальнейших наступательных действий Бибикову требуются дополнительные силы, а в Казань еще не прибыли полки, посланные по распоряжению правительства. Кроме того, по мнению главнокомандующего, этих полков будет недостаточно, а потому еще по дороге в Казань он просит у президента Военной коллегии Чернышева подкрепления: «...потребно конных людей больше». О присылке дополнительных войск и оружия Бибиков пишет в Петербург и по прибытии в Казань. Одновременно главнокомандующий пытается мобилизовать против мятежников местные силы, призывая дворянство вооружать своих крестьян и создавать дворянское ополчение. Призыв этот получил должный отклик. В скором времени казанские дворяне на свои средства собрали конный корпус. Прочее дворянство Казанской губернии — симбирское, свияжское и пензенское — также откликнулось на призыв главнокомандующего, как, впрочем, и казанское купечество. Екатерина была довольна и решила поддержать этот порыв — так сказать, присоединиться к местному дворянству: 20 января 1774 года она приняла на себя звание казанской помещицы и приказала из дворцовых владений Казанской губернии собрать по человеку с каждых двухсот душ «и снабдить каждого всем к службе потребным»^{444}.

Однако главнокомандующий в это время был занят не только созданием ополчения и военными приготовлениями. По предложению правительства он отправил в Башкирию и Берду несколько татар, чтобы те уговорили «башкирцев» вернуться в свои дома (они были казнены повстанцами)^{445}. С этой же целью в Исетскую провинцию был послан подполковник Лазарев, пользовавшийся большим авторитетом у тамошних башкир. Кроме того, Бибикову предписывалось распространять екатерининские манифесты от октября — декабря 1773 года на территориях, охваченных бунтом или прилегающих к району восстания. Кстати, главнокомандующий занялся этим еще по дороге в Казань. Так, он приказал нижегородскому губернатору Алексею Ступишину обнародовать на подчиненной ему территории манифест от 29 ноября. Однако с этим манифестом вышло неладное: 9 февраля 1774 года Ступишин доносил Бибикову, что жители Козьмодемьянска, выслушав манифест, совершенно превратно истолковали его — сочли, что им велено называть Пугачева не

императором, а «Балтийских островов князем». Жители села Татанцева говорили, будто Пугачева «приказано называть голштинским князем» и «с ним пришло несколько тысяч голштинской пехоты и артиллерии». Разумеется, такое, мягко говоря, вольное толкование документа не устраивало Бибикова, а потому он приказал распространять указ Екатерины II секретной комиссии, в котором обличались «глупые и кривые толки» о самозванце^{446}.

Вышеприведенный пример лишний раз показывает, насколько неэффективна была правительственная пропаганда, как, впрочем, и другие мирные средства, использовавшиеся для усмирения бунта, например посылка людей в лагерь пугачевцев для увещевания. «Уговоры, объяснения, — признавал главнокомандующий в одном из писем Екатерине, — самое милосердное прощение Ваше донныне никакого действия произвести не могли и обольщенные не прежде, как страхом оружия успокоиваются, к должному повиновению приводятся». Эти строки были написаны Бибиковым 2 марта 1774 года, однако уже в январе он хотя и использовал мирные средства, но прекрасно понимал, что подавить восстание способны не они, а лишь «воинская сила»^{447}.

А бунт между тем охватывал всё новые территории. В январе 1774 года повстанцы овладели рядом крепостей, селений и заводов в Пермской провинции и осадили ее административный центр Кунгур. Отправившийся из-под Кунгура в сторону Екатеринбургa отряд Ивана Белобородова по пути захватил несколько крепостей и заводов, а затем взял в блокаду и сам Екатеринбург. В горнозаводском районе Южного Урала успешно действовали отряды Ивана Грязнова и других повстанческих командиров. Грязнов сначала осадил, а потом (8 февраля) захватил Челябинск — центр Исетской провинции. Восстание охватило Средний Урал, Зауралье и Западную Сибирь. Некоторых успехов пугачевцам удалось добиться в Закамье, а также в Заволжье, где бунтовщики на несколько часов овладели Ставрополем^{448}. Что же касается главного пугачевского войска, то оно, правда, в отсутствие предводителя, 13 января у Бердской слободы одержало победу над правительственными силами, посланными из Оренбурга. Кроме того, успешно действовали повстанцы и в окрестностях Оренбурга. 16 февраля Хлопуша с отрядом в 400 с небольшим человек по приказу Шигаева (он оставался за главного) захватил крепость Илецкая Защита к югу от города^{449}.

В распоряжение Бибикова начало поступать подкрепление, столь необходимое для противодействия мятежникам. 7 января в Казань прибыли

три эскадрона изюмских гусар, на следующий день пришел 2-й батальон 2-го гренадерского полка, а спустя еще два дня — Владимирский полк. В течение января подошли также Архангелогородский карабинерный полк и несколько рот Томского полка. Приходило подкрепление и в Симбирск, Сызрань, Самару и Саратов^[450]. Эти войска оказали большую помощь в наступлении на бунтовщиков. Однако прежде чем вести разговор об этом наступлении, посмотрим, чем в январе — феврале был занят наш герой.

Опять на Янке

Интересно, что ко всем вышеназванным успехам бунтовщиков самозванный император прямого отношения не имел. Большую часть времени он провел в Яицком городке. Напомним, что Толкачев захватил городок 30 декабря 1773 года, при этом ему не удалось овладеть крепостью, в которой укрылся гарнизон во главе с подполковником Симоновым. Эта крепость, или ретраншемент^[12], выстроенная еще осенью на высоком берегу старицы Яика, чтобы в случае надобности укрыть защитников городка, представляла собой ограждение из рвов и земляных валов с деревянным тыном. Внутри стояли каменный собор Архангела Михаила с колокольной, каменная же войсковая канцелярия, пороховой погреб, тюрьма, амбар, а также несколько деревянных казачьих домов. Гарнизон крепости состоял из 738 солдат и офицеров, 164 яицких и оренбургских казаков. Кроме них в крепости находились еще 188 горожан^[451].

Не сумев овладеть крепостью, Толкачев отправил на имя «Петра Федоровича» рапорт, в котором «просил, чтоб прислать к нему еще команду и пушек». Просьба Толкачева была уважена. 6 января, на Крещение, в городок прибыл отряд яицких казаков и башкир при четырех орудиях во главе с походным атаманом Андреем Овчинниковым. На следующий день приехал и сам «государь» с небольшой свитой. Встречали его, как и полагается, торжественно — с образами, крестами, хлебом-солью. Поселился «амператор» в Куренной части Яицкого городка, в двухэтажном каменном доме Михаила Толкачева на Кабанкиной улице. Появившись в доме, «государь» призвал к себе жену Толкачева Аксинью и его снох. Женщины, войдя в горницу, поклонились Пугачеву до земли.

— Здравствуйте, — обратился самозванец к казачкам, — все ли вы благополучны?

— Благополучны, батюшка!

— Есть ли у вас дети?

Услышав утвердительный ответ, Пугачев сказал:

— Хотя жаль вас, что у всех есть дети, да только одной надобно быть при мне, которая б могла готовить мне кушать и перестилать постелю.

Тут снохи сказали самозванцу, что у Аксиньи «хотя дети и есть, только де большинькие, а грудной один». «Петр Федорович» приказал им кормить Аксиньиного грудничка, а саму Аксинью взял в услужение^{452}.

Вскоре к Пугачеву явился старый знакомый Денис Пьяное. Он больше года скрывался от властей, опасаясь ареста за укрывательство самозванца, и вернулся домой лишь незадолго до приезда «государя» в городок. Пугачев тепло встретил старого знакомца:

— Я хлеб и соль твою помню и тебя не забуду.

И действительно не забыл, вопреки утверждениям Пьянова, будто «никогда от Пугачева он... ничего не получал». При этом, правда, «Пугачев ни в какую должность его не определил», поскольку «он, Пьянов, человек немолодой (ему было 50 лет. — *Е. Т.*) и в отставке»^{453}.

На следующий день Пугачев занялся непокоренной крепостью. Поскольку осажденные не собирались сдаваться миром, пришлось готовиться к штурму. Перво-наперво самозванец приказал соорудить «притины» — укрепления из бревен, за которыми могли бы укрываться осаждавшие. Ведь казачьи избы вблизи крепости, ранее служившие бунтовщикам укрытиями, были сожжены по приказанию Симонова. За новыми укреплениями повстанцы расположили «неприметно батареи, коих было у них напоследок 16». Кроме того, Пугачев приказал подвести минный подкоп под одну из фланговых батарей крепости. Подкоп начали рыть из погреба казака Ивана Губкина, находившегося в 50 саженях от батареи. За работой смотрел мордвин из Пензенского уезда Яков Кубарь, под началом которого трудились 150 землекопов и 11 плотников. Однако, по признанию Пугачева, «главное над тою работою надзирание я имел сам смотрение. Сия работа известна мне потому, когда был я в Прусском походе, так при подкопах употребляем был в работу и некоторое примечание тогда зделал». О том, что этими работами руководил сам Пугачев, на следствии говорили и некоторые повстанцы, например тот же Кубарь: «При начале [подкопа] Пугачев был сам и, как оную работу производить, показывал сам же и в день и ночь прихаживал раза по три осматривать оную работу»^{454}.

Когда длина траншеи достигла 50 саженей, в конце ее была поставлена бочка, в которую насыпали до десяти пудов пороху. На рассвете 20 января Пугачев, Кубарь и один из работников спустились в галерею. Самозванец

установил посередине бочки восковую свечу, которая, догорев, должна была вызвать взрыв. Войску же было приказано готовиться к штурму. Однако, как оказалось, повстанцы ошиблись в расчетах — «мина ведена была вместо батареи в пустой погреб, почему вся работа и пропала втуне»; прогремевший взрыв не причинил осажденным никакого вреда. «При состоянии подрывной техники того времени, — констатировал историк А. И. Андрущенко, — да еще в руках малоопытных в этом деле повстанцев, трудно было ожидать точности расчетов». Но бунтовщики ограничиваться взрывом не собирались — они во главе с самим «царем» двинулись на штурм крепости, причем, по некоторым данным, не только мужчины, но и женщины. Отдельные смельчаки уже лезли на крепостную стену, однако их прогнали «гретою в котлах водою и горячею золою». Видимо, под конец операции — а «оное штурмование» продолжалось более девяти часов — у бунтовщиков иссякли силы и боевой дух. По крайней мере, в журнале яицкой комендантской канцелярии говорилось, что Пугачеву «напоследок» пришлось лично колоть своих подчиненных копьем, чтобы поднять их в атаку. Так или иначе, если не сил, то умения у осажденных было больше: они сделали вылазку, отбили атаку, чем причинили повстанцам большой урон. Опять же журнал комендантской канцелярии со ссылкой на пойманных «языков» утверждал, что у бунтовщиков погибло «до 400 человек, а сколько ранено — неизвестно», тогда как осажденные потеряли 15 человек убитыми и 22 ранеными. Трудно сказать, насколько верны приведенные подсчеты пугачевских потерь, однако несомненно, что они были большими, поскольку об этом говорят и другие источники. На следствии самозванец вспоминал: «...убито выласкою у меня много людей»^[455].

Со следующего дня, 21 января, Пугачев, опасаясь вылазок осажденных, «умножил около ретранжемента караулы при завалах и батареях». Повстанцы «беспрерывно» стреляли из ружей, «иногда» из пушек, изредка бросали бомбы и гранаты и неоднократно визгом «оказывали» (возвещали) «намеряемые атаки». Было также решено сделать новый подкоп. Яицкие казаки посоветовали самозванцу теперь рыть галерею в направлении колокольни церкви Архангела Михаила, служившей цитаделью оборонявшегося гарнизона. В подвале колокольни хранился пороховой запас, а на верхних ярусах были установлены две пушки и располагались солдаты, державшие под обстрелом окружающую местность. Однако для подрыва колокольни и вообще для сражения с неприятелем был нужен порох, которого в повстанческом войске явно недоставало. Поэтому Емельян приказал походному атаману Овчинникову

захватить Гурьев городок и забрать оттуда порох. Овчинников вернулся в Яицкий городок в начале февраля, привезя, по разным данным, от 40 до 70 пудов пороха^{456}.

Итак, порох привезли, а подкоп почти завершили. На сей раз главным по его рытью Пугачев назначил Тимофея Ситникова, беглого крестьянина из Казанского уезда, до вступления в повстанческое войско работавшего по найму у яицких казаков. Под его началом находилось более сотни крестьян, проживавших в это время на Яике. Поначалу мужики отказывались выполнять эту работу, но после того как семеро из них были повешены, остальные решили не противиться. Новый подкоп был примерно в 100 сажень — в два раза длиннее прежнего, а потому работы заняли без малого месяц. Однако 18 февраля они были завершены: вблизи каменного фундамента колокольни вырыли яму, в которую поместили несколько бочек с порохом. Взрыв было решено «произвестъ в действо на другой день в обед». Разумеется, за ним должен был последовать штурм крепости. Но ночью из городка сбежал малолетний казак Иван Неулыбин и сообщил осажденным о готовящихся взрыве и штурме. Об этом стало известно Пугачеву, который, «уже не отлагая времени», решил произвести взрыв, чтобы защитники крепости не успели вытащить пороховой запас из подвала колокольни^{457}.

Согласно журналу яицкой комендантской канцелярии, в крепости перебежчику не поверили. Во-первых, «невероятно казалось, чтоб толь огромное каменное здание, какова была колокольня, [можно] 20-ю пудами пороху взорвать» (именно таким количеством пороха, по словам Неулыбина, повстанцы собирались произвести взрыв; сам же Пугачев утверждал, что «приказал в подкоп положить пороху тритцать пуд»). Во-вторых, гарнизон делал «контрмину» и «из оной неприятельской земляной работы никогда слышно не было». Осажденные сомневались, «не подосланы ли» казачок «от злодеев нарочно», дабы напугать их и заставить «расположенные посты по фасам, а паче около колокольни, оставить, чтоб им, злодеям, удобнее штурмовать». Тем не менее было всё же решено перенести пороховой запас из подвала в более безопасное место и приняты другие меры предосторожности, а потому взрыв, прогремевший на рассвете 19 февраля, принес меньше ущерба, чем ожидали повстанцы. Впрочем, ущерб всё же был довольно ощутимым: взрыв разрушил «нижнюю под колокольней палату» и «осадил» шесть верхних ярусов. По словам очевидца, колокольня «обрушилась» «с такою удивительною тихостию, что человека с три, на самом верху оной спавших, почти не

разбудя, наземь и с постелями их снесло». Разумеется, без жертв не обошлось. После взрыва бунтовщики открыли по осажденным артиллерийский огонь и, по некоторым данным, пытались «взойти» на развалины колокольни, но были отбиты.

Неизвестен размер потерь восставших, а вот у осажденных, согласно журналу комендантской канцелярии, в тот день погибло 42 человека и 13 было ранено, среди них и комендант Симонов «контузиено». Для гарнизона, не получавшего пополнений, это были существенные потери^{458}.

Однако не следует думать, будто всё это время, с начала января по 19 февраля, Пугачев безвыездно находился в Яицком городке. Он посещал Берду, где в один из приездов, по словам Почиталина, «множество вешал людей, разными случаи взятых ево сообщниками». Правда, кого именно повесил самозванный царь, Почиталин не припомнил^{459}. Впрочем, и в Яицком городке Пугачев был занят не только подкопами. Однажды (по всей видимости, в феврале) «Петр Федорович» собрал казачий круг, на котором повелел яицким казакам избрать «общим советом кого сами захотят для их управления войскового атамана и двух старшин». Это войсковое начальство должно было находиться в Яицком городке и управлять только местными казаками. Предлагая избрать войсковых начальников, главарь повстанцев обещал: «...если выбранные ими атаман и старшины не станут делать войску угодность и казаки будут ими недовольны, то отдаст на их волю хоть чрез три дни старого атамана и старшин сменить, а на места их выбрать других».

Присутствующие, по словам очевидца, закричали:

— Довольны, батюшка, надёжа-государь, вашею царскою милостью!

Казаки и между собой «в кругу» стали нахваливаться «государя»:

— То-та отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет воз-становить!

Посоветовавшись, казаки выбрали в войсковые атаманы Никиту Каргина, а в старшины — Афанасия Перфильева и Ивана Фофанова. Самозванец на это сказал:

— Ну, когда вам угодно, будь по-вашему, я воли с вас не снимаю.

«Проговоря сие», «амператор» поехал прочь, а казаки кричали ему вслед:

— Благодарствуем, надёжа-государь, на твоей царской милости!^{460}

Однако, если верить показаниям Никиты Каргина, выбор его в войсковые атаманы не был для Пугачева неожиданностью. В свою очередь, и казачий круг был созван «амператором» не вдруг. О выборе войскового

атамана Пугачев говорил с казаками и раньше и в процессе этих бесед выяснил, кого именно казаки хотят видеть на этой должности. Каргин пользовался авторитетом в их среде — был «правдивым» и набожным и жил «в пустыне» «верстах во сте» от Яицкого городка на реке Ташле для спасения души, но в это время приехал повидаться с семьей. Самозванец, узнав о предпочтениях казаков, вызвал Каргина к себе, внимательно посмотрел на него и отпустил, сказав:

— Поди теперь домой, а впредь будешь ты мне надобен^{461}.

Таким образом, не исключено, что обращение «амператора» к казакам на круге, их ответы и даже похвалы в адрес «государя», произносимые казаками в разговорах между собой, были частью своеобразного ритуала, как и то, что люди, которых выдвигали на должность атамана и старшин, поначалу должны были отвергнуть это предложение. Вот как об этом ритуале рассказывал Афанасий Перфильев, которого, напомним, избрали войсковым старшиной: «...казаки вызвали их троих в средину круга и, сняв шапки, стали кланяться и просить: «Пожалуй, господин атаман, и вы, господа старшины, примите на себя етот труд, послужите нам, Яицкому войску, верою и правдою». Они же, выбираемые, отказывались от сей налагаемой на них должности такими словами: «Мы, де, Яицкое войско, не имеем большаго разума, да и недостойны управлять вами». Но напоследок, по многим с обеих сторон перекорам (кои у них обыкновенно и прежде при таких выборах в кругах бывали, и хотя бы кто и сам того чина домогался, однакож всегда в кругу отговариваются от принятия оногo для того, чтоб больше их просили и чтоб тем показать свое безкорыстие) приняли на себя налагаемые чины и в согласие на то сказали: «Ну ин воля ваша, Яицкое войско»^{462}.

По словам того же Перфильева, Пугачев позволил новоизбранной войсковой администрации «разбирать всякие между казаками судные дела и винных за малыя какия погрешности наказывать самим», а уличенных «в важных винах» и противившихся «намерениям самозванцовым» следовало доставлять прямо к предводителю восставших «и ожидать от него указа, почему они, исполняя самозванцово приказание, общим советом с Каргиным и Фофановым, являющихся в маловажных винах наказывали сами плетьюми, а которыя являлись противны по их мнению государю и в других важных делах, о тех представляли самозванцу на его рассмотрение, а он присылал иногда повеление таковых казнить смертию, что они уже и исполняли, но сколько ж человек и ково именно смерти предали, — не помнит...»^{463}.

В это время произошло еще одно важное событие — 1 февраля 1774 года «государь» женился на казачке Устинье Кузнецовой. Зачем Пугачеву понадобилась эта женитьба и кто был ее инициатором? На допросе в Яицком городке самозванец рассказывал, что к нему пришли «яицкия казаки, все люди пристарелые», и предложили:

— Не можно ли, ваше величество, у нас жинитца?

— Естли я здесь женюсь, — отвечал Пугачев, — то Россия мне не поверит, что я царь.

— Когда мы поверили, так, конечно, и вся Россия поверит, а за то больше, что мы — славныя яицкия казаки.

Тогда самозванец решил «им зделать удовольствие» и согласился жениться^{464}.

На большом московском допросе Пугачев пояснил причину, по которой казаки захотели женить своего «амператора» — те якобы говорили ему:

— Ты как женился, так войско Яицкое всё к тебе прилежно будет.

Они предложили самозванцу взять в жены семнадцатилетнюю дочь казака Петра Кузнецова Устинью: «Она-де девка изрядная и постоянная». Из других характеристик, данных Устинье казаками и казачками, можно привести и такие: «очень хороша девка» «девица прекрасная», «очень хороша, добра и постоянна», «девушка смирная». Кстати, Пугачев уже видел Устинью «на дивишнике» и был так впечатлен, что даже велел записать ее имя. Так что советы казаков совпадали с его собственными вкусами^{465}.

Если верить показаниям самозванца, то среди приходивших уговаривать его был и казак Михайла Толкачев. Однако на следствии тот нарисовал несколько иную картину. По его словам, не казаки, а сам Пугачев был инициатором этой женитьбы. Самозванец, дескать, собрал казачьих старшин, среди которых был и Толкачев, и сообщил им о своем намерении. Старшины не советовали Пугачеву спешить с его осуществлением:

— Надо еще погодить. Ты не основал порядочно своего царства.

Самозванец «на них осердился и сказал, что в том их не послушает, ибо де есть в том моя польза, а какая, не сказал». Однако в конце концов старшины уступили. Причиной такой сговорчивости был страх за местных девок, которых самозванец брал себе в наложницы. «А как пред сим, — вспоминал Толкачев, — Пугачев трех девок из Яицкого городка в Берду уже взял и с ними в одной кибитке жил, то старики рассудили, чтоб впредь такого похищения не мог делать, и при том видя его в том совершенную

наклонность, сказали ему напоследок, когда де есть в том, государь, ваша польза, то женитесь»^{466}.

Казаки и Пугачев и в этом случае, как уже не раз бывало, переключивали вину друг на друга. Однако даже из показаний Толкачева видно, какую важную роль яицкие казаки играли при самозванце, раз ему приходилось просить у них разрешения на женитьбу. При этом всё же остается загадкой, кто был ее инициатором. Но как бы то ни было, решение было принято, и в конце января 1774 года Пугачев заслал к Устинье и ее отцу (матери уже не было в живых) сватов — Михайлу Толкачева с женой Аксиной и Ивана Почиталина. Самозванец утверждал, будто просил сватов передать Кузнецову: «...если отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласится, так силою не возьму»^{467}.

Сваты, прибывшие в дом к Кузнецовым, отца не застали — старик уехал на похороны племянника. Не было в доме и Устиньиных братьев Егора и Андриана. А вот сама Устинья была на месте, коротала время «сам друг» со снохой Анной. Устинья хотела было спрятаться, но не успела.

— Не бегай, — сказали посланцы Пугачева. — Мы приехали тебя посмотреть и хотим высватать за гвардионца.

«Побыв малое время», сваты уехали назад, предварительно расспросив о кандидате в «царицы» соседей и получив самую положительную характеристику. Через несколько часов Толкачев и Почиталин вернулись в кузнецовский дом в сопровождении множества яицких казаков. Когда гости стали заходить в сени, Устинья спряталась в подпол, а на вопрос, где она, сноха ответила, что не знает. Тогда казаки, выбрав «обеих скверною бранью» и приговаривая, что Устинье от них не скрыться, убралась восвояси. Устинья, выбравшись из подпола, стала бранить «обще с снохою» незваных гостей:

— Что они, дьяволы, псовы дети, привязались?

Через некоторое время в третий раз приехали сваты «во многом числе». Завидев их, «Устинья ушла было в другую, на-противную, избу», но оттуда ее вернули, и девка была «принуждена запросто, безо всякаго наряду, выти». Ей запомнилось, что, когда Пугачев вошел в двери, она стояла у печки. Пугачев сел на лавку и попросил показать ему невесту. Тогда сноха взяла Устинью за руку и подвела к самозванцу.

— Очень хороша, — сказал Пугачев. — Поздравляю тебя царицею!

Самозванец подарил невесте «рублей тритцать» и поцеловал, а она в ответ только плакала^{468}.

В это время домой с похорон вернулся Петр Кузнецов. Пугачев

осведомился, действительно ли он хозяин дома и отец Устиньи, а получив утвердительный ответ, провозгласил:

— Я намерен на ней жениться. И спасибо, что поил да кормил!

Кузнецов, кланяясь Пугачеву в ноги, горько плакал о том, что дочь еще «молодохонька и принуждена идти замуж неволею, хотя и за государя».

Пугачев строго пресек эту сцену:

— Я намерен на ней жениться. И чтоб к вечеру готово было к сговору, а завтра быть свадьбе^{469}.

Этот рассказ основан главным образом на показаниях Устиньи и ее отца. Надо сказать, что он противоречит уверениям самозванца, будто Устинья пошла за него по своему желанию и по воле будущего тестя. О нежелании девушки выходить за Пугачева на следствии рассказывали также сестра Устиньи Марья и, что гораздо важнее, один из сватов, «государев» любимец, Иван Почиталин. По словам последнего, отец невесты также «не очень был доволен» предстоящей женитьбой^{470}.

Объявив Петру Кузнецову свое намерение и приказав Устинье не плакать, самозванец покинул их дом. А «около сумерек» будущей «царице» привезли наряды: «сарафан и рубашку голевую, сороку и шубу длинную лисью». Одевали невесту у печки, «убирали ее подружки, а первая тут сваха была жена показанного Толкачова». Когда Устинью нарядили, в кузнецовский дом прибыл «государь». Сначала он «дарил» невесту деньгами, затем состоялось «рукобитие» — сговор между женихом и будущим тестем. Разумеется, событие следовало отпраздновать. Пугачев усадил невесту возле себя и приказал «подносить вино всем, тут бывшим». Пили за «благополучной зговор», за государя императора Петра Федоровича, за цесаревича Павла Петровича, за его жену Наталью Алексеевну и за невесту. «И продолжалось пьянство до самой утренней зари», после чего гости разъехались^{471}.

Однако уже через некоторое время Пугачев вернулся в кузнецовский дом с большой свитой, и свадебный поезд направился в Петропавловскую церковь. Впереди жениха и невесты ехало множество казаков с разноцветными знаменами и значками. Однако в церковь были допущены лишь самые близкие — остальные дожидались снаружи. «В песнях церковных во время венчания» Пугачев приказал Устинью «именовать государынею императрицею Всероссийскою». После венчания, одарив священников 20 рублями и приняв поздравления от верноподданного народа, «Петр Федорович» с новоиспеченной «императрицей» и приближенными под пушечную пальбу и колокольный звон отправился в

дом Толкачева на свадебный пир. За ними следовало множество людей, которым Пугачев велел бросать деньги. «Государь» ехал верхом, а «государыню» везли в санях. Застолье продолжалось два дня: как и полагается, «пили шибко» «и все бывшие на свадьбе казаки были гораздо пьяны». Гостям подносили «вино простое, пиво и мед». На второй день Пугачев делал подарки новым родственникам и некоторым приближенным, например, тестю преподнес лисью шубу, крытую зеленым сукном. Других же гостей самозванец «дарил» «канаватами^[13], зипунами и бешметами». Не забыл он, кстати, и своего старого знакомого Дениса Пьянова — тот получил пять рублей. Впоследствии Пьянов «как человек бедной» «пропитание имел от Устиньина стола», домашним же его «отпускаем был в дом из канцелярии хлеб»^{472}.

Пьянов вроде бы вошел в ближайшее окружение Устиньи, но, несмотря на все эти «государевы» милости, за стол с новоявленной «амператрицей» его не сажали. Обедать вместе с ней запрещалось даже родному отцу. На допросе он это объяснял: «...от Пугачова приказано было, чтоб с ней поступать так, как с царицею. А наше де дело казачье!» С Устиньей обедали только приближенные женщины и девки. Правда, отцу позволялось посещать ее. Более того, когда самозванец «поехал с Яику, то приказывал ему, Кузнецову, чтоб он чаще к дочери своей ходил, что он, Кузнецов, и исполнял». Чтобы подчеркнуть новый статус Устиньи, Пугачев «определил ей двух фрелин, казачьих девок». При «дворе» «амператрицы» находились также Михайла Толкачев и его жена Аксинья, назначенная самозванцем «главной надзирательницей». По всей видимости, в ее обязанности входило управлять хозяйством и «служителями», которых у «государыни» Устиньи Петровны было «множество». У ворот и в доме стоял караул из яицких казаков. Разумеется, и обращение к новоявленной «царице» было подобающим: «Ваше императорское величество, как изволите приказать?» Несмотря на весь этот почет, Пугачев, покидая городок, запретил супруге выходить из дома, а потому она «ничего другога не делала, как, сидя во дворце, разговаривала с своими подругами»^{473}.

Почему Устинья и ее отец не хотели породниться с «амператором»? Кузнецов объяснял свое нежелание тем, что в отсутствие дочери его «некому будет обшить и обмыть». А если верить показаниям Почиталина, Кузнецов говорил ему, что, мол, «их дело казачье, а отдадут дочь за царя, так не скоро привыкнет Устинья к царской поступи». Не исключено, что опасения старика по поводу несоответствия его дочери-казачки Царскому статусу и впрямь были искренними. По крайней мере, следователей он

уверял, что «почитал тогда Пугачева государем в чаянии том, как можно простому человеку взять на себя такое название»^{474}. А что же сама Устинья? На следствии она рассказывала, какие разговоры происходили между ней и ее «царственным супругом»:

— Подлинно ли ты государь, и я сомневаюсь в том, потому что ты женился на казачке. И как я вижу, что ты меня обманул и заел мою молодость, ибо ты — человек старой, а я — молодехонька.

— Я со временем бороду-ту обрею и буду моложе.

— Так казаки любить не будут!

— Потому-то я и сам оной веры не люблю, что бороду брить, а сделаю угодность разве тебе одной.

Однако Устинья продолжала задавать сожителю неприятные вопросы. Как, мол, быть с тем, что у него уже есть супруга, государыня Екатерина Алексеевна? Ведь того, мол, не водится, чтобы «иметь две жены».

— Какая она мне жена, — отвечал Пугачев, — когда с царства сверзила! Она мне злодейка.

— Так тебе ее и не жаль?

— Отнюдь не жаль, а жаль только Павлушу, потому что он — законной мой сын. А ее, как Бог допустит в Петербург, то срублю из своих рук голову.

— Нельзя этому статца, тебя туда не допустят, у ней людей много — разве тебе прежде срубят.

— Я Оренбург скоро возьму и так до Питера дойду безпрепятственно.

— Да до Питера-то много еще городов.

— Только б Оренбург взять, а то все ко мне и приклонятся!

Разумеется, Пугачеву подобные расспросы не нравились, а потому, по словам Устиньи, он, «сердясь на нее, приказывал тем ему не скучать», то есть не докучать. А чтобы она не плакала, самозванец дарил подарки и при этом «приказывал молиться Богу, что он в такое достоинство ее произвел»^{475}.

Об этих беседах мы знаем исключительно из показаний самой Устиньи. Трудно сказать, что говорилось на самом деле, а что она вольно или невольно додумала уже во время следствия. Если верить показаниям Аксины Толкачевой, выходит, что Устинья не была так уж несчастлива в замужестве, как пыталась уверить дознавателей.

— Вот, Аксиныюшка, — будто бы говорила Устинья, — могла ли я когда-нибудь думать о таком своем счастье? Но я боюсь, чтоб оно не переменилось!^{476}

Может быть, нечто подобное Устинья и вправду говорила, однако, скорее всего, женитьба «государя» на ней, простой казачке, заставила ее уже тогда усомниться в «царственном» происхождении супруга, ведь подобные сомнения возникали не у нее одной. Об этом говорили, между прочим, и ближайšie пугачевские сподвижники Максим Горшков, Максим Шигаев, Иван Почиталин, Тимофей Подуров, Иван Творогов. Так, пугачевский любимец Почиталин на допросе в Оренбурге 8 мая 1774 года вспоминал: «Когда ж Пугачев обвенчался, то в народе сделалось сумнение, что Пугачев не государь, и многие между собой говорили: «как де етому статца, чтоб царь мог жениться на казачке»; а потому многие начали из толпы его расходиться и усердие в толпе к его особе истребляться». Разочаровался в самозванце и сам Почиталин. Максиму Горшкову «казалось», что «прятому царю на простой казачей девке жениться... неприлично», поэтому он заключил, что Пугачев, конечно, «не государь». Почему же царь не может жениться на простой казачке? Ответ на этот вопрос можно найти в показаниях командира пугачевской гвардии Тимофея Мясникова: «...государя на простых никогда не женятся, а всегда берут за себя из иных государств царскую или королевскую дочь». Этот брак вызывал ропот еще и потому, что «царь» женился, «не окончив своего дела, то есть не получа престола», да еще и при живой жене (конечно, имелась в виду Екатерина II, а не Софья Дмитриевна)^{477}.

Заканчивая разговор о пугачевской женитьбе, остановимся на одной детали, которую историки обычно опускают в своих повествованиях о самозваном «царе». Ходили слухи (кстати, сам Пугачев на допросе в Москве 15 ноября 1774 года признал их достоверными), будто Устинья «повинилась» Пугачеву, что «блядовала в девках» с неким казаком. За связь с будущей «императрицей» Устинья кавалер поплатился жизнью — по приказанию самозванца был повешен^{478}.

В то время как Устинья привыкала к новому статусу, в станицу Зимовейскую, где находился отчий дом Пугачева и жила его «старая» жена Софья с детьми, 4 февраля 1774 года приехали посланец коменданта крепости Святого Димитрия секунд-майор Рукин и прикомандированный к нему казачий старшина Туроверов. Прибыли они «для забранья находящихся в той станице злодея Пугачева жены и детей». Кроме того, им предписывалось при всех станичниках сжечь пугачевский дом, пепел развеять, а место, где дом стоял, огородить надолбами или окопать «во оставление на вечные времена без населения яко оскверненное жительство на нем все казни лютые истязания делами своими

превзошедшего». Однако ни пугачевской жены с детьми, ни даже дома Рукин и Туроверов на месте не обнаружили. Дело в том, что, покинув своих домашних, Емельян лишил их средств к существованию, поэтому Софья с малолетними детьми перебралась на жительство к своей матери в станицу Есауловскую, а дом продала отставному казаку той же Есауловской Еремею Евсееву за 24 с половиной рубля, а тот разобрал дом и перевез к себе. Рукину и Туроверову пришлось отправиться в Есауловскую и по новой сломать «оный злодейский дом». Оттуда его опять отправили в Зимовейскую, где 6 февраля сожгли вместе с хутором, находившимся неподалеку от станицы и представлявшим собой «хижину с огорожею». Не пощадили при этом и несколько «садовых деревьев». Пепел, как и намеревались, развеяли, а пожарище окопали рвом^{479}.

Разумеется, уничтожение пугачевского жилища состоялось в присутствии жителей Зимовейской. Кстати, сами они заявили майору Рукину, что, «мерзя злодейскими пороками», хотят переселиться на другое место, даже несмотря на то, что их станица по сравнению с другими была более защищена от паводков. Несколько позже они по этому поводу составили прошение. Трудно сказать, исходила ли инициатива от самих жителей, хотя бы станичной верхушки, или же составить прошение им присоветовало войсковое начальство из Черкаска. Как бы то ни было, но в Зимовейской и впрямь имелись люди, недовольные поступками земляка. По крайней мере, на одном из допросов первая жена Пугачева показала, что «станичные старики», узнав о подвигах ее мужа, «браня его и смеясь говорили: «смотри де, пожалуй, как можно было чаять от такой свиньи таких дел»^{480}.

Как же поступили с самой «Пугачихой» и «злодеевыми» детьми? Поначалу их отправили в крепость Святого Димитрия, а потом в Казань. Они жили вместе с двоюродным племянником Пугачева Федотом, которого за родство с самозванцем сослали из Петербурга, где он проходил службу. Заметим, речь идет именно о содержании на квартире, а не о тюремном заключении, как утверждает в некоторых работах^{481}. Лишь летом 1774 года, когда Пугачев появился у Казани, Софья с детьми была переведена «в секретную комиссию, в офицерскую караульную палату». Екатерина II, а вслед за ней и ее подчиненные подчеркивали, что пугачевские родственники ни в чем не виноваты, а потому их никоим образом не следует обижать. Так, Бибииков приказывал пугачевскую жену «содержать на пристойной квартире под пресмотром, однако без всякого огорчения» и давать «пропитание порядочное». Кроме того, главнокомандующий

предлагал выпускать Софью на улицу, чтобы она могла рассказывать о Пугачеве и в частности о том, что она является его женой. Делать это надлежало осторожно и даже с большой хитростью — как писал Бибииков, «с манерою», вести означенные разговоры «в базарные дни, чтоб она, ходя будто сама собой, рассказывала о нем кому можно или кстати будет». Неизвестно, как казачка справлялась с таким заданием, ведь для его выполнения надо было по меньшей мере обладать красноречием и силой убеждения, присущими ее мужу^{482}.

Двадцатого февраля, на следующий день после подрыва колокольни, Пугачев отправился в Берду. В Яицкий городок он вернется еще дважды: один раз в качестве «царя», другой — уже пленником. А пока, уезжая, самозванец дал войсковому атаману Никите Каргину наставление:

— Смотри ж, старик, послужи мне верою и правдою! Я теперь поеду в армию под Оренбург и возвращусь оттуда скоро, а государыню здесь оставлю. Вы почитайте ее так, как меня, и будьте ей послушны. А ты тех, которые моей власти будут противиться, казни смертью.

Кроме того, Пугачев приказал Каргину и старшинам «содержать» «без всякой отмены» посты, которые были установлены им для контроля над осажденными в ретраншементе^{483}.

Надо сказать, что атаман и его помощники строго исполняли «государевы» повеления: Устинью почитали, людей казнили, да и посты, судя по всему, отменять не собирались. Кстати, о состоянии постов они каждое утро докладывали «императрице», которая теперь жила не в толкачевском доме, а в доме бежавшего старшины Андрея Бородина — видимо, он больше подходил на роль дворца. Устинья выслушивала «репорты», но, кажется, до постов ей никакого дела не было. В ответ она только говорила:

— Смотрите, детушки, не дайте меня в обиду, вить от государя на ваши руки я отдана.

Видимо, выслушиванием «репортов» участие Устиньи в «государственных» делах и ограничивалось. «Царица» хорошо запомнила приказ мужа «ни в какие дела не входить». Однажды Каргин спросил у Устиньи разрешение на повешение неких «злодеев», на что она ответила:

— Мне до ваших дел никакой нужды нету, и, что хотите, то делайте, а мне о том никогда не докладывайте.

По праздничным дням старшины приходили «на поклон и целовали ее руку». «И хотя она принимала всех ласково, — вспоминал Никита Каргин, — однако ж никого не сажала», — видимо, уже хорошо усвоила, что даже

казацья верхушка ей неровня^{484}.

Впрочем, у Устиньи было еще одно развлечение — она переписывалась с «царственным» супругом. Вернее, письма писали их помощники, поскольку и «император», и «императрица» были неграмотны. Например, за Устинью писал казачий малолеток Алексей Бошенятов. Была составлена некая «форма», по которой и следовало писать письма самозванцу. Вот с этой-то «формы» и «списывал» секретарь Устиньи «и вместо йей подписывался»: «Царица и государыня Устинья». К сожалению, от этой переписки до нас дошло лишь одно пугачевское письмо:

«Всеавгустейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Устинье Петровне, любезнейшей супруге моей, радоватися желаю на нещетные леты!

О здешнем состоянии ни о чем другом к сведению вашему донести не нахожу: по сие течения со всею армиею всё благополучно. Напротиву того, я от вас всегда известнаго получения ежедневно слышать и видеть писанием желаю. При сем послано от двора моего с подателем сего казаком Кузьмою Фофановым 2 сундуков за замками и за собственными моими печатями, который по получению вам, что в них есть, не отмыкать и поставить к себе в залы до моего императорскаго величества прибытия. А фурман один, которой с ним же, Фофановым, посылается, повелеваю вам, распечатов, и, что в нем имеется, приняв на свое смотрение. Да при сем десить бочак вина с ним же, Фофановым, посылается. О чем, по получению сего, имеете принять и в крайнем смотреии содержите А сверх сего, что послано съестных припасов, тому при сем предлагается точной регистр.

В протчем, донеся вам, любезная моя и[м]ператрица, и остаюся я великий государь»^{485}.

Понятно, что в присланных сундуках и «фурмане» находилась добыча. И хотя Пугачев любил подносить супруге дорогие подарки, почему-то ей, как видно из письма, не всегда разрешалось самостоятельно осматривать присланное добро. Впоследствии во «дворце» представителями правительственных сил были обнаружены немалые запасы награбленного: деньги, драгоценности, посуда, меха, одежда и пр.^{486}

Напоследок несколько слов о том, что предпринимали бунтовщики против гарнизона ретраншементa после пугачевского отъезда. После второго взрыва они не собирались оставлять осажденных в покое. Повстанцы рыли новые подкопы, на которые противник, «к предохранению себя», отвечал «контраминами». Кроме того, противоборствующие стороны вели ружейную и пушечную перестрелку, сменявшуюся «переговорками».

Об одной из них вспоминал на следствии Афанасий Перфильев. Он пытался убедить капитана Крылова (отца баснописца), что Пугачев не самозванец, а самый настоящий государь, «и старался уговаривать к здаче» крепости.

— Долго ли вам противиться батюшке нашему, государю Петру Федоровичу, пора вам образумиться и принести ему, великому государю, покорность.

Капитан, разумеется, не собирался покоряться самозванцу, всячески укорял Перфильева и напоминал, что тот должен «исполнить то высочайшее повеление, с коим он отправлен из Петербурга от самой всемилостивейшей государыни».

— Меня нечего увещевать и учить, — отвечал Перфильев, — а послушайте лутче моего совета. Я знаю, с чем я послан от государыни, да мне там сказали, будто бы батюшка наш — донской казак Пугачев, но вместо того ето неправда, и я, приехав к нему, нашол, что он подлинной государь, так не могу злодейства предпринять против законного нашего государя. Да что вы стоите, вить ежели не здадитесь, так после вам худо будет. А лутче признайте свою вину и принесите покорность, батюшка вас простит и пожалует. Ты здесь капитан, а у него, может быть, генерал будешь.

Еще говорили, будто Перфильев, чтобы уверить Крылова в подлинности государя, сослался на то, что, мол, «Петру Федоровичу» «в Берде служит коллежской ассессор из Симбирска», «так, де, ему лутче нашего можно знать, кому он служит, государю или нет». Впрочем, сам Перфильев не смог подтвердить, что он произнес такие слова и «был ли подлинно в толпе какой ассессор», но при этом вспомнил, что сказал Крылову: «Сами разсудите, когда государь с государынею не согласны, так нам нечего в их дела вступаться, как они хотят между собою, а нам лутче сторону держать государя, потому что мы ему еще прежде присягали верно служить»^[487].

Однако эти доводы не убедили Крылова, и он остался верен Екатерине Алексеевне.

Впрочем, кажется, мы слишком задержались в Яицком городке. Поспешим за нашим героем, которого ждали весьма увлекательные события.

Глава шестая

КОНЕЦ И ВНОВЬ НАЧАЛО

Бой решительный, но не последний

Успешное наступление правительственных войск, начавшееся в конце декабря 1773 года, продолжилось и в первые месяцы следующего года. Повстанческий отряд во главе с Ильей Араповым был не только изгнан из Саратова, но и потерпел поражение у Алексеевска и Бузулука. Правительственные войска нанесли ряд поражений бунтовщикам в Прикамье и Заволжье. Отряд майора Дмитрия Гагриня сначала разбил восставших в Пермской провинции под Кунгуром и Красноуфимском, а затем способствовал разгрому отрядов Ивана Белобородова на Среднем Урале (в результате была снята осада Екатеринбурга). Восставшие терпели поражения в Западной Сибири и Зауралье. Наконец, угроза нависла над повстанческим центром под Уфой и главным пугачевским войском в Берде^{488}.

Еще в начале февраля, находясь в Яицком городке, Пугачев получил известие о продвижении к Оренбургу авангарда правительственных войск — корпуса генерала Голицына. Однако, прибыв в Берду 6 февраля, самозванец «нашел, что тут благополучно», а Голицын еще далеко, «выступил лишь только ис Казани» (на самом деле Голицын стоял уже в Бугульме). Поскольку опасность повстанческой столице еще не угрожала, «царь» решил вернуться в Яицкий городок, приказав Арапову и «прочим» командирам отрядов, находившихся в отдалении от главного войска, препятствовать наступлению Голицына и сообщать в «Военную коллегия» о том, что «будет у них происходить». Однако 20 февраля Пугачев вновь направился в Берду. На сей раз причиной отъезда послужил «репорт» атамана Арапова из Тоцкой крепости о наступлении правительственных сил^{489}.

Пугачев не сразу двинулся навстречу Голицыну. Люди, бежавшие из лагеря повстанцев, говорили, будто те намеревались еще раз попытаться взять штурмом Оренбург, надеясь не только на военную удачу, но и на возможное восстание горожан, положение которых в результате долгой осады становилось всё более тяжелым. Вдобавок 16 февраля Хлопушей

была захвачена крепость Илецкая Защита, откуда в Оренбург иногда подвозили продовольствие. Власти, сознавая, что не смогут всех прокормить, даже разрешили старикам, женщинам, детям и прочим непригодным для обороны города покидать его для поиска пропитания. Как правило, эти люди приходили за помощью к повстанцам. Впрочем, последние тоже испытывали трудности с продовольственным снабжением, а потому «высылаемых из города людей» они отправляли «от себя куда кто хочет». Историки полагают, что к продовольственному кризису привела потеря повстанцами некоторых районов Заволжья и Приуралья, из которых в Берду доставлялся хлеб. Чтобы поправить положение, бунтовщики решили захватить Илецкую Защиту, где хлеба было «множество». Правда, есть сведения, что нехватка продовольствия в Берде продолжала ощущаться и в марте 1774 года, однако, по всей видимости, они неверны. По крайней мере, оренбургский губернатор Рейнсдорп в донесении от 8 апреля 1774 года, уже после снятия осады Оренбурга, сообщал Екатерине II, что «в бывшем стане самозванца найдено столько продовольствия, что пятнадцатитысячное население города было обеспечено им на десять дней». Татарин Т. Ермаков в показаниях от 22 февраля того же года также утверждал, что в повстанческом лагере не было недостатка в продовольствии^[490].

Штурм Оренбурга, о подготовке которого говорили перебежчики, так и не состоялся. Повстанцы ограничились лишь словесной атакой на губернатора Рейнсдорпа — посылкой в Оренбург письма пугачевской «Военной коллегии» от 23 февраля 1774 года. По характеристике П. И. Рычкова, «злодейское письмо, наполненное самых ругательных и пьяных выражений», — документ настолько яркий, что его стоит привести полностью:

«Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну.

Прескверное ваше увещевание^[14] здесь получено, за что вас, яко всесквернаго общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действию сатанину не ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник, известно, да и по всему тебе, бестии, знать должно, сколь ты не опробовал своево всесквернаго щастия, однако щастие ваше служит единому твоему отцу — сатане. Разумей, бестия, хотя ты, по действию сатанину, во многих местах капканы и рас[с]тавил^[15], однако ваши труды остаются вотще. А на тебя здесь, хотя варовенных не станет петель^[16], а мы у мордвина, хоть гривну дадим, мочальник да на тебя веревку свить может. Не сомневайся ты, мошенник, из б... зделан.

Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесной, во всех армиях на один день бывает, а с нами всегда присудствует. Да и мы вам советуем, оставя свое зловердие, притти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху. Егда придешь в покорение, сколь бы твоих озлоблений не было, но только во всех извинениях всемилостивейше прощает, да и сверх того, вас прежнего достоинства не лишит. А здесь небезызвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете.

И тако б, объявля вам сие, да и пребудем, по склонности вашей, ко услугам готовы.

Февраля 23 дня 1774 году»^{491}.

Видимо, отказаться от штурма Оренбурга Пугачева заставило приближение правительственных войск. 28 февраля Голицын выступил из Бугуруслана по направлению к Сорочинской крепости и приказал генерал-майору Мансурову, находившемуся в Бузулуке, занять Тоцкую крепость. Не ранее 3 марта повстанцы также двинулись в сторону Сорочинской и спустя два дня вошли в нее. А уже в ночь с 5 на 6 марта Пугачев с войском численностью более двух тысяч человек напал на возглавляемый майором Василием Елагиным авангард отряда Голицына из девятисот пеших и конных при четырех пушках, расположившийся на ночлег в деревне Пронькиной в 37 верстах от Сорочинской крепости. Поначалу военное счастье было на стороне бунтовщиков: Елагин был убит, а его команда начала отступление. Однако в скором времени противник перешел в контратаку и принудил отступить Пугачева. Прибывший на выручку елагинскому отряду майор Хорват увидел, что бой уже закончился и повстанцы прогнаны прочь. Пугачевское войско сначала отошло в Сорочинскую крепость, а затем направилось к Илецкому городку. Не доходя до него, самозванец «Авчинникова с командою послал далее», а сам поехал в Яицкий городок. (На большом московском допросе Пугачев утверждал, что отправился не на Яик, а в Берду; однако это утверждение опровергается как его собственными показаниями, данными в Яицком городке, так и другими источниками^{492}.) Оставили повстанцы и Тоцкую крепость, забрав с собой местных жителей и уничтожив хлеб и скотину^{493}.

На одном из допросов Пугачев сказал, что «он, Емелька, не знал, куда князь Галицын пойдет, на Яик ли или в Оренбурх». Если это соответствует действительности, то становится понятным отъезд после поражения в Яицкий городок. Как бы то ни было, самозванец покинул войско и, по расчетам Р. В. Овчинникова, 8 марта благополучно прибыл в Яицкий

городок, где оставался около недели. Там он «увидел, что яицкого кремля взять еще не могли да и овладеть им не было надежды, кроме как ожидали здачи от претерпеваемого во оном голода». Однако осажденные сдаваться не собирались. Более того, как раз во время пребывания главара восставших в Яицком городке, 10 марта, они предприняли вылазку из ретраншемента — впрочем, окончившуюся полнейшим провалом. Как писал очевидец событий из числа осажденных капитан Крылов^{494}, «случай сей представил нам наижалостнейшее позорище»: солдаты бежали в беспорядке, а офицеры «в порядок их привести ни малейшего способа не имели». Повезло тем, кто находился поблизости от ретраншемента, — они быстро убрались восвояси; участь далеко отошедших от крепости и тем более раненых была незавидной. Капитан Крылов вспоминал: «...раненых, которые от бессилия падали, [бунтовщики] варварски в нашем виду кололи, давая им сверх уже полученных еще по множеству ран, некоторых же рубили и топорами, мучительно таская за волосы и прочь головы отсекая». Осажденные не могли прийти на помощь «сим страждущим», поскольку, «по великому многолюдству бунтовщиков», на выручку надо было посылать человек триста, которых просто не имелось, да это, по мнению Крылова, не принесло бы пользы: «...не столько бы мы от смерти своих избавили, сколько б чрез то вновь еще потеряли». Во время этой вылазки гарнизон потерял 32 человека убитыми и 72 ранеными, «из коих некоторые того самого дня, а другие в скорости потом и умерли». Утешением могло служить лишь то, что удалось сжечь одну батарею, несколько дворов и взять в плен трех языков, которые, правда, «основательного ничего не сказали»^{495}.

Находясь в городке, Пугачев, по своему обыкновению, чинил суд и расправу. Например, по его приказу были повешены три казачки. Войсковой атаман Никита Каргин, сообщивший об этом на следствии, не знал, за что казнили этих женщин. Известно лишь, что их мужья были из числа противников «Петра Федоровича».

Однако не только казнями был занят в это время «амператор». На следующий день после вылазки он отправил в Гурьев к тамошнему атаману Евдокиму Струняшеву указание прислать в Яицкий городок пороху, а 14 марта обратился уже к коменданту Симонову и осажденному гарнизону. Его указ был доставлен в крепость весьма оригинальным способом: запечатанный конверт был привязан к хвосту бумажного змея. Когда змей, поднятый в небо, находился примерно над центром крепости, бунтовщики обрезали нитку и змей спланировал в руки осажденных. Указ повелевал

Симонову и его подчиненным «удержаться» от «всяких коварных умыслов... и вылазок ис крепости днем и ночью, а также напрасного кровопролития не чинить, ублажая притом всех к покорению со обещанием от него прощения, а в случае несклонения угрожал зверояростною своею проклятою злобою». Гарнизон в ответ произвел лишь несколько выстрелов гранатами из единорога^{496}.

Пугачеву было уже некогда заниматься осажденными — он получил рапорт от Овчинникова, что князь Голицын вступил в Сорочинскую крепость. Действительно, Голицын, соединившись с корпусом генерал-майора Мансурова, 11 марта овладел Сорочинской, а 17-го уже был в Новосергиевской, куда к тому времени прибыл и отряд генерала Фреймана. Получив вести о захвате Сорочинской, Пугачев то ли 14 марта, то ли на следующий день покинул Яицкий городок. Сначала он направился в Берду, а потом в Татищеву крепость, где намеревался дать Голицыну генеральное сражение. Как отмечал генерал и историк Н. Ф. Дубровин, «Татищева крепость имела весьма важное стратегическое значение для обеих сторон: она прикрывала пути в Оренбург, в Илецкий и Яицкий городок». Удержать Татищеву было необходимо. Помимо войска, вместе с самозванцем прибывшего в Татищеву из Берды, туда пришли повстанческие отряды А. Овчинникова, И. Арапова, православные калмыки Ф. Дербетева и др. По самым смелым оценкам, пугачевское войско насчитывало более девяти тысяч человек (казаки, крестьяне, солдаты, представители нерусских народов) при тридцати шести пушках. Этому войску противостоял отряд Голицына предположительно в 6500 солдат и офицеров при 22–25 орудиях^{497}.

Если верить показаниям самозванца, накануне битвы настроения в его ставке были самые радужные.

— А вот, батюшка, — интересовался пугачевский адъютант Давил ин у своего «государя», — как мы Оренбурх возьмем и князя Голицына разобьем, то пойдем в Москву. А как придем в Москву, тогда куда-та денутца бояра и государыня?

— Как куда бояра денутца, кали Москву возьмем? То вестима, што бояры-та разбегутца, а государыня-та в монастырь пойдет^{498}.

Прибыв в Татищеву, Пугачев занялся ее укреплением, поскольку в ней «никакой огорожи не было» (оборонительные сооружения были разрушены во время захвата крепости в конце сентября 1773 года). Он приказал соорудить «з двух сторон снежной вал», по которому «разставили пушки». Снег насыпали пленные безоружные солдаты из бывшего Чернышевского

отряда. Чтобы затруднить штурм, вал был залит водой, превратившейся на морозе в лед. К пушкам «для заряду и пальбы» были «приставлены» пленные «кананеры и салдаты», которым «правильно показывал стрелять» сам Пугачев. Кстати, он лично руководил расстановкой орудий: «размерил дистанцию, сколь далеко будут брать его пушки ядрами и дробью, и поставил в тех местах колышки и навел в удобные места пушки»^{499}.

Когда к обороне крепости всё было готово, «государь» обратился к своему войску с призывом, «чтоб послужили с храбростию», а затем отдал приказ: «...тот день, как князю Голицыну придти должно будет к Татищевой, чтоб была в городе совершенная тишина, и чтоб люди всячески скрылись, дабы не видно было никою и до тех пор к пушкам и каждому к своей должности не приступать, покуда князя Голицына корпус не подойдет на пушечный выстрел ядром». Понятно, что Пугачев рассчитывал на эффект внезапности.

Поначалу ему удалось ввести противника в заблуждение. 21 марта в четыре часа утра Голицын произвел рекогносцировку. Поскольку разъезды, посылаемые им к Татищевой, никого не встретили, то Голицын решил, что повстанцы не собираются защищать крепость и покинут ее без боя. Однако к вечеру выяснилось, что бунтовщики не намерены сдавать Татищеву и что их много. Следующим утром в направлении Татищевой вышел авангард правительственных войск под начальством полковника Юрия Бибикова, а через час после него — основные силы. Не доходя четырех верст до Татищевой, Бибиков выслал на разведку разъезд из трех чугуевских казаков. Увидев их, пугачевцы, в свою очередь, отправили им навстречу бабу, которой приказали: «...как ее казаки спросят, есть ли кто в крепости, то б она сказала, что злодеи были, да уехали». Баба исполнила всё в точности, и казаки въехали в ворота крепости, после чего повстанцы пытались их схватить, однако двоим разведчикам удалось бежать. Единственный пленный был на счету самого «государя»: «с Овчинниковым и кинулись на чюгуевцов, и из оных одного он, Емелька, с лошади спехнул» и к тому же ранил. Пугачев спросил казака, сколько войска у Голицына. Тот, если верить показаниям самозванца, преуменьшил количество людей («тысяч до пяти») и здорово преувеличил число пушек («с семьдесят»)^{500}.

Через некоторое время голицынский отряд появился у Татищевой. Его правой колонной командовал генерал Мансуров, левой — генерал Фрейман. С правой стороны шел также авангард Юрия Бибикова. Пугачевцы, несмотря на то, что были обнаружены, огонь не открывали. На

следствии самозванец говорил, что «стрелять не велел для того, чтоб наждать на себя и не терять напрасно ядер». Однако когда противник начал орудейный обстрел Татищевой, повстанцы ответили. Артиллерийская перестрелка продолжалась несколько часов, после чего Голицын бросил на штурм части Фреймана. Пугачевцы отбили нападение и даже перешли в контратаку, одновременно призывая солдат прекратить братоубийственное сражение. Однако на помощь Фрейману пришел батальон князя Долгорукова. В следующие несколько часов Пугачев и Голицын вводили в бой новые силы и успех клонился то в одну, то в другую сторону. Наконец, Голицын послал в бой последний резервный батальон гвардии капитан-поручика Толстого и ударил всеми силами по мятежникам, а чтобы отрезать им пути к отступлению, приказал занять Илецкую и Большую Оренбургскую дороги^{501}.

Видя, что дело идет к поражению и «надежды нет отбитца», Пугачев, согласно его показаниям в Яицком городке, решил бежать в Берду, оставив вместо себя во главе войска Овчинникова, которому приказал продолжать сражение сколько возможно. На большом московском допросе Пугачев уже несколько по-иному рассказывал о своем бегстве: якобы он решил покинуть поле боя не по собственной инициативе, а по совету Овчинникова:

— Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занета.

— Хорошо, я поеду, но и вы смотрите ж, коли можно будет стоять, так стойте, а коли горечно будут войски приступать, так и вы бегите, чтоб не попасса в руки^{502}.

Так или иначе, Пугачев поскакал в Берду, взяв с собой яицких казаков Ивана Почиталина, Василия Коновалова, Григория Бородина и своего шурина Егора Кузнецова. Чугуевские казаки из голицынского отряда бросились в погоню за беглецами, но так как у Пугачева и его «товарыщей» «кони были самые хорошие», догнать их не удалось. Бой же в Татищевой закончился тяжелым поражением повстанцев. В самой крепости и при отступлении погибло 2495 пугачевцев и более трех тысяч попало в плен, в том числе много раненых, артиллерия досталась противнику. Голицын потерял, по разным данным, от 141 до 153 человек убитыми и от 304 до 516 ранеными^{503}. Конечно, Голицын в рапортах мог несколько преувеличить потери бунтовщиков, однако едва ли в десятки раз. В любом случае потери восставших и правительственных войск были несоизмеримы — сказывалось огромное преимущество последних в вооружении, тактике,

опыте, военной организации^{504}. Тем не менее даже Голицын был вынужден отдать должное противнику. 22 марта он рапортовал А. И. Бибикову: «...дело столь важно было, что я не ожидал таковой дерзости и распорядения от таковых непросвещенных людей в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики»^{505}. Эта похвала из уст опытного вояки, имевшего опыт сражений с армией Фридриха Великого, самой лучшей в тогдашней Европе, дорогого стоит.

Итак, повстанческое войско было разбито, Овчинников с тремя сотнями казаков отступил к Нижнеозерной крепости, а позже ушел в Илецкий городок; остальные уцелевшие бросились бежать степью по направлению к Переволоцкой крепости^{506}. Пугачев, еще раньше покинувший Татищеву, прибыл в Берду 22 марта под вечер. Как вспоминал находившийся в то время в Берде Хлопуша, предводитель повстанцев приказал «солдат и крестьян с караула сменить, а на их места поставить яицких казаков». Народ недоумевал:

— Что это за чудо, что сменяют с караулу не вовремя?

Крестьяне и солдаты просили своих командиров, «в том числе и ево, Хлопушу», разобраться. Хлопуша решил разыскать Шигаева, но войдя «в дежурную», нашел там лишь писаря Васильева. Тот был сильно недоволен расспросами:

— Что вам за нужда, знал бы свое дело и лежал на своем месте.

Тогда Хлопуша пошел к Творогову. По пути он увидел, что яицкие и илецкие казаки «укладываются по возам» — готовятся к отъезду, а потому, придя к Творогову, спросил, что это значит.

Тот объяснил, что, мол, эти казаки приезжали за хлебом, а теперь собираются домой, а он отпускает с ними свою жену. Думается, это вранье не развеяло недоумение, а, напротив, усилило его. Лишь на следующее утро Хлопуша узнал истинную причину смены караулов и казачьих сборов^{507}.

Замена в критический момент солдатско-крестьянских караулов на казачьи показывает, как «высоко» «крестьянский царь» ценил своих мужиков. Об этом же свидетельствует и то, что на следующий день, покидая Берду с отборными войсками, Пугачев приказал остальной «толпе», состоявшей большей частью из крестьян, «чтоб оне убирались, кто куда хочет». В передаче Хлопуши приказание повстанческих властей командирам звучало следующим образом: «...подите и скажите, чтоб все доброконные с нами были готовы, а пехота чтоб шла куда хочет»^{508}. Любопытно, что даже В. В. Мавродин, называвший пугачевщину, как и

другие советские ученые, крестьянской войной, считал, что в оставлении Пугачевым своих «мужиков» на произвол судьбы «сказалась оценка крестьянина казаком»^{509}. Кстати, в фольклоре уральских (переименованных из яицких) казаков также отразилось пренебрежительное отношение к мужику. Одно казацье предание повествовало, что «Петр Федорович» собрал большую рать, «да все из крестьян — что толку-то? С такую ратью ничего не поделаешь, хоть бы и совсем ее не было». В другом месте говорилось: «Знамо, расейский народ не воин; расейский народ просто баран, больше ничего»^{510}. В то же время в той обстановке решение бросить мужиков было единственно верным. «Пугачев понимал, — пишет Мавродин, — что после поражения под Татищевой крепостью правительственные войска попытаются замкнуть кольцо вокруг Берды. Надо было спешить. Увести всё свое большое войско из-под Оренбурга он не мог. Огромное большинство его бойцов составляли пешие — крестьяне, заводские и пр., а уйти от окружения могла только подвижная конница, т. е. в первую очередь казаки»^{511}. (Интересно, что во время восстания под предводительством Разина казаки также бросили крестьян после поражения под Симбирском осенью 1670 года^{512}.) Справедливости ради нужно сказать, что некоторых крестьян Пугачев всё же взял с собой, но чем была обусловлена подобная милость, неизвестно ^{513}.

Решение покинуть Берду и двинуться к Яицкому городку через Переволоцкую и Сорочинскую крепости было принято Пугачевым и его приближенными то ли вечером 22 марта, то ли на следующее утро. 23 марта перед выходом из Берды Пугачев приказал Шигаеву, состоявшему «у приходу и росходу денег и всяких вещей главным», раздать «медную казну» — «четыре тысячи рублей». Кроме того, приступили к ликвидации запасов вина, «которого было более сорока бочек». Не успел Шигаев раздать и половины денег, когда «выкачены были с вином бочки», к которым тут же пытались прильнуть пугачевцы «и подняли великий крик». Самозванец, испугавшись, что Голицын застигнет «их в таком беспорядке», приказал выбить «из бочек дны» и «с крайним поспешением выходить всем в поход». Чтобы идти налегке, пугачевское войско взяло с собой только десять пушек, а остальную артиллерию, снаряды и провиант оставили «на Берде»^{514}.

По некоторым данным, именно в то время, когда пугачевское войско собралось выходить из Берды, самозванцу принесли неприятную весть, что Григорий Бородин, служивший у него с 18 сентября 1773 года, бежал в

Оренбург. Видимо, Пугачев особенно ценил его, раз взял его с собой при бегстве из-под Татищевой. Бородина попытались поймать, но безуспешно. Впрочем, Григорий был не первым, кто в тот день переметнулся на сторону правительства. Поутру в Оренбург бежал сотник Михаил Логинов с четырьмя яицкими казаками. Там он объявил, что послан Шигаевым, который якобы встал во главе заговорщиков, намеревавшихся связать Пугачева и передать властям^{515}.

Интересно, что Бородин в Оренбурге тоже заявил, что был послан туда Шигаевым и Чумаковым. Однако, скорее всего, никакого антипугачевского заговора не существовало, а значит, и посланцев в Оренбург никто не отправлял. Ни Чумаков, ни Шигаев на следствии о своем участии в заговоре не сообщили, хотя оно выставляло бы их перед властями в лучшем свете. Напротив, Шигаев говорил, что отверг предложение Бородина связать самозванца. Из показаний Шигаева и других источников известно, что именно Бородин подбивал на это других бунтовщиков. Правда, никто не поддался на его уговоры, но не нашлось и желающих схватить Бородина и выдать его самозванцу. Таким образом, некоторые колебания у повстанцев всё же имелись^{516}.

Но почему бунтовщики не решились схватить Пугачева? Вероятно, они не очень верили в успех и надеялись, что кто-то сделает это вместо них; по крайней мере, такое впечатление создается после чтения показаний Максима Шигаева, поведавшего о своем разговоре с Григорием Бородиным, состоявшемся 23 марта неподалеку от Берды:

— Что, брат Максим? Нам теперь вить не устоять. Не лутче ли нам связать его (Пугачева. — *Е. Т.*) и отвести в Оренбург?

— Как нам это одним делать можно? Хорошо, есть ли бы много нас согласилось!

— Я уже о этом человекам четырем говорил, и они на то согласны.

— Так поезжай же ты, брат, назад и уговаривай других.

Бородин и впрямь поехал в Берду, а вернувшись, сказал единомышленнику, что многих уже подговорил и теперь собирается ехать в Оренбург оповестить власти о заговоре, причем звал его с собой. Однако Шигаев отказался, сославшись на то, что у него, в отличие от Григория, в Оренбурге родственников нет и заступиться за него некому.

— Я уже поеду назад в Берду, — сказал он напоследок, — и, естли свяжут самозванца, так буду ожидать с прочими резолюции^{517}.

Бородин благополучно добрался до Оренбурга, где был посажен в тюремный острог. Там он находился больше двух месяцев, после чего

решением Оренбургской секретной комиссии был освобожден, однако наслаждался свободой недолго — осенью умер в Яицком городке^{518}.

Разумеется, известие об уходе Бородина встревожило самозванца. Поэтому, как показывал на следствии Хлопуша, Пугачев «велел расставить караулы», с помощью которых удалось предотвратить массовое бегство, переколов множество народа (речь, по всей видимости, шла не о мужиках, которые были отпущены на все четыре стороны, а об «утеклецах» из боеспособного войска). Только такими жестокими мерами он мог восстановить порядок в своем войске. Там же, где он не мог этого сделать, люди, еще вчера радушно принимавшие «Петра Федоровича», порой переходили на сторону правительства и выдавали повстанческих вожakov. Именно так произошло в Каргале, где местными татарами был схвачен, а затем выдан властям Хлопуша. 23 марта перед уходом войска из Берды тот получил у Пугачева разрешение «проводить» жену и сына в Сакмарский городок и по дороге заехал в злополучную слободу. Кроме того, тамошние татары схватили и посадили в погреба под караул 38 земляков-пугачевцев, в том числе полковника Мусу Улеева. Впрочем, и сам Улеев, если верить показаниям Хлопуши, заколебался, узнав о поражении самозванца. Когда Хлопуша незадолго до ареста осведомился, не собирается ли полковник присоединиться к пугачевскому войску, тот ответил:

— Видишь, брат, дело наше худо, и ты убирайся куда глаза глядят, и я своего полку не пустил ни одного татарина, и все они дома.

С Улеевым и его товарищами мы еще встретимся, а вот с Афанасием Соколовым-Хлопушей расстаемся уже навсегда. За верную службу самозванцу и за обман Рейнсдорпа Оренбургская секретная комиссия приговорила: «Отсечь голову, для вечного зренья посадить на кол, а тело предать земле», что и было исполнено в Оренбурге 18 июля 1774 года^{519}.

Итак, пугачевское войско, которое, по словам его предводителя, насчитывало «тысяч до пяти» (по другим сведениям, около двух тысяч)^{520}, 23 марта покинуло Берду. Закончилась блокада Оренбурга, длившаяся без малого полгода. Оренбуржцы ликовали. Получив вести о поражении восставших и их уходе из Берды, торговцы резко снизили цены на хлеб. Из Берды в Оренбург потянулись люди «на лошадях верхами, на санях и на дровнях, с разным их имуществом, а многие везли с собою хлеб и сено, большая ж часть шла оттуда пешие, в том числе были женщины и ребята». Есть данные, что уже 23 марта «вышло оттуда до 800 человек», а в последующие дни до четырех тысяч. В эти дни покинули Берду и некоторые известные бунтовщики, не желавшие следовать за самозванцем,

среди них пугачевский секретарь и атаман М. Шванвич.

В скором времени для захвата Бердской слободы был отправлен секунд-майор Зубов «с несколькими числом егерей, яицких и оренбургских казаков, которые в ту слободу без всякого сопротивления и вступили». Из бывшей пугачевской столицы Зубов отправил в Оренбург пушки, боеприпасы, провиант и деньги. По всей видимости, вслед за военными в Берду потянулись и городские обыватели. По крайней мере, П. И. Рычков пишет: «...носился в городе слух, что в Берде городскими людьми учинены были великие грабительства и хищения, и якобы многие пожитки, в руках злодеев находившиеся, разными людьми вывезены в город»^{521}.

А вот Пугачеву пока было не до «грабительств». 26 марта, не доходя до Переволоцкой крепости, его разведчики обнаружили неприятельских лыжников. Опасаясь встречи с отрядом Голицына, повстанцы решили повернуть назад, к Оренбургу^{522}.

На одном из хуторов Пугачев держал совет со своими приближенными. Если верить его собственным показаниям, то у них вышел следующий разговор:

— Ну, таперь куда пойдём? — спросил самозванец.

— Таперь мы пойдём на Каргалу, а с Каргалы — в Сакмару, — ответили Шигаев и прочие сподвижники.

— Ну, хорошо, а с Сакмары-та куда?

Высказывалось мнение, что сначала надо идти в Яицкий городок, а затем в Гурьев. Поскольку в Гурьеве «отсидетца долго нельзя», Яков Антипов предложил оттуда пойти в легендарную Золотую Мечеть, что в Персидском царстве: «И тамо-де хлеба много, зверя, ягод и рыбы много ж». И проводник, мол, подходящий есть, «которой тамо бывал».

— Да я бы вас провел и на Кубань, — вспомнил свою старую песню Пугачев, — да таперь как пройдешь? Крепости, мимо коих итти надобно, заняты, так не пропустят, а сверх того снега в степи, так никак невозможно итти^{523}.

Согласно же показаниям Шигаева, Пугачев будто бы объявил, что войско пойдёт на Каргалу или Сакмарский городок, а затем на Воскресенский завод Твердышева^{524}.

Находившийся при «государе» башкирский старшина Кин-зя Арсланов подал совет двигаться в Башкирию:

— Если вы туда придете, так я вам там через десять дней хотя десять тысяч своих башкирцев поставлю^{525}.

Советом Арсланова Пугачев воспользовался несколько позже, пока же

решил направиться с войском в Сакмарский городок. По дороге 27 марта он заехал в Каргалу (Сеитову слободу). Муса Улеев и прочие арестованные татары были освобождены, а их обидчики, от четырех до семи человек, казнены. Повстанцы сожгли несколько домов, принадлежавших их противникам, успевшим скрыться. Оставив в Каргале казачий отряд «человек с пятьсот» во главе с Тимофеем Мясниковым, «государь» продолжил движение. Прибыв в тот же день в Сакмарский городок, он также чинил суд и расправу: приказал повесить отца бывшего сакмарского атамана, 88-летнего Дмитрия Донскова, за намерение бежать в Оренбург, а также каргалинского татарина, шпионившего в пользу Рейнсдорпа^{526}.

Самозванец понимал, что встреча с Голицыным неизбежна. При этом он не собирался в бездействии дожидаться генерала, тем более что к бунтовщикам начало подходить подкрепление из башкир и крестьян. Уже на следующий день повстанцы совершили налет на Бердскую слободу «и причинили там многим смертоубийство, а многих увезли с собою». Это внезапное нападение стало возможным, потому что «около Бердской слободы, для предосторожности и примечания... никаких караулов и разъездов учреждено не было». Небольшая воинская команда не смогла оказать сопротивления. Большая ее часть попала в плен, некоторые были убиты и ранены. Начальник, капитан Сурин, а также несколько офицеров и девять гусаров бежали в Оренбург. Губернатор публично объявил, что причиной успеха бунтовщиков был туман, покрывший Бердскую слободу. «Могло статься, — язвительно заметил П. И. Рычков, — что в оной слободе был туман; но в городе во весь сей день никакого тумана не было». Пугачевцы не собирались оставаться в Берде. По словам их главаря, вылазка была совершена «для проведования, не идет ли князь Голицын». Возможно, самозванец также хотел дать понять противнику, что его рано списывать со счетов. Для пущей важности «Петр Федорович» отправил Голицыну «указ», «чтоб он очнулся» и вспомнил, «против ково воюет»^{527}.

Однако Голицын двинулся навстречу Пугачеву, чтобы окончательно добить его. В конце марта его войска вошли в Берду, откуда в два часа ночи 1 апреля пошли на бунтовщиков. Тимофей Мясников, находившийся с полутысячным отрядом в Каргале, сообщил Пугачеву о приближении правительственных сил. Тогда самозванец устремился к Каргале, где и началась многочасовая битва. Повстанческая батарея из семи орудий пыталась отбить неприятельскую атаку. Однако вскоре восставшим пришлось отступить по направлению к Сакмарскому городку. Правительственный отряд ворвался в Сакмарский городок, а Пугачеву,

всегда имевшему наготове лошадей, с остатками войск (около пятисот человек) пришлось бежать. В сражении 1 апреля погибли 400 повстанцев и 2813 человек попали в плен, в их числе такие видные бунтовщики, как Тимофей Подуров, Андрей Витошнов, Иван Почиталин, Максим Горшков. Сдался властям и пугачевский секретарь и переводчик Балтай Идеркеев. Несколькими днями позже были арестованы Тимофей Мясников и Максим Шигаев. Потери голицынского отряда составляли восемь раненых кавалеристов^{528}.

Победа над главным пугачевским войском позволила правительственным силам начать наступление вниз по Яицкой линии, конечной целью которого являлось освобождение Яицкого ретраншементы, который, как мы помним, уже на протяжении нескольких месяцев находился в осаде. В крепости с нетерпением ждали подмоги, ибо положение осажденных с каждым днем ухудшалось — «лазареты больными и ранеными преисполнились», а продовольствие было почти на исходе. Голод особенно усилился после праздника Благовещения (25 марта). Капитан Крылов позднее описал, чем в это время питались солдаты яицкого гарнизона: бросали «горсть муки» в «артельный котел» с кипяченой водой, «отчего... вода только что побелеет». «Можно сказать, — заключал Крылов, — что сытым им быть надлежало с одной горячей воды». От такой пищи у «солдат только брюхо дуло». Однако вскоре они нашли «лакомство». В свое время осажденные выбрасывали убитых лошадей «из ретраншаменты на лед». Туши провалялись там три месяца, «в которое время собаками были они все обглоданы». Но, как писал тот же Крылов, «голод на собачье первенство не смотрел: солдаты с великим аппетитом стерву (падаль. — *Е. Т.*) сию доглядывали». В пищу пришлось употреблять и останки некогда сожженных «саповатых» (больных сапом) лошадей, которые «великой смрад в себе содержали». Напоследок солдатам и вовсе пришлось варить глину — в результате получалось нечто похожее на кисель или жидкую кашу. Правда, на Вербное воскресенье 13 апреля осажденные устроили себе настоящий праздник. У коменданта Симонова оставалась корова, которую зарезали. Но людей было много, поэтому каждому досталось лишь по куску мяса. Неудивительно, что при таких тяжелых обстоятельствах некоторые из осажденных стали колебаться. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не подоспела подмога^{529}.

В Яицком городке о поражении под Татищевой узнали от прибывшего походного атамана Андрея Овчинникова. Неизвестно было, остался ли в живых сам «государь». Новость сообщили «императрице» Устинье

Петровне, и она «очень печалилась». Вскоре пришла весть и о походе на Яицкий городок. Отряд под руководством генерала Мансурова, продвигаясь вниз по Яицкой линии, уже занял Нижнеозерную и Рассыпную крепости, а также Илецкий городок. 14 апреля Овчинников с отрядом примерно в 500 казаков вышел навстречу правительственным войскам. Сборы повстанческого отряда увидели защитники осажденной крепости, причем заметили беспокойство бунтовщиков, никогда прежде не наблюдавшееся, что дало осажденным основания надеяться, что «сикурс (помощь. — *Е. Т.*), конечно, уже близок», а значит, и спасение не за горами. Овчинников пытался остановить Мансурова, но 15 апреля был разбит им на реке Быковке между Генварцевским и рубежным форпостами, «верст за пятьдесят» от Яицкого городка. Повстанцы потеряли все пушки и знамена, а также сотню человек убитыми. Несколько пугачевцев было захвачено в плен, а остальные разбежались. Среди спасшихся бегством были походный атаман Овчинников и повстанческий старшина Афанасий Перфильев^{530}.

После возвращения части беглецов в Яицкий городок там поднялась тревога и началась страшная суеда. По свидетельству очевидца, все бегали по улицам и переулкам, как будто «пожар где случился». Казаки не стали дожидаться подхода отряда Мансурова, а решили сдаться осажденным. Увидев приближающуюся многолюдную толпу бунтовщиков, защитники ретраншемента сочли, что начался новый приступ, и открыли по толпе огонь из всех пушек. Когда выяснилось, что казаки идут не штурмовать, а сдаваться, комендант Симонов через капитана Крылова потребовал от них доставить в ретраншемент Никиту Каргина, Михайлу Толкачева и прочих старшин, а также Устинью «с ее ближним штатом». Всё было исполнено (впрочем, есть данные, что бунтовщики сразу привели с собой арестованных предводителей). Вчерашние осажденные торжествовали — они получили не только главных здешних «злодеев», но и пищу. Как писал капитан Крылов, «самые те, которые от голоду и болезни на смертном одре лежали, сею переменою были мгновенно исцелены; да и такое во всех веселие появилось, что от чрезмерной радости ни молчать, ниже на одном месте никто стоять не мог». На следующий день в городок вошел генерал Мансуров, и только тогда отворились ворота крепости, запертые с 30 декабря 1773 года. Аресты, разумеется, продолжились и при Мансурове. Впрочем, были и такие бунтовщики, которые впоследствии сами вернулись из бегов и сдались властям. Помимо местной повстанческой верхушки и «императрицы» с ее «штатом» были арестованы многие так или иначе причастные к восстанию, например родственники Устиньи, в том числе ее отец, а также старый знакомый Пугачева Денис Пьянов. Предводители

бунтовщиков Каргин и Толкачев были повешены, а Кузнецов и Пьянов умерли во время следствия^[531]. О том, что случилось с Устиньей и прочими арестантами, поговорим ниже.

Несколько ранее правительственные силы одержали еще одну важную победу — 24 марта отряд подполковника Ивана Михельсона разбил под Уфой повстанческое войско во главе с самозванческим «графом Чернышевым» — Зарубиным-Чикой^[532]. Тем самым была снята еще одна многомесячная осада и прекратил существование еще один важный повстанческий центр, в деревне Чесноковке, под властью которого находились обширные территории. Зарубину и некоторым его сподвижникам, в том числе яицкому казаку Илье Ульянову и уфимскому казаку Ивану Губанову, удалось бежать в Табынск. Согласно показаниям Ульянова, они направились в Табынск, «зная, что тутошние жители к самозванцу все были склонны. Но как лишь только приехали в Табынск, то их жители и переловили, ибо они были уже известны, что самозванец под Татищевой) крепостью разбит, чего Зарубин и он, Ульянов, еще не знали»^[533]. Произошла характерная история: те, кто еще вчера с радушием встречал бунтовщиков, сдали их, как только повстанцы начали проигрывать.

С победителем Зарубина подполковником Михельсоном необходимо познакомиться поближе, ибо он сыграет весьма важную роль в судьбе Пугачева. Иван Иванович Михельсон родился в 1740 году в Эстляндской губернии. Принимал участие в Семилетней войне, получил два тяжелых ранения, а закончил войну в чине капитана. В 1770 году за отличия в боях против турок на Днестре Михельсон получил чины сначала секунд-, а затем премьер-майора. В 1771–1772 годах он участвовал в боевых действиях русского экспедиционного корпуса против польских конфедератов. Эта служба также не прошла незамеченной: в марте 1772 года Михельсон был произведен в подполковники, а в сентябре определен на службу в Санкт-Петербургский карабинерный полк, расквартированный в Польше. В декабре 1773 года полк был направлен на подавление пугачевщины, 2 марта 1774 года прибыл в Казань и вскоре вступил в боевые действия против бунтовщиков в Закамье. 18 марта Михельсона назначили командиром сводного конно-пехотного корпуса, во главе которого он и разгромил войско самозваного «графа Чернышева»^[534].

Чтобы понять ту радость власть имущих, которую вызвали новости о поражении бунтовщиков, в особенности о разгроме Пугачева под Татищевой, необходимо хотя бы вкратце рассказать об их беспокойстве в

предыдущие месяцы. Власти тревожило, помимо военных успехов самозванного царя, сочувствие простонародья «Петру Федоровичу». Например, 12 февраля 1774 года казачий старшина из станицы Голубинской на Дону Афанасий Попов донес наказному атаману Семену Сулину о разговоре, состоявшемся у него с крепостным крестьянином из подмосковной деревни Анциферовой Петром Савельевым, приехавшим на Дон «для продажи медных образов и разных сортов из мелких вещей». Савельев сообщил старшине, что «у нас де в Москве ныне большая помутка. Разве де у вас не слышно, что государь Петр Федорович явился в Оренбург и набрал войска до 70 000 и пишет он, чтоб государыня, не дожидаясь его, шла бы в монастырь, а крестьян всех хочет от бояр отобрать и иметь их только за своим имением». Эти слухи Савельев пересказывал с большим сочувствием. «Коли б де нам Бог дал, — мечтал мужик, — хотя б один годок на воле пожить, ибо де все мы помучены...» Савельев также сообщил, что «из Москвы день и ночь против государя ко Оренбургу везут пушки и всякие припасы», при этом «томский полк» «уже государю покорился». За неподобающие разговоры мужик был арестован^[535].

Однако власти не собирались довольствоваться лишь случайными доносами, а пытались с помощью сенатских курьеров, а то и специальных шпионов понять настроения населения. К примеру, сенатский курьер Василий Полубояринов, побывавший в январе 1774 года в Саратове, сообщал, что тамошняя «чернь» сочувствует «Петру III». По его словам, подобные толки слышал он и по дороге от Саратова до Пензы среди помещичьих и государственных крестьян. Мужики будто бы заявляли, что нынешнее правление «им несносно, ибо де большие бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой нет льготы, но только большие тягости по причине войны, как то: рекрутские наборы и разные подати, кои должно платить и государю, и помещикам». Мужики не сомневались в победе «государя» и переходе всех солдат на его сторону, «вить и их житье не лучше крестьянского». Впрочем, не все сообщения были для властей столь безрадостны. Например, главнокомандующий в Москве Михаил Никитич Волконский в письмах декабря 1773 года — января 1774-го заверял императрицу, что в Первопрестольной всё спокойно и народ настроен против Пугачева. По его словам, народ называл побежденного самозванцем генерала Кара трусом, говоря: «Какой это генерал, что не мог с такими бездельниками управиться и сам суды ушел! Его бы надо повесить!» В другой раз Волконский сообщал Екатерине, что, выслушав ее манифест от 24 декабря 1773 года, «большая часть народа кляли и бранили бунтовщика и самозванца; а другие говорили с презрением и смехом: «вот какой,

вздумал государем быть!»^[536].

Эту идиллическую картину Волконский создал на основе сведений, полученных от «надежных людей», которым через обер-полицмейстера Архарова было приказано подслушивать разговоры в кабаках, банях и торговых рядах. Если же довериться некоторым иностранцам, оказавшимся в эти месяцы в Москве, то выводы следует сделать прямо противоположные: симпатии московского простонародья были полностью на стороне самозванца. Один француз даже писал, что 6 марта 1774 года примерно в шесть часов вечера во всех частях Москвы стали раздаваться возгласы: «Виват Петр III и Пугачев!» — и только твердость, проявленная Волконским, предотвратила всеобщее смятение. Этот рассказ вряд ли достоверен; по крайней мере, другие источники о подобных событиях ничего не сообщают. Но не более правдоподобной представляется и та картина всеобщей ненависти к Пугачеву, которую в декабре-январе 1773/74 года рисовал Екатерине Волконский. Во всяком случае, в последующие месяцы было арестовано множество людей, с сочувствием отзывавшихся о «Петре Федоровиче». Например, в мае 1774 года 16 солдат московского гарнизона намеревались перейти на сторону Пугачева, однако их намерение открылось, и солдат прогнали сквозь строй. Еще опаснее для властей были антиправительственные разговоры, которые велись солдатами Владимирского пехотного полка, направлявшегося на подавление восстания: что под Оренбургом находится не Пугачев, а «государь Петр Федорович», да и государыня «уже трусит, то в Раненбом (Ораниенбаум. — *Е. Т.*), то туда, то сюда ездит, а графов Орловых и дух уже не помянется». Несколько солдат было арестовано, а за полком учрежден строгий контроль. Тем не менее Бибиков «чертовски трусил за своих солдат», опасаясь, что они сложат перед бунтовщиками оружие. Ко всему вышесказанному, пожалуй, необходимо добавить, что беспокойно было и в самом Петербурге. Под новый, 1774 год в Зимний дворец было подброшено письмо, где, по некоторым сведениям, говорилось о беспорядках в государстве и различных злоупотреблениях высокопоставленных чиновников. Подметное письмо было публично сожжено, однако его автора найти так и не удалось. Письмо, наделавшее большой переполох, кажется, всё же не принадлежало перу сторонника «Петра Федоровича» — его столичные приверженцы предпочитали выражать симпатии «государю» устно^[537].

Пугачевское восстание вспыхнуло в то время, когда Россия вела войну с Турцией, а потому правительство могло опасаться — и, как мы видели,

небезосновательно, — что военные тяготы прибавят бунтовщикам сторонников. Интересно, что сами пугачевцы в агитации никак не воспользовались этим козырем для привлечения простонародья на свою сторону. Война осложнила положение правительства еще и в том смысле, что на турецком фронте были задействованы основные вооруженные силы империи, что мешало быстро подавить восстание. Как мы уже говорили, войска для усмирения бунтовщиков пришлось собирать с большим трудом, да и найти достойного военачальника удалось не сразу. Таким образом, турки и Пугачев, пусть и невольно, помогали друг другу. Правда, многие современники событий были убеждены, что пугачевцы были отнюдь не случайными помощниками Турции. По их мнению, восстание было организовано внутренними или внешними врагами императрицы. Разумеется, среди этих врагов частенько называлась сама Оттоманская Порта, а также сочувствовавшая ей Франция. Фридрих Великий, например, сообщал русскому послу в Версале: «...это Франция организовала оренбургский бунт и поддерживает его, снабжая повстанцев деньгами, выделенными специально для этого». У Екатерины также время от времени возникали подозрения, что восстание было кем-то инспирировано. Однако Бибииков уверял ее: «...нет в толпе злодея иных советников и правителей, как только одни воры Яицкие казаки, а подозрение на чужестранных совсем неосновательно»^{538}. И действительно, идея о Пугачевском восстании как спланированном извне выступлении не получила ни малейшего подтверждения ни в то время, ни позже.

Беспокоили правительство и циркулировавшие за границей слухи, преувеличивавшие размах восстания и успехи повстанцев^{539}. Помимо прочего, они могли сорвать желанный для Петербурга мирный договор с Турцией и сподвигнуть другие враждебные державы, например Швецию, на войну с Россией. Распространителями таких слухов могли быть, в частности, иностранные дипломаты, аккредитованные в русской столице. Конечно, зачастую их отчеты содержали достоверные сведения о бунте, однако недостаток информации всё же давал о себе знать. Порой послы делали заключения об успехах повстанцев лишь по косвенным данным. Например, пруссак граф Сольмс объяснил исчезновение из продажи икры захватом повстанцами Поволжья. Вероятно, сообщения Сольмса сыграли не последнюю роль в формировании мнения прусского короля Фридриха III, который в феврале 1774 года писал: «Бунт этот более опасен, чем возвещалось в первых донесениях... Он будет иметь более серьезные последствия...»^{540} И если Сольмс заблуждался совершенно искренне, то

некоторые дипломаты могли намеренно искажать информацию о событиях под Оренбургом. Например, власти подозревали в этом французского посла Дюрана (содержание некоторых его депеш стало известно, так как у руководителя Коллегии иностранных дел Никиты Панина имелся ключ по крайней мере к одному шифру Дюрана).

Писала о Пугачевском восстании и зарубежная печать. Причем некоторые газеты наряду с достоверной информацией сообщали не просто преувеличенные, но и вовсе фантастические сведения. Например, английская газета «Лондон кроникл» сообщила читателям, что пугачевцы разгромили Бибикова, а Екатерина уступила престол Павлу. Справедливости ради отметим, что английские газетчики усомнились в правдивости этой новости, поскольку полагали: «...такая сильная духом женщина расстанется с короной только вместе с жизнью»^[541]. Фантастические вести о пугачевщине дошли даже до североамериканских колоний Британии. Российские власти, в том числе и сама Екатерина в письмах своим европейским корреспондентам, пытались опровергнуть невыгодные империи сведения. Однажды Никита Иванович Панин был так взбешен «клеветой», напечатанной в кельнских газетах, что приказал русскому посланнику при имперском сейме выразить протест по поводу этих публикаций и потребовал выпороть владельца одной из газет. Пороть издателя никто, разумеется, не стал, а потому российским дипломатам приходилось самим опровергать в европейской печати сведения, порочившие империю.

Естественно, императрица, Бибиков и прочие сановники обрадовались, узнав о разгроме Пугачева под Татищевой. Весть эта застала главнокомандующего в Бугульме, откуда 26 марта он написал жене: «То-то жернов с сердца свалился... А сколько седых волос прибавилось в бороде, то Бог видит; а на голове плешь еще более стала». Не менее радостным было письмо Бибикова М. Н. Волконскому: «Теперь я могу почти, Ваше сиятельство, с окончанием всех беспокойств поздравить, ибо одно только главнейшее затруднение и было, но оно теперь преодолено; и мы будем час от часу ближе к тишине и покою». Сообщить своим корреспондентам о разгроме самозванца спешила и сама Екатерина. Например, 9 апреля она писала подруге своей матери Иоганне Доротее Бьельке, что Пугачев, «не более как глупец и пьяница», после поражения бежал с двумя товарищами за Яик^[542].

Разумеется, за победой под Татищевой последовали награды. А. И. Бибиков из премьер-майоров лейб-гвардии Измайловского полка был

произведен в подполковники, генералы Фрейман и Мансуров награждены орденами Святой Анны; что же касается главного «виновника торжества» Голицына, то он получил поместья в Могилевской губернии. Офицерам, привезшим весть о поражении самозванца, был дарован следующий чин. Всем участникам сражения, «начиная от первого штаб-офицера до последнего солдата», императрица пожаловала «через сие невзачет третное жалованье^[17]». Не остался без награды и губернатор Рейнсдорп — получил орден Святого Александра Невского. «Самим же жителям городским» было даровано «действительное на два года увольнение их от подушного сбора, а при том и пожалование на их общество в нынешний год всего прибыльного чрез откуп сбора с питейных домов их города»^{543}.

Однако враги Пугачева рано торжествовали. Вскоре «амператор» собрал новое войско, которое сумело принести правительству немало проблем. Пришла пора поговорить о том, что представляло собой пугачевское войско до и после поражения под Татищевой и каким военачальником был самозванец.

Полководец и его армия

Несмотря на невысокую оценку предводителя мятежников в «Истории Пугачева», А. С. Пушкин всё же признавал, что самозванец имел некоторые военные познания. Хотя случай с первым подкопом в Яицком городке показал, что минер из Пугачева не самый лучший, в целом пушкинские слова справедливы. Так, И. Почиталин утверждал, что предводитель повстанцев «лутче всех знал правило, как в порядке артиллерию содержать». По словам другого пугачевского сподвижника Т. Подурова, «пушки и прочия орудия большою частию наводил сам самозванец, а иногда и канонеры»^{544}.

Но обладал ли Пугачев полководческим талантом? Мы уже видели, что он предводительствовал вооруженными силами повстанцев во время сражений, руководил подготовкой к боевым операциям, то есть был реальным, а не номинальным главой своего войска. Следовательно, данная правительственными военачальниками высокая оценка боевых качеств главной пугачевской армии относится и к ее руководителю.

Правда, может возникнуть вопрос, не преувеличивали ли екатерининские командиры достоинства противника, чтобы их победы выглядели весомее в глазах вышестоящего начальства. Думается, это не

так. И. И. Михельсон в рапортах о победах над Пугачевым под Казанью в июле 1774 года весьма высоко оценивал противника, однако не расточал похвалы восставшим после победы 25 августа у Солениковой ватаги, доставшейся ему относительно легко.

А. С. Пушкин характеризовал самозванца как отважного и проворного казака. Экземпляр «Истории пугачевского бунта» (под таким названием вышла книга, которую теперь мы знаем как «Историю Пугачева»), подаренный Денису Давыдову, он сопроводил стихами:

*Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден — плуг, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой*^{545}.

Как мы помним, еще до восстания, во время Прусской и Турецкой кампаний, Пугачев проявил себя прекрасным воином. Во время бунта самозванец отличался «смелостью и проворством» и, несмотря на «высокое происхождение», во время сражений «всегда был сам наперед». Навыки стрелка и наездника Пугачев любил прилюдно демонстрировать не только в бою, но и в часы досуга. Подпрапорщик Григорий Аверкиев на допросе 5 февраля 1774 года в Казанской секретной комиссии вспоминал, что самозванец «стрелял иногда из лука в цель, пробивал колчугу, сеном набитую, а в шапки, вверх на копьях держанные, на всём скаку стрелял». Кроме того, Пугачев ездил «с молодыми казаками бегать по степи на лошадях»^{546}. По всей видимости, в последнем случае он не просто показывал удаль, но и пытался передать молодежи свои навыки.

Несмотря на то что самозванец был храбрым человеком, его храбрость не была безрассудной. С одной стороны, он неоднократно участвовал в сражениях на переднем крае, с другой — выходил в «худом» платье, чтобы не быть узнанным. Под Татищевой он не стал дожидаться полного разгрома своего войска, а вовремя убрался в Бердскую слободу. Возможно, тот факт, что за все военные кампании, выпавшие на долю Пугачева, он был ранен всего лишь однажды, да и то легко, объясняется сохранением им присутствия духа и осторожностью.

Пугачевское войско состояло из главной армии и множества отрядов, действовавших в разной степени отдаленности от ставки самозванца. Иногда возникали новые повстанческие центры, довольно тесно связанные с «царем» и его правительством, например чесноковский под Уфой. Однако

зачастую отряды бунтовщиков, находившиеся вне главной армии, лишь выступали от имени «Петра Федоровича» и были слабо или вовсе никак не связаны с каким-либо повстанческим центром (такая ситуация особенно характерна для лета 1774 года). Главной армией командовал походный атаман Андрей Овчинников. Всё пугачевское войско делилось на полки, как правило, формирувавшиеся по национальному, социальному или территориальному принципу, например полки яицких или илецких казаков, заводских крестьян, пленных солдат, башкир, татар, калмыков. Впрочем, иногда этот принцип не соблюдался. Есть сведения, что «у каждых 500 был полковник». По замечанию В. В. Мавродина, «цифра 500 была обусловлена тем, что по «штатам» казацких войск в полку насчитывался 501 человек. Но чаще всего цифра 500 такая же условная, как 100 в «сотне», 1000 в «тысяче» и т. п.». Командовал полком полковник или атаман, обычно происходивший из той же среды, что и его подчиненные: во главе илецких казаков стоял их земляк Иван Творогов, крестьянин Хлопуша возглавлял мужиков и т. п. Но вот пленными солдатами руководили их бывшие офицеры, например уже известный нам Шванвич. Полк делился на роты, «в каждой роте считается до ста рядовых, есаул, сотник и два хорунжих». Командирами низших подразделений были пятидесятники и десятники. По свидетельству хорунжего Родиона Чеботарева, некоторое время находившегося в пугачевском войске, повстанческие отряды имели «именные списки». Согласно же показаниям самого Пугачева и его ближайшего сподвижника Максима Шигаева, подобных списков не было, ибо восставшие «выбывали и прибывали, а был счет одним командирам». Поименные списки отрядов главной армии до нас не дошли, но, по всей видимости, всё же существовали. Во-первых, подобные списки имелись в некоторых отрядах, не входивших в главную армию; во-вторых, походный атаман А. Овчинников, захватив Гурьев городок, приказал местному атаману составить «именной список» своих подчиненных, а значит, такая практика могла существовать и в главной армии^[547].

Из вышеприведенного описания войска видно, что чины в нем, как правило, были казачьи: атаманы, полковники (последние имелись, разумеется, и в правительственной армии), есаулы, хорунжие. Однако летом 1774 года «Петр Федорович» начал присваивать сподвижникам военные чины, скопированные с императорской армии. Так, например, 5 июня самозванец произвел в бригадиры башкира Салавата Юлаева и мещеряцкого полковника Канзафара Усаева, а незадолго до окончательного разгрома восстания сделал Овчинникова генерал-фельдмаршалом, Перфильева — генерал-аншефом, Чумакова — генерал-

фельдцейхмейстером, Творогова — генерал-поручиком. Есть данные, что один пугачевец назывался «дежур-майором». Интересно, что Творогов о таком чине (как, впрочем, и о тех, которыми были награждены его товарищи) никогда прежде «не слыхивал», а потому на следствии даже не мог припомнить его точное название^[548].

Пугачев хотел, чтобы его армия походила на настоящую не только чинами, но и наградными знаками. В военно-походном журнале Михельсона, основанном на его донесениях, говорится, что среди прочих трофеев, попавших в руки правительственных войск после поражения повстанцев 22 мая 1774 года, была захвачена «названная злодеем ковалериею^[18] вымышленная им голубая лента»: «Сказывают, что орден сей назывался «Черные бороды». Однако в первоисточнике походного журнала — донесении Михельсона главнокомандующему Ф. Ф. Щербатову от 23 мая — о самом ордене ничего не говорится. Едва ли он существовал на самом деле^[549]. Во всяком случае, из других источников мы ничего о нем не знаем. А вот медали появились в пугачевской армии, как и вышеозначенные чины, уже под конец восстания. Афанасий Перфильев на следствии вспоминал, что по дороге на Царицын (август 1774 года) «самозванец жаловал многих медалями серебряными, вызолоченными, в том числе и ево, Перфильева, и нашивали сии медали на груди на лентах, а делали их бывшие в толпе серебряники». Некоторые интересные подробности о медалях находим в показаниях другого видного пугачевского сподвижника Ивана Творогова: в качестве полуфабриката самозванец использовал «рублевяки с портретом покойного императора Петра Третьего и отдавал оные бывшим в его толпе серебряникам приделывать ушки, в которые вдевая ленты, у кого какие случилися, накалывали на левой стороне груди». Имеются также данные о том, что пугачевские награжденные знаки делали из «старинных медалей» с изображением Петра I, выбитых на монетном дворе в 1725 году в память о первом российском императоре. Самозванец, по собственному признанию, просил мастеров выбить медаль с его изображением, но получил ответ: «У нас-де штемпелей нет, так-де зделать такова, как вы, не можем». Наградил Пугачев своих «детушек» и другими медалями, например теми, которые в русской армии вручали во время Семилетней войны (их следовало носить не на груди, а на шее). Надо заметить, что медалями и прочим награбленным добром самозванец жаловал, по всей видимости, не за какие-то особенные подвиги, а за обычную службу или даже просто за переход на его сторону. Помимо свидетельств современников о пугачевской наградной

системе, имеются рассказы людей, гораздо позднее видевших самозванческие наградные знаки, например медали с изображением старообрядческого креста и латунный орден в виде такого же креста; правда, неизвестно, все ли эти награды были подлинны^{550}.

Разумеется, чины и награды, так или иначе напоминающие чины и награды правительственной армии, лишний раз должны были подчеркнуть, что во главе повстанческого войска стоит подлинный «государь Петр III». Этой же цели служило и знамя одного из голштинских полков настоящего Петра III, расформированных после его свержения, появившееся у бунтовщиков в августе 1774 года. Другие пугачевские знамена мало походили на знамена регулярной российской армии: на них встречались изображения старообрядческих крестов, а также Николая Чудотворца и самого Христа. Говорят, что одно из знамен украшала написанная пугачевская «прокламация», которая якобы «была пересыпана кое-какими крепкими словцами без всякого стеснения и деликатности»^{551}.

Если армию без чинов, наград и знамен всё же можно представить, пусть и с большим трудом, то без оружия она совершенно немислима. Конечно, наиболее эффективным оружием было огнестрельное, но как раз его повстанцам сильно не хватало. Подробные сведения об оружии, использовавшемся пугачевцами, собрал советский историк В. В. Мавродин. Как правило, ручное огнестрельное оружие имелось у яицких казаков и ставропольских калмыков: разного рода ружья и даже винтовки (как правило, персидского и турецкого производства — «турки»). Что же касается солдат, перешедших на сторону самозванца, то они были вооружены длинноствольными петровскими фузеями и ружьями образца 1760 года с укороченными до метра стволами. У казаков, а иногда и у башкир имелись и пистолеты как русской, так и восточной работы: турецкие, персидские, кавказские, причем восточные отличались легкостью и удобством, да к тому же красотой отделки. Кроме ручного огнестрельного оружия у казаков были сабли и пики, а у башкир — сабли и луки. Лук являлся у башкир основным оружием, калмыки тоже владели им виртуозно. Какое-то огнестрельное оружие имелось, конечно, и у крестьян, однако в основном они использовали холодное оружие и орудия крестьянского труда: топоры, косы, вилы и пр. Широкое распространение в пугачевском войске получили копья — в данном случае этот собирательный термин объединяет всё холодное оружие на древке: длинные копья, пики, дротики и т. д.^{552}

Большое значение Пугачев и его сподвижники придавали артиллерии.

Уже первые приступы к Яицкому городку в сентябре 1773 года показали, что без нее нечего и думать об успешной борьбе с правительственными войсками. Не будем подробно останавливаться на калибрах, системах и назначении орудий, имевшихся в повстанческой войске, — на этот счет имеется обширная литература^{553}; ограничимся лишь несколькими общими замечаниями. Большинство орудий было трофейным. Правда, бунтовщики на подконтрольных им заводах начали производство собственных орудий и боеприпасов, однако больших успехов им добиться не удалось. В. В. Мавродин суммировал причины подобной неудачи: «Малочисленность запасов чугуна на Авзяно-Петровском заводе, отсутствие достаточного числа работных людей для выплавки чугуна и разного рода подсобных работ, нехватка опытных мастеров, боязнь голода, заставлявшая забирать в главное войско с заводов хлеб, уход с завода партийных [крестьян] — всё это в общей сложности и привело к тому, что главная армия ориентировалась на то оружие, которое есть, а не на то, которое будет изготовлено». Следует также сказать, что после поражений под Татищевой крепостью и Сакмарским городком повстанцам и вовсе пришлось отказаться от производства собственных орудий и боеприпасов; (Впрочем, по мнению историка, трофейная артиллерия также в основном была мелкокалиберная и устаревшая.) А. И. Андрущенко придерживается противоположной точки зрения: «Артиллерия пугачевской армии по количеству и по качеству боевого огня часто не уступала артиллерии карательных войск, а нередко даже превосходила ее»^{554}. Несмотря на все трудности с пополнением артиллерийского парка, численность орудий в главной пугачевской армии могла достигать до 120 стволов. Имелась артиллерия и в отрядах, действовавших в отдалении от главной армии. Например, в отряде И. Зарубина-Чики насчитывалось от двадцати пяти до сорока орудий. Пожалуй, к вышесказанному остается добавить, что во главе пугачевской артиллерии стоял яицкий казак Федор Чумаков и что сам «Петр Федорович» был или, во всяком случае, считался большим знатоком артиллерийского дела^{555}.

Недостаток оружия и прочие проблемы повстанческого войска в некоторой степени компенсировались боевыми качествами бунтовщиков или, по крайней мере, их боевым духом. Причем эти достоинства восставших неоднократно отмечались их противниками. На страницах этой книги уже приводились слова генералов Кара и Голицына. Имеются и другие отзывы подобного рода. Например, подполковник Михельсон высоко оценил пугачевское войско, с которым ему пришлось сражаться под

Казанью в июле 1774 года: «Злодеи меня с великим криком и с такою пушечною и ружейною стрельбою картечами встретили, какой я, будучи против разных неприятелей, редко видывал и от сих варваров не ожидал». Капитан Крылов отзывался об умении яицких казаков стрелять «отменно хорошо». Их меткость Крылов объяснял тем, что они «гулебщики», то есть охотники. Впрочем, порой и упреки противников в адрес бунтовщиков выглядят как невольная похвала. Подполковник Михельсон в донесении о победе над бунтовщиками под Уфой (24 марта 1774 года) сообщал А. И. Бибикову о башкирах, «в коих злость и жестокосердие с такою яростию вкоренилось, что реткой живой в полон отдавался, а которые и были захвачены, то некоторые вынимали ножи ис карманов и резали людей; другие [будучи] найдены в сене и под полом, видя себя открытыми, выскакивали с ножами и копьями»^{556}.

Генерал Кар отмечал чрезвычайную подвижность повстанческой артиллерии. Подобная подвижность достигалась, в частности, установкой орудий на лафеты, представлявшие собой сани на широких полозьях. Такие сани-лафеты при бездорожье и глубоких снегах были гораздо полезнее, чем обычные колесные^{557}.

Наиболее боеспособной частью главной пугачевской армии было яицкое казачество, то есть прежде всего прекрасная конница. В. В. Мавродин, изучавший боевую тактику пугачевцев, писал: «В бою казаки шли лавой, массой, при неудаче первого удара продолжая бой в рассыпном строю. При таком строе сражается каждый воин в отдельности, применяя все виды оружия, самые разнообразные способы и приемы боя. Бой ведется и на большом расстоянии, с применением ручного огнестрельного оружия, и грудь с грудью, на саблях, и на некотором расстоянии друг от друга, когда в ход идут пики, требующие известного пространства». Немаловажное значение для повстанцев имела башкирская и калмыцкая конница — по словам Мавродина, она, «стреляя на скаку, засыпала противника тучей стрел, сходилась вплотную, рубилась на саблях»^{558}.

Казалось бы, хорошим дополнением к мощной коннице могла стать пехота из солдат, попавших в повстанческое войско. Однако у Пугачева на этот счет было иное мнение. «Солдат для того в толпе своей не имел, — показывал самозванец на допросе в Яицком городке, — что они для меня в службе не годятся. А когда в пехоте была надобность, то я приказывал спешиваться казакам, кои всё то делали, что и солдаты». Конечно, солдаты служили в его «толпе», о чем сам предводитель свидетельствовал на том же допросе. Более того, он называл их пехотой^{559}. Тем не менее

повстанческая верхушка частенько относилась к ним с пренебрежением и недоверием. Возможно, говоря, что солдат у него не было, Пугачев просто хотел выразить свое пренебрежительное отношение к ним.

В чем же выражалось пренебрежение к солдатам со стороны повстанческой верхушки? Обратимся к показаниям Ивана Почиталина. Пугачевский любимец рассказывал, что солдаты, попавшие к бунтовщикам, были «вооружены копьями, ружьями (а у кого нет такого оружия, то дубинами)». Если учесть, что попадали они к повстанцам с огнестрельным оружием, то слова Почиталина следует понимать так, что оружие у них сначала отнимали, а потом возвращали не всем. Это подтверждается источниками, сообщающими, что после того как у солдат отнимали оружие и передавали его другим бунтовщикам, их самих посылали в бой «с одними дубинками», а то и вовсе безоружными. Впрочем, согласно показаниям казачьего капрала Т. Соколова, попавшего в плен к бунтовщикам после захвата отряда Чернышева, 14 ноября 1773 года больше половины этого отряда вышли против бригадира Корфа без оружия по той причине, что «во время взятия их в полон... многими ружья были побросаны», а потому пришли в негодность. Но даже если слова капрала соответствуют действительности, они ни в коей мере не отменяют того недоверия, которое имелось у повстанцев-казаков к солдатам. Впоследствии солдаты этого отряда большей частью оставались безоружными. Саратовские солдаты, перешедшие на сторону самозванца, также «почитались сумнительными», и их оружие было передано «мужикам». При этом имеются сведения, что у пленных казаков оружие не забирали. Впрочем, как мы уже видели, в других случаях отказывали в доверии и крестьянам. Напомним, что по возвращении в Берду после поражения под Татищевой Пугачев приказал «солдат и крестьян с караула сменить, а на их места поставить яицких казаков»^{560}.

По мнению советского историка А. И. Андрущенко, «недоверие к пленным солдатам имело некоторые основания»; он приводит в качестве доказательства записки священника Ивана Полянского, сообщающие, что канониры, попавшие в плен к Пугачеву и приставленные к его орудиям, забивали в гранатах «дырочки деревянными гвоздями». Испорченные таким образом снаряды не разрывались, что и спасло Оренбург от пожара^{561}. Трудно сказать, насколько сведения Полянского соответствовали действительности и знали ли бунтовщики об этих кознях канониров. Имеются, правда, сведения, что несколько позднее один канонир был повешен за то, что «палил фальшиво»^{562}.

По всей видимости, недоверие казачества к солдатам и крестьянам объясняется прежде всего его несколько пренебрежительным и высокомерным отношением к другим непривилегированным слоям населения, которое можно было встретить и во время других крупных народных восстаний. Так, например, очевидец взятия разницами Астрахани в июне 1670 года голландец Л. Фабрициус писал: «...казаки пустили на штурм того участка, где был пост голландских корабельщиков, простой работный люд, или, как они их называют, ярыжек (Jariski). Этих каналий здесь было расстреляно, наверное, более тысячи...»^{563}

Однако не следует и преувеличивать негативное отношение Пугачева и яицких казаков к другим повстанцам — в противном случае крестьяне и солдаты не вливались бы столь охотно в главную пугачевскую армию. Причем многие из них верно служили «третьему императору». Можно еще раз вспомнить, что Пугачев благожелательно разговаривал с солдатами и по их ходатайству прощал «добрых» командиров^{564}.

А вот к пленным солдатам-канонирам отношение главаря бунтовщиков было куда лучше. Некоторые из них получали за службу чины и награды. Впрочем, в качестве пушкарей в повстанческой войске служили также крестьяне и казаки, а яицкие казаки и вовсе были главными командирами над артиллерией (в главной армии, по некоторым данным, служило 600 канониров)^{565}.

Есть сведения, что в главной армии проводились учения, причем бунтовщики упражнялись не только в верховой езде, но и в стрельбе, в том числе артиллерийской^{566}. Но вот чем они точно не занимались, так это строевой подготовкой. Состоявший в отряде Белобородова Дементий Верхоланцев вспоминал: когда белобородовцы в мае 1774 года подошли к местопребыванию самозванца под Магнитной крепостью, Пугачев принял их за врагов, ибо они «шли стройно». Иван Белобородов, бывший солдат, наверное, и не представлял себе, как иначе может ходить военный отряд^{567}. Иное дело — казаки, ядро главной пугачевской армии. Едва ли у Пугачева и его окружения когда-либо возникала мысль заставить своих подчиненных ходить солдатским строем, особенно с учетом того, как боялись казаки, что правительство превратит их в солдат. (А не переносилась ли неприязнь к солдатчине отчасти на самих солдат?)

Не исключено, что у некоторых казаков нелюбовь к «регулярству» распространялась даже на барабаны, взятые в качестве трофеев. По крайней мере, подпрапорщик Аверкиев утверждал, что «ни одного барабана во всей толпе нет и взятые у нас (в отряде Чернышева. — Е. Т.)

барабаны все переломаны». В отсутствие барабанов утреннюю и вечернюю зорю возвещал пушечный выстрел, а «для сбора людей» использовался «частый звон в один колокол на подобие набата». Однако, если верить Аверкиеву, в случае тревоги повстанцев собирали «атаманы, сотники и десятники, а иногда и сам самозванец бегаёт под окна к яицким казакам и приказывает выходить в поход». Впрочем, известно, что летом 1774 года барабаны в главном пугачевском войске и отдельных повстанческих отрядах всё же имелись и с их помощью порой собирали людей^{568}.

Кстати, Аверкиев привел интересные сведения относительно надёжности (точнее, ненадёжности) караулов в повстанческом войске. Сам он у пугачевцев «употребляем был за казака по караулам», а посему и «приметил», что у бунтовщиков «ни пароля, ни лозунга нет; и, когда по пикетам в ночное время разъезжают дозоры и их окликают, то они не больше отвечают, что «казаки», а потому и можно без всякой опасности объезжать их пикеты». Впрочем, по поводу пароля существуют прямо противоположные сведения, относящиеся примерно к тому же времени. 1 января 1774 года попавший в плен к правительственным войскам яицкий казак Иван Евсеичев на допросе в комендантской канцелярии Яицкого городка сказал: «Да у нас же положен пароль: естли кто в ночное время едит или идет, и его на бекете (пикете. — *Е. Т.*) или на карауле окличут, голос отдавать: «калмык», а буде кто скажет, что «казак», таковых, признав, что из согласных чинов, и таковых велено ловить и вязать»^{569}.

Некоторые пленные, бежавшие от бунтовщиков, на допросах в декабре 1773 года давали показания, что караулы «в ночное время» расставляли «вокруг всей его (Пугачева. — *Е. Т.*) силы на притин по три человека». Причем на протяжении всей ночи эти караулы объезжали «разъезды в пятидесяти человеках». Пленники рассказывали также, что где бы самозванец ни остановился, у его квартиры и днем и ночью всегда стоят два часовых, тогда как у пушек, которые также всегда находились поблизости от пугачевской квартиры, лишь один. К вышесказанному необходимо также добавить, что для контроля над оренбургскими окрестностями из Берды высылались разъезды и были учреждены «станции» и «заставы»^{570}.

Из всего вышесказанного видно, что пугачевское войско, несмотря на некоторое подражание имперской армии, по сути да и по форме оставалось казачьим. Именно поэтому люди, переходившие на сторону Пугачева, вне зависимости от их происхождения становились казаками. Причем им приходилось менять даже внешний облик — обряжали в казачье платье и

стригли по-казачьи «в кружало», то есть в кружок^{571}.

Однако всеобщее «показачение», как мы видели, не приводило к равноправию в повстанческой войске. Из различных источников, в том числе из показаний пугачевских сподвижников, отчетливо видно, что яицкие казаки (иногда вместе с ними называются илецкие) занимали наиболее привилегированное положение в повстанческой войске, несмотря на то, что составляли относительно небольшую группу в общей массе восставших: по некоторым данным, даже до разгрома под Татищевой и Сакмарским городком их было менее тысячи человек. Их особое положение заключалось в том, что они составляли ближайшее окружение самозванца и занимали большинство руководящих должностей в войске. Кроме того, исключительно из яицких казаков состояла «императорская гвардия». «Петр Федорович» обещал и в будущем сохранить их первенствующее положение: «когда он всю Россию завоюет, то сделает Яик Петербургом», а «яицких казаков производить будет в первое достоинство»^{572}.

Согласно показаниям побывавшего в плену у повстанцев казака Якова Сутормина, Пугачев настолько отличал яицких казаков от других, что лишь им платил жалованье. Однако это утверждение не соответствует действительности. Сутормин попал к бунтовщикам незадолго до захвата Ильинской крепости в конце ноября 1773 года. По свидетельству Афанасия Соколова-Хлопуши, команда, захватившая эту крепость, получила по приходе в Берду «жалование по рублю на человека», при этом и сам Хлопуша, и многие другие члены этого отряда не принадлежали к яицким или илецким казакам. В пользу того, что жалованье выдавалось не только яицким казакам, свидетельствуют и другие источники. Правда, их сообщения не всегда согласуются между собой. Иван Зарубин-Чика на следствии показывал, что «на каждого башкирца» из отряда Кинзи Арсланова (этот отряд пришел под Оренбург в начале октября 1773 года) самозванец «роздал из взятых по крепостям денег по рублю». Позже башкирские старшины получали по три рубля на месяц, а рядовые — по рублю. Имеются также данные, что 13 февраля 1774 года в Бердской слободе яицкие и илецкие казаки получили всего три копейки на день, в то время как канониры по пять копеек, а «разночинцы и пленники» — по рублю на месяц, то есть в среднем 3,3 копейки. Но тогда выходит, что яицкие и илецкие казаки были самой низкооплачиваемой группой повстанцев. Поскольку мы знаем о положении этих казаков в пугачевской войске, вышеприведенные данные вызывают серьезные сомнения,

особенно с учетом свидетельства отвечавшего за раздачу жалованья Максима Шигаева, что «в разные времена выдано было» на каждого конного (то есть казака) по шесть рублей, а на пешего — по пять ^{573}.

Правда, из свидетельства Шигаева непонятно, насколько регулярно повстанцам выплачивалось жалованье. Однако из других источников мы знаем, что с этим у бунтовщиков имелись серьезные проблемы. Например, Хлопуша на следствии показывал, что «дача жалованья производима была не в одно время, а тогда как привезут откуда деньги, ибо оных было для толпы его (Пугачева. — *Е. Т.*) недостаточно». Его слова подтверждаются показаниями подпрапорщика Аверкиева, что деньги выдавали тогда, когда они «случатся». Одна из таких выплат, как мы помним, была произведена перед уходом из Берды 23 марта 1774 года. Она стала возможной еще и потому, что повстанческая армия значительно уменьшилась. Хлопуша, вспоминая этот момент на следствии, говорил: «Потом приказано было, чтоб всю казну вываливать и давать на всю армию, в том числе и больным, жалованье...» Следовательно, можно предположить, что ранее больным жалованье не выплачивали. В связи с тем, что денег не хватало, вполне правдоподобно выглядят свидетельства, что жалованье выдавалось не только деньгами, но и награбленными вещами, в частности одеждой. Своеобразным добавлением к этим сведениям звучат слова Якова Сутормина: «А впротчем, всяк довольствуется сам собой, что где разграбит» ^{574}.

Несмотря на постоянную нехватку денег, самозванец дарил некоторым своим приверженцам довольно значительные суммы. Например, Иван Бичагов, некогда сидевший с Пугачевым в казанском остроге, зимой 1774 года получил от него 12 рублей. Щедро был пожалован «амператором» и Хлопуша. На следствии он вспоминал, что уже в первые дни пребывания в повстанческом лагере Пугачев подарил ему семь рублей, «приказал купить на оные одежду» и велел приходить вновь, когда деньги закончатся. А в марте 1774 года Хлопуша получил от Пугачева аж 80 рублей. Довольно щедро был награжден по прибытии в пугачевский лагерь и Афанасий Перфильев — получил от самозванца «красной суконной кавтан да денег 13 рублей». Можно предположить, что и впоследствии Перфильев не был обделен милостями «царя». Впрочем, не менее важная персона, командир пугачевской гвардии Тимофей Мясников, за всё время пребывания у самозванца получил в придачу к такому же суконному красному кафтану лишь 14 рублей (по крайней мере, он уверял в этом дознавателей) ^{575}. В то же время «Петр Федорович» жаловал и некоторых других людей —

достаточно вспомнить о подарках, сделанных накануне и во время «царской» свадьбы.

Так обстояло дело с жалованьем и подарками в главной пугачевской армии до ее первого разгрома весной 1774 года. Не прекратились подобные пожалования и в более позднее время, например летом того же года, когда деньги часто попадали в руки бунтовщиков. Так, 5 августа рядовые донские казаки, перешедшие в армию «третьего императора», получили по 12, а старшины «по 20 рублей» «медною российскою монетою». Бежавшие к самозванцу 22 августа хорунжие из полка донских казаков Василия Грекова «получили от него, злодея» по 15 рублей. А вот казакам, вступившим в армию самозванца в начале того же месяца в Саратове, дали всего по десять рублей. В это время Пугачев награждал и других новоявленных «подданных», например волжских калмыков, появившихся в его лагере под Царицыном тоже в августе 1774 года: их правителю Цендену-Дарже пожаловал «пятьдесят рублей да двум ево братьям по тридцати рублей да по кафтану красного сукна, а мурзам их ближним — по концу (отрезу? — Е. Т.) китайки», «а всему войску высыпал бочку медных денег». При этом самозванец не забывал награждать и тех, кто был с ним уже давно: одаривал сукнами и деньгами. Правда, остается неизвестным, насколько регулярными были подобные пожалования. Можно лишь предположить, что ввиду довольно большого количества денег и прочего награбленного добра в руках повстанцев «царские» подарки, по крайней мере ближайшим сподвижникам, были солидными^{576}.

При этом Пугачев являл свою щедрость народу осыпанием его монетами. «Когда же самозванец, — вспоминал Тимофей Мясников, — из Берды отлучался на Яик или в другое какое место, то всякой раз пред своим отъездом проходил берденския улицы и собравшемуся своему войску на обе стороны бросая деньга медныя. И когда обратно оттуда приезжал, то также делывал»; и это не единственное свидетельство такого рода. Причем иногда деньги разбрасывал не сам Пугачев, а его сподвижники. 4 августа 1774 года подпоручик саранской инвалидной команды Иванов сообщил казанскому губернатору Брандту, что бунтовщики, разграбив местную «денежную казну», большую ее часть погрузили «подвод на двадцать», а «достальную» насыпали в мешки и «бросали набегшей из разных уездов черни»^{577}. (Интересно, что знаменитый предшественник Пугачева Стенька Разин также в свое время бросал деньги в толпу^{578}.)

Помимо награбленных денег, у повстанцев имелись и собственные медные монеты с портретом самозванца. Впрочем, возможно, что это был

лишь шелег (вероятно, производное от шиллинга) — неходячая, наградная монета. В свое время ее образец находился в материалах пугачевского следственного дела. Ныне от нее остался лишь конверт с надписью: «В сей бумаге вложена злодейская монета». На одном из московских допросов в ноябре 1774 года монету показали самозванцу. Взглянув на нее, тот заявил, «что он никогда никаких манет с своею мерскою харею никому нигде делать не приказывал», при этом не без хвастовства добавил: «...а естли б я хотел, то б велел наделать и серебряных»^{579}.

Жалованье, а порой и дополнительное денежное вознаграждение выплачивалось отдельным бунтовщикам и в тех повстанческих отрядах, которые не входили в состав главной пугачевской армии. В этой связи заслуживает внимания «ордер» от 5 апреля 1774 года, которым атаман Яицкого войска Никита Каргин повелевает атаману Гурьевского городка Евдокиму Струняшеву выдать казаку Ивану Горину сверх «пяти рублей», полагавшихся всем гурьевским повстанцам, еще три рубля за «верные услуги», которые, к сожалению, остались нам неизвестными, но можно предположить, что таковыми сочли доставку рапортов гурьевских повстанцев в Яицкий городок. Каргин надеялся, что, «видя таковое дело», и другие будут «ревность свою показывать», а уж «великий государь» их не забудет^{580}. К сожалению, неведомо, как часто давали деньги гурьевским повстанцам и какое жалованье получали подчиненные Каргина в самом Яицком городке, но наверняка оно было не меньше, чем у гурьевских бунтовщиков. Зато известно, что 6 апреля Каргин разрешил тем же гурьевским казакам набирать на службу «ватажных бурлаков» по рублю на человека. Возможно, и здесь сказалось несколько высокомерное отношение казачества к другим слоям населения. Что же касается сведений о других повстанческих отрядах, то они также обрывочны, но, судя по всему, жалованье в этих отрядах обычно было не выше трех-четырех рублей на человека^{581}.

А что мог купить бунтовщик на деньги, полученные им в пугачевском войске? Есть сведения, что сеитовские татары продавали в Берде ржаную муку по 30 копеек, пшеничную по 50 и пшено по 60 копеек за пуд (16,58 килограмма). Впрочем, по некоторым данным, татарам не разрешалось продавать ржаную муку дороже 25 копеек за пуд. Вообще торговцам не позволяли устанавливать цены на хлеб и прочие продукты выше, чем до восстания. О том, какие цены на съестные припасы были в Оренбурге в 1770 году, мы можем узнать из записок академика Иоганна Петера Фалька: пуд ржаной муки стоил 30–35 копеек, пшеничной — 50–55 копеек,

«грешневой» крупы — 60–70 копеек, говядины — 30 копеек, баранины — летом 10 копеек, зимой 15–20; большая «киргизская» (то есть казахская) овца — от одного рубля до 1,2 рубля, пуд сала — полтора рубля, фунт (409,5 грамма) коровьего масла — 4–6 копеек, курица — 3–5 копеек, заяц — 7–8 копеек, пара тетерок — 4–8 копеек, фунт хмеля — 3 копейки; пуд орехового масла — 12–16 рублей, пуд сахара — 16 рублей, фунт кофе — 50 копеек, «мерка» французского вина — полтора рубля. Есть данные, что в феврале 1774 года пуд ржаной муки в пугачевском лагере стоил 15 копеек, пшеничной — 30–35 копеек, просяной крупы — 35–40 копеек. Кроме того, бунтовщики бесплатно получали из награбленного на 15 дней по два «воза» (видимо, муки и крупы) на 100 человек^{582}.

Но, думается, мы не ошибемся, если предположим, что бунтовщики питались не столько купленными, сколько награбленными продуктами, тем более что в первые месяцы восстания деньги попадали к ним не слишком часто. Когда не хватало съестного, захваченного, например, у помещиков, они забирали продовольствие, а также фураж для лошадей у населения, вполне лояльного «третьему императору». Причем речь идет не только о мародерстве, которое повстанческие власти пытались пресекать, но и о законной, с точки зрения этих властей, реквизиции. Иногда за отнятое добро хозяева получали деньги, но частенько бунтовщики брали его бесплатно^{583}. Считается, что до зимы — весны 1774 года главная пугачевская армия не испытывала трудностей с поставкой продовольствия (правда, по некоторым сведениям, недостаток фуража ощущался в ноябре 1773 года^{584}), да и возникшие в это время проблемы были, кажется, устранены.

Однако, несмотря на сытную жизнь главной пугачевской армии, недостаток некоторых продуктов (или пренебрежение этими продуктами) давал о себе знать. Оренбургская секретная комиссия в рапорте Екатерине II от 21 мая 1774 года сообщала, что почти половина колодников, принятых ею, были больны, а 214 человек уже умерли: «Болезнь у них единственно цинготная, которая по здешнему климату всем свойственна (ниже мы увидим, что цинга была не единственной, а возможно, и не главной причиной смерти колодников. — *Е, Т.*). Усилилась же она в них от того, что через всю зиму жили они, будучи в злодейской толпе, в Берде в землянках в великой тесноте»^{585}. Но хорошо известно, что цингу вызывает у человека вовсе не климат, а отсутствие в организме витамина С, наиболее доступным источником которого является квашеная капуста. Кстати, в Оренбурге она наряду с другими продуктами стоила весьма

дорого: в конце 1773 года ведро можно было купить за пять рублей^{586}.

Несмотря на то, что многие простолюдины по доброй воле вступали в пугачевское войско, повстанческому руководству порой приходилось прибегать к принудительным мобилизациям^[19], причем иногда приказы о ней звучали весьма жестко. Например, 9 июля 1774 года мишарский старшина и полковник Бахтияр Канкаев потребовал от крестьян Шумбутского винокуренного завода прислать «казаков со всем нарядом с пушками и порохом», а в случае непослушания грозил отдать приказ «калмыкам и башкирам вырубить [крестьян] и завод сожечь». Не менее строг был и «главный командир» Пензы Гаврила Герасимов. 3 августа 1774 года он обратился к горожанам: «По имянному его императорского величества высочайшему изуственному повелению приказано города Пензы со всех положенных в подушной оклад обывателей собрать чрез час в армию его величества казаков 500 человек, сколько есть конных, и достальных пеших... А если в скорости собраны не будут, то поступлено будет по всей строгости его императорского величества гнева созжением всего города»^{587}.

По мнению В. В. Мавродина, «в связи с наступлением правительственных войск в определенных местах стала остро ощущаться потребность в людях, и тогда Пугачев «набирал людей силою»^{588}. Проблема состояла не только в том, что в главной пугачевской армии и других повстанческих отрядах не хватало людей, а в том, что большей частью они были плохо вооружены и вообще малопригодны для боев с правительственными войсками. Сам Пугачев, описывая на следствии события августа 1774 года, отмечал, что хотя его армия в то время и насчитывала большое число людей, «надежных», «то есть яицких казаков», в ней было немного. По мнению самозванца, бунтовщикам достаточно было услышать о приближении Голицына или Михельсона, чтобы с испугу разбежаться. Именно недостаток боеспособных людей заставлял пугачевских командиров иногда требовать от мобилизованных, чтобы они являлись в расположение отряда с оружием и на конях. Кроме того, простолюдины, охотно вливавшиеся в пугачевское войско, так же легко его и покидали. Как говорил на следствии Максим Шигаев, люди «выбывали и прибывали». Видимо, подобная «текучка кадров» также заставляла руководителей восставших прибегать к принудительной мобилизации. Некоторые простолюдины пытались откупиться от службы или каким-то иным способом избавиться от нее, а иные и вовсе дезертировали^{589}.

Несмотря на отвагу, бунтовщикам явно не хватало военных навыков,

как не хватало и оружия. Именно поэтому им не удалось взять штурмом Оренбург, Уфу, Екатеринбург, Кунгур, а также Казанский кремль. Повстанцы не могли противостоять регулярной армии в тех случаях, когда эта армия была нормально вооружена и укомплектована и возглавлялась такими высококвалифицированными военачальниками, как Бибиков, Панин, Михельсон.

После рассказа о Пугачеве-военачальнике настало время поговорить о том, как самозванец входил в образ «третьего императора» и насколько убедительно сыграл эту роль.

Игра в царя

Выше уже не раз говорилось, что Пугачев, насколько ему позволяли осведомленность и фантазия, пытался подражать настоящему императору: учредил гвардию, «Военную коллегия», для своей жены Устиньи завел «фрелин» и т. д. Кроме того, чтобы походить на Петра III, самозванец частенько рассказывал о любви к «сыну» Павлу Петровичу и ненависти к «неверной жене» Екатерине Алексеевне. Весьма интересно и то, что, зная о существовании у реального Петра III любовницы (речь идет о Елизавете Романовне Воронцовой), Пугачев и эту информацию использовал в своей игре в царя. На следствии повстанческий полковник Канзафар Усаев вспоминал: при первой встрече с ним «Петр Федорович» рассказывал, что связь с Воронцовой сыграла в его жизни роковую роль — именно из-за нее «большие бояре» «вознегодовали» на императора и свергли его с престола^[590].

Не забывал самозванец и о «немецком происхождении». По свидетельству Творогова, «император», чертя «какие-та крючки», уверял сподвижников, «што ето пишет по-немецки». Другие бунтовщики, да и сам Пугачев, также говорили на следствии о «знании» им многих иностранных языков. Максим Горшков вспоминал, что однажды Пугачев, написав нечто «пером на бумаге», обратился к своим грамотеям:

— Прочтите, что я написал.

Те, естественно, не сумели разобрать пугачевские каракули:

— Мы не знаем, ваше величество, это писано не по-русски.

— Где бы вам знать, — сказал самозванец, улыбнувшись^[591].

Вероятно, чтобы напомнить о немецком происхождении императора, роль которого он играл, самозванец иногда рассказывал повстанцам о

пребывании в «немецких землях». Выше уже приводились сообщенные в Оренбурге беглецами из пугачевского плена и дошедшие до нас в записи известного ученого П. И. Рычкова слова самозванца, что он никогда прежде не видывал «столь крепкого города, каков есть Оренбург», хотя «бывал в Иерусалиме, в Цареграде и в немецких городах». Сведения о «пребывании» «Петра Федоровича» в «немецких землях» встречаются и в других источниках. Согласно следственным показаниям Ивана Зарубина-Чики и Канзафара Усаева, самозванец уверял, что в этих землях он находился какое-то время после переворота 1762 года^{592}.

Однако чаще Пугачев всё же подражал не реальному Петру III, а созданному народной фантазией идеальному образу Петра Федоровича, которого за любовь к простому народу и старой вере свергли с престола «злодеи-дворяне» и заставили скитаться по чужим землям. Об этих скитаниях мы знаем из следственных показаний как самого Пугачева, так и его сподвижников. Помимо «немецких земель», которые должны были подчеркнуть происхождение «Петра Федоровича», и тех мест, где действительно жил или бывал Пугачев (Дон, Терек, Казань, Польша), в числе городов и земель, будто бы посещенных самозванцем, упоминаются двор римского папы, Иерусалим, Египет и Царьград. Понятно, что ни реальный Петр III, ни Пугачев там никогда не бывали. По мнению А. С. Мыльникова, корни такой географии уходят в традиции русского фольклора, а отчасти и к таким жанрам древнерусской литературы, как «хождения», жития святых и повести, в которых многократно упоминаются Царьград (именно Царьград, а не Константинополь или Стамбул), Египет и Иерусалим^{593}.

Но если «посещение» Иерусалима, Египта и Царьграда как-то можно объяснить, то понять, зачем «Петру Федоровичу» понадобилось «посещать» римского папу, куда труднее. Согласно следственным показаниям Тимофея Подурова, «амператор» лишь упомянул среди прочего, что был «у папы римского». А вот Григорий Аверкиев рассказал, что слышал (правда, не от самого Пугачева, а от каких-то бунтовщиков), «будто оный самозванец был в Цареграде и после в Риме у папы для испрашивания помощи, дабы он был по-прежнему в России государем, на что папа ему говорил: «Когда-де ты сделаешь такой колокол, чтоб во всем свете слышан был (то есть распустить бы по всему свету слух, что он жив), то тогда-де ты государем и будешь». Легенда о «Петре Федоровиче», римском папе и колоколе бытовала не только в пугачевском стане, но и за его пределами, в Сибири^{594}.

Почему православного «государя» должен был благословлять папа римский? На ум приходит единственное предположение: таким причудливым образом в народном сознании преломились обвинения реального Петра III в действиях, направленных против Русской православной церкви. Свергнутому императору вменялось в вину ни больше ни меньше как «принятие иноверного закона». Пугачев знал о подобных обвинениях; по крайней мере, согласно показаниям Т. Подурова, он говорил: «...и выдумали вот что на меня: будто бы я хотел церкви переобратить в кирки... а под тем-то де видом, что будто бы я — беззаконник, свергли меня с престола...»^{595}

Играя роль «третьего амператора», Пугачев никогда не использовал такие атрибуты царской власти, как корона, скипетр и держава, да и вообще «никаких... знаков на себе не носил», подчеркивая свое «государево» достоинство другими способами. Причем некоторые из этих способов могут представляться весьма необычными. Например, рассказывали, что Пугачев прохаживался по улицам Берды с двумя татарками, «кои водили иногда его под руки». На этом фоне уже не кажется странным то, что одежда и манеры самозванца выделяли его из остальных бунтовщиков. На следствии Максим Шига-ев утверждал, что Пугачев «отличался от прочих богатым казачьим донским манером, платьем и убором лошадиным, тож отменными ото всех поступками, как то: лехкостью походки, бодростью, отменным станом и прищуриванием одним глазом». Кроме того, имелась у Пугачева красная лента, которую он надевал «под себя на кафтан» (такие ленты Шигаев, будучи в Петербурге, видел на генералах)^{596}.

Понятно, что особенности фигуры и даже походки мало зависят от самого человека, чего не скажешь о манере говорить. Из отдельных показаний видно, что Емельян Иванович пытался следить за своей речью — видимо, чтобы больше походить на царя. Но, несмотря на все старания, люди посообразительнее узнавали в «амператоре» казака малороссийского разлива. Бежавший из пугачевского плена хорунжий Родион Чеботарев вспоминал, что «речь его сбивается в черкасскую, однако ж приметно, что берет осторожность». По словам Максима Шигаева, «самозванец имел наречие чистое, а иногда, прошибаясь, употреблял речи, наподобие донских казаков, как то, например: «погоди, трохи» и тому подобное». Наконец, автор некоторых пугачевских манифестов Иван Трофимов, он же Алексей Дубровский, на следствии заявил, что сразу понял, что перед ним не царь, а донской казак, «понеже разговор его явно доказывает»: «Употребляет он вопросительное слово: «откель ты?» второе

похвалительное «ладно», и весь разговор его мерзительный, подлый, а благородного и ученого слова ни одного не слышал...»^{597}

Чеботарев, Дубровский и, по всей видимости, Шигаев прекрасно понимали, что имеют дело с самозванцем. Что же касается веривших в «Петра Федоровича», то на их веру пугачевский «мерзительный разговор» никак не повлиял. Зато ее поколебали неграмотность «государя» и его женитьба на простой казачке. Кроме того, он подавал и другие поводы усомниться в его «высоком» происхождении. Тимофей Подуров, например, разочаровался в Пугачеве, услышав его вранье: «Самозванец по приезде с Яику рассказывал многим, будто бы пришло к нему на Яик шесть сот человек донских казаков да киргизцов две тысячи. Но сие после оказалось ложно, а потому и счол я его тогда совершенным обманщиком и помышлял было от него отстать»^{598}.

Некоторых повстанцев смущали внешний вид и одежда «государя». Так, яицкий казак Кузьма Кочуров был уверен, что перед ним настоящий Петр Федорович, «но то только некоторое сумнение ему наводило, что он ходил в бороде и в казачьем платье, ибо он слышал, что государи бороду бреют и носят платье немецкое»^{599}.

Нельзя здесь не упомянуть об одном пугачевском промахе, который будто бы привел к разочарованию в «царе» большого числа его сторонников. По словам Михаила Шванвича, однажды во время осады Оренбурга в церкви Святого Георгия Победоносца Пугачев сел на церковный престол и, по обыкновению плача, говорил: «Вот, детушки! Уже я не сиживал на престоле 12 лет», «...многие толпы его поверили, — продолжал Шванвич, — а другие оскорбились и рассуждали так: есть ли бы и подлинно он был царь, то не пригоже сидеть ему в церкви на престоле»^{600}. Однако есть сомнения в том, что Пугачев совершил такой кощунственный поступок. Никто, кроме Шванвича, о нем не упоминал, в том числе Иван Почиталин, которого об этом специально спрашивали следователи^{601}. Да и сам Шванвич не был очевидцем происшествия, а рассказывал о нем с чужих слов.

В любом случае степень неверия в подлинность «Петра Федоровича» или разочарования в нем не следует преувеличивать. Заговорщики, арестовавшие Пугачева, по всей видимости, не исключали того, что передают властям настоящего государя. Даже на следствии некоторые из вчерашних «подданных» не были полностью уверены, что принимали за императора обманщика. К примеру, яицкие казаки братья Щучкины заявили, что «прежде сего они считали самозванца за настоящего государя,

потому что он так назывался и все его за такого признавали, в мыслях таковых: как бы можно простому человеку таким высоким именем называтца», однако и теперь пребывают в сомнениях, «какой он подлинно человек». Дескать, они «его природы прежде не знавали», а потому и не могут сказать, на самом ли деле это Пугачев. Их сомнений не рассеяли даже екатерининские манифесты^{602}.

Сомнения в самозванстве своего предводителя на допросе высказал и командир пугачевской гвардии Тимофей Мясников. На вопрос следователей, «каким он теперь Пугачева почитает: государем или самозванцем», Мясников ответил: «Бог ста ево знает, я и сам не знаю, за какого его почесть. Вить вот вы де называете ево Пугачевым, а он так называет себя государем, и мы за такого ево и почитали»^{603}.

Некоторые люди даже были готовы пострадать за свою веру в царское происхождение Пугачева. Так, крепостной крестьянин, житель Нижегородской губернии Василий Чернов, по словам следователей, «при всем допросе под жестоким мучением во всё продолжительное время упорствовал назвать Пугачева злодеем, почитая его именем государя Петра Третьяго, однако ж наконец не от угрызения совести, но от нестерпения мучения назвал его злодеем»^{604}.

Несомненно, подобную веру следует объяснять особенностями социальной психологии и менталитета простонародья той эпохи. При этом не следует сбрасывать со счетов артистические способности Емельяна Ивановича, с помощью которых он убеждал очевидцев, что перед ними настоящий царь. Особенно помогала самозванцу способность пускать слезу, когда заблагорассудится. Например, по свидетельству Тимофея Мясникова, Пугачев выражал сожаление об участи осажденных жителей Оренбурга. «А говоря самозванец сии слова, иногда плакивал и тем самым уверял о себе в толпе народ, что он — истинной государь». Он со слезами рассказывал о своих скитаниях или говорил о «сыне» Павле Петровиче, причем, по его собственным признаниям, делал это намеренно, чтобы «удостоверить простой народ» в своей «пользе»^{605}.

Ведя разговор о пугачевской «игре в царя», нельзя не упомянуть о том, каков был «государев» стол. Правда, сведений на этот счет не так много.

Секретарь пугачевской «Военной коллегии» Максим Горшков на следствии рассказывал, что «для стола его кушанье было готовлено изобильно, потому что отовсюду привозили к нему разных съесных припасов довольно». 27 декабря 1774 года пугачевский полковник Илья Арапов к рапорту самозванцу приложил «Реэстр, коликое число послано

кусу к его императорского величества, а имянно: сахару три головы, винограду боченков два, рыбы свежей осетр один, севрюга одна, белая рыба одна, севрюга провесных две, ягод изюмных небольшое число, завернутое в бумашке; сорочинского пшена (то есть риса. — Е. Т.) небольшое число, вотки сладкой, сургуча в завернутой бумаги одна стучка, бумаги пищей одна стопа, ососков (то есть молочных поросят. — Е. Т.) три гнезда, гусей четыре гнезда, уток четыре гнезда, масла коровьего одна катка, орехов один пуд, меду одна катка, рюмак хрустальных одна пара, стопа хрустальная ж одна с крышкой, маку фунтов з десеть»^{606}.

Впрочем, иногда «государь» предпочитал еду вегетарианскую, но острую. Так, во время обеда, данного в честь «Петра Федоровича» в Пензе 2 августа 1774 года, «пища его состояла более в том, что велел принести толченого чесноку глубокую тарелку и, налив в оный уксусу и посоля, ел, а после оного и другую такую же тарелку чесноку сожрал же»^{607}.

Как Пугачев хотел обустроить Россию

Если бы случилось чудо и самозванец победил, какие порядки могли бы установиться в Российском государстве?

Советскими историками неоднократно высказывалось мнение, что среди повстанцев господствовали идеи равенства, а потому восстание было направлено не только против дворян, но и против «сельских богатеев» и прочих «эксплуататоров» из числа простонародья. Таким образом, если бы Пугачев победил, то империя превратилась бы в государство, где отсутствуют сословия, где все подданные — «дети третьего императора», «как россияне, так и иноверные... вровне». Однако иногда даже в тех же работах подобная точка зрения подвергалась вполне обоснованному сомнению. Например, приводились факты не только расправ над «деревенскими богатеями», но и участия в пугачевщине зажиточных крестьян, причем иногда они являлись зачинщиками выступлений на отдельных территориях. Присутствовала также точка зрения, что Пугачев вовсе не собирался ликвидировать сословный характер государства, а намеревался сделать первым сословием яицких казаков^{608}.

Мысль о первенстве казачества в пугачевском движении, а значит, и в царстве «Петра III», была высказана также современным историком Л. В. Волковым. По его мнению, «пугачевцы сохраняли все существовавшие в России сословия за исключением дворянского» и вообще выступали не

против существующих порядков, но за их усовершенствование, «за «хороший» феодализм без крепостного права и чрезмерной эксплуатации»^{609}. (Впрочем, мысль, что крестьяне не выступали против феодализма как такового, высказывалась еще в советское время^{610}.) Возможно, речь идет о таком миропорядке, какой виделся бывшему пугачевцу, некоему Марушке: «Выиграй мы — имели бы своего царя, произошли бы всякие ранги, заняли всякие должности. Господа теперь были бы в таком угнетении, в каком и нас держали... мы были бы господами»^{611}.

Мы уже не раз говорили, что ни о каком равенстве в пугачевском войске говорить не приходится, что яицкие казаки занимали наиболее привилегированное положение среди повстанцев. «Петр Федорович» обещал сохранить их первенствующее положение и тогда, «когда он всю Россию завоюет». Правда, это обещание трудно увязать с тем, что все «подданные» «Петра Федоровича» вне зависимости от их социального происхождения должны были стать такими же казаками.

Повстанческие власти не собирались и упразднить социальное неравенство среди простонародья. Ни в пугачевских манифестах, ни в других документах восставших мы не найдем призывов к грабежу и истреблению зажиточных крестьян, богатых купцов и т. п. Другое дело, что бунтовщики и без всяких призывов могли поживиться за счет зажиточных простолюдинов, в том числе тех из них, которые также служили «третьему императору». Так, богатый повстанец Алексей Еремкин пожаловался пугачевскому атаману Василию Торнову и «графу Чернышеву», то есть Зарубину-Чике, на то, что «домишка де наш и скот разграблен, да и работники де, которые были, все разбежались». В этих преступлениях Еремкин винил братьев-бунтовщиков. 17 января 1774 года он писал Торнову: «А более де ко грабительству устремляются наши казаки. Пожалуй, батюшка, их от того удержите, ибо они, и сами видите, какова сложения: что многие из них самые воры и машенники, коим и верить неможно», — и просил «работникам нашим, вотякам, подтвердить, чтоб они шалостей не чинили и были послушны». Удалось ли привести к послушанию еремкинских работников и вернуть украденное, неведомо; известно только, что самозванный «граф Чернышев» распорядился, «чтоб те грабители, какия б они ни были, пограбленное всё возвратили без остатку»^{612}.

Против чего бунтовали Еремкин и прочие богатые простолюдины? Для подробного ответа на этот вопрос потребуется специальное исследование.

Ограничимся лишь некоторыми своими предположениями и замечаниями, имеющимися на этот счет в научной литературе. В советской историографии высказывалось мнение, что «жестокая эксплуатация помещиками и заводчиками сковывала действия» зажиточных крестьян, поэтому они «со всей массой крестьянства выступали против помещиков, заводчиков и чиновничества». По мнению А. И. Андрущенко (впрочем, не подкрепленному фактами), подобные люди, «защищая свое благополучие... в зависимости от обстоятельств выступали или на стороне восставших, или на стороне царизма, в карательных отрядах»^{613}. Вполне объяснимо и участие в пугачевщине зажиточных яицких казаков — они защищали попранные права и обычаи. Наконец, не следует сбрасывать со счетов уверенность богатых простолюдинов в том, что восстание возглавил не самозванец, а настоящий император. Так, пугачевский соратник Иван Творогов был очень зажиточным казаком, и его пример далеко не единственный.

Итак, самозванный царь и повстанческое руководство не собирались уничтожать всех зажиточных простолюдинов, а их имущество делить между бунтовщиками. Другие же планы социальных преобразований восставших, запечатленные в некоторых пугачевских манифестах, выглядят куда более утопичными. В этих документах «амператор» жаловал «подданных» «вольностию, без всякаго требования в казну подушных и протчих податей и рекрутскова набору». Население заверяли, что собирать с него подати совершенно незачем, ибо «казна сама собою доводьствоватца может»; что касается рекрутского набора, то «войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет»^{614}. Но яицкие и донские казаки подушной подати никогда не платили, и в солдаты их забирали только за провинности. Таким образом, эти обещания были адресованы податным слоям населения, преимущественно крестьянству.

Разумеется, подобные реформы были неприемлемы для противников восстания. Начальник секретных комиссий П. С. Потемкин, обращаясь к народу, писал: «...он (Пугачев. — Е. Т.) обещает свободу от рекрут и податей. Трудно ли обещать, когда оно не принадлежит ему? Но и свобода сия не может существовать в самом деле. Кто будет ограждать пределы нашего государства, когда не будет воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чем будут содержать солдат, когда не будет подушного збору? Где бы турки уже были теперь, когда бы в России не было воинов?» (Почти через полвека Пушкин напишет: «Рекрутство наше тяжело; лицемерить

нечего... Но может ли государство обойтись без постоянного войска?»^{615}) Не мог Потемкин оставить в стороне и повстанческие призывы к уничтожению дворян и чиновников: «Пугачев велит истреблять помещиков, и народ ему повинуется. Сам Бог сказал: «Несть власти, еже не от Бога». То как может сей злодей испровергнуть Божию власть? Представьте себе, кто будет управлять градами и селами, ежели не будет начальников? Кто будет производить суд, удерживать дерзость и неправду, защищать притесненного, ежели не будет законных властей? Кто будет предводительствовать воинством, ежели не будет степени чинов? Вот ясное изобличение злонамеренного оболъщения Емельки Пугачева»^{616}.

До конца непонятно, насколько сами пугачевцы верили в то, что государство сможет прожить без податей и рекрутских наборов. По мнению изучавшего социальные представления восставших Л. В. Волкова, они «не хотели отменить подушную подать навсегда», «на первых двух этапах (до разгрома повстанцев под Казанью в июле 1774 года. — *Е. Т.*) речь шла чаще всего о семи льготных годах, а на последнем — обычно о 10». Это утверждение историк основывает на заявлениях самого Пугачева и других бунтовщиков, о которых известно, в частности, из следственных показаний. Причем делались эти заявления не в узком кругу повстанческого руководства, состоявшего главным образом из яицких казаков, а публично, в присутствии крестьян, к коим преимущественно и были обращены пугачевские манифесты с обещанием отменить подушную подать навсегда. В таком случае почему эти документы не отразили временный характер льготы? Волков считает: «Видимо, дело тут прежде всего в их (манифестов. — *Е. Т.*) определенной «недоговоренности»... Возможно, впрочем, отдельные повстанцы разделяли утопическое представление о том, что можно вообще обойтись без налогов». Речь идет в первую очередь об Алексее Дубровском, авторе июньских и июльских манифестов, где как раз содержались обещания отменить подушную подать^{617}.

Такие взаимоисключающие объяснения не устраняют противоречий, а значит, для решения этой проблемы потребуются дополнительные изыскания. Однако с чем трудно спорить, так это с утверждением Волкова, что пугачевцы вопреки собственным заявлениям прибегали к принудительной мобилизации в армию самозванного царя. Правда, по мнению историка, подобные мобилизации «не следует рассматривать как рекрутские наборы»: «Пугачев заявлял, что крестьяне будут служить «поочередно в казаках», и такая очередность, видимо, действительно соблюдалась»^{618}. Однако некоторые примеры, приведенные еще

советскими историками, отчетливо свидетельствуют, что к рекрутским наборам пугачевцы всё же прибегали. Так, при сборе «походного войска» для захвата Кунгура была определена норма набора: по сотне «с жительствова» или по одному человеку с четырех дворов^{619}.

Особого внимания заслуживают замечания Л. В. Волкова по поводу продажи вина и соли во время восстания, а также отношения пугачевцев к соляной и винной монополиям: «Яицкие казаки, башкиры, мишари и калмыки, видимо, были освобождены от налога на соль... Податному же населению в тех населенных пунктах, где устанавливалась власть пугачевцев, соль сначала обычно раздавалась, а затем продавалась (на первом этапе восстания (до конца марта 1774 года. — *Е. Т.*) по цене 20, а чаще 40 (цена, существовавшая в Российской империи. — *Е. Т.*), а на третьем — 12–20 коп. за пуд». Что касается соляной монополии, то, по мнению историка, непонятно, собирались ли предводители восставших отменить ее; питейную же монополию не отменяли «и не имели такого намерения». На первом этапе восстания спиртное продавалось, правда, неизвестно, по какой цене; на завершающем же этапе, очевидно, почти не продавалось: «Даже и там, где была продажа соли или давались указания о ней, его пили бесплатно. Некоторые питейные дома были разгромлены». Однако под конец восстания Пугачев, по мнению Волкова, всё же собирался организовать продажу алкоголя, правда, по более низкой цене. «Таким образом, — заключает историк, — повстанцы сохраняли, хотя бы частично, косвенные налоги»^{620}.

Зато крепостное право, как нам представляется, упразднилось полностью. Судя по показаниям Пугачева, еще в начале бунта он в церкви Илецкого городка обещал отобрать «у бояр села и деревни», а позднее отмена крепостного права уже была оформлена письменно. Так, в указе от 28 июля 1774 года говорилось: «Жалуем сим имянным указом с монаршеским и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков, быть верноподданными собственной нашей короны рабами, и награждаем вольностию и свободою и вечно казаками...» «Раззорителей крестьян», то есть дворян, «Петр Федорович» призывал «ловить, казнить и вешать»^{621}.

Однако, несмотря на все антидворянские декларации и поступки, отношение Пугачева и других повстанцев к представителям благородного сословия было несколько сложнее, чем представляется на первый взгляд. Из показаний самого Пугачева, а также его сподвижников известно, что «амператор» грозился расправиться главным образом лишь с теми

«боярами», которые свергли его с престола; что же до остальных, то им «Петр Федорович» собирался платить деньги вместо отнятых у них имений: «...от дворян де деревни лудче отнять, а определить им хотя большее жалованье». Но если верить показаниям Ивана Почиталина, такое отношение к дворянам сложилось не сразу. «Сначала, — вспоминал «царский» любимец, — от Пугачева приказание было, чтоб, никого дворян и офицеров не щадя, вешать, а потом проговаривал о тех, кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки...» Однако Л. В. Волков справедливо заметил, что «показание это не является точным, так как еще в сентябре 1773 г. среди восставших был дворянин Д. Н. Кальминский». Таким образом, скорее всего, еще накануне восстания «амператор» высказывал снисходительное отношение к дворянству. Правда, есть сведения и о том, что Пугачев угрожал «истреблением всех дворян»^{622}.

Дворян в повстанческой войске можно было встретить на протяжении всего восстания, в том числе и на последнем этапе, когда представителям привилегированных слоев в местах, находившихся под контролем бунтовщиков, приходилось особенно несладко. Некоторые дворяне становились даже командирами повстанческих отрядов или воеводами в городах, захваченных Пугачевым, а пленный подпоручик Михаил Шванвич, как мы помним, мало того что стал атаманом, был еще секретарем и переводчиком в повстанческой «Военной коллегии». Как правило, «Петр Федорович» оставлял в своей войске тех помещиков и офицеров, которые не просто соглашались служить «третьему императору», а были «одобрены» их крестьянами и солдатами. Такой «взвешенный сословный подход», по мнению исследователя В. Я. Мауля, был обусловлен еще и тем, что поголовное истребление дворян было бы нежелательным с точки зрения государственных интересов. Действительно, у Пугачева была возможность убедиться в том, что дворяне, умеющие писать не только по-русски, но и на иностранных языках, могут быть весьма полезны. А как без них обойтись, когда завоюешь всё царство? И как обойтись без генералов? Ведь «Петр Федорович», «учредив всё порядочно» внутри страны, собирался идти «воевать в иные государства»^{623}.

При этом, правда, нужно иметь в виду, что реальный Емельян Пугачев, в отличие от мифического «Петра Федоровича», в успех восстания, по всей видимости, не верил, а потому едва ли всерьез задумывался о будущем Российской империи. Генералов в его войске не было, да и более или

менее образованных дворян, кажется, было раз-два и обчелся. Это и неудивительно, ведь в повстанческих отрядах, как правило, находились мелкопоместные обедневшие дворяне. Возможно, именно бедность и необразованность сближали их с повстанцами. Например, князь О. Ф. Енгальчев, несмотря на звучный титул, вовсе не имел крепостных, а потому самолично занимался хлебопашеством. Поэтому совершенно неудивительно, что он активно участвовал в восстании и командовал небольшим отрядом бунтовщиков. Не случайно попал к Пугачеву, а впоследствии стал его полковником дворянин И. С. Аристов, имевший деревню и шесть крестьянских душ в Костромской провинции: он за незаконное винокурение был определен в солдаты, бежал с военной службы и вроде бы даже успел поработать на заводе в Екатеринбурге. В любом случае Аристов был не слишком далек от народа, раз, приходя в деревни, вешал тех «начальников», на которых ему жаловались крестьяне^{624}.

Если с дворянами в своем «царстве» «Петр Федорович» и его сторонники в той или иной мере готовы были мириться, то участь Екатерины II в случае победы восстания представляется незавидной. Историки собрали немало материала, свидетельствующего: простые люди были весьма недовольны женщиной на троне, полагая, что «глупая баба» неспособна выполнять важные государственные обязанности. Недовольство Екатериной усугублялось еще и тем, что она свергла столь почитаемого в народе «Петра III». Не только за «собственные» обиды, но и за нанесенные народу собирался отомстить «злодейке-жене» «чудесно спасшийся» «амператор». Он намеревался отправить государыню в монастырь, а то и вовсе, со слов его второй жены Устиньи Кузнецовой, самолично отрубить ей голову. Позволяли себе выпады в адрес императрицы и пугачевские командиры, и рядовые бунтовщики.

Однако и здесь не всё однозначно. Отнюдь не все представители социальных низов были враждебно настроены к императрицам. Например, участники бунта на Яике 1772 года, несомненно, надеялись на Екатерину II. Некоторые яицкие казаки продолжали относиться к государыне положительно накануне и, возможно, даже во время пугачевщины. Интересно, что наказание, предусмотренное самозванцем для царицы, было более мягким, нежели то, что грозило «боярам», свергнувшим Петра III с престола. Да и едва ли Екатерина была главным врагом для самих повстанцев и потенциальных сторонников «третьего императора». Об этом, помимо прочего, свидетельствует тот факт, что в пугачевских указах и манифестах, как правило, учитывавших чаяния различных социальных и

национальных групп, к которым они были обращены, вовсе отсутствуют выпады в адрес императрицы^{625}.

Из всего вышесказанного вполне ясно, что, если бы восстание победило, жителей России ожидали бы большие перемены. Современный историк В. Я. Мауль полагает, что восстание было направлено против модернизации, активно проводившейся в стране в XVIII веке; следовательно, после его победы историческое развитие России пошло бы вспять. По мнению исследователя, «порядки, создаваемые в процессе модернизации, воспринимались социальными низами как утверждение «перевернутого» мира, торжество «кромешных» (то есть адских, бесовских. — *Е. Т.*) сил», поэтому «пугачевцы пытались всем своим действиям придать противоположную смысловую нагрузку, стремились к возрождению подлинно «святой Руси». Если «самозванка» Екатерина указом от 22 августа 1767 года запретила крестьянам подавать челобитные на своих господ, то «законный царь Петр Федорович» не только принимал жалобы крестьян и казаков на их притеснителей, но и казнил последних, и вообще упразднил крепостное право. Историк приводит и другие примеры, свидетельствующие, по его мнению, о борьбе «двух противоположностей»: если у царицы человека считали преступником, то у Пугачева — праведником и мучеником; там дворяне могли не служить — здесь служба для них была обязательна, а их место во властной иерархии должны были занять казаки; там «просвещенный абсолютизм» — здесь «абсолютизм непросвещенный», причем доведенный до крайней формы выражения; там непомерные подати — здесь их нет вовсе^{626}.

Однако отношение и к Екатерине, и к податям не было столь однозначным, как и к некоторым элементам культуры, сложившимся в результате модернизации и европеизации страны. С одной стороны, ученые люди могли вызывать у малограмотных, а чаще и вовсе не грамотных казаков и мужиков неприязнь и подозрение. Иван Почиталин говорил о своем предводителе: «Пугачев жестоко просвященных отличным разумом людей подозревал». С другой стороны, бунтовщики понимали, что такие люди им необходимы. Вспомним Шванвича, чье знание иностранных языков пригодилось «государю», а также понытчикам пугачевской «Военной коллегии», которые попросили пленного офицера «написать им французскую азбуку». Судья той же коллегии Иван Творогов спросил у Василия Горского, не знает ли он немецкого языка или каких-нибудь других наук^{627}.

Можно вспомнить также, что сам Пугачев, играющий роль

императора-немца, заявлял, будто знает не только немецкий, но и другие иностранные языки, иногда упоминал, что во время «странствий» после свержения с престола побывал в «немецких землях» и одобрял женитьбу «сына», Павла Петровича, на немецкой принцессе. Подобная ситуация, когда в роли народного заступника выступает немец, была бы совершенно невозможна в начале XVIII века, когда не только выходцы из Германии, но и вообще европейцы вызывали крайнюю ненависть у простолюдинов, а русский по крови царь Петр I был назван «немчином» за то, что общался с иностранцами, вводил в стране чужеземные обычаи^{628}. Из всего вышесказанного, видимо, можно сделать вывод, что во время пугачевщины ненависть к немцам и всему иноземному несколько поубавилась. Помимо прочего, об этом может свидетельствовать и тот факт, что в войско «третьего императора» вступали немецкие колонисты.

Подытоживая разговор о возможных преобразованиях в «царстве» «Петра 111», можно сказать: они были бы, безусловно, значительными, но в то же время их радикализм не следует преувеличивать.

Впрочем, вскоре Пугачеву стало не до реформ.

На Казань!

В апреле 1774 года противники самозванца торжествовали, казалось, окончательную победу.

Среди радостных новостей, приходивших в то время с театра военных действий, было и печальное известие — 9 апреля в Бугульме от лихорадки умер главнокомандующий А. И. Бибиков. Разумеется, смерть такого деятельного военачальника была большой потерей для Екатерины II и ее сановников. Впрочем, победа, одержанная над бунтовщиками под руководством Бибикова, казалась правительству настолько полной, что оно не считало нужным давать новому главнокомандующему князю Щербатову такие же чрезвычайные полномочия, какими обладал Бибиков, а потому вернуло гражданские и административные функции губернаторам, оставив Щербатову лишь руководство войсками^{629}.

Князь Федор Федорович Щербатов родился в 1729 году, в военную службу был записан в 1744-м в чине поручика. Участвовал в Семилетней и Турецкой войнах. Кстати, во время Турецкой кампании Щербатов отличился при Бендерах — той самой крепости, в штурме которой принимал участие и Пугачев. В 1771 году при вступлении русских войск в

Крым Щербатов командовал отдельным корпусом, взял штурмом крепость Арабат, занял Керчь и Еникале, а затем был во главе корпуса оставлен для охраны Крыма. 30 июля 1771 года он был произведен в генерал-поручики, а в конце 1773-го прикомандирован в помощь Бибикову. И вот теперь Щербатову вроде бы только и оставалось добить разрозненные отряды бунтовщиков и поймать самого Пугачева. Казалось, сделать это опытному военачальнику будет нетрудно^{630}.

После поражения под Сакмарским городком Пугачев во главе отряда примерно в полтысячи человек — казаков, башкир, заводских крестьян и пр. — бросился наутек. Первой остановкой на пути отступавших было село Ташла в 90 верстах к востоку от Сакмарского городка: там беглецы «только што накормили лошадей, то поскакали опять». Через некоторое время они прибыли в башкирскую деревню Красная Мечеть, где и заночевали. Только здесь, по словам самозванца, «опомнился он, что кто с ним остался и кто от него отстали». Далее Пугачев проследовал по территории Южного Урала на Вознесенский завод, а оттуда на Авзяно-Петровские заводы. Наконец, в середине апреля повстанческий отряд прибыл на Белорецкий завод, где находился без малого три недели. Отсюда пугачевское войско двинулось на Магнитную крепость, располагавшуюся в 70 верстах. По разным данным, к этому времени оно уже составляло от двух до шести тысяч человек, главным образом башкир и заводских крестьян, набранных по пути следования самозванного царя^{631}.

Покидая Белорецкий завод, Пугачев приказал сжечь Авзяно-Петровские, а потом и Белорецкий заводы. Жгли не только «заводские», но и «крестьянские строения». «Семейства крестьянские, престарелых, малолетних и женск пол» с Белорецкого завода самозванный царь повелел «гнать за своей толпой». Впоследствии были выжжены и многие другие заводы. Особенное усердие в этом деле проявляли башкиры, в частности Салават Юлаев со своим отцом. Конечно, заводы уничтожались и раньше, но никогда прежде это не происходило по приказанию самого «амператора», ибо во время осады Оренбурга заводы служили для нужд его армии. Теперь же, отступая, самозванец в них не нуждался — напротив, они представляли для него опасность, ибо могли стать опорными пунктами для правительственных войск, а оставшиеся на них приписные крестьяне — проводниками для преследователей, плохо ориентировавшихся в малознакомой местности^{632}.

Советские историки В. М. Панях и Н. И. Сергеева писали: «Эти действия повстанцев были направлены именно против заводов, а не их

населения, которое не истреблялось, а в большинстве случаев выводилось в ближайшие крепости и селения. Кроме того, на первых порах заводы чаще всего сжигались при содействии или, во всяком случае, согласии их жителей даже тогда, когда исполнителями указов Пугачева являлись башкиры». Правда, из дальнейших замечаний следует, что действия пугачевцев, в частности башкир, вызывали недовольство заводского населения: «...сожжение заводов на Южном Урале встретило сопротивление не только со стороны их администрации, но и крепостных крестьян и заводских работников, для которых работа на заводе являлась единственным средством существования». Иногда желание примирить факты с идеологическими установками приводит к неожиданным выводам: вышеназванные историки пишут, что после сожжения башкирами Вознесенского завода «заводским людям была предоставлена свобода передвижения. Часть их была увезена в башкирские селения, часть ушла в Уфу, а часть осталась в башкирском отряде»^{633}. При этом непонятно, о какой свободе передвижения людей, увезенных в башкирские селения, может идти речь.

Сохранилось немало свидетельств, из которых становится понятно, почему заводские крестьяне порой оказывали сопротивление восставшим. Башкиры не ограничивались грабежом и роспуском крестьян. Мужчин они зачастую убивали, а женщин насиловали. Весьма нелегко приходилось и тем, кого угоняли в «башкирские кочевья». Там они выполняли «тягчайшие, несносные человечеству работы» и подвергались различным «мучениям». Отнюдь не все пленные крестьяне вынесли-подобные мучения. Те же, кто впоследствии был освобожден из плена правительственными военными командами, представляли собой печальное зрелище: люди, «от голоду весьма истощенные», ничего не имели «к покрытию наготы тела». Нелишне будет добавить, что в плен к башкирам попадали не десятки и даже не сотни, а тысячи крестьян^{634}.

Как уже говорилось, среди отличившихся в борьбе с заводами и заводским населением были Салават Юлаев и его отец Юлай Азналин. Бежавший с Симского завода крестьянин Роман Плотников сообщил в Уфе, что Салават и Юлай пришли на завод 23 мая 1774 года «в полдни» с отрядом «около тысячи человек». Башкиры разграбили завод, «фабрику с плотиною, церковь Божию и всё заводское селение сожгли», а местного священника, «плотинного Анисима Григорьева» и еще примерно 60 работных людей «перекололи до смерти». Плотников спасся «между мертвыми телами», а затем вместе с несколькими ранеными крестьянами

«ночным временем» выбрался и отправился в Уфу. При этом Роман «за побегом» оставался в неведении, убиты женщины «того завода и малые ребята» или же «с собою увезены»^{635}.

В целом сведения Плотникова подтверждаются другими источниками, в частности показаниями самого Салавата Юлаева. Правда, данные об убитых крестьянах не всегда совпадают — иногда цифры значительно больше, а иногда существенно меньше^{636}. Имеются также сведения о том, как Юлай, уже без сына, действовал против некоторых заводов. Согласно донесению катавской заводской конторы в Уфу от 10 июля 1774 года, 19 июня он со своим отрядом пытался захватить Катавский завод, но, «не осия взятием того завода», отправился на соседние Усть-Катавский и Юрюзанский. В деревнях, принадлежащих этим предприятиям, башкиры, «собрав мужеской и женской пол в ызбы, сожгли огнем, а других покололи всех до одного человека»^{637}.

На следствии Салават и его отец пытались преуменьшить свою вину за сожжение заводов и убийство людей. Салават не отрицал того, что присутствовал при сожжении Симского завода и убийстве тамошних «противящихся крестьян», но уверял, что никакого отношения к этим убийствам не имел. Юлай и вовсе заявил, что ни о каких убийствах не знает. Заводы же они жгли якобы не по своей воле, а по приказу Пугачева, грозившего «искоренением», который самозванец отдал, находясь на Белорецком заводе. Возможно, в данном случае они говорили правду. Во всяком случае, нет ничего удивительного в посылке такого приказа башкирам, ведь именно в это время сам предводитель бунтовщиков решил сжечь Белорецкий и Авзяно-Петровские заводы^{638}. Косвенным доказательством наличия злой воли именно самозванца может служить тот факт, что Симский завод, где Салават с отрядом располагался в конце апреля — начале мая, не был уничтожен. (Правда, согласно рапорту И. И. Михельсона Ф. Ф. Щербатову от 8 мая 1774 года, Салават, «пришед на Симской завод, сжег шесть дворов». Но нужно учитывать, что завод был выстроен на землях Юлая, а потому, по мнению чиновников Тайной экспедиции Сената, при его разорении башкиры руководствовались «не столько неволею, как из отмщения»^{639}.)

Однако не стоит представлять Салавата Юлаева и его соплеменников исключительно в роли злодеев. Выше уже говорилось, что и до Пугачевского восстания, и во время оногo российские власти порой проявляли по отношению к ним крайнюю жестокость. Комендант Верхояицкой дистанции полковник Е. А. Ступишин писал в послании от 4

апреля 1774 года: «Башкирцы! Я знаю всё, что вы замышляете; только знайте же и то: ежели до меня дойдет хоть какой слух, что вы, воры и шельмы, ждете к себе тех воров (Пугачева и его сообщников. — *Е. Т.*) и им корм и скот и себе стрелы и оружие припасаете... тогда вы не ждите пощады: буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома ваши, хлеб и сено подожгу и скот истреблю. Слышите ли? Если слышите, то бойтесь: я не люблю ни лгать, ни шутить. Вы меня знаете, и я вас очень хорошо знаю». Впрочем, по мнению Ступишина, башкиры, «народ еще дикий и неразумный», всё же заслуживали снисхождения, а потому им было обещано, что каждый раскаявшийся «весьма помилован будет». Видимо, чтобы агитация была более действенной, Ступишин отправил свое послание с «башкирцем», у которого по приказу коменданта были отрезаны нос и уши за найденные при нем «воровские татарские письма». И это был не самый жестокий поступок Ступишина. Из источников вполне ясно, что именно по его приказу зимой 1774 года была сожжена башкирская деревня Москва, где погибло «немало» женщин и детей. Верхояицкий комендант жег башкирские деревни и позже; по его приказанию по крайней мере одному «башкирцу» отрезали «уши, нос и у правой руки все персты». Кстати, действия Ступишина получили одобрение оренбургского губернатора Рейнсдорпа^{640}.

Но почему же правительственным силам не удалось догнать и добить армию самозванца, довершив успех, начатый под Татищевой и Сакмарским городком? Войск для этого было вроде бы достаточно, а возглавляли их такие опытные командиры, как генерал Фрейман и подполковник Михельсон. Считается, что у этой неудачи было несколько причин: преследователи плохо ориентировались в малознакомой местности, не имели сведений о местонахождении самозванца, а главное, погоне мешали распутица и весенний разлив рек. Так или иначе, неуловимая армия «третьего императора» вновь становилась опасной для властей. К тому же воскрешение этой армии, возвещенное пугачевскими эмиссарами, вдохнуло новые силы в мятежную Башкирию, уже начавшую было успокаиваться после поражений под Татищевой, Сакмарским городком и Уфой^{641}.

Пятого мая 1774 года самозванец во главе войска подошел к Магнитной крепости и в тот же день предпринял попытку ее захватить. Но у оборонявшихся в отличие от пугачевцев имелись пушки. Самозванец был ранен «в правую руку пушечною картечью», и штурм пришлось остановить. Однако ночью с 5 на 6 мая Пугачев «распред ел ел толпу свою на пять частей и, со всех сторон Магнитную атаковав, взял». Самозванец

приказал повесить коменданта крепости капитана Тихановского и еще несколько человек, среди которых были и женщины, забрал четыре пушки, порох, различные припасы, а казаков и солдат поверстал в свое войско^{642}.

Это была первая победа после сокрушительных поражений. К победе прибавилась еще одна радость: на следующий день в Магнитную прибыли бежавшие после поражения от Мансурова старые знакомые Пугачева Андрей Овчинников и Афанасий Перфильев, причем с ними явились яицкие казаки «около трех сот человек, да заводских крестьян человек двести». Пришли и некоторые другие повстанческие командиры со своими отрядами, например прославившийся еще зимой во время осады Екатеринбурга полковник Иван Белобородов с заводскими крестьянами^{643}.

Получив подкрепление оружием и людьми, Пугачев покинул Магнитную. Путь его лежал к Верхнеяицкой крепости (ныне Верхнеуральск). Однако он узнал, что в крепость недавно вступил корпус генерала Деколонга, а потому скрытно обошел ее с запада и направился к Карагайской крепости, гарнизон которой был выведен в Верхнеяицкую. Карагайскую и другие слабо защищенные крепости, лежавшие на его пути, самозванец захватил и большей частью выжег, чтобы затруднить путь Деколонгу, бросившемуся за ним в погоню. С этой же целью бунтовщики сжигали мосты. Кроме того, уходить от преследователей помогал «выигрыш в конных силах». Однако 21 мая Деколонг настиг-таки Пугачева вблизи Троицкой крепости и разбил его плохо вооруженную армию, насчитывавшую к тому времени приблизительно десять тысяч человек^{644}.

Поражение было весьма тяжелым. Из ведомости, приложенной к адресованному генералу Скалону ордеру Деколонга, следовало, что в плен взято всего 70 пугачевцев: «Оных число потому не велико, что разъяренные войска, будучи раздражены их варварскими приступами, не старались их живых брать, но на месте, где бы ни попались, били до смерти; по примеру (то есть примерно. — *Е. Т.*) положено на тех местах... 4000». Среди пленных были не только простые пугачевцы, но и два довольно важных бунтовщика: бывший атаман, а ныне повытчик самозванческой «Военной коллегии» Григорий Туманов и ее секретарь Иван Шундеев. Кроме того, отряду Деколонга удалось выручить из пугачевского плена «разного звания людей, больших и малых обоего пола до... 3000», а также захватить деньги (более 55 тысяч рублей), артиллерию, знамена и «обоз с награбленными пожитками», «из которого войски, кто мог что захватить, сытно воспользовались, за свои труды и усердность к службе ее императорского

величества». Деколонг в этом бою потерял лишь пять человек убитыми и 60 ранеными^{645}.

Что это за «варварские приступы» бунтовщиков, которые, по словам Деколонга, заставляли его подчиненных столь яростно расправляться с пугачевцами? Речь идет о сожжении бунтовщиками крепостей и жестоких расправах с их обитателями. Противники восстания сообщали, что в Троицкой крепости пугачевцы не только убили коменданта Антона де Фейервара и нескольких офицеров, но и перекололи копьями многих солдат и жителей, предварительно выстроив их в шеренгу, а комендантшу привязали к лошадиному хвосту и таскали по улицам. Опять же согласно пугачевским противникам, в Карагайской и Петропавловской крепостях бунтовщики сожгли церкви, глумились над иконами, например стреляли в них. Вряд ли рассказы об особой жестокости и святотатствах пугачевцев появились на пустом месте. Во всяком случае, несомненно, что повстанцы совершали убийства в крепостях, а сами крепости сжигали; следовательно, вместе с ними сгорали и церкви. Всё это, конечно, не могло не возмущать Деколонга и его подчиненных, как и то состояние, в каком пребывали в плену у пугачевцев жены и дети убитых офицеров. Пленники, оставленные самозванцем в Санарском редуте неподалеку от Троицкой крепости, имели такой вид, что «оных отличить от деревенских самых подлых стряпушек, поутру около печей обращающихся, было невозможно. Большая часть их была босиком и покрыта рубищем». Но, вероятно, не только страдания пленных и злодеяния бунтовщиков заставляли подчиненных Деколонга столь яростно расправляться с пугачевцами 21 мая. Генерал был раздосадован хитростью самозванца — тот, например, обошел Верхнеяицкую крепость, тем самым избежав боя. «Сия скорпия, — писал Деколонг генералу Скалону, — через пронырства свои, узнав о сосредоточении сил в Верхне-Яицке, мерзский свой оборот принял по краю Уральских гор в другую сторону»^{646}.

Пугачев и после разгрома 21 мая сумел ускользнуть от Деколонга. С отрядом, насчитывавшим, по разным данным, от трехсот до трех тысяч человек, и с одной пушкой самозванец бросился по направлению к Челябинску. Разумеется, его пытались догнать, но безуспешно: у бунтовщиков, в отличие от преследователей, имелись свежие лошади. Причем Пугачев смог не только уйти от погони, но еще и в течение суток пополнить свой отряд^{647}. Однако уже на следующий день самозванца постигла новая неудача.

Подполковник Михельсон, находясь в Кундравинской слободе в 70

верстах к юго-западу от Челябинска, узнал, что бунтовщики разбиты Деколонгом. «Опасаясь, чтоб он (Пугачев. — Е. Т.) не бросился вновь бы по заводам или к Челябине для соединения с тамошними бунтующими башкирцы», Михельсон «с поспешением пошел к Нижне-Увельску». Выйдя из леса неподалеку от деревни Лягушиной «между Кундровой и Варламовой слободами», Михельсон увидел, что навстречу ему движется довольно значительный отряд, и выслал конный разъезд, чтобы выяснить его принадлежность. Поначалу отряд этот приняли за корпус Деколонга, ибо не могли предположить, чтобы после столь сокрушительного поражения Пугачев имел такое большое войско (в донесении Михельсона Щербатову от 23 мая говорилось, что пугачевцев было «по самой меньшей мере 2000 человек», а в военно-походном журнале Михельсона утверждалось уже, что «по последней мере 2500 человек»). То, что это было именно войско Пугачева, выяснилось, когда повстанцы напали на разведчиков Михельсона^{648}.

Завязался бой. Пугачев на следствии показал: «...я у Михельсона сперва пушки все отбил и ево корпус тем привел в замешательство. Однако он справился и всю свою артиллерию воротил и меня разбил начисто, так что не осталось у меня ни одной пушки, а людей спаслось самое малое число». На другом допросе самозванец уточнил, что у него «осталось только с пять сот человек»^{649}.

Из донесения Михельсона главнокомандующему Щербатову от 23 мая вырисовывается несколько иная картина: «...Злодеи, спешивши половину своей толпы, бросились прямо на мои пушки и, невзирая на сильный урон, подошед, ударили в копья, однако нашими штыками были приняты хорошо. А Пугачев своею конницею старался ворваться ко мне во фланг и, имев удачу, смять бывшую на том фланге часть иноверческой команды, считая себя победителем, бросился в разсыпку». Тогда Михельсон «приказал всей кавалерии итти прямо в атаку на злодейский фронт, а сам, взяв с собою свой эскадрон и изюмских гусар, ударил на изменника и на сообщников его, яицких казаков, с такою удачею, что злодеи, сколь ни старались усиливаться, были обращены в бег...». Согласно тому же донесению, во время боя и преследования было убито по меньшей мере до шестисот бунтовщиков, «живых взято до 400 человек». Михельсон утверждал, что среди погибших был и атаман Белобородов (кстати, после боя под Троицкой крепостью то же самое утверждал и Деколонг). Однако екатерининские военачальники рано хоронили Белобородова — он вместе со своим «амператором» и еще каким-то числом бунтовщиков спасся

бегством^{650}.

Казалось бы, после двух столь тяжелых поражений догнать и добить самозванного «царя» с его немногочисленной армией уже не составляло большого труда. Однако судьба вновь оказалась милостива к беглому донскому казаку. Хотя Михельсону и удалось настичь пугачевцев в начале июня, самозванец ушел от преследования без серьезных потерь, а затем неожиданно для властей появился в Прикамье. На Урале и в Прикамье его армия значительно пополнилась как русскими крестьянами, так и башкирами, удмуртами, черемисами (марийцами), татарами. 10 июня Пугачев захватил Красноуфимск, а на следующий день вступил в бой с отрядом кунгурского гарнизона во главе с подполковником А. В. Поповым (Паповым). Хотя отряду Попова пришлось отступить, повстанцы не пошли к Кунгуру, а повернули на запад и 18 июня появились у прикамского пригорода Осы. После трехдневных боев и переговоров пригород сдался. Далее Пугачев двинулся на Казань, по пути захватывая и разоряя заводы. Вблизи Казани он появился 11 июля во главе двадцатитысячной армии^{651}.

В этих краях и ранее было весьма беспокойно, а потому превращение небольшого отряда бунтовщиков в двадцатитысячную армию легко объяснимо. Кроме того, слухи об «амператоре» и его победах ходили самые фантастические, и они также могли подтолкнуть простолюдинов к вступлению в пугачевское войско. Семидесятилетний приписной крестьянин села Троицкого (Старого Посада) Семен Котельников слышал, а потом и других уверял в том, что «подлинно государь Петр III император, а не злодей Пугачев, восходит по-прежнему на царство». «Царь» будто бы ходил по государству и «тайно» проводывал о тех обидах, которые «бояре» и «заводчики» причиняли крестьянам. «И еще было де хотел три года о себе не дать знать, что жив, но не мог претерпеть народного разорения и тягости», а посему «принужден себя объявить». Котельников собирался стать «доброхотом» «государя», который, по словам старика, уже захватил Оренбург, Уфу и «для покорения» Москвы отправил 100 полков, а под Кунгур — 20 полков во главе с Белобородовым. Рассказывал мужик и другие небылицы — например, что в Оренбург к «государю» уже приехали цесаревич Павел Петрович с женой и граф З. Г. Чернышев. По его словам, Бибииков также «съехался с государем и, увидя точную его персону, весьма утрашился, принял из пуговицы крепкого зелья и умер». Под следствие словоохотливый Семен попал по доносу канцеляриста Степана Трубина, которому неосторожно поведал о «государе» 2 июня 1774 года^{652}.

Прежде чем последовать за Пугачевым и его армией в Казань,

нелишним будет рассказать о двух происшествиях, также не лишенных налета фантазмагоричности, но относящихся уже непосредственно к нашему герою. Они еще раз дадут читателю представление о той атмосфере, в которой происходило Пугачевское восстание.

Первое происшествие имело место 20 июня 1774 года во время осады прикамского «пригородка» Осы. Его защитники для опознания личности «амператора» выслали в повстанческий лагерь отставного гвардейца Петра Треногого, который служил в Петербурге и видал настоящего Петра III. По свидетельству пугачевского сподвижника Ивана Творогова, опознание происходило по всем правилам: самозванец переоделся «в простое казачье платье», поставил в ряд человек двадцать казаков и «стал сам между ими». Гостя ввели и приказали, чтобы он «узнавал из представленной ширенги государя». Треногий обвел взглядом казаков и, наконец, «уоставил глаза свои прямо на злодея, смотрел пристально». Самозванец прервал затянувшееся молчание:

— Што, старик, узнал ли ты меня?

— Бог знает, — отвечал бывший гвардеец, — как теперь признаешь? В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее.

— Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь! Треногий долго смотрел на Пугачева, а потом сказал:

— Мне, кажется, што вы походите на государя.

— Ну так смотри же, дедушка, — напутствовал самозванец, — поди, скажи своим-та, штоб не противились мне, а то вить я всех вас предам смерти.

Если верить показаниям Творогова, бывший гвардеец на следующий день опять приходил «узнавать злодея». На этот раз Треногий уже не колебался: увидев самозванца, «закричал громогласно»:

— Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!

— Ну, старичок, — сказал на это «амператор», — когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих афицеров, штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью.

Старик, подходя к крепости, закричал:

— Господа афицеры! Полно, не противьтесь, подлинно государь наш Петр Федорович!

Согласно показаниям Творогова, услышав эти слова, осажденные сдали Осу^{653}.

Правда, никто, кроме Творогова, в том числе и сам Пугачев, ничего не упоминал о подобных диалогах с Треногим. Пугачев, например, на допросе в Яицком городке рассказывал, что из Осы «выслали отставного салдата

меня посмотреть, подлинно ли я государь, которой вышел меня и смотрел и, не сказав как я, так и он ничего, в город возвратился»^{654}.

Трудно определенно сказать, действительно ли слова Треногова повлияли на решение майора Федора Скрипицына сдать Осу — или же последний, не дождавшись подмоги, не видел возможности противостоять врагу, имевшему численное превосходство да к тому же грозившему сжечь пригород. 21 июня 1774 года, сразу после сдачи Осы, Скрипицын стал пугачевским полковником, но спустя всего лишь два дня он и еще несколько человек были повешены за то, что собирались отправить какое-то письмо представителям екатерининской администрации. Очевидно, что оно носило антипугачевский характер. Скрипицын вроде бы обещался во время боя с правительственными войсками уговорить солдат ударить по бунтовщикам. Письмо было составлено, но подпоручик Федор Минеев, принимавший участие в обсуждении планов Скрипицына, донес обо всём самозванцу, за что был награжден чином полковника. Правда, через некоторое время новоиспеченный полковник бежал к противнику. Впоследствии секретная комиссия приговорила Минеева к двенадцати тысячам ударов шпицрутенами, после чего его следовало сослать солдатом в отдаленный гарнизон, однако во время истязания незадачливый перебежчик умер^{655}.

Второе происшествие под Осой случилось 21 июня. Самозванцу сообщили, что «башкирцы» привезли некоего человека, которому очень надо повидать «государя». Пугачев приказал привести его к себе в палатку, где в то время помимо самого «амператора» находились его приближенные. По словам Афанасия Перфильева, незнакомец был «росту среднего, лицом сухощав, рябоват, волосы темнорусыя с сединою, говорит пришепетывает, и коему лет около шестидесяти». (Кстати, описание гостя, сделанное на следствии Иваном Твороговым, довольно сильно отличается от перфильевского. В частности, Творогов считал, что тот был «лет сорока»^{656}.) Незнакомец зашел в палатку и поклонился самозванцу до земли.

— Што ты и зачем ко мне прислан, — спросил Пугачев, — и какие вести мне скажешь?

Пришелец назвался московским купцом Иваном Ивановым, поставлявшим на царские конюшни овес, за который государь якобы задолжал ему 1500 рублей. Однако не только корыстные интересы привели Иванова к «Петру Федоровичу».

— Меня, ваше величество, прислал сюда Павел Петрович посмотреть

вас, подлинно ли вы родитель его, и приказал возвратиться мне к себе с отповедью.

— Што ж, дедушка? Узнал ли ты меня?

— Как не узнать, ваше величество? — отвечал купец, а затем, указав на свой зипун, добавил: — Мне кажется, вы меня жаловали вот этим зипуном и шапкою.

Затем он повернулся к пугачевским приближенным:

— Не сумнивайтесь, господа казаки! Он — подлинной государь Петр Федорович, я точно его знаю, и он вот жаловал меня зипуном и шапкою.

Самозванец, обрадованный таким поворотом разговора, приказал подать вина. Первую чарку выпили за государя, вторую — за «милосливую государыню Устинью Петровну», а третью — «за здоровье цесаревича Павла Петровича». Гость же объявил, что должен выполнить еще одно поручение наследника:

— Его высочество Павел Петрович прислал к вашему величеству подарки.

С этими словами Иванов вынул из кожаного мешка черную шляпу, обшитую золотым позументом, шитые золотом перчатки и желтые сапоги.

— Здоров ли Павел Петрович? Каков он? Велик ли? — засыпал приезжего вопросами Пугачев.

— Слава богу, он здоров и велик молодец, да ево уже обручили.

— На ком?

— Он обручен, не знаю, на какой-та немецкой принцессе.

— Как ее зовут?

— Наталья Алексеева.

— Ну, слава богу, — сказал растроганный «отец». — Дай бог, благополучно!

На этом радостные вести у купца не закончились:

— И от Натальи-та Алексеевны прислан подарочик к вашему величеству — два камня, да у меня далеко в возу завязаны, ужо принесу.

Еще гость сказал, что привез от Павла Петровича порошу «шездесят пуд». Правда, его пришлось оставить в Нижнем Новгороде на судне, положив в бочку и засыпав для маскировки сахаром.

Пугачев, весьма довольный таким оборотом, отпустил гостя отдыхать, однако, как позднее признавался на допросе, приказал своим приближенным:

— Смотрите ж за старичком-та, штоб он не ушел. Мне кажетца, он — обманщик. Статное ль дело, штоб Павел Петрович ко мне прислал подарки?

Иванов несколько раз приходил к самозванцу и просил отпустить его то в Казань, чтобы оттуда съездить за порохом в Нижний Новгород, то в Петербург, откуда он якобы собирался привезти самого Павла Петровича с женой. Пугачев, опасаясь, что посланец цесаревича шпион, до поры до времени и слышать не хотел о том, чтобы отпустить его^{657}.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЕ УСПЕХИ И ПОРАЖЕНИЯ

Как во городе было во Казани

Седьмого июля 1774 года казанский губернатор Яков Илларионович Брандт получил письмо от татарина Мусалима Ал-маметева, в котором сообщалось, что тремя днями ранее Пугачев находился в селе Мамадыш. Новость была тревожной, поскольку село это располагалось недалеко от Казани. Однако губернатор усомнился в ее достоверности, полагая, что преследовавший Пугачева Михельсон не дал самозванцу так близко подойти к городу. Не верили слухам «о приближении к самой Казани злодея Пугачева» и некоторые другие начальники, в том числе прибывший туда в ночь на 8 июля недавно назначенный руководителем Казанской и Оренбургской секретных комиссий Павел Сергеевич Потемкин. Поднявшийся по служебной лестнице благодаря родству с екатерининским фаворитом, Павел Сергеевич свысока смотрел на местное начальство, да и вообще, кажется, считал себя здесь единственным толковым человеком, а потому поспешил приняться за дело: объявил оробевшим жителям, что «город совершенно безопасен», и, по его собственным словам, «имел счастье их удостоверить и успокоить». Впрочем, Потемкин обещал государыне «по первому известию о приближении его (Пугачева. — Е. Т.) от Вятки к Казани выйти во главе отряда навстречу самозванцу». «... дерзаю Ваше величество удостоверить, — с пафосом провозглашал Потемкин, — что прежде я погибну, нежели допущу город атаковать»^{658}. Однако и город был атакован, и Потемкин остался жив...

Брандт хотя и верил, что Михельсон не позволит бунтовщикам близко подойти к городу, 6 июля всё же выслал навстречу самозванцу команду из сотни пехотинцев, 83 егерей и одной пушки с прислугой во главе с полковником Н. В. Толстым. 10 июля у села Высокая Гора Пугачев встретил ее с авангардным отрядом, численность которого составляла примерно тысячу человек. После недолгого боя толстовская команда прекратила существование: полковник был убит, более пятидесяти солдат попали в плен, остальные погибли или разбежались. Уже на следующий день войско самозванного «императора» расположилось в семи верстах

восточнее Казани у села Царицына, близ Троицкой мельницы^{659}.

Казань в то время была не только губернским городом, но и крупным промышленным и торговым центром Заволжья. Разделенная на три части — кремль, город и слободы, — она насчитывала приблизительно девять тысяч жителей. При этом, однако, накануне появления бунтовщиков для защиты города явно не хватало войск и вооружения. По разным данным, властям приходилось рассчитывать на гарнизон от семисот до полутора тысяч человек. Правда, дворянские дети, ученики гимназии, тоже готовились к обороне: обучались пешему строю, фехтованию и стрельбе. Гимназия даже приобрела за свой счет пики и 450 карабинов. Часть жителей также вооружалась и готовилась к встрече с пугачевцами. По приказанию властей начали возводить оборонительную линию. 3 июля было объявлено, что весь город будет обнесен рогатками, за которыми поставят 200 пушек. Город и слободы и впрямь окружили рогатками, но вот пушек оказалось куда меньше обещанного — всего пять. Для полноты картины следует добавить, что у оборонявшихся отсутствовала дисциплина, а у руководства — согласованность действий по защите города. Кажется, в Казани в то время вообще не имелось начальников, способных надлежащим образом подготовить город к отражению нападения бунтовщиков^{660}.

Расположившись у села Царицына, Пугачев 11 июля отправил в Казань три манифеста: губернатору Брандту, русскому населению города и тамошним татарам, жителям Новой и Старой татарских слобод. Хотя тексты манифестов до нас не дошли, из следственных показаний бунтовщиков известно, что «Петр Федорович» требовал покориться ему, «обещая за то разныя милости»^{661}. Конечно, губернатор покоряться не собирался, а вот некоторые жители явно симпатизировали восставшим. Так, например, рассказывали, что к самозванцу приходили татары и приглашали его в Казань, обещая «вспомоществование». Кроме того, они указали Пугачеву дорогу, по которой безопаснее всего войти в город. В целом это сообщение подтверждается другими источниками, в отличие от рассказов, что самозванца в Казани с нетерпением ждали не только татары и русские простолюдины, но даже «архиерей и все господа». Не находят подтверждения также сведения, что архиерей, казанский архиепископ Вениамин, накануне штурма города прислал Пугачеву большую сумму денег.

Отправкой манифестов Пугачев не ограничился. В тот день самозванец со сподвижниками «ездил к Казане для осматривания

городских укреплений и способных мест ко взятю». А на следующее утро он собрал всех полковников «и тайных советников — яицких казаков», чтобы дать указания перед началом штурма^{662}.

Вскоре после этого совещания начался штурм Казани. Бунтовщикам удалось захватить слободы и город, однако они не овладели крепостью, в которой укрылись остатки гарнизона, часть жителей и начальство, в том числе губернатор Брандт, Потемкин, архиепископ Вениамин. Во время штурма восставшие устроили пожар, в результате которого большая часть города, состоявшая из деревянных построек, сгорела^{663}.

Некоторые противники восставших не жалели красок для описания террора, устроенного пугачевцами: те «бесчеловечнейшим образом» убивали «всех попадающихся им в немецком платье», полагая, что в таком «богопротивном» одеянии могли ходить только дворяне и чиновники; бросали в огонь младенцев, насиловали и убивали женщин; грабили дома, церкви, монастыри и творили в храмах различные святотатства. На этом фоне совершенно безобидным выглядит сообщение, что какая-то часть казанских жителей была просто захвачена в плен. Впрочем, из показаний самих повстанцев порой также вырисовывается довольно страшная картина пребывания самозванного «царя» и его войска в Казани. Афанасий Перфильев, например, вспоминал, как во время пожара пугачевцы «разъезжали по городу и противных кололи и стреляли». А из показаний самого Пугачева известно, что «несколько человек чиновных» было «засечено плетьюми»^{664}.

Все источники единодушны в том, что в Казани бунтовщики грабили и убивали и что именно они подожгли город. Однако выяснить, сколько именно людей погибло от рук восставших, действительно ли имели место вышеперечисленные зверства по отношению к женщинам и младенцам, и многие другие подробности повстанческого террора гораздо труднее. В нашем распоряжении имеются несколько списков погибших; наиболее полный, включающий 188 человек, приводится в недатированной ведомости, составленной в губернской канцелярии. В него включены: генерал-майор — 1, штаб-и обер-офицеры, а также прочие дворяне — 23, обер-офицерская жена — 1, унтер-офицеры и прочие нижние военные чины — 37, немцы и нижние штатские чины — 15, купцы и цеховые — 49, суконщики — 8, дворовые люди и помещичьи крестьяне — 42, ямщики — 7; пятеро, по всей видимости из простолюдинов, сгорели во время пожара. Но нельзя исключать, что погибших было больше. Так, в ведомости, составленной в той же канцелярии 1 августа 1774 года, помимо 164 убитых

и погибших во время пожара, упоминаются 129 раненых и 486 пропавших без вести. На основании различных списков погибших несложно прийти к выводу, что среди них было гораздо больше представителей непривилегированных слоев населения, чем дворян^{665}.

К сожалению, очень редко можно выяснить обстоятельства гибели того или иного человека. Конечно, если речь идет о солдате или офицере, можно с большой долей уверенности предполагать, что он погиб в бою, но нельзя исключать и того, что он был замучен, попав к восставшим в плен. Так, есть основания полагать, что отставной полковник Иван Родионов погиб под плетью бунтовщиков. Сообщают также, что весьма преклонных лет отставной генерал-майор Нефед Кудрявцев в храме «был растерзан злодейскими руками» за то, что обличал пугачевцев^{666}. С другой стороны, не следует в каждом погибшем купце или крестьянине видеть мирного жителя, ведь они могли быть участниками вооруженных отрядов, организованных казанскими властями для сопротивления самозванцу.

Ни один официальный документ не сообщает об изнасилованиях, якобы имевших место 12 июля, да и вообще убитые женщины упоминаются крайне редко: в списке 188 убитых — уже названная обер-офицерская жена, а в списке погибших, приведенном А. С. Пушкиным, — жена коллежского асессора Федора Попова. О гибели малолетних детей в этот день официальные документы также молчат^{667}.

Среди погибших в день штурма не было и представителей духовенства. Если бы хоть один священно-или церковнослужитель был убит повстанцами, составители списков погибших наверняка сообщили бы об этом. Кстати, в других источниках также ничего не говорится об убийстве духовных лиц. Более того, купец И. А. Сухоруков подчеркивал, что, хотя монахи и игуменья казанского монастыря «были выгнаты в Савиновскую мельницу козаками, но вреда им никакого не причинили». Правда, он же утверждал, что священники грузинской церкви, боясь расправы, ходили «в одной рубахе и босиком, чтоб козаки их не узнали»^{668}. А вот данные о разорении храмов подтверждаются. Согласно вышеупомянутой ведомости от 1 августа 1774 года, в Казани «погорело и разграблено» 25 церквей, три монастыря.

Эта же ведомость говорит, что 12 июля «разных граждан домов сгорело и разграблено 1772», а осталось всего 298. Разумеется, от огня пострадали не только дома дворян или «чиновных». Например, в ямской слободе сгорело 105 домов, а уцелело всего 20. Впоследствии сменивший Брандта на губернаторском посту князь Платон Мещерский представил

ведомость, в которой указывалось, что из 3186 общественных и частных зданий Казани сгорело 2193. Гораздо труднее подсчитать другие имущественные потери жителей. П. С. Потемкин хотя и признавал, что «город сгорел большею частью и несколько жители пострадали», но всё же полагал, что пострадали они «отнюдь не бедственно: пожитки почти всех спаслись и разве какая малая часть оных [погибла]; многие сказываются, что разорились, лаская себя только награждением»^{669}.

Подтверждаются также сведения о пленении пугачевцами жителей Казани^{670}. Согласно официальному источнику, в плен попало подавляющее число горожан.

Однако в этот день бунтовщики не только отнимали свободу, но и даровали ее. В тюремных камерах Казанской секретной комиссии содержалось, по разным данным, от 153 до 415 колодников. Среди прочих освобожденных повстанцами был старый знакомый Пугачева игумен Филарет, а также родственники самозванца — его двоюродный племянник Федот и первая жена Софья с детьми Трофимом, Аграфеной и Христиной^{671}.

Филарет был арестован в конце января 1774 года в Сызрани, откуда его доставили в Казань. Игумен обвинялся в передаче вестей о пугачевских победах, в частности над генералом Каром. Кроме того, он будто бы рассказывал, что некий сержант, бежавший от восставших, сообщил Бибикову, что во главе бунтовщиков стоит не Пугачев, а бывший император Петр III. Наконец, доносчики утверждали, что Филарет выпрашивал их о Яицком городке, «в каком он теперь состоянии находится». Старец сначала частично, а потом и полностью признал эти обвинения, при этом, правда, утверждал, что не был пособником бунтовщиков, а просто передавал народные толки. Свою непричастность к бунтовскому делу Филарет доказывал еще и тем, что в декабре 1772 года лично принимал участие в поимке Пугачева, а в августе 1773-го пытался его задержать. Однако монаху не удалось оправдаться, ведь с точки зрения властей уже само распространение подобных толков являлось преступлением. И вот 12 июля Филарет получил свободу. Пугачев, увидев «игумна», приказал отвести его «в кибитку». По некоторым сведениям, правда, не очень надежным, старец после освобождения был в большой чести у самозванца, потом якобы жил неподалеку от Казани. Но после вышеописанного эпизода следы его окончательно затерялись, и отыскать их не удалось ни следователям, ни исследователям^{672}.

Двоюродный племянник Пугачева Федот, как уже говорилось, был

выслан в Казань лишь за то, что являлся родственником самозванца. Какое-то время он, вместе с первой пугачевской женой и детьми, жил на «обывательской квартире», однако, когда стало известно о приближении самозванца к городу, их отправили в секретную комиссию. После освобождения Федот, по собственному признанию, хотя и видел своего дядю, старался на глаза ему не попадаться. Побыв «в той злодейской толпе три дни», после поражения от Михельсона Федот бежал от бунтовщиков, был пойман казаками, верными императрице, отправлен в Казань, а потом в Москву^{673}.

Намного дольше оставались у самозванца его первая жена Софья и дети. День 12 июля они встретили «в офицерской караульной палате». Пожар добрался до здания, и в нем, по словам женщины, «почти невозможно уже было оставаться от происходящего дыма». Караульный офицер и солдаты покинули свои посты, а Софья «не знала, что в таком случае предпринять». Услышав снаружи «великий шум», она вышла с детьми на двор посмотреть, что происходит. Оказалось, повстанцы освобождали колодников. Бывших арестантов и Софью с детьми повели на Арское поле близ Казани, где в то время находился сам «амператор». Одиннадцатилетний Трофим, увидев среди разъезжавших казаков отца, закричал:

— Матушка! Смотри-тка, батюшка ездит!

Софья воскликнула в сердцах:

— Екай собака! Неверной супостат!

Неизвестно, услышал ли муж ее гневные слова, однако заметил ее.

— Поддерните етой бабе телегу и посадите ее с робятами, — приказал он казакам.

Софья молча поклонилась ему и села с детьми на телегу^{674}.

Впоследствии их пересадили в коляску, а палатку, в которой в обеденное время или ночью находились Софья и ребятишки, ставили рядом с палаткой самозванца. Разумеется, Пугачеву пришлось объяснять сподвижникам, почему он оказывает простой бабе такое внимание. Самозванец принародно объявил, что она — жена его друга, донского казака Емельяна Ивановича Пугачева, у которого он некогда жил и который был «засечен кнутом» за верность своему «государю». Обращаясь непосредственно к Софье, «Петр Федорович» добавил:

— Я тебя, бедная, не покину^{675}.

Несмотря на оказываемое ей почтение, Софья была не слишком довольна своей новой жизнью, ведь за жену самозванец ее не признавал,

спал с пленными девками, одна из которых, как мы помним, поведала об этом самой пугачевской супруге. Да и вообще до поры до времени Емельян избегал беседовать с ней с глазу на глаз. Но, «немного не доезжая Саратова», он всё же решился на разговор. Он вошел в палатку к Софье, выслав находившихся там девок и спросил:

— Что ты, Дмитриевна, думаешь как обо мне?

— Да что думать-та. Не отопрешься, я — твоя жена, а вот ето — твои дети.

Самозванец сказал, что от жены и детей не отпирается, но строго приказал, чтобы Софья не вздумала прилюдно назвать его Пугачевым и чтобы помнила — Пугачев замучен за то, что принимал у себя дома «государя».

— Так смотри жа, Дмитриевна, исполняй то, что я тебе велю, — сказал напоследок самозванец. — А я, когда Бог велит быть мне в Петербурге и меня примут, тогда тебя не оставлю. А буде не то, так в те поры не пеняй, из своих рук саблюю голову срублю.

Пугачиха уже и до этого разговора поняла, что мужу лучше не перечить, ибо, по ее словам, «она видела, что де он стал такой собака, хоть чуть на кого осердится, то уж и ступай в петлю». После этого разговора Пугачев стал часто видеться с Софьей, «но он обходился с нею так, как с знакомою, а не с женою». Что же касается детей, то их «он часто сматривал и на них любавался»^[676].

Однако почему Пугачев столь легко овладел Казанью и что помешало ему довершить славную победу — захватить тамошнюю полуразрушенную крепость? На первый вопрос ответить нетрудно: в городе не имелось достойных военачальников, а гарнизон был незначителен, к тому же солдаты и прочие простолюдины зачастую при виде повстанцев разбегались или переходили на их сторону. А вот на второй вопрос найти ответ сложнее. На следствии самозванец рассказывал, что «по крепости он не палил для того, что весь город был в огне», а потому «и сволочь свою отвел на Арское поле». И хотя из других источников мы точно знаем, что восставшие стреляли из пушек по крепости, пожар в качестве обстоятельства, помешавшего ее захватить, называл не только Пугачев. О «пламени зажженных около крепости публичных и частных зданий» вспоминал купец И. А. Сухоруков и писал архимандрит казанского Спасо-Преображенского монастыря Платон Любарский. Помимо того, оставить крепость в покое повстанцев заставили, по мнению спасского архимандрита, зависть к товарищам, всю грабившим город, и вести о приближении к Казани отряда Михельсона. Тогда, «отступя в лагерь»,

бунтовщики «с досады во многих местах зажгли город». Правда, архимандрит Платон не был очевидцем событий 12 июля, а описывал их со слов тех, кто сражался с Пугачевым или оказался у него в плену. Из свидетельств купца Сухорукова и других очевидцев следует, что город был подожжен уже после неудачной попытки овладеть крепостью, а сама эта неудача, согласно показаниям некоторых повстанцев, была обусловлена тем, что защитники крепости оказали нападавшим «великое сопротивление»^{677}.

Прежде всего, они успели запереть крепостные ворота и завалили их камнями и бревнами. Кроме того, П. С. Потемкин жесткой рукой подавил упаднические настроения, повесив двух человек, предлагавших сдать крепость. Возможно, определенную роль сыграла и весть о приближении правительственных войск. Однако из показаний некоторых бунтовщиков, в том числе самого Пугачева, следует, что она была получена гораздо позже^{678}.

Так или иначе, повстанцы оставили крепость в покое, покинули город и расположились близ него. В крепости ждали помощи от правительственных войск, в то же время не особенно веря в нее. Во всяком случае, такое впечатление создается из письма П. С. Потемкина своему могущественному родственнику от 12 июля, написанного в осажденной крепости: «...уповают, что Михельсон севодни будет, однако трудно ему будет в городе их поражать; сказывают, что Гагрин и Жолобов дни через три будут... и если Гагрин, Михельсон и Жолобов не будет, то не уповаю долее семи дней продержат, потому что с злодеем есть пушки и крепость очень слаба». Потемкин был в отчаянии: «...я в жизнь мою так несчастлив не бывал...» — и, кажется, даже не сильно преувеличивал, когда писал: «И так мне осталось одно средство — при крайности пистолет в лоб, чтоб с честью умереть как верному подданному ее величества, которую я Богом почитаю»^{679}.

Михельсон, однако, не заставил себя ждать — подошел к Арскому полю вечером того же дня. В его отряде насчитывалось от 800 до 1200 человек, в то время как у Пугачева от 12 до 20 тысяч. На следующий день в рапорте Щербатову Михельсон сообщал, что бой был тяжелым, а повстанцы оказались стойкими и умелыми вояками, чего он никак не ожидал. Подполковник ударил в середину пугачевского войска, а на фланги отрядил майоров Дуве и Харина. Войска Михельсона, «невзирая на упрямство злодеев, пошли через болото» и обратили повстанцев в бегство. Дальнейшие действия правительственного отряда также были успешными:

«Злодеи сколько ни усиливались, по пятичасовом сражении были единственно помощью Божиею совершенно разбиты» и, если верить Михельсону, потеряли убитыми «по меньшей мере до восьми сот человек», а пленными 737 бунтовщиков. Кроме того, Михельсону удалось отбить у повстанцев шесть орудий, «их лучшую артиллерию», а также «немалого числа обозу». Впрочем, были потери и у правительственных войск — 23 человека убитыми и 38 ранеными. По словам Михельсона, довершить разгром Пугачева помешали лишь «ночь, место и утомленные мои кони»^{680}.

Однако историки полагают, что, имея такие потери, Пугачев, вероятно, был бы не в состоянии через несколько часов возобновить бой. Кроме того, по мнению этих ученых, сведения, приведенные подполковником, опровергаются пугачевскими показаниями, полученными на допросе в Яицком городке: «А как люди мои были не в порядке, то, потеряв я шесть пушек и несколько разбежавших людей, принужден был отворотить в свой стан». Пугачевские командиры Иван Творогов и Федор Чумаков на следствии подтвердили показания своего предводителя, заявив, что повстанческие силы были лишь отбиты от Казани, «а большего вреда не учинено»^{681}. Поскольку по любым подсчетам пугачевское войско было внушительным, а погибали и попадали в плен в первую очередь небоеспособные люди, то можно допустить, что верхушка восставших не особо почувствовала убыль примерно 1500 убитых и раненых. Но вот уж с чем точно нельзя согласиться, так это с утверждением Михельсона, что повстанцы были «совершенно разбиты». Кто же тогда сражался с правительственными отрядами не только 13-го, но и 15 июля?

Что крылось за словами Пугачева, что силы восставших в тот вечер «были не в порядке»? На большом московском допросе он пояснил: «... казаки ево, ворвавшись в город, напильсь, и много было пьяных». По свидетельству пугачевцев Федора Минеева и Дементия Верхоланцева, попойка продолжалась и после выхода из города^{682}.

На следующий день состоялось еще одно сражение близ Казани. Пугачев опять проиграл Михельсону, но и на этот раз не был разгромлен и даже не оставил надежды разбить правительственные войска и вновь прорваться в Казань. Для этого он набрал новых бойцов из окрестных жителей. Согласно донесению Михельсона Щербатову от 16 июля, в канун решающей битвы за Казань пугачевское войско состояло «более как в двадцати пяти тысячах человек». Справедливости ради следует сказать, что и сам он получил подкрепление от П. С. Потемкина, правда, куда более

скромное. Усилившись «полтораста человеками пехоты», 15 июля Михельсон двинулся навстречу Пугачеву. Решающее сражение состоялось в тот же день на Арском поле^{683}.

Описывая его в уже известном нам донесении от 16 июля, Михельсон опять всячески подчеркивал достоинства противника: «Злодеи на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найти надеялся, и малое мое число конечно б должно было уступить многолюдству злодеев, ежели бы не были подкреплены надеждою на Бога, усердием к Ее Императорскому Величеству нашей Всемиловитвейшей Государыне и утверждены не были со мною умереть или победить...» По словам подполковника, бой продолжался четыре часа. Противники сражались на равных, «сначала стрельбою, а потом уже штыками и копьями». В конце концов равновесие было нарушено. Михельсон писал: «...я, взяв с собой последний мой резерв в сорок человек карабинер, ударил в то место, где подкрепление было нужнее, и злодеи сколько ни усиливались... были обращены в бег, с потерей всей артиллерии и до двух тысяч разных народов, по большей части иноверцев убитых, и живых взято до пяти тысяч человек...» Были захвачены знамена и боеприпасы, освобождены «до десяти тысяч и более душ» пленных, уведенных Пугачевым из Казани. Правительственные силы преследовали бунтовщиков «далее тридцати верст», но Пугачева поймать им так и не удалось — он «ударился в лес» и был таков. Потери в отряде Михельсона составили 35 убитых, 63 тяжелораненых и 58 легкораненых^{684}. Впрочем, военачальники во все времена в рапортах преувеличивали свои успехи. Однажды Наполеон со знанием дела сказал: «Ложь, как в военном бюллетене».

Однако не подлежит сомнению, что 15 июля правительственные силы нанесли восставшим серьезное поражение. Пугачев уходил от преследователей «с малым числом» людей, не забыв захватить с собой первую жену и детей. Что же касается остальной «толпы», то одни бунтовщики погибли, другие попали в плен, а третьи разбежались на все четыре стороны. Среди последних был и знаменитый повстанческий полковник Иван Белобородов. Он с женой и дочерьми и еще три казака «ходили трои сутки» по лесу, «разсуждая: естли итти им на Волгу, то они мест не знают; а буде пробирайтца в дом, то опасались, что будут пойманы на заставах». В конце концов Белобородов велел жене и дочерям «идти х Казани и явитца, сказываясь отставного солдата Семена Шеклеи-на женою», а затем и сам решил сдать властям, назвавшись простым

повстанцем. Однако нашелся знакомый, который выдал его Михельсону. Затем были следствие и приговор. Белобородов был обезглавлен в Москве на Болотной площади 5 сентября 1774 года^{685}.

Екатерина II была весьма обрадована победой над самозванцем и щедро наградила победителей. В частности, сам Михельсон был произведен в полковники и награжден золотой шпагой, украшенной алмазами^{686}.

Не исключено, что поначалу отряд мятежников, ушедший из-под Казани, был не таким уж маленьким. Так, по свидетельству Ивана Творогова и Федора Чумакова, с Пугачевым в то время было «тысячи три», причем большую часть составляли башкиры. Однако в самом скором времени ряды повстанцев значительно поредели, поскольку все «башкирцы», за исключением старшины Кинзи Арсланова, покинули «Петра Федоровича». На допросе в Яицком городке Пугачев рассказывал, что к вечеру 16 июля его войско составляло «сот пять». Впрочем, из показаний на большом московском допросе следует, что к указанному времени в его отряде было «человек до тысячи конных»^{687}.

Куда же направился Пугачев? Если исходить из его публичных заявлений, то с самого начала восстания его путь лежал на Москву, а затем на Петербург. О походе на Москву говорилось не только устно, но и письменно — например, в манифестах самозванного «императора». Причем подобные заявления продолжали звучать и после третьего поражения под Казанью. С другой стороны, еще до поражения под Казанью возникла, а через некоторое время после него окончательно оформилась мысль о походе на Дон. Возможно, никакого противоречия тут не было. Из показаний некоторых повстанцев следует, что на Дон самозванец шел, чтобы забрать там боеприпасы, артиллерию и пополнить войско тамошними казаками, после чего двинуться на Москву^{688}.

Подчеркнем, что речь идет о публичных заявлениях, которые «Петр Федорович» порой делал в ответ на уговоры сподвижников пойти в Москву и там «на престол взойти». Верил ли сам Пугачев в то, что подобные планы осуществимы? Вспомним, что на допросе в Яицком городке самозванец говорил: «Дальнаго намерения, чтобы завладеть всем Российским царством, не имел, ибо, рассуждая о себе, не думал к правлению быть, по неумению грамоте, способен». На большом московском допросе Пугачев заявлял, что о походе на Москву «говаривал он к ободрению воровской своей шайки, а сам он в Москву итти не хотел, потому што, зная он о себе, что казак, как бы ему возможно в Москву появитца? ибо в Москве, думал

он, что все покойного государя знавали». Едва ли самозванец горел желанием идти и на Дон, ведь там многие «знавали» его как Емельяна Пугачева. Куда же в таком случае направлялся «амператор» со своим войском после поражения под Казанью? На этот вопрос Пугачев ответил — правда, весьма неопределенно — на допросе в Яицком городке: переправившись через Волгу, он «пробирался на Низ, куда бы разсудилось»^{689}.

После поражения под Казанью самозванец со своим отрядом бросился на север, по направлению к Кокшайску, у которого 16 и 17 июля повстанцы переправились на правый берег Волги. Начинался последний и, возможно, самый страшный для противников новоявленного «императора» этап восстания.

Триумфальное бегство

«Переправа Пугачева, — писал А. С. Пушкин, — произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещенные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву». В другом месте Пушкин добавлял: «Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою»^{690}.

Во второй половине июля 1774 года главная повстанческая армия захватила города Цивильск, Курмыш, Алатырь и Саранск. В начале августа Пугачев овладел Пензой и Петровском, а 6 августа взял Саратов. Затем были захвачены Камышин (Дмитриевск) и Дубовка. 21 августа самозванец вышел к Царицыну. Успеху пугачевской армии способствовало не только сочувствие «черни», но и то, что здешние гарнизоны ввиду их малочисленности и небоеспособности редко оказывали сопротивление бунтовщикам. Помимо основных повстанческих сил, действовали отдельные отряды, поднимавшие на восстание главным образом крестьян. Некоторые отряды отделились от главной армии, а другие возникали самостоятельно, не были связаны с повстанческим руководством и лишь выступали от имени Петра III^{691}.

На следствии в Москве Пугачев довольно подробно припоминал этот период восстания. Особое внимание он уделил рассказу о пребывании

бунтовщиков в Алатыре, куда они вступили 23 июля 1774 года. Жители встретили повстанцев еще за городом «с хлебом и с солью, а попы — с крестами». Предводителю мятежников запомнилось, что один из священников был «в шапке с камнями», которая была «как быть золотая». Войдя в город, самозванец проследовал в церковь, где «пели попы молебен, поминая государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню» (жену Павла Петровича Наталью Алексеевну). Потом был торжественный обед у одного поручика, перешедшего на сторону Пугачева. Здесь, как вспоминал самозванец, он с товарищами «пили чарки по три вотки». После обеда «амператор» сделал несколько распоряжений: велел забрать «казну и порох», выдать повстанцам «соли на каждого по три фунта без денег», освободить из местной тюрьмы заключенных, а также вылить «вино казенное» на землю, поскольку «ворвавшийся в город казаки стали пьянствовать». Местные жители пожаловались ему на грабежи. «И он, услыша оную жалобу, поехал по городу сам и казаков выгнал»^{692}.

По своему обыкновению самозванец и здесь чинил суд и расправу. Правда, воевода и чиновники провинциальной канцелярии смогли избежать «государева» суда — покинули город накануне прихода восставших, а их поиски не увенчались успехом. Зато «Петр Федорович», находясь в своем лагере близ Алатыря, расправлялся с дворянами, которых к нему приводили крестьяне или казаки. Пугачев вспоминал, что приказал вешать дворян своему походному атаману Овчинникову, который охотно этот приказ выполнил и «лепортовал ему, што повешано двенатцать человек». Однако, по всей видимости, казненных было больше. Из ведомости о жертвах в Алатыре и Алатырском уезде, составленной 13 августа 1774 года чиновниками местной провинциальной канцелярии, можно сделать вывод, что от рук пугачевцев в это время погибли по меньшей мере 17 человек, в том числе малолетние дети, например сын Василия Попова, секретаря здешней канцелярии, «которому от рождения месяцев 6». Общее количество погибших от рук бунтовщиков из главной пугачевской армии и взбунтовавшихся крестьян в Алатыре и уезде составило 65 человек «дворян и разного звания людей». Имеется и другая цифра погибших в Алатырском уезде: 221 человек^{693}.

Нет смысла подробно останавливаться на всех деталях пугачевского рассказа о событиях в Поволжье в июле — августе 1774 года. Картины, нарисованные предводителем бунтовщиков, во многом напоминают его повествование о пребывании в Алатыре: попы с крестами; крестьяне, приводившие на расправу к «государю» дворян; пьяные бунтовщики,

грабежи и пр.^{694} Однако отдельные детали этого рассказа заслуживают более пристального внимания.

Пугачев, как и большинство подследственных всех времен и народов, пытался преуменьшить свою вину. Есть, например, основания предполагать, что на допросах он занижал количество убитых по его прямому приказу^{695}. Кроме того, отдельные убийства самозванец и вовсе пытался списать на своих сподвижников, выставляя себя перед следователями в более выгодном свете. Так, по его словам, во время похода на Пензу крестьяне привезли к нему свою помещицу. Женщине грозила виселица, но она рассказала самозванцу, «что муж ее в походе против турок, а она-де ис польских дворян». Услышав это, «Петр Федорович» вешать помещицу не стал, более того, взял ее под защиту и оставил в своем обозе. Однако дежурный «царский» адъютант Яким Давилин вскоре сообщил самозванцу, что походный атаман Андрей Овчинников «засек оную афицерскую жену плетьми до смерти», поскольку она сама и ее муж, бывая на Яике и останавливаясь в его доме, «делали ему раззорения, и ево и жену ево бивали». Самозванцу, ставшему выговаривать атаману, тот будто бы ответил: «Мы не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас разоряли, с собою возил, мы тебе служить не будем». Пришлось Пугачеву «замолчать», поскольку «Овчинников — первой человек во всей его толпе»^{696}.

продать ему лошадей за 3500 рублей, а поскольку денег тогда у «царя» не было, пообещал «заплатить, когда придет он, Емелька, в Саратов». Как вспоминал на следствии Пугачев, «о приходе же его в Саратов тому купцу сказал тогда наудачу, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда, — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове». Да и Яков, отдавая бунтовщикам своих лошадей, наверное, не надеялся на то, что они заплатят. Однако, напомнив «государю», и впрямь пришедшему в Саратов, о долге, Уфимцев получил свои деньги (правда, по некоторым данным, не 3500, а 2700 рублей), более того, был произведен самозванцем в полковники и назначен атаманом «саратовской станицы». Его детей «амператор» также не обошел вниманием: один получил чин полковника и медаль, другой стал есаулом. Правда, впоследствии Якову пришлось расплачиваться за пугачевские благодеяния: командующий екатерининскими войсками П. И. Панин приказал дать ему 25 ударов кнутом «и — в память злодейских дел — урезать ухо»^{697}.

Описывая последний этап пугачевщины, все без исключения исследователи отмечают активное участие в восстании крестьянства. И хотя термин «крестьянская война» главным образом стал использоваться лишь в советское время, уже дореволюционный историк А. Г. Брикнер писал: «Перекинувшись на правый берег Волги, бунт всё более и более принимал характер крестьянской войны». Британская исследовательница И. Мадариага, в целом не принимая термин «крестьянская война» по отношению к этому восстанию, всё же замечает, что «на заключительном этапе, после поражения у стен Казани, оно превратилось в настоящую Жакерию»^{698}. При этом, однако, следует помнить, что, как правило, здешние крестьяне поднимались на восстание только после того, как главная армия мятежников вступила на правый берег Волги и к ним пришли пугачевские посланцы. Историки обращали внимание на то, что зачастую крестьяне не самолично расправлялись со своими помещиками и прочими врагами, а отвозили их на казнь к «Петру Федоровичу» или же держали под арестом до прибытия какого-нибудь пугачевского отряда^{699}.

Таким образом, крестьянство, несмотря на активное участие в последнем этапе пугачевщины, и в это время не являлось движущей силой восстания. Мужикам, чтобы присоединиться к возмущению, была нужна поддержка или даже санкция со стороны «государя» и его начальников. Поэтому не последнюю роль в присоединении крестьян и прочей «черни» к восстанию сыграли манифесты («имянные указы») «Петра Федоровича».

Вот один из самых замечательных «царских» документов того времени — манифест от 31 июля 1774 года, обращенный к жителям Пензы и Пензенской провинции:

«Божиею милостию, мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляется во всенародное известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне; и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку; и свобождаем всех от прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцов-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалыя бедствия.

А как ныне имя наше властью всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, — оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет.

Дан июля 31 дня 1774 году.

Петр»^{700}.

Однако были в это время и крестьяне, не желавшие поддерживать Пугачева. Так, в Нижегородской провинции одноименной губернии хотя и имели место отдельные крупные выступления, в целом восстание поддержки не получило. Этот район располагался близко к центру, а значит, находился под более бдительным полицейским надзором, лучше охранялся и обеспечивался военными силами, в результате чего сюда было труднее

проникнуть пугачевским отрядам. Историки также предполагают, что тамошних крестьян, живших во многом за счет неземледельческих занятий, «в меньшей степени волновал основной повстанческий лозунг о земле». Кроме того, в этих местах «было большое число дворянской мелкоты с ничтожным имущественным достатком»^{701}, что также может объяснять пассивность тамошних крестьян.

Порой Пугачеву даже приходилось наказывать крестьян за непослушание. В этой связи можно назвать село Сундырь (ныне город Мариинский Посад в Чувашии), разграбленное, а затем и сожженное 17 июля 1774 года за то, что его жители бежали в лес, узнав, что от них требуется поставить 500 казаков в армию «Петра Федоровича» (некоторые из сундырцев говорили, что сделали это, поскольку понимали, что Пугачев — самозванец). Кроме того, исполняя приказ Свяжской провинциальной канцелярии, крестьяне затопили лодки, чтобы Пугачев со своим отрядом не мог переправиться на правый берег Волги. Крестьяне успели спастись от «государева» гнева, а один из здешних священников почему-то остался, был схвачен и казнен бунтовщиками^{702}.

Впрочем, и крестьянам, поддержавшим «третьего императора», порой приходилось нелегко. Жители села Дмитриевского Инсарского уезда в конце июля 1774 года отправили в Саранск, где тогда стояла пугачевская армия, своего посланца, некоего Потапку. Узнав, что владелец Дмитриевского Александр Васильевич Пьянков успел вовремя скрыться, бунтовщики через Потапку приказали тамошним мужикам сыскать барина и доставить его в повстанческий лагерь, пообещав за доставку помещика «великое жалование», а в противном случае грозили «повесить прикащика, а ежели прикащика не имеетца, то повесить выборнова старосту и старших людей. А дом как барской, так и крестьянский, чтоб головнею покатить (то есть сжечь. — *Е. Т.*), а народ весь порубить». Мужики взяли приказчика под караул и организовали погоню за помещиком, а бежавшим с ним слугам написали, чтобы они вернулись и привезли с собой барина. А вот «служитель» (по всей видимости, приказчик) Зот Федоров обратился с письмом к самому помещику: «Государь Александр Васильевич! Доношу вам, что можно вам воротитца жить, куды не ездите, а не уедите, только боля на гнев наводите. А нам в вас пришла виселица, душа моя пропадает занапрасно, а вы сысканы будите».

Письма помещик получил, но возвращаться к своим мужикам не собирался, да и, судя по всему, схвачен ими не был. Однако остается неизвестной судьба крестьян, не выполнивших приказ. Можно лишь

предположить, что по каким-то причинам угроза «народ весь порубить» и сжечь крестьянские дома не была исполнена, поскольку о подобном злодеянии, скорее всего, было бы известно по другим источникам^{703}.

Конечно, крестьяне и прочая плохо вооруженная и безлошадная «чернь» не вызывали восторга самозванца. Иногда он даже избавлялся от таких вояк, отправляя их по домам. Но, по всей видимости, случилось это всё же крайне редко, поскольку хорошо известно, что повстанческое войско в это время главным образом состояло из людей, плохо вооруженных или вовсе безоружных. Даже таким людям предводители бунтовщиков находили применение в своей армии, причем иногда весьма жестокое. Перешедший на сторону самозванца в Саратове 6 августа 1774 года секунд-майор Андрей Салманов на следствии утверждал: «...как начнется сражение, то на оное гонят вооруженные невооруженных вперед, а при самом сражении за содрогание их сзади умерщвляют». Салманов в показаниях упирал на разнузданность, пьянство и крайнюю жестокость бунтовщиков, а потому его можно было бы заподозрить в сгущении красок. Однако вполне возможно, что майор не обманывал дознавателей. Архимандрит Платон Любарский сообщал, что при штурме Казани яицкие казаки впереди себя гнали плетью пехоту и почти невооруженную «чернь». (Правда, иногда к Пугачеву приходили и вооруженные, и даже конные крестьяне, которых самозванец, естественно, принимал в свое войско^{704}.)

Несмотря на такие эксцессы, «чернь» с огромным сочувствием относилась к «третьему императору». Простонародье с радостью встречало бунтовщиков, а на территориях, еще не охваченных восстанием, с нетерпением ожидало «царя-избавителя». Подобные настроения не могли не пугать дворян, в том числе живших в то время в Москве и боявшихся, что Пугачев непременно двинется на Первопрестольную. Известный мемуарист Андрей Болотов вспоминал о своих тогдашних ощущениях: «...мысли о Пугачеве не выходили у всех у нас из головы, и мы все удостоверены были, что вся подлость и чернь, а особливо всё холопство и наши слуги когда не въявь, так втайне сердцами своими были злодею сему преданы и в сердцах своих вообще все бунтовали и готовы были при малейшей взгоревшейся искре произвести огонь и полымя. Пример бывшего незадолго в Москве страшного мятежа (Чумного бунта 1771 года. — *Е. Т.*) был у нас еще в свежей памяти, и мы не только подобного тому ж опасались, но ожидали того ежеминутно. Глупость и крайнее безрассудство нашего подлого народа была нам слишком известна, и как при таких

обстоятельствах не могли мы на верность и самих наших слуг полагаться, а паче всех их и не без основания почитали еще первыми и злейшими нашими врагами, а особливо слыша, как поступали они в низовых и прямо тогда несчастных местах со своими господами, и как всех их либо сами душили, либо предавали в руки и на казнь злодею Пугачеву, то того и смотрели и ждали, что при самом отдаленнейшем еще приближении его к Москве вспыхнет в ней пламя бунта и народного мятежа»^{705}.

Большинство простолюдинов об этом помалкивали, но находились и такие, кто был готов говорить «въявь». Тот же Болотов рассказал об одном таком случае, произошедшем 4 августа 1774 года. Отправляя дворцовых крестьян вверенной ему в управление Киясовской волости для защиты Коломны (ожидалось, что туда скоро придет Пугачев), он решил обратиться к мужикам с напутственным словом. Одному, «самому ражему и бойкому из всех», Болотов сказал:

— Вот этакому как бы не драться, один десятерых может убрать.

А тот ему ответил, «злодейски усмехаясь»:

— Да! Стал бы я бить свою братью? А разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!

Болотов, услышав такой ответ, «оцепенел». Однако ему пришлось проглотить «сию горькую пилюлю». Он лишь воскликнул:

— Дурак! Сукин сын! Что ты это мелешь?

Болотов занес имя смутьяна в записную книжку. Тогда мужик «перетрусился» и «повеся голову» отправился в Коломну вместе со своими товарищами.

До Коломны Пугачев не дошел, а потому мужику не довелось стать подданным самозваного «царя», а пришлось вернуться под власть Болотова. Последний, кстати, не забыл о его дерзости и впоследствии наказал за нее^{706}.

Власти принимали различные меры, чтобы не допустить Пугачева в Москву и не дать восстанию перекинуться на новые территории. Одной из таких мер была смена командующих правительственными войсками. Еще в начале июля императрица была обеспокоена сообщением Брандта о появлении самозванца в пределах Казанской губернии. Считая, что ответственность за этот прорыв несет Щербатов, Екатерина сместила его с должности и поставила на его место Петра Голицына, того самого, который разбил Пугачева весной 1774 года сначала под Татищевой, а потом и в Сакмарском городке. Однако в связи с увеличивавшейся опасностью Екатерине II пришла мысль отправиться в Москву и самой возглавить

подавление пугачевщины. Но приближенные, главным образом Никита Иванович Панин, полагавшие, что поездка государыни в Москву только придаст восстанию большее значение, а значит, вызовет ненужные толки как внутри империи, так и за ее пределами, отговорили императрицу, от такого шага. Вместо этого было решено послать на театр военных действий нового командующего с обширными полномочиями. По предложению Панина этим командующим стал его брат Петр Иванович. Указ о его назначении был подписан 29 июля 1774 года^{707}.

Петр Иванович Панин (1721–1789) прославился как на гражданской, так и на армейской службе. Среди его военных успехов следует вспомнить взятие в 1770 году турецкой крепости Бендеры, в штурме которой, как мы помним, принимал участие и Пугачев. За взятие Бендер Екатерина II наградила Панина орденом Святого Георгия 1-й степени и пожаловала 2500 крепостных душ. Петр Иванович поблагодарил государыню, но при этом попросился в отставку. Полагают, что причиной такого внезапного решения было неудовлетворенное честолюбие, которому полученные награды казались несоразмерными с заслугами. Проживая в отставке в Москве и в своем подмосковном имении, Панин произносил столь крамольные речи, что властям пришлось отправить «надежных людей» присматривать за ним. Императрица называла его «дерзким болтуном», «вралем» и даже своим «персональным оскорбителем». К сожалению, нам неизвестно, что конкретно говорил Панин. Предполагают, что он ругал правительство и, быть может, говорил о законных правах на престол наследника Павла Петровича^{708}.

Такого человека Екатерина поставила во главе антипугачевских сил. Как писал дореволюционный историк Н. Ф. Дубровин, «обстоятельства требовали жертвы, и великая женщина для пользы дела пошла на уступку»^{709}. При этом она не согласилась на уговоры братьев Паниных дать новому командующему исключительные полномочия, превосходившие полномочия покойного Бибикова. Императрица не желала, чтобы про нее подумали, будто она, «побоясь Пугачева», «выше всех смертных» возвышает «первого вралю» и своего «персонального оскорбителя». Тем не менее власть, которую Екатерина вручила П. И. Панину, была очень значительной. Так, помимо войск, сражавшихся с Пугачевым, подчиняться ему должны были и гражданские органы в губерниях, охваченных восстанием: Казанской, Оренбургской и Нижегородской^{710}.

Ввиду того что Россия победно завершила войну с турками (10 июля 1774 года в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи был заключен

мирный договор), правительство могло бросить против Пугачева значительные силы. В письме от 30 июля Екатерина II, перечисляя войска, отправленные против бунтовщиков, писала: «...и так кажется противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была»^{711}.

Неожиданный гость

Несмотря на военные приготовления, власти не оставляли надежд на то, что бунтовщики сами выдадут своего предводителя. В августе 1774 года эта перспектива казалась реальной, как никогда прежде.

Рано утром 8 августа 1774 года в петербургский дом князя Григория Григорьевича Орлова явился некий казак, потребовавший немедленно разбудить хозяина. Казак сказал орловскому камердинеру, что ему необходимо сообщить князю тайну первостепенной важности и дело не терпит отлагательств. Камердинер доложил, и Орлов приказал ввести гостя в свою спальню. Тот объявил, что он яицкий казак Астафий Трифонов, и протянул Григорию Григорьевичу письмо. Письмо оказалось настолько важным, что князь решил немедленно ехать в Царское Село к императрице, захватив с собой Трифонову. В письме ближайший пугачевский сподвижник Афанасий Перфильев и еще 324 яицких казака сообщали Орлову, что они схватили самозванца и держат его под караулом. Разумеется, казаки готовы привезти его в Петербург, но предварительно правительству необходимо выполнить несколько условий. Бунтовщики рассчитывали, что государыня «рыбною ловлею изволили приказать владеть по прежнему», и просили денежное вознаграждение, причем часть денег «золотыми империалами» следовало отправить к ним немедля, с подателем письма. Кстати, в послании говорилось, что именно он вместе с Перфильевым уговорил казаков схватить самозванца^{712}.

Когда Трифонову ввели к Екатерине, он тут же бухнулся ей в ноги. Государыня приказала ему встать и милостиво позволила поцеловать руку. Она выспрашивала казака о заговоре против Пугачева «и о прочих происшествиях на Яике», а потом вдруг поинтересовалась, как это он сумел пройти через Москву.

— Если угодно вашему величеству, — отвечал осмелевший казак, — то я проведу чрез оную десять тысяч человек и никто о том не проведает. Я прошел в Москву вот каким образом, ваше величество: пристав за пять

верст к едущим в город подводам с дровами и сеном, перекрестясь у заставы, иду прямо в этом кафтане в нее, мимо часового, тут стоящего, который, увидев меня, ухватил за левую полу кафтана и закричал: «Стой, куда ты идешь? Есть ли у тебя письменный вид?» Я ему без робости отвечал: «Господин служивый, был у меня письменный вид, но верст за десяток отсюда вот из левого продравшегося кармана потерял, куда с ним завязанное кое-что и другое положено было». Служивый, всунув в левый мой карман руку, которая прошла насквозь, выдернув оную с сердцем, толкнул меня в заставу так сильно, что я было упал. Стоящие тут солдаты и народ захохотали, а я, провождаемый их смехом, пошел прямо по улице. Вот матушка-государыня, каким образом прошел я Москву.

При этих словах Трифонов продемонстрировал драный карман, на что «государыня императрица изволила усмехнуться».

Казак оставался в Царском Селе до вечера. Его накормили да еще и прислали подарки от государыни: самому ему — 200 червонных, жене — два отреза бархата, десять аршин золотого глазета (парчи) и 12 аршин золотого галуна.

— Положи в карман, но не в левый, там дыра, — сказал Орлов, передавая Трифонову кошелек с червонцами, — а когда кончишь свое дело, то будешь более и более награжден^{713}.

После нескольких дней, проведенных в Петербурге, Трифонов был отправлен восвояси. Сначала он с отрядом капитана Галахова должен был добраться до передовых правительственных войск, а уж оттуда — в повстанческий лагерь^{714}.

Наверняка у внимательного читателя сообщение об успешном заговоре против самозванца вызвало большие сомнения — хотя бы потому, что Астафий Трифонов пришел к Орлову с сообщением об этом заговоре 8 августа, тогда как две недели спустя самозванец еще был на свободе и возглавлял повстанческое войско. Трифонов попросту надул Екатерину и ее бывшего фаворита. Ранее он хотел обхитрить Пугачева. Астафий Трифонов — не кто иной, как московский купец Иван Иванов, который приезжал получить долг от «Петра Федоровича», а заодно привез подарки от наследника. На самом деле этот смельчак-проходимец — ржевский купец Астафий Трифонович (то есть Трифонов) Долгополов. (Кстати, о том, что он называл себя Ивановым, известно лишь из показаний Пугачева; сам же Долгополов утверждал, что своего настоящего имени и прозвания от самозванца не скрывал^{715}.)

Долгополов и впрямь в свое время поставил на конюшни реального

Петра III 500 четвертей овса на 675 рублей, но денег не получил. К этой неудаче добавилась еще одна — утонули его барки с товарами. Услышав «в народной молве между мужиков» о появившемся под Оренбургом «Петре Федоровиче», купец решил поправить финансовое положение. По его собственным словам, план заключался в следующем: если этот человек и вправду государь, то постараться получить плату за овес; если же он самозванец, то попытаться уговорить его сообщников связать и выдать предводителю императрице, за что ржевский купец надеялся получить хорошее вознаграждение^{716}.

Как мы уже знаем, Долгополов добрался-таки до пугачевского лагеря. Разумеется, он понял, что имеет дело не с государем, а с самозванцем, который не собирается отдавать долги настоящего Петра Федоровича. Кроме того, увидев, как по приказанию «амператора» вешают дворян, купец настолько испугался, что решил отказаться от мысли выдать Пугачева властям. Теперь он желал только одного — как можно скорее уйти. Но «амператор» не отпускал Долгополова, подозревая его в шпионаже. Только когда за Астафия походатайствовал кто-то из ближайших пугачевских сподвижников (дело происходило примерно 18 июля 1774 года), самозванец наконец-то решил отправить его восвояси.

— Ну, старик, убирайся! Совсем я тебя отпущу! — милостиво объявил «амператор» Долгополову. — Поклонись от меня наследнику моему Павлу и скажи, чтоб он меня выручил. Да смотри же, старик, возвратись ко мне, конечно, через три недели в Царицын и тут меня ищи.

«Государь» был столь добр, что даже дал «посланцу» 50 рублей на дорогу:

— Не погневайся! Коли б меня под Казанью не ограбили, то я б тебе дал побольше, а теперь нет^{717}.

Долгополов сначала отправился домой, а оттуда в Петербург. У него возник новый план: раз уж самозванца провести не удалось, он решил обхитрить графа Григория Орлова. От Афанасия Перфильева Астафий знал, что тот был послан Орловым схватить Пугачева. Именно поэтому Долгополов и написал от имени Перфильева с товарищами уже известное нам письмо. Обращаясь к Григорию Григорьевичу, мнимый «Афанасий» писал: «В бытность мою в С. Петербурге, изволил меня просить, чтоб [поймать] явившагося злодея и разорителя Пугачева...» На самом деле Перфильева посылал не Григорий Орлов, а его брат Алексей. Впрочем, ни адресат письма, ни императрица внимания на это не обратили, а потому обман вполне удался: Долгополов получил подарки и был отправлен за

Пугачевым. (Правда, на следствии Долгополов будет оправдывать обман Орлова и императрицы не только корыстными интересами, но и благородными мотивами: мол, действительно хотел, взяв деньги, отправиться в пугачевский стан и подкупить самозванцевых сподвижников.) В сопровождении отряда капитана Галахова он прибыл в Царицын в конце августа 1774 года. Оказавшись в городе, Долгополов и сопровождавшие его люди услышали о событии, буквально судьбоносном для повстанческого войска и самого Пугачева^{718}.

Изложение «императора»

В пугачевском войске, подошедшем 21 августа 1774 года к Царицыну, насчитывалось до 20 тысяч человек и 34 орудия. Царицынский комендант полковник Иван Цыплетев в рапорте П. И. Панину от 26 августа сообщал об унынии и страхе, охвативших город при приближении самозванца. Перешедшие на сторону Пугачева калмыки, по словам коменданта, «под Царицыном вне города ничего не оставили и скот весь без остатку отогнали, сады, мельницы, загородные дома жгли, целые деревни разоряли и привели в нищету». Кроме того, отряд донских казаков, служивших императрице, 20 августа потерпел поражение. К тому же многие донцы оказались крайне ненадежными: они роптали, а то и просто уходили к Пугачеву. Цыплетеву приходилось уговаривать казаков «стоять под пушками и производить дело», а других защитников ободрять, «обнадеживая их высочайшею ее императорского величества милостию, что за их храбрые поступки без награждения не останутся»^{719}.

И, судя по всему, комендант поработал неплохо: Царицын стал первым городом в Поволжье, которым так и не удалось овладеть главной пугачевской армии. О поведении защитников города во время атаки 21 августа Цыплетев писал в одном из рапортов: «Могу засвидетельствовать: все неустрашимы до последнего солдата, равно купцы и обыватели, имеющие ружье и посты по стенам». Но, по всей видимости, главную роль сыграла артиллерия. Бой 21 августа в значительной степени являлся артиллерийской дуэлью. У оборонявшихся было 63 орудия — почти вдвое больше, чем у пугачевцев, к тому же правительственные силы превосходили повстанцев в интенсивности огня. Если сведения Цыплетева достоверны, во время боя был ранен лишь один бомбардир, «а прочие артиллеристы и все трудившиеся при артиллерии и на постах штаб-и обер-

офицеры до последнего солдата, купечество и обыватели вооруженные, занимающие посты... крепость и сами себя соблюли безвредно». Правда, нельзя исключать, что погибшие со стороны правительственных войск в этот день всё же были, поскольку донские казаки «в поле имели великое с его (Пугачева. — Е. Т.) толпою дело». Что же касается потерь в пугачевском войске, то они, согласно тому же Цыплетеву, составили более двух тысяч убитыми и попавшими в плен. Получив известие, что к городу приближается преследовавший его военный отряд во главе с полковником Михельсоном, и понимая, что хороших вояк в его армии маловато, Пугачев решил избежать драки с ним^{720}.

Куда же теперь направлялся самозванец со своим войском? На большом московском допросе он утверждал, что шел на Черный Яр, откуда собирался «итти прямо в Яицкой городок и тут остаться зимовать». Об этих планах знали лишь некоторые его сподвижники из яицких казаков. Прочим повстанцам Пугачев говорил, «што бутто б зимовать он идет в Астрахань, для того, што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик бы охотников итти было мало, кроме яицких казаков»^{721}.

Отходя от Царицына, у западного предместья бунтовщики обнаружили донских казаков, укрывавшихся в буераках у реки Царицы. Пугачев попытался окружить противника, однако большая часть донцов ушла в город. Остальные перешли на сторону самозванца. Впрочем, на первом же ночлеге начался исход донских казаков из повстанческой армии, повергший некоторых бунтовщиков в «великое сумнение». Дело в том, что еще до боя под Царицыном то ли во время «переговорки», то ли после нее один из донцов, увидев Пугачева, закричал: «Емельян Иваныч! Здорово!» Массовый исход казаков подтверждал догадку, что они узнали в «амператоре» своего земляка. Судя по всему, так оно и было. Интересно, что даже сам Емельян Иванович слышал, как казаки перешептывались между собой: «Это наш Пугачев». К тому же 21 или 22 августа повстанческое войско покинула большая часть калмыков Дербетева улуса (правда, по всей видимости, они ушли не самовольно, а с согласия самозванца, чтобы в будущем вновь присоединиться к нему)^{722}.

Двадцать второго августа пугачевское войско вошло в Сарепту, селение немецких колонистов. Напуганные жители успели разбежаться, а вот пожитки унесли не все, так что бунтовщикам было чем поживиться. Впоследствии, вернувшись в колонию, ее руководитель Даниэль Генрих Фик написал, что зрелище «разоренной и разграбленной колонии нас жалостью и ужасом наполнило»: «...что с собою увезти невозможно было,

злейшим образом разорвано в мелкие части, разбито и разбросано. Высыпанные из перин перья покрывали всё наше местечко, окна все выбиты, двери расколоты, печи разломаны и все домашняя принадлежности, коих похитить неможно было, совсем разорены»^{723}.

На следующий день бунтовщики расположились близ Солениковой ватаги — рыбопромыслового заведения, принадлежавшего царицынскому купцу Соленикову (ныне в трех километрах южнее села Солодники Астраханской области). Самозванец, по всей видимости, считал, что встреча с преследователями неизбежна, а потому решил сам выбрать место для нее. Именно здесь 25 августа состоялось последнее сражение пугачевщины^{724}.

Накануне — день был воскресный — пугачевские любимцы ходили друг к другу в гости, а напоследок собрались у одного из повстанческих полковников, Толмачева, который угощал их чаем и водкой. О времяпрепровождении пугачевских сподвижников мы знаем из следственных показаний депутата Уложенной комиссии Василия Горского, находившегося в эти дни в ставке «Петра Федоровича». Причем Горский рассказал не только о том, что пили у Толмачева, но и о ведшихся во время пирушки разговорах. Особенно словоохотливым в этот день был пугачевский шурин, брат «императрицы» Устиньи Егор Кузнецов.

— Вот, братцы, — говорил он Василию и прочим собутыльникам не из яицких казаков, — коли Бог донесет до Яицкого городка, там-то я вас угощу. Слава богу, по милости батюшки нам есть чем потчевать, там увидите мою сестрицу государыню Устинью Петровну.

— Ну, брат, подлинно, то-то красавица, — подтвердил Горскому Федор Чумаков. — Уж я довольно видал хороших, только этакой красавицы не видывал.

Увидев, что Василий смотрит на неприглядную физиономию Егора, казаки поняли, какие мысли возникли в его голове.

— Что ты на него смотришь, ты думаешь, что он похож на нее? Нет, это какой-то у них выродок, а та посмотрит-ка глаз-та что ли или брови-та, так уж полно и говорить, одним словом — великая красавица.

Впрочем, рассуждали бунтовщики и о делах государственной важности. Тот же Егор Кузнецов сообщил, что скоро к ним приедет цесаревич Павел Петрович.

— Да разве его высочество знает, что батюшка его здесь? — засомневался Горский.

— Батюшка к нему много раз писал, да всё перехватывали письма,

однако ж дошло одно письмо. Так цесаревич писал на это к батюшке, что он скоро сюда будет, а сверх того писал, что и он много от себя письма посылал да и генерала послал от себя, но так же и генерал на дороге перехвачен^{725}.

Говорят, и сам Пугачев накануне битвы пил водку, однако были у него дела и поважнее. Он приказал выдать жалованье своей армии, а также произвел ближайших сподвижников в фельдмаршалы, генералы и другие высокие чины. За чином к самозванцу пришел и старый пьяница Михаил Голев, о котором уже упоминалось на страницах этой книги. Держа в руке большой медный крест, Голев встал на колени и обратился к «государю»:

— Когда ж, батюшка, ты меня пожалуешь в бригадиры? Ведь я тебе довольно уже служил, наверховал тебе гусар 700 человек, а 300 довербую.

— Ну, пошел, теперь кто пьяных жалует, — сказал, засмеявшись, Пугачев. — А что, Голев, — продолжил он шутливый разговор, — много ли я тебя бивал, как я был еще князем?

— Нет, батюшка, однава только вы меня ударили в грудь.

— Эх ты так долго помнишь, да где я тебя бил?

— Да в Зимнем дворце, сударь.

(Голев в свое время служил в гвардии. Пользуясь этим, он подыгрывал «амператору», частенько вспоминая, как тот бивал его в прежние времена.)

По свидетельству Василия Горского, во время разговора с Голевым Пугачев отдал последние распоряжения повстанческим командирам по поводу предстоящего сражения:

— Приготовьте свои полки, выведите на поле и там ночуйте. Да будьте осторожны, неприятель близко нас, завтра будет у нас работа^{726}.

Бой начался на рассвете 25 августа. Повстанческое войско насчитывало до десяти тысяч человек, в то время как в правительственном отряде было 4767 человек. На сей раз победа Михельсона была более легкой и быстрой, нежели предыдущие. Видимо, именно по этой причине он в своих рапортах больше не расточал похвалы восставшим. Пугачев пытался остановить повстанцев, бегущих с поля боя, но старания его оказались тщетными. Тогда и сам на лошади бросился наутек. За ним следом, также верхом, уходили его первая жена Софья и сын Трофим. Им удалось спастись бегством, а малолетние дочери Пугачева попали в руки преследователей. Говорят, дорожная коляска, в которой они ехали, во время этой бешеной гонки опрокинулась на крутом косогоре. По данным Михельсона, в плен попало более шести тысяч человек. Кроме того, правительственному отряду удалось захватить 24 орудия, а также

множество награбленного добра и освободить пленных, в числе которых были и девушки-дворянки. Что же касается погибших в последней битве, то, опять же по сведениям Михельсона, у Пугачева «на месте сражения, в догонку и в лесу над Волгою побито и потоплено до 2000 человек или более». Среди погибших были такие видные бунтовщики, как атаман Андрей Овчинников и пугачевский адъютант Яким Давилин. Михельсон потерял 16 человек убитыми и 74 ранеными^{727}.

Участник этой битвы Дементий Верхоланцев объяснял поражение повстанцев изменой находившихся в войске донских казаков: «...главный орудия наши они заколотили и изрубили лафеты». Историк Р. В. Овчинников считает, что пугачевцы в самом начале сражения лишились артиллерии из-за предательства повстанческих предводителей Чумакова, Федулева и Творогова. Мнение Овчинникова основано на записках П. С. Рунича, который передавал пугачевские упреки в адрес Чумакова, не занявшего лагерь за некоей рытвиной. Если бы «проклятый Чумаков» занял этот лагерь, уверял самозванец, «то у Михельсона не осталось бы косточки». Есть сведения, что донские казаки во время битвы будто бы перешли на сторону Михельсона и напали на повстанцев. Но едва ли донцы, Чумаков или кто-нибудь другой выводили из строя пушки и совершали прочие вредительства. Во всяком случае, о своих заслугах перед властью никто из «вредителей» во время следствия не объявил, даже несмотря на то, что, по словам Творогова, мысли о заговоре против Пугачева у него и некоторых других казаков к тому времени уже имелись. Однако настоящий заговор возник всё же несколько позже, главной же причиной поражения под Солениковой ватагой была крайне низкая боеспособность повстанческого войска. По некоторым данным, под Царицыном оружие имела лишь треть бунтовщиков. Сам Пугачев объяснял свой отказ вступить в бой с правительственными войсками под Царицыном малым количеством боеспособных повстанцев — он боялся, что бунтовщики «сробеют и разбегутца». Через несколько дней с уходом части калмыков и донских казаков ситуация могла только ухудшиться. И совершенно неудивительно, что некоторые бунтовщики, в том числе и сам Пугачев, описывая сражение у Солениковой ватаги, говорили о страхе, робости и «малом супротивлении» восставших^{728}. А пугачевец Иван Бурнов на следствии по-иному объяснял низкую боеспособность войска: повстанцы, узнав от донских казаков, что во главе их войска стоит самозванец, не желали биться за него^{729}.

После поражения под Солениковой ватагой Пугачев с остатками

войска бежал вдоль Волги на юго-восток по направлению к Черному Яру. Не доходя 20 верст до Черного Яра, вечером 25 августа бунтовщики переправились на левый берег Волги. В погоню за Пугачевым бросились правительственные отряды под общим командованием знаменитого Суворова. Кстати, вслед за Пугачевым направился и Астафий Долгополов в сопровождении отряда капитана Галахова. Однако купцу удалось убедить своих спутников сначала вернуться на правый берег Волги, а потом отпустить его с несколькими сопровождающими на поиски самозванца. Разумеется, Долгополов был отправлен не с пустыми руками. Правда, вместо запрошенных 12 тысяч рублей ему дали лишь 3100. Узнав об аресте Пугачева, проходимца попытались вернуть назад. Он бежал на родину, в Ржев, где и был арестован 2 октября 1774 года^{730}.

Пугачева арестовали без помощи Долгополова. Но совершили это вовсе не преследователи самозванца, а его собственные сподвижники.

Выше уже говорилось, что роковая встреча под Царицыном Пугачева с донскими казаками, узнавшими его, а затем уход какой-то части донцов из повстанческого войска заставили некоторых бунтовщиков, веривших в подлинность «Петра Федоровича», усомниться в своем «государе». Впрочем, у других эти сомнения возникли раньше. На следствии судья повстанческой «Военной коллегии» Иван Творогов вспоминал, что «еще до входу в Саратов» у него возникла полная уверенность в самозванстве «амператора». Тот приказал секретарю «Военной коллегии» Алексею Дубровскому написать именной указ донским казакам. Творогов отнес этот указ на подпись к «государю». (Напомним, что некоторые пугачевские манифесты и указы не только подписывались, но и скреплялись печатями^{731}.)

— Извольте, ваше величество, сами етот указ подписать! — обратился он к самозванцу. — Вить имянные указы, я слыхал, сами государи подписывают!

Неграмотный Пугачев, разумеется, бумагу не подписал и даже дал своему отказу весьма остроумное объяснение:

— Иван! Нельзя мне теперь подписывать, до тех пор, покуда не приму царства. Ну, вить ежели я окажу свою руку, так вить иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем.

Самозванец приказал сходить за Дубровским, чтобы тот подписал «царский» указ. Когда же Творогов и Дубровский вышли от него, между ними произошел следующий разговор.

— Што, Алексей Иваныч, как ты думаешь? — спросил Творогов. —

Ин кажется худо, пропали мы совсем; видно, што он грамоте не знает, когда сам не подписывает имянных своих указов. А вить государь Петр Федорович и по-русски, и по-немецки достаточен был в грамоте.

— Так, брат Иван Александрыч, и я то же думаю; худо наше дело.

Но ведь Творогов служил самозванцу почти с самого начала восстания. Неужели он только теперь понял, что Пугачев неграмотный? Видимо, подобный вопрос волновал и следователей. На это предположение наводят показания Творогова: «Хотя же я и с самого начала при злодее у письменных дел находился, но кленусь живым Богом, что никак не знал того, што злодей грамоте не умеет, ибо он пред всеми нами показывался знающим тем, что писывал в глазах наших какие-та крючки, иногда мелко, а иногда крупно, и сказывал, што ето пишет по-немецки; также, если когда подашь ему в руки что-нибудь написанное, то, смотря на оное, шевелил губами и подавал вид, што он читает; почему и не смел никто из нас опробовать его знание написанием другого, нежели он приказывал, бояся виселицы, потому что он содержал нас в великом страхе». (На следствии Творогов явно преувеличил свою уверенность в самозванстве вождя мятежников. Даже после ареста Пугачева секретарь повстанческой «Военной коллегии» едва ли был твердо уверен, что тот не «подлинный государь».)

После разговора с Дубровским Творогов пошел к начальнику пугачевской артиллерии Федору Чумакову и открыл ему, что их предводитель не царь, а самозванец. Тогда-то, по словам Творогова, они с Чумаковым и задумались об аресте Пугачева, однако привлечь к этому делу других бунтовщиков опасались, поскольку, как утверждал Творогов, все без исключения считали самозванца государем. Поэтому приятели решили «таить сие до удобного случая»^[732].

Спустя некоторое время после переправы через Волгу Творогов и Чумаков посвятили в свои планы других бунтовщиков из числа яицких казаков — группа заговорщиков выросла до пятнадцати человек. Думается, не будет ошибкой предположить, что примкнуть к заговору казаков вынудило безнадежное положение после битвы под Солениковой ватагой и переправы через Волгу. Если раньше после поражений Пугачев довольно быстро набирал новое войско, то теперь его отряд, скитавшийся по заволжским степям, порой без пищи и воды, становился всё меньше. По всей видимости, накануне ареста с ним оставалось немногим более ста бунтовщиков, главным образом из яицких казаков. Неудивительно, что в эти дни самозванец порой бывал молчалив и выглядел «весьма унылым», тем более что за последние недели он лишился нескольких ближайших

сподвижников. Помимо атамана Андрея Овчинникова, погибшего во время битвы у Солениковой ватаги, в последующие дни отстали от самозванца, а потом и попали в руки к властям такие знатные бунтовщики, как Афанасий Перфильев и Алексей Дубровский^{733}.

После двухнедельных скитаний бунтовщики остановились близ рек Большого и Малого Узеней. Ездившие охотиться на сайгаков казаки Иван Бакалкин и Яков Лепехин сообщили, что встретили поблизости стариков, живших в отшельничестве в землянках для спасения души. Пугачев захотел побывать у них, надеясь найти то ли съестное, то ли каких-то беглых старцев. Этой-то поездкой и решили воспользоваться заговорщики: отправились вместе с Пугачевым, а на обратном пути на берегу реки Большой Узень (сейчас это территория города Александров Гай Саратовской области) арестовали его^{734}.

Пугачев собирался сесть на лошадь, когда Иван Федулев крикнул стоявшему поблизости Бурнову:

— Иван! Што задумали, то затевай!

Бурнов схватил Пугачева «спереди за руки, повыше локтей»; тот, видимо, был настолько поражен этой дерзостью, что поначалу даже не пытался сопротивляться, а лишь «робким и перерывающимся голосом говорил»:

— Што ето? Што вы вздумали? На кого вы руки подымаете?

Казаки кричали, что не хотят больше ему служить и проливать невинную кровь, и так, мол, «прогневали Бога и матушку милостивую государыню».

— Ай, робята! — пытался Пугачев вразумить заговорщиков. — Што вы ето вздумали надо мною злодействовать? Вить вы только меня погубите, а то и сами не воскреснете! Полно, не можно ли, детушки, етова отменить? Напрасно вы меня губите!

Заговорщики не стали ничего «отменять», но обещали самозванцу отвести его в Яицкий городок, приговаривая:

— Вить ежели ты подлинный государь, так тебе нечего бояться.

Затем казаки потребовали от низложенного «амператора» отдать им шашку, ножик и патронницу. Пугачев не сопротивлялся, но сказал Бурнову:

— Мне бесчестно отдать ето тебе, а я отдам полковнику своему Федулеву.

Казаки не стали противиться, после чего посадили Пугачева на лошадь и под присмотром повезли дальше, отправив в повстанческий лагерь Чумакова с сообщением о случившемся^{735}.

По дороге Пугачев подозвал к себе Творогова:

— Иван! Подь-ка сюды!

Творогов подъехал к самозванцу, который предложил ему отъехать от остальных для разговора. Творогов согласился, не опасаясь, что самозванец уйдет: во-первых, позади ехали два казака, а во-вторых, его лошадь была лучше пугачевской. Когда они немного отъехали, самозванец начал уговаривать Творогова прекратить бунт против своего «государя»:

— Иван! Што вы ето делаете? Вить ты сам знаешь Божие писание: кто на Бога и на государя руки подымет, тому не будет прощения ни здесь, ни в будущем веке. Ну што вам пользы — меня потеряете и сами погибнете! Полно, подумайте-ка хорошенько, не лутче ли кинуть ето дело!

— Нет уж, батюшка, — отвечал Творогов, — и не говори, што задумали и положили, то так тому и быть, отменить нельзя.

Во время этого разговора Пугачев оглянулся назад и, увидя, что казаки, ехавшие сзади, поотстали, «торопливо» сказал Творогову:

— Ну, прощай, Иван! Оставайся!

Пустив коня галопом, он поскакал с дороги в степь, пробираясь через «впереди стоящий, большой и весьма частый, камыш».

Началась погоня. Творогов нагнал самозванца, но тот хлестнул плетью по морде твороговской лошади, отчего она бросилась в сторону. Иван снова нагнал Пугачева, и снова повторилась та же история. Наконец, Творогов в третий раз подъехал к самозванцу, но теперь действовал не в одиночку — на помощь к нему пришли те два казака, по вине которых и ушел Пугачев. Преследователи попытались схватить «царя», но он «бросился с лошади на землю, намеряясь скинуть с себя сапоги и шировары и бежать, по-видимому, пешком». Казаки тоже соскочили с лошадей, и один из них, Тимофей Железной, кинулся на самозванца. Пугачев ухватился за его шашку «и выдернул было ее до половины», но другой казак, Астраханкин, «не допустил его до сего». Тут подоспел Иван Федулев, и казаки «связали руки назад злодею, браня его тут, сколько кому на память пришло, и посадили его на ту же лошадь, на которой хотел бежать».

В этой злополучной поездке принимали участие жена и сын самозванца. Следовательно, они были очевидцами пугачевского ареста. На следствии Иван Творогов вспоминал, что Софья и Трофим, видя, как «мы его вязали и содержим под караулом, хотя ничего не говорили, однако ж очень плакали». Через некоторое время после того, как у низложенного «амператора» были связаны руки, заплакал и он сам. Правда, сначала он грозил казакам мстью со стороны наследника Павла Петровича и лишь потом, «переменя свои угрозы, стал плакать и божиться, что не уйдет уже

более». И, как ни странно, казаки поверили Пугачеву и развязали его^{736}.

Затем отряд заговорщиков соединился с остатками пугачевского войска. Бунтовщики не стали заступаться за своего предводителя, лишь Василий Коновалов и Сидор Кожевников высказали нежелание идти в Яицкий городок, за что и были арестованы. По просьбе Пугачева руководители заговора созвали круг, на котором свергнутый «царь» обратился к казакам:

— Куда вы, Яицкое войско, намерены теперь ехать и что хотите со мною делать?

— Мы намерены, — закричали казаки, — весть тебя в Яиц-кой городок с повинною. Мы сомневаемся в тебе, царь ли ты, нет ли; так поди, сам оправдайся, а мы больше с тобою ехать никуда не хотим.

— Напрасно, други мои, вы ето вздумали, — с грустью сказал Пугачев, — вить вам смерти всем не миновать!

Однако «Петр Федорович» был не из тех «царей», которые легко расстаются со своими «престолами». Уже по дороге в Яицкий городок он решил воспользоваться тем, что его руки не были связаны: во время привала, «увидя оплошность малолетка, по прозванию Харьки», схватил его шашку и пистолет и пошел прямо на главарей заговора, «сидевших в то время в одной куче на траве».

— Вяжите старшин-та, вяжите! — закричал он остальным казакам, сдобрив свой призыв матерщиной.

— Кого ты велишь вязать? — спросил Федулев.

— Тебя, — отвечал Пугачев, направив пистолет на Федулева.

Самозванец спустил курок, «но кремень осекся», выстрела не последовало. Тогда Федулев выхватил шашку и двинулся на Пугачева, крича остальным:

— Атаманы-молодцы, не выдайте!

Казаки окружили самозванца, обезоружили его и связали руки, после чего «посадили уже вместе с женою и сыном его, рыдающими горько». Кроме того, заговорщики провели своего рода расследование — спросили самозванца, «сам ли он собою сие сделал или другой кто присоветывал». Услышав, что «присоветывал» ему казак Михаила Маденов, «надеясь, что казаки вступятся», заговорщики избили Маденова настолько «немилосердно», что «никто не знает, жив ли он или умер». Кстати сказать, из показаний самого Пугачева и некоторых других повстанцев создается впечатление, что некоторые казаки и впрямь собирались вступить за самозванца, однако в решающий момент дрогнули^{737}.

Несмотря на этот инцидент, в скором времени Пугачеву вновь освободили руки и не связывали его вплоть до 14 сентября 1774 года, когда его передали яицким казакам, служившим Екатерине II. Их сотник Петр Харчев был весьма удивлен подобному обстоятельству. На следствии Пугачев дал объяснение такому «милосердию» вчерашних сподвижников: «А как те сообщники мои еще и в то время думали, что я государь, то вязать меня не хотели». Пугачевское заявление подтверждается рапортом Петра Харчева. Еще до встречи с арестованным Пугачевым и сопровождавшим его отрядом Харчев говорил с Твороговым и Чумаковым, посланными бывшими мятежниками вперед. Они сказали Харчеву, что «едут от своего государя... в Яицкий город с раскаянием». К тому же они потребовали, «чтоб его в городе встретили с честью и отвели б квартиру». О том, что заговорщики «и по сию пору еще в мыслях об нем (Пугачеве. — *Е. Т.*) очарованы», писал С. И. Маврин П. С. Потемкину в донесениях от 15 и 16 сентября 1774 года^{738}.

Таким образом, не все ближайшие пугачевские сподвижники считали, что имеют дело с самозванцем. Но тогда получается, что, например, Творогов и Чумаков были готовы выдать властям даже «настоящего государя», лишь бы спасти себя. Возможно, так оно и было, тем более что до заговорщиков дошли слухи о «милосливом судье», приехавшем в Яицкий городок (имелся в виду капитан-поручик Савва Иванович Маврин), который «из тюрьмы всех колодников повыпустил и вдовам и сиротам выдает на пропитание хлеб». Надо сказать, толки о милосердии Маврина были небезосновательны. К тому же, спасая себя и выдавая властям «государя», некоторые его сподвижники надеялись, что «Петру Федоровичу» власти ничего плохого не сделают: «...ежели ты подлинный государь, так тебе нечего бояться»^{739}.

Так или иначе, 14 сентября 1774 года заговорщики передали Пугачева сотнику Харчеву, который следующей ночью доставил его в Яицкий городок^{740}.

Итак, грандиозный спектакль был окончен. Самозванный «царь» вновь стал тем, кем был на самом деле, — донским казаком Емельяном Пугачевым.

Глава восьмая

ОПЯТЬ НЕ «АМПЕРАТОР»

Следствие

В ночь на 15 сентября Пугачева доставили в Яицкий городок и препроводили в тот самый ретраншемент, который он безуспешно штурмовал зимой — весной 1774 года. Он был помещен в отдельный «номер». Дежурному караульному офицеру капитан-поручик Савва Иванович Маврин вручил письменный приказ, в котором, помимо прочего, говорилось, что Пугачева должны караулить «два часовых внутри покоя, а два — снаружи». Колоднику воспрещалось давать что-либо в руки, «а паче того, чем бы он повредить себя мог». Караульному офицеру предписывалось также находиться в камере во время приема Пугачевым пищи: «Когда дается ему что в пищу, при том вы сами бывайте, и до тех пор вон не выходите, покудова он принесенное не съест». Перед тем как отправить самозванца в камеру, его обыскали, при обыске обнаружили и, разумеется, отобрали 139 золотых червонцев, 480 серебряных рублей, одну турецкую монету и серебряную медаль на погребение Петра I^{741}.

Следующие два дня по приказанию Маврина Пугачева выводили на городскую площадь, где при собравшихся жителях и вчерашних сподвижниках он «кричал во всё горло, что он — Зимовейской станицы донской казак, не умеющий грамоте, и их обманывал». Видимо, эта сцена сильно подействовала на бывших бунтовщиков, которые, по словам Маврина, до тех пор «в мыслях очарованы были [им] из недомыслия», а теперь, узнав правду, «честили ево уже не по-царски, а так, как повелось». Впрочем, и самозванец не остался в долгу. Маврину пришлось даже унимать казаков — он «с нуждою запретил дуракам врать». Прибывший 16 сентября в Яицкий городок Суворов похвалил капитан-поручика за это представление с участием Пугачева. Конечно, Маврин был весьма польщен, что «величайший в своем звании человек ту мне честь учинить соизволил»^{742}.

Пятнадцатого сентября Маврин учинил самозванцу первый допрос. Правда, допрос был устным, и о нем мы знаем из мавринских рапортов, главным образом из его доклада П. С. Потемкину. «Описать того

невозможно, сколь злодей бодраго духа, — сообщал капитан-поручик своему начальнику, — однакож без наимянования себя тем именем, коим до сего часа так дерзко себя называл». Помимо прочего, во время этого допроса Пугачев напрочь отверг обвинения в «посторонней помощи», не без хвастовства заявляя, что вовсе не нуждался в ней: «Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно», — правда, тут же посетовал: «Только люд нерегулярной». Говорил он и о том, что сам не верил, будто может стать царем, и вообще «удивляется, что был сперва очень щастлив». Свои успехи самозванец объяснил волей Провидения: «Сие попущение Божеское к нещастию России». Еще один момент заслуживает особого внимания: во время первого допроса Пугачев, с одной стороны, заявлял, что виноват перед государыней «и заслужил все те муки», которые на него «возложены будут», с другой — пытался оправдать себя: «он не столько виновен, как яицкие казаки». По всей видимости, у самозванца действительно теплилась надежда на прощение. По крайней мере, Маврин писал, что «злодей уповает и на милосердие ея величества, говоря при том, что он — слуга доброй, и заслужить [прощение] всячески в состоянии»^{743}.

На следующий день Емельян Иванович вновь давал показания С. И. Маврину, но теперь их уже записывали. Протокол этого допроса, как отмечал Р. В. Овчинников, — «своеобразные «мемуары» Пугачева, записанные с его слов следователем»: самозванец подробно рассказал о своей жизни, начиная с детства и заканчивая привозом его «в Яицкой городок, в секретную коммисию». Правда, пугачевские показания, освещающие события после битвы у Сакмарского городка (1 апреля 1774 года), выглядят довольно скупо — Маврину пришлось поспешить с завершением допроса, потому что прибывший в тот день Суворов потребовал выдать ему Пугачева, чтобы отвезти его к командующему П. И. Панину^{744}.

Изначально Маврин собирался отправить Пугачева не к Панину, а к своему непосредственному начальнику (кстати сказать, большому панинскому недругу), руководителю секретных комиссий П. С. Потемкину, однако не мог перечить генерал-поручику Суворову; таким образом, борьба за важного пленника между Потемкиным и Паниным была выиграна последним. В десять часов утра 18 сентября самозванец, его первая жена Софья и сын Трофим под охраной отряда во главе с Суворовым отправились в путь. Маршрут их сначала лежал в Пензу, но его пришлось изменить, когда Панин сообщил, что направляется в Симбирск^{745}.

Везли их с большими предосторожностями. Для самозванца «сделана была наподобие клетки особливая на двух колесах телега, куда он посажен, по рукам и по ногам скованный». По инструкции, в эту телегу нельзя было сажать ни жену, ни сына; всех троих следовало рассадить «в розные кибитки» и не позволять им переговариваться. На привал надлежало располагаться «на ровном и чистом месте, а не в перелесках», а в селениях — «на улице, а не в избах». Были приняты и другие меры предосторожности, но главное — за арестантами неусыпно следил «накрепчайший караул». Когда к Суворову присоединился несколько запоздавший граф Меллин со своими людьми, то конвойный отряд увеличился до тысячи казаков и солдат^{746}.

Но зачем же такой большой отряд для сопровождения всего трех человек? Дело в том, что места, по которым везли арестантов, были весьма опасными. 12 лет спустя Суворов вспоминал, что во время конвоирования самозванца по уральской степи их постоянно беспокоили «киргизцы» (казахи), «которые одного ближняго при мне убили и адъютанта ранили». Таким образом, если бы отряд был небольшим, существовала бы вполне реальная опасность, что «киргизцы» отобьют самозванца, как тремя месяцами ранее отбили повстанческого атамана Григория Туманова. О том, как страдали от набегов мирные жители, пишет другой очевидец похода в Симбирск, будущий биограф Суворова Иоганн Фридрих Антинг. По его словам, «киргизцы» разграбили деревню Мосты на реке Иргиз «и увели с собою почти всех крестьян, так что из 100 душ едва 10 бегством спастись и укрыться могли». Кстати, в этой же деревне с суворовским отрядом, остановившимся на отдых, произошло крайне неприятное событие — неподалеку от того места, где находился Пугачев, «сделался пожар». Конвоиры опасались, «чтобы он при сем замешательстве не скрылся». Затем, если верить Антингу, самозванца пересадили «из клетки в телегу, с его 12-летним сыном, за которым для его чрезвычайного проворства весьма прилежно присматривали. Оба были к телегам привязаны»^{747}.

Пугачев был доставлен в Симбирск в ночь на 1 октября. На следующий день туда прибыли командующий правительственными войсками П. И. Панин, победитель самозванца И. И. Михельсон, а также начальник секретных комиссий П. С. Потемкин. Последний хотя и был недоволен, что Пугачева отвезли не к нему в Казань, а к Панину, всё же решил приехать в Симбирск и лично увидеть «злодея». В тот же день близ дома, где остановился командующий, самозванец принародно каялся в грехах и объявлял, что «он беглый с Дону казак Емельян Пугачев». Из

панинского письма «милостивому другу и драгоценному братцу» Никите Ивановичу узнаём, что «адской изверг Пугачов» получил от Петра Ивановича «несколько пощечин» (в черновике письма было написано «несколько плюх»), «а борода, которою он Российское государство жаловал», удостоилась «довольного дранья». Интересно, что в письме московскому генерал-губернатору М. Н. Волконскому Панин ничего не сообщил о «дранье бороды», а в письме Екатерине II не стал упоминать и о пощечинах. Что же так рассердило графа Петра Ивановича? Сам Панин в письме брату и М. Н. Волконскому объяснил, что вышел из себя «от распаленной на его (Пугачева. — *Е. Т.*) злодеянии моей крови». Известный ученый и мемуарист П. И. Рычков, бывший свидетелем этой сцены, писал, что хотя самозванец и прилюдно каялся в преступлениях, «но, может быть, по привычке своей или по злой своей натуре отвечал на вопросы его сиятельства очень смело и дерзновенно», за что и получил «несколько пощечин и ударов»^{748}. По преданию, записанному А. С. Пушкиным в Симбирске в 1833 году, когда Панин спросил самозванца: «Как же смел ты, вор, назваться государем?» — тот будто бы ответил: «Я не ворон... я вороненок, а ворон-то еще летает»^{749}.

Затем Пугачева привели в особняк, где остановился Панин. Самозванец вновь прилюдно каялся (набралось «более 200 человек военных, гражданских и разного звания и пола людей»). Если верить запискам очевидца этих событий Павла Степановича Рунича (в те времена майора), Панин и тут «едва не ударил злодея», но сдержался «и, подняв обе руки вверх (в трепетании своего сердца), с пролитием горьких слез, воскликнул: «Господи! я осквернил было мои руки! Боже милосердый! во гневе твоём праведно наказал Ты нас сим злодеем». Согласно Руничу, во время этой сцены у графа «ручьями лились старческие его слезы», а «все присутствовавшие, как окаменелые, безмолвствовали»^{750}.

Интересные воспоминания о встрече с Пугачевым в Симбирске оставили Г. Р. Державин и П. И. Рычков. Когда Державин явился к Панину засвидетельствовать почтение, граф предложил ему посмотреть на знаменитого узника. «Чрез несколько минут представлен Самозванец, в тяжких оковах по рукам и по ногам, в замасленном, поношенном, скверном широком тулупе». Пугачев сразу встал пред графом на колени. Панин же спросил:

— Здоров ли, Емелька?

— Ночей не сплю, всё плачу, батюшка, ваше графское сиятельство.

Если верить Державину, Панин, заканчивая разговор с арестантом,

даже подал ему надежду на спасение:

— Надейся на милосердие государыни^{751}.

Известному ученому Петру Ивановичу Рычкову довелось не только повидать и послушать самозванца, но и поговорить с ним. Когда Рычков пришел на квартиру, где находился Пугачев, самозванец «сидел и ел щербу^[20], налитую на деревянное блюдо». Арестант предложил гостю пообедать с ним, причем это предложение «не только удвоил, но и утроил». Рычков, отказавшись, стал спрашивать Пугачева, «как он отважиться мог на такие злодейства и продерзости». Самозванец — наверное, уже по привычке — стал каяться и обещал исправиться, подкрепляя свои обещания «божбою». Петр Иванович поведал узнику, что «от него и от его сообщников совсем разорен», но «тягчее всего» для него то, что бунтовщиками во время боя под Симбирском был убит комендант города, его сын. Пугачев стал оправдываться, что «всё то сделано без его ведома, ибо-де сообщники его, что ни похотели, то, не спрашиваясь его, сами делали». Говоря о покойном сыне, Рычков заплакал. Присутствовавшие при встрече офицеры впоследствии уверяли Рычкова, что и самозванец не смог сдержать слез. Но Петр Иванович не поверил Пугачеву, потому что «сие было в нем от его великого притворства, к которому, как от многих слышно было, так он приучился, что, когда б ни захотел, мог действительно плакать». «Приметно мне было, — писал Рычков, — что он самый изверг природы и ко всякому злему предприятию склонный человек». Впрочем, к этой нелестной характеристике ученый добавил слова (слышанные, вероятно, от Панина или других военных), которые звучат почти похвально: Пугачев «весьма скор в поворотах к воинским делам по казацким обыкновениям, и при многих случаях оказывал он великую склонность и проворность»^{752}.

Но какими, наверное, незначительными посетителями казались Пугачеву и Рычков, и Державин по сравнению с его победителями — генерал-майором Голицыным и полковником Михельсоном. Правда, по свидетельству Рунича, самозванец воспринял их неодинаково. Узнав, что перед ним Голицын, он сказал:

— Ваша светлость — славный генерал. Это вы первый сломали мне рога у Татищевой.

А вот когда Емельяну Ивановичу представился Михельсон, «Пугачев ни одного слова не сказал, но побледнел и как будто вострепнулся, нагнул голову. Михельсон, постояв с минуту, оборотился и пошел к двери». Когда же полковник подошел к выходу, самозванец довольно громко сказал:

— Попросить мне было у него одну шубу, ему много их досталось.

(Пугачев намекал, что солдаты и офицеры михельсоновского корпуса хорошо поживились за счет повстанческих обозов, захваченных под Казанью и Черным Яром.) Затем самозванец будто бы заявил:

— Где б этому немцу меня разбить, если б не проклятый Чумаков был тому причиною^{753}.

Самозванцу в Симбирске уделялось беспрецедентное внимание. Помимо вышесказанного, об этом свидетельствует и написание его портрета каким-то неизвестным художником по приказанию Панина. Точнее, было выполнено несколько экземпляров этого портрета. Пугачевские изображения рассылались в различные части Российской империи, например в Петербург, чтобы высшие сановники и сама Екатерина II могли увидеть «сего адского изверга», или в Тобольск к тамошнему губернатору Д. И. Чичерину. Один портрет Панин отправил в Казань, где «изображение злодея и самозванца» было прилюдно сожжено. Один из таких портретов дошел до нас и ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве^{754}.

Насколько можно понять из источников, в Симбирске Пугачев содержался не в тюремной камере, как иногда утверждается в научной литературе, а в обыкновенной избе. П. И. Рычков писал, что самозванец был посажен «под крепкий гвардейский караул, скованный по рукам и по ногам железам, а сверх того около поясницы его положен был железный обруч с железною ж цепью, которая вверху прибита была в стену». Начальнику караула капитану гвардии А. П. Галахову было дано наставление: содержать самозванца «всегда прикованным к стене», никого к нему не пускать без разрешения Панина. Внутри помещения, где сидел Пугачев, должны были постоянно находиться по одному унтер-и обер-офицеру и посменный часовой из солдат-преображенцев, которому не полагалось иметь при себе оружия, «кроме шпаги, и то не обнаженной» — наверняка из-за опасения, что преступник как-нибудь выхватит у часового оружие и покончит жизнь самоубийством. Кормить его следовало на 15 копеек в день пищей «обыкновенной подлому человеку». Еду готовили часовые. Поскольку наступали морозы, а Пугачеву предстояла неблизкая дорога, следовало обеспечить его надлежащими одеждой и обувью, также употребляемыми «подлыми, а не знатными людьми». Первую жену и сына самозванца также надлежало снабдить одеждой и обувью, а вот кормить скромнее — тратить на продукты по десять копеек в день на каждого^{755}.

Но Пугачева сюда привезли не только для того, чтобы рисовать с него

портреты или показывать публике. По прибытии в Симбирск Панин решил на следующий же день начать допрос самозванца. Допрос проходил с 2 по 6 октября под руководством П. С. Потемкина (Панин присутствовал лишь в первый день). Причем следствие над Пугачевым в Симбирске не было предусмотрено Екатериной II и являлось инициативой самого Панина. Императрица уже распорядилась о создании следственной комиссии в Москве, которая и должна была допросить Пугачева и «самоглавнейших по сему делу колодников». Правда, Панин об этом узнал лишь в середине октября, когда допрос уже закончился. Как мы помним, Потемкин с помощью психологического давления и физического насилия вынудил Пугачева сказать, что он креатура «раскольников». Однако следствие, проводившееся в Москве, полностью опровергло это заявление и 14 человек, оговоренных самозванцем в Симбирске и привлеченных к следствию в Москве, в конечном счете были оправданы. В целом же пугачевские показания во время симбирского допроса, по замечанию Р. В. Овчинникова, представляют собой пестрое мозаичное полотно, на котором отображены и достоверные свидетельства, и полуправда, и откровенные измышления, причем последние явно преобладают^[756].

Бодрость духа, которая у Пугачева присутствовала во время допросов в Яицком городке, в Симбирске по вполне понятным причинам улетучилась. Помощник Галахова майор Рунич вспоминал: «Пугачев, с самого того времени, как оставался у генерал-майора Потемкина на последних допросах, всё то время, что содержался в Симбирске под присмотром, в крайнем находился унынии и задумчивости, не говорил почти ни с кем ни слова. Приказано было всем четырем его приставам всеми мерами стараться его, Пугачева, выводить из уныния и задумчивости, кои начали уже в нем уменьшаться в пути, когда из Симбирска отправились с ним в Москву». Кстати сказать, и сам Потемкин 8 октября сообщал императрице, что самозванец «становится день ото дня гораздо слабее», а потому руководитель секретных комиссий «истязания... делать ему опасался, дабы не приключилось ему смерти» (правда, написал об этом лишь в черновике донесения)^[757].

Двадцать шестого октября 1774 года Пугачев, его первая жена и сын отправились в Москву под охраной отряда Галахова, численность которого не превышала ста человек, а вероятнее всего, насчитывала 64 конвоира. Правда, галаховский отряд сопровождали различные военные команды; вернее, они должны были находиться в тех селениях, где конвой будет останавливаться на ночлег. «Везли Пугачева скованного по рукам и ногам»,

но уже «не в клетке, а в зимней кибитке». «Пища ему производилась сытная, — вспоминал пугачевский конвоир капитан Н. З. Повало-Швыйковский, — и пред обедом и ужином давали порцию простого вина (то есть низкоградусной водки. — *Е. Т.*), Пленника везли только днем, а ночь проводили за крепким караулом на приуготовленных квартирах». Если верить Повало-Швыйковскому, «всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен». Однако, по свидетельству П. С. Рунича, также входившего в состав конвоя, напротив, «в дороге он (Пугачев. — *Е, Т.*) стал разговорчивее, веселее и каждый вечер на ночлеге рассказывал нам о военных своих подвигах и разных приключениях своей жизни». По мнению Р. В. Овчинникова, возможно, запрещение разговаривать с Пугачевым не распространялось на старших офицеров конвоя, к которым принадлежал помощник Галахова майор Рунич^{758}.

Самозванец, в частности, поведал, «что не мог бы Михельсон разбить его под Сениковою (правильно — Солениковой. — *Е. Т.*) ватагою, если б генерал его Чумаков не был в том причиною»:

— Когда я отступал от Царицынской крепости, то и приказал Чумакову как генералу артиллерии и генералу-квартирмейстеру, чтоб он следовал впереди с войском и занял бы лагерь на Сениковой ватаге, а сам я и со мною генералы мои Овчинников, Перфильев, Коновалов и Федулов оставались в арьергарде, чтоб удерживать беглецов, кои начали было разбегаться; пришел с арьергардом к лагерю, который Чумаков пред большою рытвиною Сениковой ватаги поставил, который должно было ему поставить за рытвиною; приказал я тотчас перенести лагерь за оную; но как во всю ночь занимались переносом лагеря, причем натурально сделался беспорядок, то Михельсон, узнав об оном, напал на меня, пред светом, и удалось ему меня разбить. Но если б Чумаков расположил лагерь за рытвиною, то утер бы я нос у этого немца!^{759}

А вот еще одно воспоминание Рунича, достойное внимания читателей. Однажды невдалеке от Арзамаса в первом часу ночи к нему пришел один из конвоиров, подпоручик Ершов, и доложил, «что Пугачев сильно и отчаянно сделался болен». Майор поспешил в избу, где содержался Пугачев, и «нашел его действительно страдающего сильною коликой». Самозванец едва мог говорить. Увидев Рунича, он произнес:

— Я умираю. Велите выйти всем вон из избы, я вам одному открыть должен важнейший секрет.

Рунич выслал всех из избы, а солдату Дибулину приказал как можно скорее нагреть чайник воды для приготовления пунша, с помощью которого

офицер собирался вылечить самозванца. Когда Рунич остался с Пугачевым наедине, тот «прерывчатым» голосом со вздохом сказал:

— Если не умру в сию ночь или в дороге, то объявляю вам, чтобы доведено было до ее величества государыни императрицы, что имею ей одной открыть такие тайные дела, кои, кроме ее величества, никто другой ведать не должен; но чтоб был к ней представлен в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперь одет. (По словам мемуариста, просьбу эту Екатерине передали, но она, как нетрудно догадаться, от встречи с самозванцем отказалась.)

Вскоре принесли горячую воду, сахар, чай и французскую водку, из которых Рунич приготовил «доброй пунш». Самозванец выпил три чашки, после чего «на лице стал показываться у него крупной пот». Майор сидел у самозванца «часа два», развлекая его разными рассказами. Вскоре лекарство начало действовать — Пугачев сказал, что «ему в груди стало полегче и что его всего прошиб пот». Рунич приказал «приодеть» больного, «после чего стал он засыпать и заснул крепко». Наутро, когда Рунич пришел к своему пациенту, самочувствие того заметно улучшилось:

— Ты, батюшка, славный лекарь, и я от твоего лекарства ожил и здоров так, как будто ночью со мною ничего не случилось^{760}.

Надежда на прощение императрицы не покидала Пугачева даже в Москве. Но, думается, что помимо этой надежды, жизнь самозванца в месяцы после ареста облегчало и то внимание, которым он был окружен, ведь он любил славу. В Симбирске с него рисовали портреты, его навещали знатные особы, поглазеть на него собиралось множество народа. А в Москве тамошний главнокомандующий (генерал-губернатор) князь Михаил Никитич Волконский собирался устроить самозванцу такую встречу, которая надолго запомнилась бы жителям. 5 октября 1774 года он писал императрице: «Когда злодей Пугачев суды привезен будет, то, по мнению моему, кажется надо ево чрез Москву вести публично и явно, так чтоб весь народ ево видеть мог, по примеру, как Петр Первой, взяв Азов и в нем измени-ка Якушку^[21], велел ввозить в Москву следующим образом: зделана была особливая повозка, на которой поставлена висилица, и к оной тот злодей стоя прикован был, а вверху над оным большими литерами надпись была ево злодействам. Не прикажите ль, всемилостивейшая государыня, и ныне также зделать? На что буду ожидать высочайшего повеления». Однако Екатерина затею не одобрила и приказала привести самозванца в Москву «безо всякой дальной афектации и не показывая дальнее уважение к сему злодею и изменнику»^{761}.

При этом императрица не давала каких-то специальных распоряжений об обеспечении тайной доставки Пугачева в Москву. Его следовало привезти в город днем, а потому публика могла надеяться, что удастся увидеть знаменитого злодея. О том, что эти надежды едва ли сбудутся, 3 ноября 1774 года чиновник Московской губернской канцелярии П. Вяземский писал своему высокопоставленному родственнику генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому: «Завтрешней день привезут к нам в Москву злодея Пугачева. И я думаю, что зрителей будет великое множество, а особливо — барынь, ибо я сегодня слышал, что везде по улицам ищут окошечка, откуда бы посмотреть. Но только я думаю, что никто его не увидит, ибо он везется в кибитке, а притом будут его окружать казаки и драгуны, следственно, и видеть нельзя»^{762}.

И впрямь на следующий день, «как везли злодея по городу, то зрителей было великое множество». Неизвестно, удалось ли им увидеть Пугачева, но тем зевакам, которые собрались близ Монетного двора, где поселили Пугачева, пришлось уйти несолоно хлебавши. В письме от 4 ноября М. Н. Волконский сообщал Екатерине II: «...как привезли его сюда и посажен был, и во всё то время, как я сам был, народу в каретах и дам столь было у Воскресенских ворот много, што проехать с нуждою было можно, только што глядят на полаты. Я думаю, што они ожидали: не подойдет ли злодей к окошку. Однакож зрители в сем обманулись, что его видеть никак невозможно»^{763}.

Из этого замечания Волконского и других сведений о пребывании самозванца в Москве следует, что в Первопрестольной, в отличие от Симбирска, власти не собирались показывать Пугачева публике вплоть до казни. Таким образом, запись А. С. Пушкина (ставшая частью заметок, объединенных автором названием «Table-talk» — «Застольные разговоры»), что во время пребывания самозванца «на Менювом дворе» «праздные москвичи между обедом и вечером заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развезить по городу», не соответствует действительности. Едва ли состоялась и описанная там же встреча Пугачева с неким симбирским дворянином, но рассказ настолько хорош, что не грех его и повторить. Якобы дворянин (он был «очень дурен лицом, к тому же и без носу»), в свое время бежавший от Пугачева, пришел посмотреть на самозванца и, «видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами... Пугачев, на него посмотрев, сказал: «Правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал»^{764}.

В распоряжении историков имеется лишь одно достоверное сообщение о посещении Пугачева лицом, не имевшим отношения к следствию или к содержанию самозванца. В письме от 5 декабря 1774 года П. С. Потемкин сообщил П. И. Панину, что супруга последнего Мария Родионовна 4 декабря «изволила видеть Емельку Пугачева, которой, узнав о имени ея, упал в ноги. Но он уже не тот стал, которой был, и при всём злодействе своем смягчает состоянием своим всю досаду, каковую возражаться против его злодейств надлежало»^{765}.

Итак, 4 ноября 1774 года в девять часов утра самозванец, «старая его жена и сын под стражею гвардии капитана Галахова» были доставлены на Монетный двор. Пустовавшее двухэтажное каменное здание Монетного двора, располагавшееся у северо-западного угла Красной площади, вблизи Воскресенских ворот Китай-города (несколько перестроенное, оно сохранилось до наших дней в глубине двора дома 1 по Историческому проезду, позади здания городской думы), было спешно приспособлено для содержания не только «злодея», но «и прочих колодников» и проживания охраны и некоторых приезжих чиновников следственной комиссии. М. Н. Волконский в донесении императрице от 4 ноября сообщал, что «злодей посажен в уготованное для его весьма надежное место на Манетном дворе, где сверх того, что он в ручных и ножных кандалах, прикован к стене; жена же с сыном в особом номере». Более детальное описание условий содержания самозванца дал в воспоминаниях Н. З. Повало-Швыйковский: «...занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах и укрепленную в стене, поперек тела»^{766}.

Почти сразу после доставки Пугачева в Москву М. Н. Волконский устроил ему предварительный допрос. Когда самозванца ввели «в судейскую камору», то он, как гласят протокол допроса и донесение Волконского императрице от 4 ноября, «без всякого спроса пал на колени и сказал: «Виноват пред Богом и пред государынею».

Волконский «уличал его, злодея, бесчеловечными зверскими злодеяниями», на что Пугачев отвечал:

— Мой грех, подбили меня люди. Я уж сам был этому не рад, да яицкие казаки делали, што хотели.

Волконский «с сим извергом исторически говорил с начала: каким образом, где и когда сие содеянное им злодеяние в скверное свое сердце посеял, и кто ему первыя были в сем зле пособники, даже и во всё время кто его и чем подкреплял». Самозванец говорил то же, что ранее в Симбирске. Ответив на несколько вопросов, Пугачев заявил: «Рад

заслужить вины свои ея императорскому величеству».

После Емельяна была допрошена его первая жена, которая о муже сказала:

— Чорт его знает, што он это наделал. А я о злодействе его прежде никогда от него не слыхивала, и он меня бросил уже три года^{767}.

В уже не раз упоминавшемся донесении Екатерине от 4 ноября Волконский дал любопытные характеристики Пугачеву, его жене и сыну (которого, кстати, допрашивать не стали). Эти характеристики уже упоминались, теперь же приведем их целиком. О самом Пугачеве Волконский писал: «Всемиловнейшая государыня! Осмеливаюсь донести о сем злодее мое примечание. Первое — он человек, нельзя никак сказать, чтоб был великого духа, а тем меньше — разума, ибо я по всем его ответам несколько остроты его не видал, как то высочайше из написанной его истории, ваше величество, усмотреть соизволите... Скверен так, как мужику быть простому свойственно, с тою только розницею, что он бродяга». Князь несколько не верил в раскаяние Пугачева, считая его настоящим злодеем. Что же до Софьи и Трофима, то о них Волконский писал следующее: «Жена его человек самой подлой (то есть простой. — Е. Т.) и, видно, тихой. А сын, мальчишка лет двенатцати, также ничего лутче матери не обещает»^{768}.

Остановимся подробнее на оценке Волконским умственных способностей самозванца. Конечно, мы помним, что «Пугачев жестоко просвященных отличным разумом людей подозревал»; однако он понимал, что без таких людей ему не обойтись, а это уж точно доказывает его разумность. Мы уже не раз видели, что в сообразительности и даже в задатках военачальника Пугачеву не откажешь. Вспомним о похвальных отзывах Голицына и Михельсона в адрес повстанческого войска, возглавляемого самозванцем. Члены следственной комиссии в Оренбурге довольно высоко оценили умственные способности Емельяна Ивановича. Проанализировав показания его сподвижников, 21 мая 1774 года они сообщили императрице: «...самозванец, хотя человек злой и продерзской, но пронырливый и в роде своем прехитрой и замысловатой». Источники донесли до нас примеры пугачевского остроумия. Когда крестьянин Афанасий Чучков спросил вернувшегося на Таловый умет из Мечетной слободы самозванца об участии Степана Оболяева по кличке Еремина Курица, тот ответил: «Курицу... поймали мечетенския мужики, да и хохол, я чаю, уже ей ощипали». Об этой шутке мы знаем из показаний Чучкова. Другой образчик пугачевского, на сей раз довольно черного, юмора

известен из показаний самого предводителя бунтовщиков. Когда Перфильев сказал ему, что капитан Баратаев «ушел», самозванец спросил: «Да как ему уйтить? Разве ты его уходил?»^{769}

После предварительного допроса началось подробное следствие, к которому был привлечен не только самозванец, но и многие другие люди. Чтобы оценить результаты этого разбирательства, необходимо понять, что удалось выяснить дознавателям в предыдущие месяцы и что хотела через следователей узнать у мнимого супруга Екатерина II.

Мы уже знаем, что во время симбирских допросов Потемкину удалось навязать Пугачеву ложное признание, что он является креатурой «раскольников». Об этих признаниях Потемкин сообщил Екатерине в письме от 8 октября 1774 года. Однако в этом же послании он писал: «Показание самозванца очищает сумнение, чтоб другие державы были ему вспомогательны, рассматривая невежество его, верить сему показанию можно». Подобное «сумнение» еще раньше рассеивали члены Оренбургской следственной комиссии — в донесении от 21 мая 1774 года они писали, что иностранцы не были причастны к организации этого бунта и «что изверг Пугачев успел в злодейском своем вымысле и предприятии с помощью одних только яицких казаков». Впрочем, по их мнению, предприятию способствовали также «народное здешнего края невежество, простота и легковерие»^{770}.

Но на этот счет имелись и другие мнения. 25 сентября 1774 года командующий российским флотом в Средиземном море граф А. Г. Орлов писал из итальянской Пизы Г. А. Потемкину о происхождении пугачевщины: «Я всё подозреваю и причины имею подозревать, не французы ли этой шутки причина. Я в бытность мою в Петербурге осмелился докладывать [о том], но мне не верили». Два дня спустя Орлов сообщил императрице о получении им письма от самозванки, которую впоследствии будут называть княжной Таракановой. Граф считал, что это послание «в слог» несколько напоминает пугачевские воззвания. И хотя, по мнению современного историка И. В. Курукина, это предположение безосновательно, нетрудно понять, почему оно появилось^{771}.

О связях злокозненных иностранцев с Пугачевым говорилось и в выписке из донесения российского посла в Париже князя И. С. Барятинского, поступившей к Екатерине II осенью 1774 года. Дипломат сообщал, что находившийся при посольстве священник во время прогулки познакомился с неким французом, называвшим себя Ламером, который утверждал, что жил среди иностранных колонистов в России и самолично

встречался с Пугачевым в Саратове. И хотя тогда Пугачев носил «казацкое платье», на самом деле самозванец якобы был уроженцем Очакова, служившим поручиком в русской армии во время Семилетней войны. По словам Ламера, Пугачев вместе со ссыльными конфедератами еще до войны с турками замыслил поднять восстание, к которому намеревался «склонить и колонистов», но последние его не поддержали. Правда, один из колонистов, француз Кара, в 1772 году сделался пугачевским эмиссаром — на деньги конфедератов ездил по Европе, выполняя различные поручения своего патрона. Так, Ламер утверждал, что Кара побывал в Париже у герцога д'Эгильона и вручил ему послание, в котором самозванец будто бы просил Францию уговорить турок прислать ему на помощь «несколько войска», а в случае поражения предоставить убежище. Но герцог отказался помогать самозванцу, а потому пугачевский посланец отправился в Италию, откуда намеревался ехать в Константинополь^{772}.

При разбирательстве выяснилось, что никакого Кара среди колонистов не было, зато удалось обнаружить сведения о некоем французе Пьере Лемере Бежо, правда, относившиеся лишь к 16 февраля 1771 года. (Историк А. С. Мыльников предполагал, что Пьер Лемер, «Ламер, искушавший в Париже русского священника», а также некий Соломон Ламер, жулик, действовавший в Смирне (Измире), — одно и то же лицо, однако не привел никаких доказательств этой версии^{773}.) Спросили о Каре и Лемере и у самого Пугачева. На большом московском допросе 4—14 ноября самозванец заявил, что этих французов не знает «и никому никаких комисей в чужие государства не давал, да и давать ему невозможно, что он ни на каком языке грамоте не умеет». Протокол допроса зафиксировал также, что «и толпы его, злодея, письменной человек Творогов и Почиталин сказали, што никого в чюжие края не отправляли. По-иностранны писал только Шванович...»^{774}.

Однако еще до начала разбирательства Екатерина была убеждена, что сведения, содержащиеся в выписке из донесения Барятинского, не что иное, как «авантюрьерское вранье, сложенное... единственно для того, чтоб от кого-нибудь выманить денег». И всё же в письме от 10 октября 1774 года императрица приказала главнокомандующему в Москве и по совместительству председателю следственной комиссии М. Н. Волконскому расспросить Пугачева по этому делу, ибо «ничего не должно пропустить мимо ушей, что до сей материи касаться может». Следует заметить, что Екатерина к этому времени была убеждена не только в ложности парижской истории, но и вообще в том, что у Пугачева не

имелось никаких связей с иностранными державами. В письме от 22 октября она писала Вольтеру: «...до сего времени нет ни малейшаго признака, чтоб он был орудием какой державы или чтобы поступал по чьему нибудь внушению. Можно наверно утверждать, что господин Пугачев был самовластной разбойник, и отнюдь никем не правимый»^{775}.

Чтобы вывести «плутни» наружу, Екатерина в письмах от 15 сентября и 3 октября приказывала Волконскому допросить Пугачева об обстоятельствах появления у него голштинского знамени. В результате расспросов самозванца, а также других разысканий выяснилось, что это знамя принадлежало одному из голштинских полков, сформированных в царствование Петра III, и попало в руки бунтовщиков после победы над правительственным отрядом во главе с секунд-майором бароном Августом Дицем у реки Пролейки (правый приток Волги) 16 августа 1774 года. Но каким образом оно из Москвы попало на Пролейку, властям, кажется, выяснить так и не удалось. Р. В. Овчинников предположил, что знамя было взято восставшими у погибшего Августа Дица, к которому оно могло попасть от его отца Томаса, служившего при Петре III в Военной коллегии и имевшего отношение к формированию голштинских полков^{776}.

В письме от 3 октября императрица также приказывала Волконскому узнать у Пугачева, «кто тот мальчик был, котораго он прочил на место великаго князя, и где тот мальчик». Об этом мальчике, постоянно находившемся при самозванце, императрице и Григорию Орлову сообщил Астафий Трифонов во время встречи в Царском Селе 8 августа 1774 года, предположив, что это сын кого-то из унтер-офицеров либо царицынского купца Качалова. Однако на допросе 2 декабря Пугачев рассказал, что мальчик «лет двенатцати или тринаццати», находившийся при нем в качестве пажа, — это сын повешенного им атамана Илецкого городка Лазаря Портнова Иван. Мальчик находился с самозванцем до самого его ареста и был привезен вместе с ним в Яицкий городок. Ни Пугачев, ни другие повстанцы ничего не сказали о том, что «Петр III» прочил Ивана «на место великаго князя». Добавим, что впоследствии Иван сделал неплохую карьеру — стал войсковым старшиной и атаманом Илецкой станицы^{777}.

На первый взгляд совершенно непонятно, почему императрицу волновали такие пустяки. Если история с голштинским знаменем еще как-то объяснима — Екатерина, например, могла опасаться, что тайные поклонники ее покойного мужа из высших сфер передали это знамя самозванцу, — то история с мальчиком вроде бы уж совсем не стоила

августейшего внимания. Однако Екатерина, зная, что многие простолюдины верили в чудесное спасение ее мужа, не могла не понимать, что если мальчика действительно выдавали за великого князя и он находится на свободе, то может представлять серьезную опасность.

Императрица ставила перед членами Московской следственной комиссии и более масштабные задачи. 27 сентября 1774 года она писала председателю комиссии М. Н. Волконскому: «...дело сего злодея привести в ясности и досканально узнать все кроющиеся плутни: от кого родились и кем производимы и вымышлены были, дабы тем наипаче узнать нужное к утверждению впредь народной тишины и безопасности...» В письме, датированном тем же днем, Екатерина II инструктировала другого члена комиссии, П. С. Потемкина: «...старайтесь вывести плутни от корени, дабы не осталось ни в чем сомнения...» «Для лучшего же узнания начала и всех концов сего дела» государыня советовала Потемкину привезти из Казани и Оренбурга ближайших сообщников Пугачева. Пожалуй, наиболее важным вопросом, на который императрица ждала ответа, был вопрос о происхождении пугачевского самозванства. 24 ноября, когда уже вовсю шло московское следствие, она писала Волконскому: «Буде никак от злодея самого или сообщников его узнать невозможно, кто выдумал самозванство Пугачева, то хотя бы и сие из него точно выведать можно было: когда в него мысль сия поселилась, и от котораго времени он имя сие на себя принял, и с кем, во-первых, о сем у него речь была»^{1778}.

Десятого октября Екатерина дала Волконскому два важных наставления насчет того, как проводить следствие: во-первых, самозванца следовало «разспросить» «от дня рождения его»; во-вторых, императрица просила Волконского удержаться «от всякого рода пристрастных распросов, всегда затемняющих истину». По мнению Р. В. Овчинникова, в последнем указании присутствовал другой, невысказанный мотив: избежать гибели Пугачева в ходе следствия, чтобы он дождался суда и публичной казни. Мысль историка подтверждается документами. 12 декабря 1774 года генерал-прокурор сената А. А. Вяземский писал М. Н. Волконскому: «...весьма неприятно бы было ея величеству, естли бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания». Поскольку государыне стало известно, «что некоторый приличившийся в важных преступлениях колодники от изнурительного их содержания умирают», Вяземский от ее имени приказал Волконскому, чтобы в отношении самозванца и его сподвижников «употребляема была вся возможная осторожность». Волконский отвечал, что «по комиссии о злодее не только

все живы, но и здоровы», признавая, впрочем, что Пугачев «стал хуже». На это имелись две причины: «первое, что он был всё в движении, а теперь на одном месте; второе, сколько он ни бессовестен и ни глуп бы был, но однако ж нельзя тому быть, чтоб не устрашали его мерзкую душу соделанные им злодейства, а за оныя не ожидал бы он по всем законам отмщения». При этом, по словам Волконского, самозванец «не всегда уныл, а случалось, что он и смеется. Да и вчера Шешковскому (одному из членов следственной комиссии. — Е. Т.) сказал, что всемилостивейшей государыне вины свои заслужит; а некогда говорил же ему, чтоб закласть его в столб»^{1779}.

Решением Екатерины II в Московскую следственную комиссию вошли М. Н. Волконский, П. С. Потемкин и С. И. Шешковский. Как уже говорилось, главой комиссии стал самый старый и самый именитый из ее членов Михаил Никитич Волконский (1713–1788), участник приведшего Екатерину к власти переворота 1762 года, занимавший в ее царствование важные должности, в частности члена Военной коллегии и сенатора, а в 1771 году, через некоторое время после подавления Чумного бунта, получивший пост главнокомандующего в Москве с правами наместника.

Самым молодым членом комиссии был генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин (1743–1796), возвысившийся благодаря родству с екатерининским фаворитом. Он учился в Московском университете, был переводчиком и литератором, участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов, с которой был отозван и 11 июня 1774 года назначен начальником следственных комиссий в Казани и Оренбурге. Если Потемкин только во время пугачевщины стал заниматься сыском, то Волконский еще в 1763 году входил в состав следственной комиссии, проводившей розыск по делу о заговоре нескольких гвардейских офицеров против братьев Орловых. Кроме того, став главнокомандующим в Москве, Волконский возглавил тамошнее отделение Тайной экспедиции Сената — учреждения, расследовавшего важные уголовные и политические преступления^{1780}.

Однако ни Волконский, ни Потемкин не могли сравниться с настоящим докой в сыском деле Степаном Ивановичем Шешковским (1727–1794). Он был не просто обер-секретарем Тайной экспедиции, а ее фактическим руководителем. В ведомстве тайного сыска Степан Иванович служил с тринадцати лет вплоть до смерти, принимал участие в расследовании всех наиболее громких дел екатерининского правления. Так, в 1764 году он расследовал дела недовольного секуляризацией церковных

земель ростовского архиепископа Арсения Мацеевича и подпоручика Василия Мировича, пытавшегося освободить заточенного в Шлиссельбурге императора Ивана Антоновича, в 1790 году допрашивал автора «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, а в 1792-м — известного издателя и масона Н. И. Новикова. Стоит ли говорить, что такой послужной список свидетельствует о большом доверии императрицы к Степану Ивановичу? 27 сентября 1774 года Екатерина, уведомляя П. С. Потемкина о назначении Шешковского в следственную комиссию, писала: «...я отправляю Шешковского в Тайную экспедицию, которой особливою дар имеет [разговаривать] с простыми людьми, и всегда весьма удачно разбирает и до точности давал труднейший разбирательства». Заметим, что и на этот раз Степан Иванович — как, впрочем, и другие члены комиссии — не подвел государыню^{781}.

Итак, 4 ноября стало первым днем московского этапа следствия над Пугачевым. После предварительного допроса начался большой допрос, продлившийся до 13 ноября. Кроме того, в ноябре — декабре был проведен ряд дополнительных допросов и очных ставок с участием самозванца, его ближайших сподвижников и людей, по тем или иным причинам встречавшихся с Пугачевым как до, так и во время восстания. Следствие продлилось до 13 декабря. Помимо предводителя бунтовщиков, было допрошено 70 подследственных; всего же, не считая Пугачева, в Москву в ноябре — декабре было доставлено 85 человек^{782}.

На большом московском допросе Пугачев не просто повторил свои симбирские признания в том, что его самозванство явилось результатом заговора «раскольников», а превратил их чуть ли не в художественное произведение. Однако «заговорщики» отвергли эти обвинения, да и сам Емельян Иванович от них впоследствии отказался, заявив, что решил принять царский титул самостоятельно. Напомним, что Пугачев отказался от своих прежних показаний 18 ноября, будучи уличен во лжи привезенным в Москву по его оговору Осипом Ивановичем Коровкой и «увещевай» следователями. Что же представляло собой это увещевание? Дознаватели напугали Пугачева тем, что «сысканы тотчас будут» его товарищи по скитаниям в 1772 году Алексей Кавелин и сын Осипа Коровки Антон, которые и выведут самозванца на чистую воду. «Надо полагать, — пишет Р. В. Овчинников, — что помимо этих людей, фигур явно второстепенных в данном деле, следователи сказали Пугачеву о розысках и скором привозе в Москву более важных свидетелей: П. Кожевникова, А. Ф. Кузнецова, И. А. Долотина, С. Н. Вершинина, А. С. Логачева и других,

которых он называл первыми своими сообщниками в умысле самозванства»^{783}. Если это предположение верно, непонятно, почему эта угроза не была внесена следователями в протокол.

Выше уже шла речь об отсутствии оснований сомневаться в выводах следствия о том, что никакого «раскольничьего» заговора не существовало. Однако императрица не была в этом окончательно убеждена. Ознакомившись с протоколами допросов, на которых Пугачев отказывался от своих прежних показаний, 6 декабря она писала Волконскому: «Дополнительные допросы злодея я получила, но изо всего еще не вижу, чтоб объяснилось, кто выдумал самозванство, сам ли злодей, или иной кто, ибо по привозе добрянских купцов (Кожевниковых и Крыловых. — Е. Т.) Емелька с ними сговорил». По замечанию Р. В. Овчинникова, «факт подобного сговора, конечно же, был невозможен, учитывая полную изоляцию Пугачева в усиленно охраняемой одиночной камере и строгое наблюдение за ним во время допросов и очных ставок». Надо отдать должное Волконскому, который не собирался отказываться от своей точки зрения на происхождение пугачевского самозванства. 16 декабря он писал Екатерине: «Злодей Эмелька самозванство на себя взял не прежде, как был уже на Яике, видя склонность яицких казаков к возмущению, и, в-первых, разговаривая с яицким казаком Пьяновым, назвался государем»^{784}.

Эта же идея, но более развернуто была высказана М. Н. Волконским и П. С. Потемкиным еще в донесении Екатерине II от 5 декабря: «...во всём его (Пугачева. — Е. Т.) злодействе первое начало свое взяло в Яицком войске. Притчина ж тому та, что оное было разделено на две части, то есть, как они называют, одна послушная, а другая непослушная стороны. А как непослушных казаков в сем войске весьма превосходило послушных, то и не оставалось сему злодею все свои злодействы привести к такому богоненавистному концу...» Волконский и Потемкин убеждали императрицу: «...если б не попал сей злодей на помянутых, живущих в росстройке бунтующих душ яицких казаков, тоб никоим образом сей злодей такого своего зла ни в каком империи вашего императорского величества месте по подлым своим выдумкам произвести не мог»^{785}.

Недовольных в империи, конечно, хватало, но Яик и вправду был если не единственным, то одним из удобнейших мест для реализации самозванческих планов Пугачева. С одной стороны, после подавления восстания 1772 года положение казаков усугубилось непомерными штрафами и наказанием некоторых активных бунтовщиков. С другой стороны, большая часть «непослушных» оставалась на свободе, с оружием

в руках, да еще и под недостаточным контролем властей. Именно эти обстоятельства и позволили Пугачеву скрываться здесь, объявить себя царем и, наконец, поднять бунт. Таким образом, получается, что его первопричиной стало не столько тяжелое положение яицких казаков, сколько отсутствие полного контроля над ними.

(Интересно, что даже некоторые советские историки объясняли возникновение «крестьянских войн» недостатком контроля властей над окраинами государства. Впервые подобные идеи высказал еще в 1920-х годах С. И. Тхоржевский. В. В. Мавродин по этому поводу писал: «Не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что если мятежные холопы и крестьяне, казаки и посадские люди во времена Болотникова действовали в центре Московского государства, то Разин «гулял» по Дону и Волге, а восстание Пугачева охватило Волгу, Яик, Урал и Западную Сибирь. Район крестьянской войны как бы перемещался всё дальше и дальше на восток. И причину этого явления следует искать в укреплении власти феодалов, ибо крестьянская война начиналась не там, где народным массам жилось хуже всего, а там, где они могли накопить силы и встретить наименьшее сопротивление со стороны крепостнического государства». О том же говорил и А. И. Андрущенко^{786}.)

Дознавателям в Москве удалось выяснить не только то, что никакого «раскольничьего заговора» не существовало в природе, но и что некоторые другие заявления самозванца и прочих подследственных также являются оговорами или самоговорами. В Симбирске под давлением Потемкина Пугачев подтвердил ложные признания одного солдата, будто бы он во время восстания послал свой указ отставному поручику Алексею Гриневу (именно его фамилию дал А. С. Пушкин герою «Капитанской дочки»). К счастью для Гринева, члены Московской следственной комиссии во всём разобрались и выяснили, что никакого указа самозванец поручику не посылал, как и то, что признания яицкого казака Ивана Пономарева (Самодурова) в общении с Пугачевым в июне 1773 года являются самоговором. Аналогичным образом были трактованы и признания, сделанные на предыдущих этапах следствия беглым рекрутом из крестьян Яковом Зацепиным. Среди прочего Зацепин поведал о том, что является двоюродным племянником самозванца и воевал в войске «дядюшки», но во время разбирательства в Москве выяснилось, что такого родственника у Пугачева не имелось и Зацепин в его войске никогда не служил. Люди, оговоренные самозванцем и оговорившие себя (как правило, эти ложные признания были вызваны пристрастными допросами и пытками на предыдущих этапах следствия), были оправданы и отпущены на свободу.

Что же касается московского следствия, то Волконский и Потемкин в донесении императрице от 5 декабря 1774 года утверждали, что провели его «без всякаго не только истязания, но и малейшаго наказания»^{787}.

Трудно теперь установить, насколько были правдивы эти заверения, но то, что следствие было проведено блестяще, сомнений не вызывает. Главные заслуги в этом деле принадлежат Волконскому и Шешковскому. Что же касается Потемкина, то он прибыл в Москву лишь 30 ноября, когда следователи уже разоблачили пугачевский обман и исправили потемкинские промахи^{788}.

Еще раз обратим внимание на то, что дознаватели и в Оренбурге, и в Москве не собирались идти на поводу у императрицы, подтверждая ее «догадки», а пытались выяснить истину. Это красноречиво свидетельствует не только о профессиональной честности людей, проводивших расследование по делу Пугачева и его сообщников, но и о характере самой Екатерины II, которой вопреки расхожему мнению нужны были не только льстецы.

По окончании следствия последовал суд над Пугачевым и его сподвижниками. Но прежде чем рассказать о нем, необходимо вкратце осветить то, что обычно в литературе называется карательной политикой Екатерины II.

О милосердии и бессердечии

Начать, пожалуй, надо с потерь, понесенных бунтовщиками непосредственно во время военных действий. Попытку подсчитать число погибших повстанцев как «в крупных боях», так и «во всех мелких стычках и сражениях» в свое время предпринял известный советский демограф Б. Ц. Урланис. По его предположению, число погибших составляло около 20 тысяч человек. Однако исследователь прекрасно отдавал себе отчет в том, что «от цифр людских потерь в войнах нельзя требовать большой точности». Так, он с большим недоверием отнесся к ведомости потерь пугачевцев за август — октябрь 1774 года (10 тысяч убитых), составленной П. И. Паниным, полагая, что эта цифра «резко преувеличена», правда, не привел каких-то доводов в пользу своего утверждения. Читатель уже хорошо знает, что у командующего правительственными войсками могли иметься серьезные резоны для преувеличения потерь противника. Кроме того, приблизительность подсчетов бросается в глаза: ведомость называет

не точное число погибших, а гласит, что там-то убито «до 500 человек», а в другом месте «до 1000», то есть цифры округляются. Свои же подсчеты Урланис сделал по книге Н. Ф. Дубровина, правда, включив в них потери пугачевцев только с февраля 1774 года. По мнению американского историка Дж. Александра, «в ходе восстания погибло приблизительно 22 тысячи человек — в основном повстанцев — и было ранено столько же». Однако эти цифры также плохо обоснованы^{789}.

Сделал Урланис, опять же по книге Дубровина, и подсчеты потерь правительственных войск, согласно которым «в 10 вооруженных столкновениях было убито 578 и ранено 984 солдат и офицеров»^{790}. При всей ненадежности цифры отражают несоизмеримость потерь повстанцев и правительственных сил, многократно превосходивших их в военной подготовке и оснащении. К тому же правительственные войска иногда не желали брать бунтовщиков в плен, предпочитая расправляться с ними на месте сражения (выше уже шла речь о том, что именно так поступили с пугачевцами подчиненные генерала Деколонга 21 мая 1774 года, захватив в плен лишь 70 человек и истребив примерно четыре тысячи пугачевцев).

Но довольно значительное число повстанцев погибло, уже оказавшись в плену. Многие умирали во время перегонов с одного места на другое. Так, из партии в 397 пленных повстанцев, захваченных после битвы у Татищевой крепости, во время пешего двухмесячного перехода в Казань умерло 114 человек. Большую смертность среди пленных повстанцев можно наблюдать и в Оренбурге: в апреле погибли 180 колодников, в мае — 463. Об этом мы знаем из рапортов караульных офицеров, однако в делопроизводстве Оренбургской секретной комиссии за июнь — сентябрь 1774 года подобные рапорты отсутствуют, а потому и данных о смертности в эти месяцы мы не имеем. Высокая смертность заключенных в Оренбурге была вызвана тяжелыми условиями содержания: скученностью, антисанитарией, повальными болезнями, скудным питанием. А недостаток и дороговизна провианта, в свою очередь, были связаны с распутицей, не позволявшей подвозить продовольствие^{791}.

Кроме пугачевцев, казненных или наказанных по приговору секретных комиссий и Тайной экспедиции Сената, наказаниям были подвергнуты пленные бунтовщики, по тем или иным причинам не попавшие в эти ведомства. Речь идет как о внесудебных расправах, так и о проводившихся, как правило, после скоротечного следствия воинскими командами, гражданской и военной местной администрацией. Например, 6 февраля 1774 года по приказанию челябинских властей было повешено 180

пленных повстанцев, а также шесть человек, помогавших одному заводскому крестьянину бежать к бунтовщикам. По признанию П. И. Панина в письме императрице, к 25 января 1774 года по его приказанию было казнено 326 пугачевцев. Однако, по мнению Р. В. Овчинникова, число казненных по приговорам Панина намного превосходило названную цифру. К ней надо добавить несколько десятков повстанцев, плененных после поражения под Солениковой ватагой и казненных по жребью^{792}.

Панин считается одним из самых жестоких усмирителей пугачевщины. Так, из записки «О числе наказанных» узнаём, что по его предписанию с 1 августа по 16 декабря 1774 года, помимо 324 казненных, 1607 человек подверглись телесным наказаниям, среди них 399 «наказано кнутом и большею частью с урезанием ушей». Опять же по предписанию Панина из шести тысяч повстанцев, взятых в плен под Черным Яром, без наказания были освобождены лишь 300 человек, а 98 отосланы «к рассмотрению дел к губернаторам и в протчие места». Остальные пленные подверглись телесным наказаниям, а многие, как уже говорилось, казнены по жребью. Комментируя эти сведения, Р. В. Овчинников пишет: «Если принять во внимание, что Панин был полновластным сатрапом в поволжских губерниях еще в течение семи месяцев, до начала августа 1775 г., то число репрессированных по его приговорам достигало, вероятно, двух десятков тысяч человек»^{793}. Скорее всего, эта цифра сильно завышена, ведь восстание уже шло на спад, а значит, и надобность в массовых репрессиях снижалась, однако какие-то расправы над повстанцами, несомненно, проводились и после 16 декабря 1774 года. Кроме того, мы уже убедились, что Панин занижал число казненных и наказанных, а потому нельзя исключать и того, что о каких-то расправах, учиненных по его приказанию, мы вовсе не знаем.

Так же трудно установить, какое число людей казнили подчиненные Панина, руководствуясь его инструкциями, например циркуляром от 25 августа 1774 года, в котором, помимо прочего, говорилось: если «заводчиков», то есть наиболее активных бунтовщиков, причастных к убийствам «начальников, собственных помещиков, священников, настоящими обличениями изыскивать будет уже нельзя, то в таковых селениях, где начальники, священники и всякого звания верноподданные умерщвлены или преданы их же поселянами, принуждать к выдаче заговорщиков метанием между ними жребия для повешения третьяго, а ежели и сим средством они их не выдадут, то и действительно сотаго, между таковыми по жребью повесить, а остальных всех возрастных

пересечь жестоко плетью». Если население и впредь будет присоединяться к бунтовщикам, называть Пугачева Петром III «или кто сделает малейшее ослушание воеводам, канцеляриям, всяким над собою начальникам и собственным помещикам, а другие таковых заводчиков или подсылных от государственных бунтовщиков не свяжут и в ближайшую канцелярию или в воинскую команду не представят, за то в самой скорости присланными из войск команды генерала графа Панина все в таковых селениях без изъятия возрастные мужики будут казнены мучительнейшими смертями, жены и дети их отданы в рабство...»^{794}.

Однако, по мнению современного историка Ю. Н. Смирнова, «предельно жестокая трактовка карательного террора, приписываемая циркуляру П. И. Панина от 25 августа 1774 г. о поголовной расправе над жителями восставших селений, является явным преувеличением». Историк основывает свою точку зрения на донесении Панина Екатерине II от 30 августа 1774 года: «...что же принадлежит до предписания... чтоб при новом взбунтовании в селениях казнить всех без изъятия возрастных мужиков мучительнейшими смертями, а жен, детей и земли их отдавать другим... то сие на единое токмо устрашение, но на оное поступить сам собою никогда себе не позволю...»^{795} Как видим, речь здесь идет о «новом взбунтовании», то есть о будущем; что же касается настоящего, то Панин в свое оправдание ничего подобного не говорит.

Для устрашения «черни» колеса, виселицы-«глаголи», а иногда и трупы на долгое время власти оставляли на всеобщее обозрение. Правда, виселицы не всегда использовались по прямому назначению; иногда их устанавливали лишь из воспитательных соображений — под ними секли кнутом или плетью взбунтовавшихся крестьян^{796}. Что же касается смертных казней, их, опять же для устрашения «черни», частенько проводили публично. А если руководивший казнью человек был еще и натурой художественно одаренной, как, например, Г. Р. Державин, то экзекуция походила на театральное представление. Вот как сам Державин описал расправу, учиненную им в сентябре 1774 года над бунтовщиками в селе Малыковка: он приказал крестьянам обою пола собраться «на лежащую близь самого села Соколину гору», а «священнослужителям от всех церквей, которых было семь, облачаться в ризы». Троице приговоренным к смерти надели саваны и с зажженными свечами под колокольный звон через всё село повели к месту казни. Народ в молчаливом ужасе встретил это зрелище. После того как «главные из изменников» были повешены, еще 200 мужиков подверглись телесному

наказанию: Гаврила Романович приказал их «пересечь плетьюми». «Державин же только расхаживал между ними и причитывал, чтоб они впредь верны были государыне, которой присягали. Народ весь, ставши на колени, кричал: «Виноваты и ради (то есть рады. — Е. Т.) служить верою и правдою!»^{797}.

Конечно, мужикам, которых по приказанию Державина только «пересекли», повезло куда больше, чем повешенным бунтовщикам. Однако, как мы уже видели, порой телесные наказания носили настолько жестокий характер, что после них повстанцы умирали. Вспомним, к примеру, Федора Минеева, который скончался, не выдержав 12 тысяч ударов шпицрутенами. Впрочем, и оставшимся в живых после таких истязаний приходилось весьма нелегко. Крестьянин села Борисоглебского Пензенского уезда Елифан Федоров в челобитной своему помещику Александру Куракину сообщал, что в отличие от других малоимущих мужиков не может просить на пропитание «Христовым именем»: «...а мне, сироте, по моей скорби и уризации ушей, отлучитьца от вотчины нельзя, потому что по окружности здешней казний нигде таких не слышать»^{798}.

Мы уже неоднократно говорили, что дворяне были главной мишенью повстанческого террора. Поэтому вполне понятны мотивы мести пугачевцам за своих собратьев со стороны Панина и других представителей властей. Кроме того, некоторые противники восстания были твердо убеждены, что пугачевщину можно подавить лишь самыми жесткими мерами, поскольку «не имеющие первых понятий человеческих» бунтовщики иного языка не понимают. 22 января 1774 года М. Н. Волконский писал А. И. Бибикову: «Я только еще по моей искренней к вам преданности советую сперва большую жестокость с бунтовщиками показать и вешать побольше, а особливо яицких и башкир, тем им больше и ужась наведется, и по домам разбегаться станут». А вот уже и сам Бибиков 2 марта пишет Екатерине: «Уговоры, объяснения, самое милосердное прощение Ваше доньне никакого действия произвести не могли и обольщенные не прежде, как страхом оружия успокоиваются, к должному повиновению приводятся»^{799}.

Та жестокость, с которой бунтовщики расправлялись со своими жертвами, вызывала ответную ненависть. Напомню, что причиной, побудившей подчиненных Деколонга не брать пугачевцев в плен, а уничтожать их на месте, были «варварские приступы» восставших, под которыми подразумевались в том числе и жестокие расправы. Вот еще один из многочисленных примеров таких расправ. Пугачевский полковник

Дементий Верхоланцев вспоминал: «В Курмыше на Суре, близ Алатыря, на одном острове человек до 200 бояр со своими людьми и пожитками укрылись от нас, вооружась, впрочем кто чем мог, на случай опасности. Завидев нас, крепостные люди связали их и выдали нам; их кололи пиками, а младенцев о землю хлестали». Кстати сказать, упомянутых выше трех бунтовщиков Державин повесил, помимо прочего, за то, что они замучили казначея Тишина с его женой, предварительно «наругавшись» над ней, а у их детей «младенцев», «схватя за ноги, размозжили об угол головы»^{800}.

Итак, вполне понятно, чем руководствовались власти, когда казнили и сурово наказывали повстанцев. Другое дело, что зачастую жестокость мятежников также возникала не на пустом месте. Кроме того, жертвами правительственных расправ порой становились люди, вовсе не причастные к бунту. Вспомним хотя бы женщин и детей, сожженных по приказанию коменданта Верхояицкой дистанции Е. А. Ступишина. Иногда незаконность тех или иных репрессий признавалась самими властями. Сомнения по поводу правомерности применения смертной казни возникают и в случае с бунтовщиками, повешенными Державиным. Так, современный историк В. Я. Мауль пишет: «...большое число пленных, в конце декабря 1773 года скопившихся в Самаре после поражения отрядов пугачевского атамана И. Ф. Арапова, вынудило Секретную комиссию откомандировать туда Г. Р. Державина. О характере действий этого следственного эмиссара хорошо написал А. С. Пушкин. Он сообщил о том, как Державин, проводя расследование, «повесил сих двух мужичков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости»^{801}.

Вот как выглядит упомянутый рассказ, услышанный Пушкиным от сенатора Д. О. Баранова и прокомментированный поэтом и государственным деятелем И. И. Дмитриевым: «...Державин, приближаясь к одному селу близ Малыковки с двумя казаками, узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина... изъяснения, зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с государем Петром Федоровичем, — и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Державин уверил их, что за ним идут 3 полка. Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического любопытства»^{802}.

От кого услышал этот рассказ Баранов и на каком основании Дмитриев сделал такую оценку державинских действий, остается неизвестным, а

потому и сама оценка выглядит совершенно произвольной. Между тем в нашем распоряжении имеются источники, позволяющие составить более обоснованные заключения о том, каким следователем в действительности был гвардии поручик Державин.

Среди допрошенных им был повстанческий писарь Иван Мамаев. В конце марта 1774 года он бежал из осажденного ретраншемент в Яицкий городок, где находился до середины апреля, и опять бежал, узнав о приближении генерала Мансурова. Какое-то время Мамаев обретался в Мечетной слободе, после чего решил сдаться властям. 3 мая 1774 года в Малыковке он был допрошен Державиным и под его давлением и истязаниями (Державин бил его по щекам, колотил палкой по голове, сек батожем) возвел на себя напраслину, благо, фантазия у него была буйная да и следователь задавал наводящие вопросы. Помимо прочего, Мамаев признался, что в свое время бежал вместе с Пугачевым из Казани и служил у него «тайным кабинетным секретарем под именем Ивана Соколова». Но сделал подследственный и более важные признания. Он рассказал, что Пугачев отправил в Петербург несколько яицких казаков, чтобы истребить государыню и цесаревича с женой, а Бибииков был отравлен агентами самозванца, причем яд Пугачев приготовил лично. Но однажды к Державину из Яицкого городка пришел человек, знавший Мамаева, после чего поручику стало понятно, что беглый солдат рассказывает небылицы, да и сам он в этом сознался. Чтобы убедиться в лживости мамаевских признаний, Державин провел своего рода следственный эксперимент. Ранее по подсказке Гаврилы Романовича бывший повстанческий писарь поведал ему о своей встрече с раскольничьим игуменом Филаретом, которого властям отыскать так и не удалось. Как-то утром Державин привел некоего «раскольничьего старца» и сказал Мамаеву, что этот старец — отец Филарет, который говорит, что Мамаев с Пугачевым приезжали к нему в гости. Мамаев, разумеется, подтвердил слова «Филарета», после чего Державину окончательно стало понятно, что солдат «всё напутал ложно»^{803}.

И хотя в некоторой изобретательности Державину не откажешь, следователем он был никудышным: мало того что навязал Мамаеву показания и лишь благодаря случайности убедился в их ложности, так еще и едва не довел подследственного до самоубийства. На одном из допросов в Казанской секретной комиссии Мамаев признался, что во время державинских допросов сначала собирался отдать душу дьяволу, а если не поможет, лишит себя жизни, которая ему «в тягость была»^{804}. При этом,

правда, нужно учитывать, что о давлении Державина на подследственного мы знаем лишь из показаний последнего; но в данном случае ему, думается, можно доверять. Конечно, он мог что-то преувеличить, но трудно представить, чтобы подследственный по собственной воле ни с того ни с сего именно на державинском допросе возвел на себя столь тяжкие обвинения.

Разумеется, из всего, что мы теперь знаем о Державине как следователе, нельзя сделать вывод, что и повешенные в Малыковке бунтовщики были неповинны в убийстве и изнасиловании, однако и быть полностью уверенным в правоте Державина также невозможно, тем более что об этом эпизоде известно лишь из его собственных записок.

И если репрессии затрагивали всё же главным образом восставших и сочувствующих им, то от грабежей и насилия офицеров и солдат правительственных отрядов, подавлявших пугачевщину, страдало и непричастное к бунту население. 5 декабря 1774 года Панин писал Екатерине II, что «проход войск на дальнее расстояние по истощенным местам (в тот год был еще и недород хлеба. — *Е. Т.*), не возмогшим преуспеть изготовить в них потребный хлеб и фураж с изобилием, и во время еще стужи приносит неминуемо с собою, что военные люди при самой строжайшей дисциплине помогают своим необходимым в пропитании и согревании нуждам отбиранием у обывателей и последняго». Из донесения крестьян деревни Гремячевки Пензенского уезда своему барину А. Б. Куракину видно, что гусары князя Голицына вели себя не лучше пугачевцев, проходивших через их деревню: «брали грабительством всякие крестьянские рухледи, деньги, мужеску и женску одежду», а также скот, птицу, а самих крестьян били. Войско Донское сообщало Панину не только о грабежах и избиениях, совершавшихся военными командами на его территории, но и «о сильном изнасиловании казачьих жен». Подобное отношение к населению нельзя как-то связать с подавлением пугачевского бунта, поскольку бесчинства такого рода можно наблюдать как до, так и после восстания^{805}.

Но если одним царская армия и ее военачальники несли смерть и горе, то другим — избавление от страданий. Причем речь идет об освобождении из плена не только дворян, их жен и детей, но и, например, крестьян, захваченных «башкирцами». Кроме того, отнюдь не все военачальники поступали с пленными бунтовщиками так жестоко, как П. И. Панин. Отрядом И. И. Михельсона после победы 24 марта 1774 года под Уфой над мятежниками под руководством И. Н. Зарубина в плен было захвачено 1560 повстанцев, из них двое повешены, трое высечены кнутом, значительную

часть отправили в Уфу (причем лишь некоторых следовало посадить «под крепкой караул»), а остальных, главным образом крестьян из близлежащих селений (по всей видимости, не менее пятисот человек), Михельсон «отпустил в дома, зделав им всем увещевание». Некоторых пленных артиллеристов подполковник и вовсе взял к себе на службу. И в других случаях Михельсон поступал похожим образом, причем иногда не только отпускал бунтовщиков «без всякого наказания, но и давал им несколько денег»^{806}.

Михельсон был не единственным усмирителем пугачевщины, пытавшимся по минимуму применять смертную казнь и жестокие наказания к восставшим^{807}. Впрочем, порой один и тот же представитель власти в зависимости от обстоятельств мог поступать по отношению к пугачевцам более или менее гуманно. На свободу пленников отпускали по нескольким причинам. Прежде всего, власти хотели, чтобы о таких милостях услышали еще не сдавшиеся мятежники и прекратили сопротивление. Иногда повстанцев отпускали просто потому, что их нигде было содержать или «по великому числу их все наказаны быть не могли». Из Оренбургской секретной комиссии освобождали еще и по соображениям, «чтоб по здешнему жаркому климату не приключилось заразы, а освобожденные с пользой могли бы употреблены быть: служащие — к должностям, а поселенцы — к хлебопашеству». Наконец, известно, что иногда бунтовщиков освобождали за взятки^{808}.

Важно заметить, что большинство подследственных, прошедших через секретные комиссии и Тайную экспедицию Сената, также были выпущены на свободу, причем подавляющая часть без всякого наказания. Прежде чем остановиться на этом очень важном моменте, необходимо напомнить, о каких учреждениях идет речь.

Указом от 29 ноября 1773 года императрица повелела учредить в Казани при командующем правительственными войсками А. И. Бибикове комиссию (впоследствии она будет называться секретной), которой предписывалось расследовать дела пугачевцев «для узнания, не откроется ли иногда начало сего смятения». Поскольку после крупных побед у Татищевой крепости и Сакмарского городка в Оренбурге скопилось большое число пленных повстанцев, 26 апреля 1774 года в дополнение к Казанской была учреждена Оренбургская секретная комиссия. Правда, теперь Екатерина не считала нужным подчинить эти комиссии новому командующему Ф. Ф. Щербатову, поэтому они некоторое время находились в ведомстве казанского и оренбургского губернаторов. 11 июня того же года

шефом обеих комиссий был назначен генерал-майор П. С. Потемкин. Отделение секретной комиссии несколько позже появилось и в Яицком городке — напомним, что именно там был впервые допрошен Пугачев. Екатерина II всегда пристально следила за работой комиссий. Что же касается Тайной экспедиции Сената, то, как мы помним, это учреждение расследовало важные уголовные и политические преступления. Как уже говорилось, следствие по делу Пугачева в Москве возглавлял руководитель московского отделения Тайной экспедиции М. Н. Волконский, а фактический глава Тайной экспедиции С. И. Шешковский принял в нем самое деятельное участие^{809}.

О количестве рассмотренных и решенных дел подследственных, привлекавшихся в связи с восстанием, говорится в трех сводных ведомостях, составленных в Тайной экспедиции Сената. Согласно им всего по этим делам в двух секретных комиссиях, а также в самой Тайной экспедиции и других местах побывало 12 438 человек. Наибольшее количество людей прошло через Казанскую секретную комиссию. За год и три месяца — именно столько времени работала эта комиссия — были рассмотрены дела 9164 подследственных. Через Оренбургскую секретную комиссию за пять месяцев ее существования прошло 2442 человека. И наконец, в Тайной экспедиции Сената и других местах по делам, касающимся пугачевщины, побывало 832 подследственных. Из всех этих людей казнили 48 человек: 38 из числа побывавших в Казанской секретной комиссии, четверых — в Оренбургской секретной комиссии и шесть человек (Пугачева и пятерых наиболее виновных, с точки зрения властей, бунтовщиков), чьи дела на последнем этапе рассматривались в Тайной экспедиции. 1524 человека подверглись телесным наказаниям, были лишены чинов, определены в солдаты, отправлены на каторгу, на поселение или в монастырь. Интересно, что на каторгу и в солдаты могли отправить даже тех, кто не был подвергнут телесным наказаниям, в то время как некоторые получившие их затем были выпущены на свободу. Однако 10 914 человек были выпущены вообще без наказания: 8332 — в Казанской секретной комиссии, 1977 — в Оренбургской и 605 — в Тайной экспедиции и других местах^{810}.

Комментируя эти сведения, Р. В. Овчинников замечает, что на самом деле пугачевцев, прошедших через секретные комиссии и Тайную экспедицию, было гораздо больше: «...в ведомости не были включены сотни пленных, умерших в тюремных камерах этих учреждений от голода, болезней и истязаний». Ссылаясь на то, что в Оренбургской комиссии

таких было «около 600 человек», историк полагает, что «не меньшее число повстанцев погибло в застенках Казанской секретной комиссии, переполненных после поражения войска Пугачева в боях под Казанью в середине июля 1774 г.», однако не приводит подтверждающих данных. Но с чем трудно спорить — так это с утверждением ученого: «Общее число репрессированных карательными учреждениями, воинскими командами, местной гражданской и военной администрацией намного превосходило цифры, приведенные в ведомостях секретных комиссий и Тайной экспедиции Сената»^[811]. Однако при этом не следует забывать, что и отпущенных на свободу также было гораздо больше, чем указано в ведомостях.

Таким образом, политику правительства по отношению к восставшим нельзя назвать исключительно карательной, поскольку власти не только наказывали, но и прощали повстанцев. Конечно, в «екатерининских застенках» пытали и выбивали из людей ложные показания. Еще в марте 1774 года императрица просила А. И. Бибикова приказать секретной комиссии «осторожной быть в разборе и наказаниях людей». Это требование было вызвано тем, что некоторые заключенные, по мнению императрицы, были «невинно сечены». Екатерина писала: «...также при разспросах какая нужда сечь? Двенадцать лет Тайная экспедиция под моими глазами ни одного человека при допросах не секла ничем, а всякое дело начисто разобрано было, и всегда более выходило, нежели мы желали знать»^[812].

Но не следует забывать, что имелись и квалифицированные следователи, которые исправляли преступные ошибки коллег. Беда была в том, что подобные ошибки совершал не кто иной, как руководитель секретных комиссий П. С. Потемкин. Он не только принудил Пугачева сознаться в несуществующем заговоре «раскольников». С его подачи позор мог бы обрушиться на голову престарелого казанского архиепископа Вениамина, если бы не Тайная экспедиция Сената.

Еще 25 июля 1774 года пугачевский полковник Илья Аристов на допросе в Нижнем Новгороде сообщил, что 12 июля, в день прихода самозванца под Казань, некий семинарист принес Пугачеву от архиепископа Вениамина около трех тысяч рублей золотом. Аристова отвезли в Казань и допросили. Поначалу Потемкин сомневался в правдивости признаний пугачевского полковника, но затем все его сомнения рассеялись, когда были схвачены архиепископский библиотекарь, который якобы «передал» деньги самозванцу, чтобы тот не разорял

загородный дом Вениамина, и архиепископский дьякон, якобы являвшийся посредником между Вениамином и библиотекарем. С архиепископа обязательно сняли бы сан, если бы в Тайной экспедиции Сената не выяснилось, что все показания, порочащие его, не соответствуют действительности и были получены под пытками и нажимом. Хотя первые ложные признания библиотекарь и дьякон сделали в отсутствие Потемкина, он несет прямую ответственность за это дело, ибо не попытался в нем как следует разобраться^{813}. (Впрочем, Вениамин в качестве компенсации за страдания получил сан митрополита.)

Шестнадцатого октября 1774 года архимандрит Спасо-Казанского монастыря Платон Любарский писал своему московскому другу, известному историку Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому: «Сколько преступлений совершает секретная комиссия, и днем и ночью, об этом ни говорить, ни писать нельзя. Никого не выпускают и не впускают в город, в том числе я и некоторые другие должны оставаться в городе. Сколько несправедливостей, печалей и безславия на всю Европу! Сколько невинной крови может пролиться!»^{814}

При желании в вину Потемкину можно поставить и то, что 12 июля, в день нападения пугачевцев на Казань, уходя из города в крепость, он приказал «караульному офицеру при крайности не щадить» важных колодников, содержащихся в секретной комиссии, поскольку губернатор Брандт отказался перевести их в кремль. Доподлинно известно о гибели лишь одного колодника, Г. Д. Давыдова, но нельзя полностью исключить, что погибших арестантов было больше. И всё же не будем подписывать окончательный приговор П. С. Потемкину. Есть серьезные основания полагать, что в том, что подавляющее большинство подследственных секретных комиссий вышло на волю без наказания, есть определенная заслуга начальника этих комиссий. Потемкин приказал выпустить на свободу большое число пленных, скопившихся в секретной комиссии после поражений Пугачева под Казанью в середине июля, причем распорядился некоторым дать «на дорогу каждому человеку по 15 копеек», чтобы «в пути от оскудения не могли сделать никаких насильств». Потемкин не только одобрял, но и направлял деятельность своего подчиненного С. И. Маврина в Яицком городке, в результате которой, помимо прочего, десятки казаков были освобождены из заключения, а изголодавшееся население получило тысячу четвертей муки^{815}.

Сам Павел Сергеевич свое милосердие зачастую объяснял прагматически: он хотел привлечь казаков на сторону правительства, а

отпускал пленников, потому что «по великому числу их все наказаны быть не могли». Возмущаясь самоуправством П. И. Панина и различных местных властей, которые, вместо того чтобы направлять пугачевцев в секретную комиссию, «сами собою приступают к расспросам», причем «допрашивают под пристрастием», Потемкин писал Екатерине, что в результате таких допросов «самые важные сведения иногда вместе с преступниками погибают». Начальник секретных комиссий намекал на то, что подобные действия привели к гибели пугачевского секретаря Дубровского (по приказанию Панина его допрашивал царицынский комендант Цыплетев), который, полагал Потемкин, был «всех умнее», а потому «тайны нужные с ним вместе погребены». Однако, судя по этому посланию, Павел Сергеевич беспокоился не только из практических соображений. Он писал, что в результате пристрастных допросов даже «невинные принужденно на себя возводят такие дела, которых они никогда не дельвали и которые и со здравым разсудком, и со обстоятельствами различаются». Потемкин выслал Екатерине два «экстракта» дел, разбиравшихся в местных канцеляриях, которые нагляднейшим образом иллюстрировали его слова^[816].

Первое дело разбиралось в Керенской воеводской канцелярии. Шестнадцатилетний однодворец Михаил Кумышев был обвинен в пребывании в пугачевском войске. Но в Казанской секретной комиссии выяснилось: сначала прапорщик, поймавший недоросля «в неимении пашпорта», а затем и служители воеводской канцелярии с помощью истязаний навязали ему признания, с первого до последнего слова представлявшие собой небылицы. Среди оговоренных Михаилом был его отец Петр Кумышев, который будто бы вместе с другими однодворцами посылал паренька проведать про самозванца; однако в Керенской канцелярии выяснилось, что он умер еще года за два до пугачевщины. Кроме того, Михаил дал совершенно фантастическое описание внешности Пугачева: якобы самозванец настолько высок, что «против большого роста вышиною больше вдвое человека».

Дело «беглого матроза» Федора Волкова до Казанской секретной комиссии разбиралось сначала в Юрьевце, в воеводской канцелярии, где ему, опять же под истязаниями, навязали ложное признание в службе у Пугачева. Переведенный в Нижний Новгород Волков от этих показаний отказался. В Казани же окончательно выяснилось, что «беглый матроз» никакого отношения к бунтовщикам не имел и не мог пребывать в пугачевском войске, поскольку до конца августа 1774 года содержался под караулом в Москве за побег из Петербурга. Секретная комиссия сделала

выговор провинившейся в предыдущем случае Керенской воеводской канцелярии, о подобном выговоре Юрьевецкой канцелярии нам ничего не известно^{817}.

Можно предположить, что если бы местные органы власти и командующий правительственными войсками П. И. Панин, как надлежало, отправляли колодников в секретные комиссии, судьба по крайней мере некоторых подследственных изменилась бы в лучшую сторону. Однако Панин и его помощники чинили суд и расправу по собственному усмотрению, а Екатерина не собиралась внимать жалобам П. С. Потемкина на командующего. Хотя в свое время императрица — видимо, зная крутой нрав Панина, — отказалась подчинить ему секретные комиссии, она, по сути дела, одобрила панинские расправы. 25 августа командующий в донесении государыне просил у нее прощения за казни бунтовщиков, заявив, что такой грех, как «пролитие проклятой крови таких государственных злодеев», берет на себя и своих детей. Екатерина ответила, что не любит не только «суровых казней, но и самой строгости», но полагала, что без них при нынешних обстоятельствах не обойтись. Правда, Панин писал ей о «жестоких казнях начальникам бунтовщичьих действий и замыслов», а потому государыня могла надеяться, что к другим бунтовщикам Петр Иванович будет более снисходителен. Во всяком случае, осенью 1774 года Екатерина настаивала на том, чтобы смертная казнь не была мучительной и применялась редко, в результате чего 30 ноября Панин запретил казанскому губернатору П. Мещерскому казнить бунтовщиков, не сообщив ему об их «винах» и не дождавшись решения командующего^{818}. Остается только гадать, как это решение Панина повлияло на судьбу приговоренных.

Однако из того факта, что не только в письме Панину, но и вообще на протяжении всего восстания^{819} Екатерина II давала санкции на смертную казнь, не следует делать вывод, что ее многочисленные заявления о милосердии и гуманизме были пустым звуком. С одной стороны, императрица прекрасно понимала, что подавить восстание без казней и крайне жестких мер невозможно, с другой — считала необходимым сократить их число. Разумеется, всё то, что делали екатерининские военачальники, нельзя автоматически ставить в вину или, наоборот, в заслугу самой императрице — о некоторых расправах ей предпочитали не сообщать^{820}, а захваченных в плен бунтовщиков отпускали и раньше, например во время подавления разинского бунта^{821}. Тем не менее в отдельных случаях тот или иной поступок государыни мы совершенно

точно можем записать на ее счет.

Пугачев в Кремле и на Болотной

Разумеется, судьба Пугачева и его ближайших сподвижников была решена задолго до суда над ними. Императрица из Петербурга контролировала ход судебного процесса, состоявшегося в конце декабря 1774 года — начале января 1775-го, главным образом через председательствовавшего, генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского^{822}. Если бы Екатерина всё пустила на самотек, заседавшие в суде сановники приговорили бы к смертной казни куда больше людей. О настроениях, царивших в Москве накануне начала судебного процесса, можно судить по письму Вяземского Екатерине II от 28 декабря 1774 года. «От верных людей» генерал-прокурору стало известно, «что при разсуждениях о окончании пугачовского дела желается многими и из людей нарочитых (то есть высокопоставленных. — *Е. Т.*) не только большой жестокости, но чтоб и число [казненных] немало было». Масла в огонь подлил «своими разсуждениями» приехавший в Москву П. И. Панин. Надо сказать, что и закон был на стороне жаждавших крови. Несколько ранее тот же Панин совершенно справедливо заметил: «все они (бунтовщики. — *Е. Т.*) по государственным законам... достойны смерти». Чтобы убедиться в справедливости этих слов, достаточно взглянуть на те выписки из Соборного уложения царя Алексея Михайловича (1649), а также из созданных при Петре I Воинского артикула (1715) и Морского устава (1720), которые были сделаны для «сентенции», то есть приговора, по делу Пугачева и его сообщников. Но Екатерина хотя и повелевала судьям «учинить в силу государственных законов определение и решительную сентенцию», на самом деле желала, чтобы приговор был относительно мягким. «При экзекуциях чтоб никакого мучительства отнюдь не было, — наставляла она Вяземского, — и чтоб не более трех или четырех человек [казненных]». В рескрипте М. Н. Волконскому от 1 января 1775 года она писала: «Пожалуй, помогайте всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников. Противное человеколюбию моему прискорбно будет. Не должно быть лихим для того, что с варварами дело имеем»^{823}.

Из восьмидесяти шести доставленных на следствие в Москву к суду привлекли 56 человек, остальные были освобождены без суда, поскольку выяснилось, что Пугачева они не поддерживали и в восстании не

участвовали. Те же, кому надлежало предстать перед судом, были распределены по «сортам», соответствующим их индивидуальной вине. Список подсудимых и определение их вины содержались в бумагах, составленных следователями и привезенных П. С. Потемкиным в декабре 1774 года в Петербург императрице. В столице во время совещаний Екатерины с Вяземским и Потемкиным в список были добавлены жены и дети самозванца^{824}.

Судебная коллегия должна была состоять из представителей светской, духовной и военной властей: 15 судей — от Правительствующего сената, пятеро — от Святейшего Правительствующего синода, 11 — от генералитета, шестеро — от центральных учреждений (президенты и один вице-президент различных коллегий) и, наконец, куратор Московского университета. Однако в полном составе они так ни разу и не собрались: на первом заседании 30 декабря 1774 года явился 31 из 38 судей, на второе и третье, соответственно 31 декабря и 9 января, пришли 33 судьи (остальные отсутствовали по болезни — по крайней мере так они объявили)^{825}. Кстати сказать, на всех трех заседаниях отсутствовал П. И. Панин, чем, наверное, весьма облегчил работу Вяземского, который должен был «всем внушить умеренность как в числе, так и в казни преступников». Впрочем, как вскоре увидим, и без Панина было кому возражать генерал-прокурору.

Заседания суда проходили в Большом Кремлевском дворце. В начале первого заседания судьям была зачтена «записка краткая о злодее Пугачеве», составленная М. Н. Волконским, П. С. Потемкиным и С. И. Шешковским и отосланная Екатерине еще 5 декабря. Краткой, однако, записка называлась условно: подробным образом, часто слово в слово, передавались показания как самого Пугачева, так и других подследственных. Затем Вяземский предложил (и это предложение одобрили) на следующий день «злодея Емельку Пугачева представить пред собрание», чтобы «спросить: тот ли он самый, и содержание допросов точная ли его слова заключают, также не имеет ли сверх написанного чего объявить». По мнению судей, неплохо было бы «всех его сообщников пред собранием спросить»; но поскольку «их число велико и содержатся в разных местах» (на Монетном дворе и на Рязанском подворье, располагавшемся на Лубянской площади), было решено составить комиссию, которая и задаст им такие же вопросы, как и самозванцу, в местах заключения. Комиссия в тот же день исполнила поручение и сообщила, что ни один из заключенных «ни допроса своего не противоречил, ни в пополнение ничего не показал» (комиссия не

противоречие со свидетельством генерал-прокурора вступают воспоминания караульного офицера Н. З. Повало-Швуйковского: «В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие». Но, быть может, дело в том, что к караульным он привык, а вот собрание генералов и прочих сановных особ, решавших его судьбу, и впрямь могло напугать простого казака. Кроме того, памятуя об артистизме Пугачева, можно, например, предположить, что своим робким и униженным видом он хотел убедить власти в подлинности раскаяния, ведь даже в Москве он продолжал надеяться на прощение. Однако это всего лишь предположения. Войдя в зал, преступник пал «пред собранием в ноги» и начал отвечать на заготовленные вопросы, действительно ли он «Емелька Иванов сын Пугачев» и вправду ли совершил все те преступления, о которых сам поведал на следствии. Емельян Иванович отвечал утвердительно, а на вопрос: «Имеешь ли чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобою преступлениях?» — дал ответ: «Каюсь Богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому»^[827].

«По выводе злодея» судьям были зачитаны «приличные (то есть применимые к данному случаю. — *Е. Т.*) законы». По тогдашним законам не только все без исключения бунтовщики, но и люди, как-то помогавшие Пугачеву, были достойны смерти. Так, 21-я статья второй главы Соборного уложения гласила: «...а кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и окольничих и думных людей, и в городах и в полках на воевод и приказных людей, или на какого-нибудь приходите скопом и заговором, и учнут кого грабите или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнить смертию без всякия пощады». В 137-м артикуле (параграфе) 17-й главы петровского Воинского артикула было сказано: «...всякий бунт, возмущение и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано». В петровском же Морском уставе (книга 5 глава 1 артикул 1) говорится: «...если кто против персоны его величества какое зло умышлять будет, тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подавали, или ведая не известили, яко изменники четвертованы будут, и их пожитки движимые и недвижимые взяты будут». На этом фоне почти гуманно выглядит выписка, зачитанная судьям, из того же Морского устава (книга 5 глава 18 артикул 132): «...кто лживую присягу учинит и в том явственным свидетельством обличен будет, оный с наказанием, вырезав ноздри, послан будет на галеру вечно»^[828].

В записке П. С. Потемкина, также зачитанной на этом заседании, подследственные были разделены на девять «сортов» — все, кроме

Пугачева, поскольку его вина и так была понятна. К первому и второму «сортам» Павел Сергеевич отнес шестерых наиболее важных, по его мнению, бунтовщиков: Афанасия Перфильева, Максима Шигаева, Ивана Зарубина-Чику, Тимофея Подурова, Василия Торнова и Канзафара Усаева. Перфильев, Шигаев, Зарубин, Торнов обвинялись в «тиранствах» и «смертоубийствах». Интересно, что Потемкин напрямую предлагал казнить лишь Зарубина и Усаева^{829}.

Если о Перфильеве, Шигаеве, Зарубине и Подурове более или менее подробно говорилось на страницах нашей книги, то Торнов и Усаев упоминались лишь вскользь. Они не входили в ближайшее пугачевское окружение и прославились, действуя большей частью в некотором отдалении от главной повстанческой армии.

Василий Торнов (Персианинов), по происхождению перс, то есть иранец, родился в 1737 году в городе Мешхеде, в юности был «полонен» туркменами, которые продали его киргиз-кайсакам. От «киргизцев» он бежал в Россию, принял православие, стал из Валида Василием и был определен в крестьяне. Вплоть до восстания Василий жил в Ставропольском уезде Оренбургской губернии. С ноября 1773 года Торнов служил в полку Подурова, а в середине декабря был отправлен в качестве атамана в Нагайбакскую крепость. Он командовал повстанческими отрядами, действовавшими под Нагайбаком, Мензелинском, Заинском и крепостью Бакалы. В начале апреля 1774 года Торнов был схвачен и выдан властям башкирскими старшинами, перешедшими на сторону правительства. Преступник содержался в Казани до 12 июля 1774 года, когда был освобожден повстанцами. После поражения пугачевского войска под Солениковой ватагой 25 августа он хотел было скрыться, но передумал и сдался властям^{830}.

Годом младше его был меццерацкий сотник Канзафар Усаев. К восстанию он примкнул в октябре 1773-го, служил писарем у атамана Кинзи Арсланова, а потом был произведен в полковники. В декабре того же года Пугачев отправил Усаева в Уфимскую провинцию, где тот собрал отряд и участвовал с ним в боях под Уфой. Отсюда он отправился под Кунгур, который осаждал вместе с другими повстанческими командирами в январе 1774 года. Здесь же в конце месяца Усаев был арестован атаманом Иваном Кузнецовым за неподчинение приказам, присвоение захваченного имущества и самовольную казнь коменданта Ачитской крепости капитана Воинова. Канзафара отправили на суд к Пугачеву, но самозванец не стал его наказывать, а дал новое назначение — помощником атамана Ивана

Белобородова. По дороге к Белобородову Канзафар заехал в село Чесноковку под Уфой, где располагалась ставка самозванного графа Чернышева (Ивана Зарубина). На следующий день, 24 марта 1774 года, зарубинское войско было разгромлено Михельсоном и Канзафар оказался среди пленников, однако через несколько дней бежал. В апреле — мае он во главе значительного отряда вел бои с правительственными войсками в Уфимской провинции, а в июне дважды появлялся в стане самозванного царя. Во время первой «аудиенции» Канзафар был пожалован чином бригадира. В дальнейшем новоявленный бригадир действовал в Уфимской провинции и в Закамье. В начале августа его отряд потерпел поражение от команды верного правительству башкирского старшины Кидряса Муллакаева, а сам Канзафар был пленен. Находясь в заключении в Казани, он пытался добиться освобождения, предлагая указать месторождения драгоценных камней и серебряной руды в Уральских горах. Однако власти отвергли сделку и в ноябре отправили преступника в Москву, где теперь и решалась его судьба^{831}.

Следующие шесть «сортов» в потемкинской записке, с третьего по восьмой, составляли остальные 33 пугачевских сообщника, а в девятый «сорт» вошли 11 человек, которых следствие признало невиновными. Потемкинская записка интересна еще и тем, что в ней можно найти, так сказать, личностные характеристики подследственных. Например, об Афанасии Перфильеве говорится, что он «не дурак, свойства самого злейшего», а о Максиме Шигаеве — «весьма неглуп», да к тому же и «тверд». Вообще следует сказать, что, несмотря на враждебное отношение к бунтовщикам, данные Потемкиным оценки умственных способностей ближайших пугачевских сподвижников в большинстве случаев достаточно высоки: «весьма неглуп», «довольно разумеющ», «великий плут» и т. д. Правда, порой характеристики неоднозначны. Например, Канзафар Усаев — «неглуп, но легкомыслен», а Степан Оболяев хотя и «великой плут», тем не менее «прост». О других сообщниках самозванца говорится куда яснее: «прост», «простодушен», а о первом пугачевском секретаре Иване Почитали-не и вовсе сказано «дурак». (Кстати сказать, Потемкин был не первым, кто упражнялся в составлении подобных характеристик. Ранее это делал его подчиненный С. И. Маврин — например, писал, что Шванвича «простить можно», поскольку к самозванцу он «взят неволей», а к властям «явился сам», да и к тому же «человек не из числа мудрецов». А вот Оболяева, «хотя и глупова роду злодей, но щадить не должно, ибо обременяет землю»^{832}.)

После зачтения выписок из законов и потемкинской записки судьи принялись за обсуждение предварительного решения по делу Пугачева и его сообщников, а также «прочих под следствием находящихся». В дальнейшем оно должно было войти в «решительную сентенцию» — окончательный приговор. В результате Пугачева и шестерых бунтовщиков, отнесенных Потемкиным к первому и второму «сортам», приговорили к смертной казни. Пугачева и Перфильева следовало четвертовать в Москве, при этом голову «воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь». Зарубину надлежало «отсечь голову в Уфе и взоткнуть ее на кол, а труп сжечь». Максима Шигаева, Тимофея Подурова, Василия Торнова и Канзафара Усаева приговорили к повешению — первых трех в Москве, а последнего в Челябинске. Правда, поначалу судьи хотели «Пугачева живова колесовать», а число приговоренных к смерти довести до десяти, казнив «отсечением голов» еще Дениса Караваева, Василия Плотникова и Григория Закладнова как «первых разглашателей» пугачевского самозванства, «но по немалом объяснении» со стороны генерал-прокурора им пришлось отказаться от этих намерений. И хотя Вяземскому не удалось выполнить наставление императрицы о казни «не более трех или четырех человек» — приходилось считаться с разъяренным дворянством, — ему в конце концов удалось уменьшить число приговоренных к смерти до шести человек. Генерал-прокурор считал, что Канзафара Усаева будет достаточно приговорить к телесному наказанию и каторжным работам. Эти изменения Вяземский, не советуясь с судьями, внес в беловой текст определения суда от 31 декабря, а также в текст самой «сентенции», которая была готова к 2 января и на следующий день отправлена на апробацию императрицы¹⁸³³.

О своих распоряжениях по поводу Усаева Вяземский сообщил государыне в донесении от 3 января, а днем раньше написал ей, какие меры примет, чтобы избежать излишних жестокостей во время экзекуции. Вяземский собирался «секретно сказать» московскому обер-полицмейстеру Н. П. Архарову, «чтоб он прежде приказал отсечь голову, а потом уже остальное». На случай, если Архарова кто-нибудь спросит, почему поступили таким образом, генерал-прокурор придумал для него подходящий ответ: дескать, «в сентенции о том ничего не сказано», а «примеров же такому наказанию еще не было, следовательно, ежели и есть ошибка, она извинительна быть может». Вяземский очень надеялся на Архарова, поскольку от людей слышал, «да и сам приметить мог», что тот «человек весьма усердной, расторопной и в городе любим», а значит, «сие

тем удобнее сделано быть может»^[834].

Забегая вперед скажем, что распоряжения Вяземского были исполнены, а потому Пугачев избежал той мучительной казни, которой в свое время подвергся другой знаменитый бунтовщик Стенька Разин. 6 июня 1671 года на Красной площади^[22] Разину сначала отрубили руки, ноги и лишь потом голову. Существует даже рассказ (не подтвержденный, впрочем, другими источниками), что, лишившись рук и ног, атаман «сохранил свой обычный голос и выражение лица» и будто бы даже упрекнул испугавшегося казни брата Фрола, бросив ему: «Молчи собака», — а также выкрикивал «боевые кличи»^[835].

После того как Вяземский самолично вычеркнул Канзафара Усаева из числа приговоренных к смертной казни, в беловом варианте судебного определения говорилось, что мещеряцкого сотника следует высечь кнутом, раскаленными железными клеймами поставить ему на лбу и щеках знаки «З», «Б», «И» (злодей, бунтовщик, изменник) и, вырвав ноздри, сослать на каторгу. Такому же наказанию подверглись яицкие казаки Плотников, Караваев, Закладное и ржевский купец Астафий Трифонов, при этом последнего было решено еще и «содержать в оковах». То же самое, но только без клеймения, надлежало сделать с пугачевскими секретарями Иваном Почиталиным, Максимом Горшковым и зарубинским подручным яицким казаком Ильей Ульяновым.

Еще десяти обвиняемым, среди которых были командир пугачевской гвардии Тимофей Мясников и уметчик Степан Оболяев (Еремина Курица), судьи вынесли приговор: «Высечь кнутом и, вырвав ноздри, послать на поселение». Три человека были приговорены к порке кнутом, а один — плетью. Подпоручика Михаила Шванвича надлежало, «лишив чинов и дворянства, ошельмовать, переломя над ним шпагу». Прапорщика инвалидной команды Ивана Юматова, который по приказанию самозванца был воеводой в городе Петровске, «для старости лет» судьи не стали наказывать особенно строго, а просто лишили чинов. Сотника астраханского казачьего полка и депутата Уложенной комиссии Василия Горского следовало «лишить депутатского достоинства и названия».

Еще девять бунтовщиков освобождались от всякого наказания, в том числе Иван Творогов и прочие участники антипугачевского заговора, а также повстанцы, по собственной воле сдавшиеся властям, например отец Ивана Почиталина Яков. 11 человек и вовсе были признаны невиновными. Среди них были люди, оговорившие себя или же оговоренные Пугачевым, например Осип Коровка, Петр Кожевников и др. А Семена Филиппова

(Сытникова) следовало не просто освободить, но еще и наградить «яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева» (он получил 200 рублей). Наконец, пугачевских жен и детей, «как все они ни в каких преступлениях не участвовали», надлежало «отдалить без наказания куда благоволит Правительствующий Сенат»^{836}.

Быть может, читатель заметил, что среди приговоренных в этот день к различным наказаниям были депутаты Уложенной комиссии 1767 года Горский и Подуров. Судьи решили лишить их «сего названия». Причем последнего, как было сказано выше, приговорили к смертной казни. В свое время А. С. Пушкин по этому поводу писал: «Подуров как депутат в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в коем случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть, он его не знал; может быть, судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна»^{837}. Комментируя пушкинское высказывание, Р. В. Овчинников замечает: «Строго говоря, в высказывании этом верно лишь то, что Подуров был казнен, в остальном же Пушкин ошибся». Согласно «обряду выбора», «во всю жизнь свою всякой депутат, в какое бы прогрешение не впал, освобожден: 1) от смертныя казни, 2) от пыток, 3) от телесного наказания». Однако все это относится только к тем депутатам, «кои действительно при сем деле трудились и коих имена в подписке тоя или другая части проэкта [Уложения] найдутся». К Подурову и Горскому это не относится, потому и приговор по отношению к ним вполне законен^{838}.

Присутствовавшие на заседании 31 декабря судьи из духовенства «объявили, что они, видя собственное злодеев признание, согласуются, что достойны они жесточайшей казни, а следовательно, какая заключена будет сентенция, от оной не отрицаются, но поелику они духовнаго чина, то к подписке сентенции приступить не могут». Из этого текста понятно, что отказ подписать смертный приговор не являлся каким-то подвигом, поскольку церковники были с ним согласны. Два епископа, архимандрит и протопоп, отказавшись подписать «сентенцию», которая только готовилась, подписали легшее в ее основу судебное определение от 31 декабря, где говорилось о смертной казни Пугачева и других бунтовщиков. Это вполне согласовывалось с появившейся в 1718 году на процессе по делу царевича Алексея Петровича традицией, когда представители духовенства по сути поддерживали смертный приговор, но не подписывали его (кстати, также поступили судьи духовного сана и на суде над декабристами в 1826 году)^{839}.

В сочинении «сентенции» участвовали сенаторы Д. В. Волков, И. И. Козлов и генерал-майор П. С. Потемкин и привлекались эксперты. На следующий день после составления она была отправлена императрице. 5 января Екатерина II получила ее, в тот же день одобрила и отправила обратно. «Сентенция» прибыла в Первопрестольную 8 января, а на следующий день была подписана членами суда на заключительном заседании.

В документ без изменения вошли все те наказания или, напротив, освобождения от них, которые были зафиксированы судебным определением от 31 декабря, а кроме того, пояснялась вина каждого преступника, а особенно подробно — Пугачева. Излагались и причины подавленного возмущения, которые сводились к злокозненности Пугачева и его сообщников, а также легковерию и невежеству простонародья, поддержавшего самозванца. Разумеется, приговор обосновывался уже известными нам статьями законов, а также выдержками из Священного Писания, в которых осуждались неподчинение властям и святотатство. В «сентенции» предписывалось епископу Крутицкому и Можайскому Самуилу, руководствуясь синодским указом от 19 декабря 1773 года, разрешить от анафемы, то есть снять церковное проклятие с приговоренных к смерти, если они принесут покаяние во время последней исповеди. Наконец, «сентенция» указывала «учинить» смертную казнь на Болотной площади 10 января 1775 года^{840}.

В тот же день по окончании судебного заседания Вяземский писал Екатерине: «В сентенции, для большей ясности разсудили прибавить в объяснение дворянского успокоения и утешения малодушных речи, на каких надлежало б дворянству и крестьянству вновь доказать, что ея императорское величество твердо намерено дворян при их благоприобретенных правах и преимуществах сохранять нерушимо, а крестьян в их повиновении и должности содержать»^{841}. Иными словами, предполагалось подтвердить незыблемость крепостного права. Однако в конечном итоге это место по неизвестным причинам в документ включено не было.

Экзекуция над Пугачевым и его сподвижниками должна была пройти в субботу 10 января в 11 часов «пополуночи». Болотная — в те времена крупная торговая площадь — была выбрана не случайно, поскольку на ней и раньше казнили преступников. Например, в 1688 году на Болоте состоялась казнь нескольких предводителей «раскольничьего» движения на Дону, а в 1699-м — участников стрелецкого бунта 1698 года. Здесь же 5

сентября 1774 года был обезглавлен пугачевский полковник Иван Белобородов^{842}.

Девятого января начались приготовления к предстоящей казни. Посредине площади был установлен обитый тесом эшафот, высотой чуть меньше трех метров, с довольно просторным помостом наверху, окруженным балюстрадой. «Посреди самого сего помоста, — пишет А. Т. Болотов, — воздвигнут был столб, с воздетым на него колесом, а на конце утверждено на него железною острою спицею». На помост, а также к вершине столба вели лестницы, а у подножия столба находилась дубовая плаха. Вблизи эшафота располагались три виселицы примерно той же высоты, «с висящими на них петлями и приставленными лесенками»^{843}.

К казни готовили и самих приговоренных. В тот же день к ним был послан протоиерей кремлевского Архангельского собора Петр Алексеев, о миссии которого мы знаем из его рапорта крутицкому епископу Самуилу: «По порученной мне от Вашего преосвященства должности сего генваря 9-го числа известных злодеев Пугачева с товарищи, осужденных на смерть, увещевал я, именованный, приводя их в истинное признание и раскаяние, кои, кроме Перфильева (Пугачов, Торнов, Подуров и Чика), с сокрушением сердечным покаялися в своих согрешениях пред Богом. По таинству христианскому, а властью пастырскою Вашего преосвященства чрез меня недостойна-го разрешены от церковной анафемы». Далее священник сообщал, что на следующий день приговоренные к смерти были «святых Христовых тайн сподоблены» протопопом Казанского собора, после чего «на место казни отправлены при ученых священниках», и лишь «Перфильев, по раскольнической своей закоснелости, не восхотел исповедаться и принять божественнаго причастия»^{844}.

Таким образом, Пугачев в отличие от Разина не был навечно проклят Церковью, ему со сподвижниками позволили исповедаться и причаститься, что, несомненно, было актом милосердия. Однако, как мы видели, не все захотели этим воспользоваться. Напрямую в рапорте Алексеева говорится лишь об одном таком человеке, Афанасии Перфильеве, но при этом священник не упоминает среди исповедовавшихся Максима Шигаева. И это не случайно. 11 января А. А. Вяземский в письме Г. А. Потемкину, описывая казнь, заметил, что в отличие от Пугачева, который «был в великом раскаянии... Перфильев и Шигаев толиким суеверием и злобою заражены, что и после увещания от свяще[н]ника не согласились приобщиться». Эти казаки, будучи убежденными «раскольниками», не желали иметь дело с никонианскими попами^{845}.

Накануне казни появилось объявление московского обер-полицмейстера Архарова, оповещавшее жителей Первопрестольной о предстоящем событии, хотя, наверное, и без всякого объявления москвичи узнали бы о казни столь знаменитого «злодея» и его сообщников. Как отмечал современник событий поэт и государственный деятель Иван Иванович Дмитриев, «в целом городе, на улицах, в домах, только и было речей об ожидаемом позорище». Правда, несмотря на это, ученый и мемуарист Андрей Тимофеевич Болотов едва не пропустил предстоящую казнь. Он приезжал по делам в Москву и уже находился на выезде из города, когда ему встретился знакомый офицер по фамилии Обухов.

— Ба! ба! ба! Андрей Тимофеевич, да куда ты едешь?! — закричал Обухов.

— Назад в свое место.

— Да как это, братец, уезжаешь ты от такого праздника, к которому люди пешком ходят?

— От какого такого?

— Как, разве ты не знаешь, что сегодня станут казнить Пугачева, и не более как часа через два? Остановись, сударь, это стоит любопытства посмотреть.

Болотов не мог пропустить такого события, а потому, оставив свою кибитку на дворе Обухова, направился вместе с приятелем в его санях на Болотную площадь^{846}.

А народу в тот день на Болотной, несмотря на сильный мороз, собралось видимо-невидимо. И. И. Дмитриев вспоминал: «...все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок». По словам другого очевидца, генерал-прокурора А. А. Вяземского, «при казни было такое людство, какова давно не видано, даже благородные женщины с маленькими детьми, и очень много»^{847}.

На эшафоте ожидали палачи. Вблизи от эшафота расположилось начальство. Помимо Вяземского здесь были Волконский, Архаров и некоторые другие большие сановники. «Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза». Вокруг эшафота «построены были пехотные полки». Причем в образовавшийся круг, по словам Болотова, «из подлого народа» никого не пускали, в то время как «дворян и господ пропускали всех без остановки», которых тут и собралось «превеликое множество». Да и могло ли быть иначе, ведь «Пугачев

наиболее против них восставал»? А значит, как замечал Болотов, «зрелище тогдашнее» можно было «почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»^{848}.

Все ждали появления Пугачева. «Вдруг всё восколебалось и с шумом заговорило: «Везут, везут!». Зрители увидели огромные черные сани с высоким помостом, а в них самозванца, скованного цепями. Очевидец писал, что «не замечен был страх на лице Пугачева», державшегося «с большим присутствием духа». Емельян Иванович сидел на лавке. То ли подле, то ли напротив него сидел священник, увещевавший «его к раскаянию». Некоторым запомнилось, что в санях были еще один священник, чиновник Тайной экспедиции и даже палач «с двумя топорами на плахе». Зрители смотрели на самозванца «пожирающими глазами», а он, «с непокрытою головою, кланялся на обе стороны», прося у всех прощения. В руках у Пугачева были «две толстые зажженные свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки». Насколько можно понять из воспоминаний очевидцев, на санях везли лишь Емельяна Ивановича. Что же касается остальных преступников, то они шли пешком и, как уверял один очевидец, «были связаны попарно»^{849}.

Некоторые зрители были удивлены видом самозванца — он не очень соответствовал их представлениям о том, как должен выглядеть страшный разбойник. И. И. Дмитриев (ему в момент событий было 14 лет) передавал свои впечатления от Пугачева: «Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином». Образу страшного разбойника скорее соответствовал Перфильев, который был описан Дмитриевым как человек «немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный». Ничего страшного в Пугачеве не нашел и Болотов: «Вид и образ его показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные, и весь вид ничего не значащий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего, которого случалось мне так много раз и так близко видать, что я, смотря на него, сам себе несколько раз в мыслях говорил: «Боже мой! До какого ослепления могла дойти наша глупая и легковверная чернь, и как можно было сквернавца сего почесть Петром Третьим!»^{850}.

Сани с Пугачевым остановились напротив эшафота, после чего

самозванца вместе с Перфильевым «в препровождении духовника и двух чиновников» возвели на помост. Приговоренные к повешению стояли на лесенках, ведущих на виселицы, с колпаками на голове «и с возложенными на шею их уже петлями». Раздалась команда «на караул», и один из чиновников начал читать «сентенцию». Когда в тексте упоминались Пугачев и станица, где он родился, обер-полицмейстер Архаров обращался к самозванцу:

— Ты ли донской казак Емелька Пугачев?

— Так, государь, — громким голосом отвечал самозванец, — я донской казак Зимовейской станицы Емелька Пугачев.

Всё время, пока читали «сентенцию», Емельян Иванович, «глядя на собор, часто крестился». А вот Перфильев «стоял неподвижно, потупя глаза в землю». Когда чтение закончилось, духовник благословил преступников и вместе с чиновниками спустился с эшафота. Пугачев, крестясь, сделал несколько земных поклонов в сторону соборов, а затем «с уторопленным видом стал прощаться с народом», кланяясь «на все стороны».

— Прости, народ православный, — прерывающимся голосом говорил Пугачев, — отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!

Таковы были — по крайней мере, по утверждению И. И. Дмитриева, — последние слова самозванца. Затем «эксекUTOR дал знак» (Р. В. Овчинников полагает, что сигнал к казни должен был дать обер-полицмейстер Н. П. Архаров — главный распорядитель всей акции на Болотной площади^{851}); «палачи бросились раздевать его, сорвали белый бараний тулуп, стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя». Один из очевидцев утверждал, что Пугачев «с живостью сам помогал» палачам снимать с себя одежду. Потом его положили на плаху. «Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы». Уже мертвому Пугачеву отрубили руки и ноги. Голову насадили на спицу на конце столба, «а отрубленные его члены и кровавый труп» были положены на колесо, которое также находилось на столбе. А. А. Вяземский сообщил Г. А. Потемкину: «Перфильев же и во время экзекуции глубоким молчанием доказывал злость свою, однако, увидя казнь Пугачева, смутился и оторопел». Затем «с Перфильевым последовало то же». «Столкнуты были с лестниц и все висельники» — Шигаев, Подуров и Торнов. «Превеликий гул от аханья и многого восклицания раздался тогда по всему несчетному множеству народа, смотревшего на сие редкое и необыкновенное

зрелище»^{852}, — вспоминал А. Т. Болотов.

То, что Пугачеву сначала отрубили голову и лишь потом руки и ноги, вызвало у публики недоумение. Один анонимный автор (по предположению Р. В. Овчинникова, им был известный историк Г. Ф. Миллер^{853}) полагал, что в таком порядке экзекуция была проведена «по странной ошибке», за которую какой-то человек (по его мнению, «из судей») якобы «живо и громко осуждал палача». А. Т. Болотов также допускал возможность недоразумения, но и не исключал, что «палач был к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему (Пугачеву. — Е. Т.) долго мучиться». При этом Болотов тоже слышал ругань некоего чиновника в адрес палача: «Ах, сукин сын! Что ты это сделал?.. Ну, скорее [руби] руки и ноги». Н. З. Повало-Швыйковский утверждал, что палач и вовсе «был наказан кнутом». Мы-то знаем, что никакого подкупа или ошибки не было, да и палача никто не наказывал — просто для публики разыграли спектакль^{854}.

Впрочем, не все зрители страшного представления жаждали истязаний. А. Т. Болотов вспоминал: «Были многие в народе, которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему (Пугачеву. — Е. Т.) прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались». Правда, Вяземский в письме Г. А. Потемкину несколько по-иному оценивал настроения публики — утверждал, что «сожалельщиков никого не примечено» и сама «чернь» во время казни самозванца «проговаривала: «Вот тебе корона, вот и престол!»^{855}.

После казни

Казнив Пугачева и еще четверых бунтовщиков, палачи приступили к наказанию других преступников. А в ближайшие после экзекуции дни власти в прямом и переносном смысле принялись за уничтожение следов пребывания самозванца и его сообщников в Москве. 12 января были сожжены останки казненных, а также эшафот, виселицы, сани и прочие предметы, относящиеся к церемонии. Днем раньше из Москвы начали рассылать осужденных по различным уголкам империи. Зарубин был отправлен в Уфу, где 24 января 1775 года казнен. Осужденных на каторжные работы сослали в Балтийский Порт. Несколько позже, но в том же году туда был отправлен Салават Юлаев с отцом Юлаем Азналиным. Некоторые другие пугачевцы, осужденные на каторгу, были этапированы

сначала в Ревель, а потом также переведены в Балтийский Порт. Приговоренные к телесным наказаниям и ссылке были сосланы в Кольский острог, а бывший подпоручик Шванвич, лишенный чинов и дворянства, в Туруханск в низовьях Енисея. Казаки, арестовавшие и выдавшие Пугачева, а также некоторые другие раскаявшиеся повстанцы хотя и освобождались от наказания, были отправлены на поселение в Прибалтику: одна группа — в предместье города Пернова, другая — в город Аренбург на острове Эзель (ныне города Пярну и Курессааре в Эстонии). Правда, одного из этих казаков по ходатайству атамана Уральского (бывшего Яицкого) войска полковника М. М. Бородина в ссылку всё же не отправили. Это был Семен Шелудяков. Причем его с женой Марьей (старшей сестрой «императрицы» Устиньи) вернули на родину уже с дороги^[856].

Как протекала жизнь пугачевцев, очутившихся на каторге и в ссылке? Современный публицист Сергей Орлов пишет: «Каторга — тяжелое, страшно звучащее слово; воображение сразу рисует мрачную безысходность, адский труд и невыносимые условия жизни. Холод, голод, болезни — всё в нем. И в этом большая заслуга советской пропагандистской машины, которая клеймила царизм, скрывая свои лагеря». Орлов противопоставляет страшные сталинские лагеря довольно мягким, по его мнению, условиям существования на царской каторге. «В «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын описал, как целые этапы заключенных уходили в землю в течение одного года... Но Салават и другие участники бунта проживут на царской каторге по четверть века! Юлаю, отцу Салавата, будет под семьдесят, когда его имя исчезнет из списков арестантов, — на воле не каждый столько протянет». Такая живучесть, по мнению публициста, легко объяснима, ведь властям было «нечем занять арестантов», а потому Салавату «не пришлось потеть в каменоломнях с кайлом или тачкой, так как работы по сооружению портовой дамбы были прекращены еще до его прибытия». Кроме того, публицист приводит выдержки из записок А. Т. Болотова, в свое время служившего в Рогервике, которые, по его мнению, также свидетельствуют о вольготной жизни на каторге в те времен^[857].

Действительно, некоторые пугачевцы проживут на каторге довольно долго. Так, в промежутке между 30 сентября 1797 года и началом осени 1800-го (точные даты неизвестны) умерли И. Почиталин, А. Долгополов, Ю. Азналин, а также один из предводителей восстания в Западной Сибири Е. Тюленев. 26 сентября 1800 года скончался С. Юлаев, а 10 июля 1804-го — последний из пугачевцев-каторжан К. Усаев. Причем некоторые из них

умерли в довольно преклонном возрасте. И хотя данные о возрасте каторжан несколько разнятся, по всей видимости, Тюленеву и Усаеву было сильно за шестьдесят, а Трифонову и, возможно, Азналину уже за семьдесят. Впрочем, Иван Почиталин, какими бы данными о его возрасте ни пользоваться, едва ли перевалил полувековой рубеж, а Салавату было то ли 48, то ли 45 лет. Кроме того, большинство пугачевцев-каторжан (семь человек) к 30 сентября 1797 года уже скончались: двое в первые годы пребывания на каторге (один до 9 августа 1777 года, другой до 1 ноября 1782-го), остальные — в промежутке между 1 ноября 1782 года и 19 мая 1797-го. Нелишним будет добавить, что два пугачевца, приговоренные к каторжным работам, и вовсе не были доставлены до места назначения, поскольку скончались по дороге [\[858\]](#).

К сожалению, далеко не всегда известно, отчего умирали пугачевцы на каторге. Единственным документом, в котором говорится о здоровье пугачевцев-каторжан, является «Статейной список состоящим в Балтийском Порте на штатской сумме престарелым каторжным невольника», составленный в комендантской канцелярии Балтийского Порта 19 мая 1797 года. О Емельяне Тюленеве в «Статейном списке» говорится, что он «дряхл и почти слеп», а о Юлае Азналине — «дряхл... на ногах имеет от застарелой цынготной болезни раны». По поводу Салавата Юлаева, Ивана Почиталина и Канзафара Усаева отмечается, что они здоровы, а о здоровье Астафия Долгополова вообще не упоминается. Едва ли причиной смерти пугачевцев-каторжан могли стать тяжелые работы. Дело в том, что в 1769 году строительные работы в порту были признаны бесперспективными, здесь были оставлены лишь старые и больные каторжане, а потому пугачевцы, согласно донесению коменданта от 9 августа 1777 года, пребывали «без всякой работы». Поскольку местные власти и в 1797 году желали избавиться от здоровых пугачевцев, можно предположить, что ситуация с их занятостью мало изменилась. Полагают, что Балтийский Порт в качестве места каторги пугачевцев власти выбрали потому, что он являлся местом уединенным и имел значительный гарнизон [\[859\]](#).

Мы почти ничего не знаем о том, как протекала повседневная жизнь пугачевцев-каторжан. Пожалуй, единственным исключением являются обнаруженные Р. В. Овчинниковым весьма любопытные сведения о нашем старом знакомом, замечательном прохиндее, ржевском купце Астафии Долгополове. 19 ноября 1783 года в Балтийском Порту у вдовы недавно умершего солдата Якова Шалдымова Матрены родилась дочь, которую на

следующий день окрестили Екатериной, а ее крестными родителями были «невольник Евстафей Долгополов» и жена капрала гарнизонного батальона Ивана Игнатьева «Анна Михайлова дочь». Это событие Р. В. Овчинников называет курьезным, поскольку «Долгополов был записным раскольником, а потому формально никак не мог выступать в роли духовного отца при крещении младенца в православном храме». Кроме того, в соответствии с судебным приговором от 9 января 1775 года Долгополова предписано было постоянно «содержать в оковах». Историк, основываясь на выдержке из уже известного нам «Статейного списка», где, между прочим, говорится, что Долгополов «особо в оковах, руки и ноги накрест, содержится», считает, что власти Балтийского Порта неукоснительно исполняли это предписание. Однако запись в документе еще не означает, что так было на самом деле. Если вспомнить, каким пройдохой был Астафий Трифонович, то можно допустить, что он нашел общий язык с местными властями, которые могли делать ему поблажки. А о том, что здешние власти за определенную мзду и впрямь благоволили некоторым каторжникам, писал А. Т. Болотов, служивший в этом месте еще во времена, когда оно называлось Рогервиком^[860].

Что касается ссыльных повстанцев, то известно, что из одиннадцати сосланных в Кольский острог пятеро дожили до 1801 года, в том числе и Степан Оболяев (Еремина Курица). По всей видимости, повстанцы, отбывавшие наказание в Кольском остроге, «кормились звериным и рыбным промыслом». Некоторые ссыльные даже обзавелись здесь семьями. А вот чем «кормился» и как жил в Туруханске Михаил Шванвич, мы не знаем. Известно лишь, что умер он в ноябре 1802 года.

Участники антипугачевского заговора и прочие раскаявшиеся казаки, отправленные на поселение в Прибалтику, поначалу были не очень довольны своим житьем на чужой стороне, но потом смирились. В 1804 году у троих оставшихся в живых казаков появилась возможность вернуться на родину, однако они из-за «престарелости лет и слабости здоровья» ею не воспользовались. Кроме того, им просто не к кому было возвращаться, поскольку все их родные к тому времени умерли. Дольше всех из этой группы повстанцев прожил Иван Творогов. По сведениям, приведенным Р. В. Овчинниковым, последний раз он получил ежемесячное казенное пособие аж в феврале 1819 года^[861].

Несмотря на то что жены Пугачева Софья и Устинья, а также его дети были признаны судом невиновными, они, в отличие от других невиновных, были отправлены не на родину, а в крепость Кексгольм (ныне город

Приозерск Ленинградской области) в 120 верстах от Выборга. В определении Сената от 9 января 1775 года говорилось: «Жен самозванца содержать в Кексгольме^[23], не выпуская их из крепости и давая только в оной свободу для получения себе работою содержания и пропитания, а сверх того производя и из казны на каждого по 15 копеек в день». Конечно, 54 рубля 75 копеек в год — сумма довольно значительная для простолюдина, однако едва ли казачкам была по душе жизнь вдали от родины, да еще и в крепости под строгим надзором. Насколько были необходимы такие меры? По мнению современного историка Е. В. Анисимова, власти опасались, что жены и дети самозванца, «оказавшись в руках авантюристов», могли «стать причиной мятежа и кровопролития». По всей видимости, так оно и было. При этом других пугачевских родственников отправлять под надзор никто не собирался. Старший брат Емельяна Ивановича Дементий «в злодействе его участия не имел и служил во время турецкой войны порядочно с должною верностью», а потому был освобожден от всякого присмотра и даже был награжден 100 рублями. Двоюродный племянник самозванца Федот также был отпущен восвояси и получил 50 рублей. Правда, впредь им запрещалось называться Пугачевыми. Насколько нам известно, сестер самозванца вообще не подвергали каким-либо ограничениям, тем более что они, выйдя замуж, перестали носить одну с ним фамилию^{862}.

Женам и детям самозванца также было запрещено «во всю жизнь свою» именоваться Пугачевыми, а разрешалось называться «только их именами и отчествами». Если же они ослушаются и «мерским злодеевым прозванием называтца будут», власти обещали поступить с ними «со всей строгостью законов». Как уже говорилось, детей и жен самозванца отправили в Кексгольмскую крепость. Устинья, Софья, а также пугачевские дочери Аграфена и Христина были помещены в нижнем ярусе круглой башни (впоследствии она будет называться Пугачевской), «в особливом покое», а сын Трофим — в солдатской казарме «на гауптвахте, в особливой комнате». В таком положении жены и дети самозванца будут находиться до 1803 года. Ничего предосудительного в их поведении власти не находили, и жизнь несчастных можно было бы назвать вполне спокойной, если бы не одно происшествие. 14 октября 1797 года Аграфена родила сына. В результате разбирательства выяснилось, что ребенка она «прижила чрез насилие от бывшего коменданта полковника Гофмана». Дело замяли, пугачевского внука Андрея хотели отдать в воспитательный дом в Петербурге, но 5 января 1798 года младенец умер^{863}.

Никакие амнистии и прочие мероприятия правительства по облегчению судьбы заключенных и ссыльных не затрагивали жен и детей самозванца до 2 июня 1803 года, когда Кексгольмскую крепость посетил Александр I. Помимо прочего император увидел здесь пугачевских родственников и «высочайше повелеть соизволил: содержащихся во оной жен известного Емельки Пугачева с тремя детьми... избавя из-под тогдашнего караула, предоставить им жительство в городе свободное, с тем, однако, чтоб из одного никуда не отлучались, имея притом за поступками их неослабное смотрение, дабы к каким-либо не воспользовались продерзостям»^{864}. Некоторое время Пугачевы продолжали жить в крепости, но после того как Трофим выстроил дом, перешли жить туда. Где-то между 1803 и 1811 годами при неизвестных обстоятельствах умерли обе жены самозванца; во всяком случае, побывавший в Кексгольме 31 марта 1811-го чиновник Министерства внутренних дел и известный мемуарист Филипп Филиппович Вигель застал здесь лишь пугачевских детей. Вигель писал: «...показывали мне семейство Пугачева, не знаю, зачем всё еще содержавшееся под стражей, хотя и не весьма строго. Оно состояло из престарелого сына и двух дочерей: простой мужик и крестьянки, которые показались мне смиренными и робкими»^{865}.

Интересные сведения о последних годах жизни пугачевских детей в свое время обнаружил Р. В. Овчинников. Выяснилось, например, что старшая дочь Емельяна Ивановича, Аграфена, не отличалась особой религиозностью. Во всяком случае, она, как говорилось в духовной росписи кексгольмского Рождественского собора, «за нерадением» не являлась к исповеди и причастию. Известно, что так было в 1814 и 1815 годах, а также в 1817-м и 1818-м. Первым из пугачевских отпрысков умер Трофим. Случилось это между 1 января и 24 февраля 1819-го, когда ему шел 55-й год. Потом «от паралича» на 57-м году жизни 13 июня 1826 года скончалась Христина. Наконец, 7 апреля 1833 года ушла из жизни «находящаяся под присмотром Кексгольмской крепости невольница, умершего Емельки — донского казака дочь, девка Аграфена». Как сказано в метрической книге Рождественского собора, «приключилась смерть старостю» (Аграфене было 65 лет), и похоронили ее «на градском кладбище». Поскольку дети самозванца жили безбрачными и умерли бездетными, то со смертью старшей дочери пресекся род Емельяна Пугачева, а потому рассказы о его прямых потомках, будто бы осевших где-то в Австралии, не что иное, как побасенки^{866}.

Проживи Аграфена чуть подольше, ей, несомненно, предстояло бы знакомство с Пушкиным, работавшим в это время над «Историей Пугачева». 17 января 1834 года Пушкин записал в своем дневнике разговор, состоявшийся у него с Николаем I на балу у графа Бобринского: «Говоря о моем «Пугачеве», он сказал мне: «Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости Эрлингфоской» (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместьи, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне». Конечно, здесь всё напутано: это была не «сестрица», а дочь Пугачева, умерла она не за три недели, а почти за девять месяцев до разговора, случилось это не «в крепости Эрлингфоской» (Гельсингфорсе, современном Хельсинки); наконец, в ссылке она находилась не с 1774 года, а с 1775-го. Но, видимо, Пушкин так об этом и не узнал^{867}.

Но вернемся почти на пол века назад и посмотрим, какие же меры приняло правительство, чтобы в будущем избежать новой пугачевщины. Прежде всего, власти попытались стереть память о прошедшем бунте. Помимо того, что родственникам самозванца запретили «злодеевым прозванием называтца», по просьбе местных казаков было решено переименовать родную пугачевскую станицу Зимовейскую в Потемкинскую и перенести ее на другое место. Не по душе победителям было название Яик и все производные от него, а потому река Яик стала Уралом, а яицкие казаки и Яицкий городок соответственно казаками уральскими и городом Уральском. Наконец, манифестом от 17 марта 1775 года Екатерина II повелевала предать «всё прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию». Однако было в манифесте и нечто более важное, чем приказание забыть пугачевщину. Согласно этому документу, приговоренных к смертной казни надлежало «от оной освободить и сослать в работу», приговоренных к телесным наказаниям — избавить от них и «послать на поселение»^{868}.

Выше уже говорилось, что даже некоторые дворяне считали положение крестьянства весьма тяжелым и даже невыносимым и связывали с ним поддержку мужиками самозванца. Неудивительно, что после подавления пугачевщины некоторые представители власти призывали подчиненных поступать с крестьянами более осторожно, чтобы не вызвать новых возмущений. Кроме того, историки, в том числе и советские, отмечают, что правительство несколько улучшило положение отдельных групп крестьян, главным образом заводских, тогда как, по мнению ученых, положение помещичьих крестьян после Пугачева

изменилось мало^{869}.

Различные бунты, главным образом крестьянские, происходили как в последней четверти XVIII века, так и в следующем столетии, и тем не менее возмущение, сопоставимое с пугачевщиной, вспыхнуло в Российской империи только в 1905 году. Это означает, что екатерининская политика по предотвращению новой пугачевщины оказалась в целом эффективной. Общеизвестно, что одной из важнейших мер такого рода была губернская реформа 1775 года. Помимо прочего, она позволила укрепить власть на окраинах государства, где как раз и разгорались гражданские войны XVII–XVIII веков. А поскольку эти войны начинали казаки, решающее значение для предотвращения новой пугачевщины имело то обстоятельство, что государство стало куда жестче контролировать казачьи сообщества, в том числе и уральское. Правительство стало активнее вмешиваться и во внутренние дела башкир, сыгравших важную роль в прошедшем бунте. В то же время власти запретили русским помещикам и представителям верхушки нерусских народов обращать в крепостное состояние рядовых башкир. Сделаны были шаги навстречу местной знати, например, ее представители получили право на дворянство и владение крепостными. К тому же технический прогресс позволил царской армии обладать более совершенным оружием и более развитой военной тактикой, что сделало захват арсеналов, крепостей и форпостов повстанцами почти невозможным^{870}.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Ты скажи мне честно, Пугачев был хорошим человеком или негодяем? — спросил один мой знакомый.

— Ну как сказать... С одной стороны...

— Ой-ой-ой. Только не надо мне этих отговорок: с одной стороны, с другой стороны... Ты прямо скажи: хороший или подонок?

Ну как тут ответишь?

На допросе в Москве 17 ноября 1774 года Пугачев признался, что во время бунта, «какие он злодейства ни делал, то не ощущал в себе человеческого сожаления, а тем меньше — раскаяния»^{871}. Вроде, получается, что сам Емельян Иванович дал на вопрос моего знакомого вполне однозначный ответ. Однако не будем спешить.

Историки частенько настаивают на том, что нельзя применять наши моральные критерии при оценке людей прошедших эпох. Так, например, великий французский историк Марк Блок писал: «Что один человек убил другого — это факт, который в принципе можно доказать. Но чтобы покарать убийцу, мы должны исходить из тезиса, что убийство — вина, а это по сути — всего лишь мнение, относительно которого не все цивилизации были единодушны». Чтобы дать определенную оценку тому или иному поступку, полагал историк, «требуется еще выяснить, как оценивался подобный поступок в соответствии с общепринятой моралью того времени»^{872}.

В случае с Пугачевым трудно говорить о какой-то «общепринятой морали» эпохи, ибо мораль элиты и мораль социальных низов — зачастую две вещи несовместные. А если к этому добавить, что мораль различных социальных групп и отдельных людей также порой весьма различается, то всё станет еще сложнее. Так, само по себе убийство преступлением не являлось. Пока Пугачев убивал пруссаков и турок, он, с точки зрения властей, был хорошим казаком. Но когда он стал истреблять дворян и других сторонников правительства, то превратился в преступника. Напротив, многим простолюдинам и в голову бы не пришло укорять Пугачева за казнь дворян и прочих «злодеев».

Тем не менее было в поступках Пугачева нечто такое, что могли поставить ему в вину как представители элиты, так и простолюдины. Речь, конечно, идет о самозванстве. Даже те бунтовщики, которых вполне устраивало, что во главе их войска стоит не государь, а донской казак,

прекрасно понимали, что пугачевский обман, вскрылся он, был бы встречен неодобрительно, а потому и убеждали своих товарищей в том, что Пугачев — настоящий император.

Таким образом, вполне очевидно, что Емельян Иванович, назвавшись Петром Федоровичем, и впрямь совершил преступление с точки зрения общепринятой морали того времени. Но стоит ли осуждать его людям XXI века, пусть каждый решает самостоятельно.

Удивительную жизнь моего героя я постарался показать насколько возможно беспристрастно. Удалось ли это, не знаю. Знаю только, что на вопрос, какой человек был Пугачев — герой или злодей, ничтожество или гений, великий полководец или наглый авантюрист, — я ответить, пожалуй, не решусь.

Возможно, некоторые читатели будут в этом вопросе менее щепетильны.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. И. ПУГАЧЕВА

1742 (?) — в станице Зимовейской Войска Донского у казака Ивана Михайловича и его жены Анны Михайловны родился сын Емельян.

Около 1760— женился на казачке Софье Недюжевой.

1760–1762 — участвовал в Семилетней войне.

1764 — родился сын Трофим.

1768 — родилась дочь Аграфена.

1768–1771 — участвовал в Русско-турецкой войне.

1771, июль — отправился в Таганрог.

Ноябрь (?) — арестован в Зимовейской.

Декабрь — бежал на Терек.

Родилась дочь Христина.

1772, 8 февраля — арестован под Моздоком.

Ночь на 14 февраля — бежал из-под ареста.

Март — снова арестован в Зимовейской.

Весна — совершил очередной побег и укрылся у старообрядцев.

Лето — побывал в Польше и возвратился в Россию.

Ноябрь — впервые появился на Яике; возможно, в первый раз выдал себя за императора Петра III.

18 декабря — арестован в Мальковке.

1773, 4 января — перевезен в Казань.

27 мая — бежал из-под ареста.

Июль — август — появился на Таловом уме близ Яицкого городка.

17 сентября — начало восстания.

5 октября — осадил Оренбург.

9 ноября — разбил отряд генерала Кара.

13 ноября — разгромил отряд полковника Чернышева.

1774, 1 февраля — женился на казачке Устинье Кузнецовой.

22 марта — разбит правительственными войсками под Татищевой крепостью.

23 марта — снятие блокады Оренбурга.

1 апреля — потерпел поражение у Сакмарского городка.

12 июля — захватил и разорил Казань.

12–15 июля — поражение повстанцев под Казанью.

25 августа — разгромлен полковником Михельсоном у Солениковой ватаги под Черным Яром.

8 сентября — арестован заговорщиками.

Сентябрь — декабрь — находился под следствием.

30 декабря — начало суда над Пугачевым.

1775, 10 января — казнен в Москве на Болотной площади.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Handwritten text in a cursive script, likely a signature or a note, located below the engraving.

Дон в окрестностях станицы Зимовейской — родина Емельяна Пугачева

Донской казак. 1774 год.

Гравюра из книги А. В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения русских войск». 1906 г.

Русская деревня XVII11 века.

Рисунок Д. Аткисона

Русский крестьянин.

Гравюра XVIII в.

Яицкие казаки и калмык.

Французская гравюра

Киргиз.

Рисунок второй половины XVIII в.

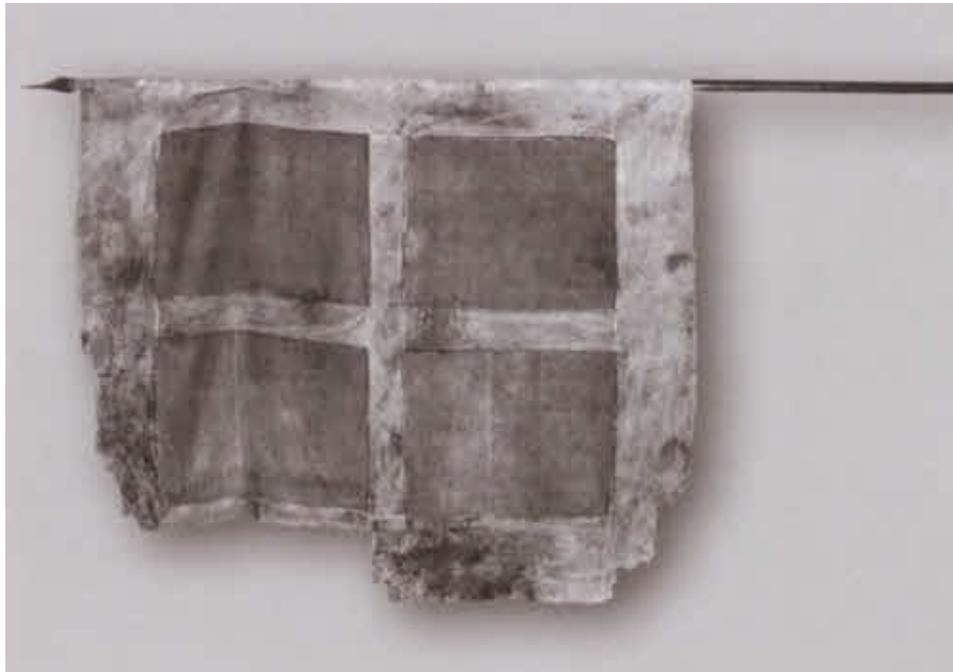

Башкиры.

Гравюра начала XIX в.

Оружие пугачевцев

Знамя, отбитое у повстанцев в бою под Ядрином 23 июня 1774 года

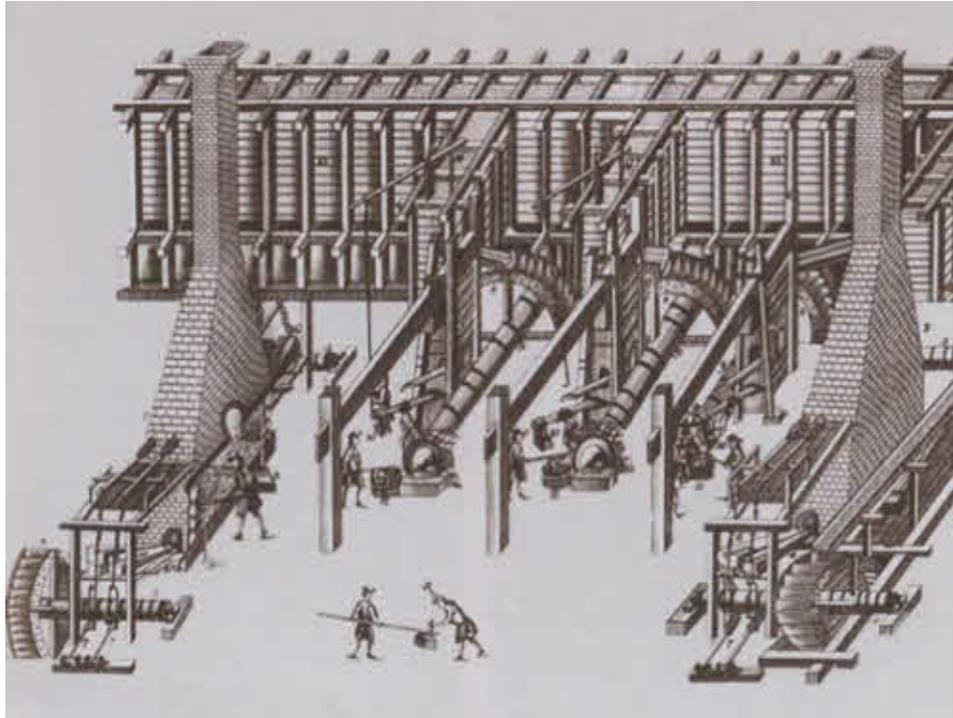
Медеплавильные печи Полевского завода на Урале.

Рисунок И. Пospelова. 1760 г.

Крестьянин-рудовоз.

Рисунок первой половины XVIII в.

Молотовой цех уральского завода.

Рисунок 1760-х гг. из альбома И. Шлаттера

Пушки, сделанные уральскими рабочими по заказу Пугачева

Император Петр III.

Гравюра И. Тейхера по оригиналу Ф. Рокотова. 1762 г.

Императрица Екатерина II.

Гравюра С. Панина. 1764 г.

Емельян Пугачев.

Иностранная гравюра. После 1775 г.

Крест и медаль из рублевой монеты, которыми, по преданию, Пугачев награждал своих сподвижников. Возможно, позднейшие подделки

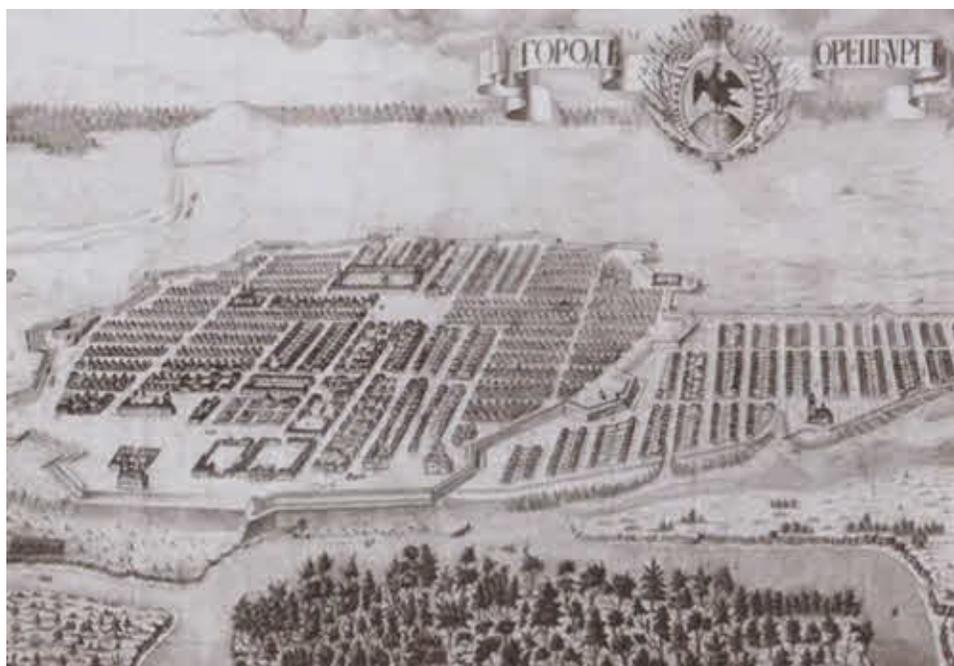

Оренбургский губернатор генерал Иван Андреевич Рейнсдорп

Командующий правительственными войсками генерал Александр Ильич Бибилов.

Ф. Рокотов. После 1771 г.

План Оренбурга.

А. Ригельман. 1760 г.

Генерал граф Петр Иванович Панин.

Г. Сердюков. Не позднее 1767 г.

Победитель Пугачева Иван Иванович Михельсон.

Гравюра Г. Скородумова 1780-е гг.

Царицын.

Гравюра XVIII в.

Печати «Петра III»

Печать пугачевской «Военной коллегии»

Пугачевский «дворец» в Яицком городке (после подавления восстания переименован в Уральск).

Фото начала XX в.

Собор Архангела Михаила в Яицком городке — цитадель, так и не покорившаяся Пугачеву.

Фото начала XX в.

Комендант Яицкого городка И. Я. Симонов передает пленного самозванца А. В. Суворову 16 сентября 1774 года.

Гравюра Г. Гейзера. 1796 г.

Пленный Пугачев в клетке по дороге из Яицкого городка в Симбирск.

Гравюра конца XVIII в.

Казнь Пугачева.

Рисунок А. Болотова. 1775 г.

Расправа над пугачевцами.

Гравюра 1775 г.

Изображение Емельяна Пугачева, якобы созданное с натуры в 1773 году, а наделе написанное во второй половине XIX века поверх прижизненного портрета Екатерины II

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 414, 418, 421, 422, 425, 431, 432, 436, 460; Д. 467. Ч. 13; Д. 505, 506; Д. 508. Ч. 2; Д. 512. Ч. 1–3; Д. 592; Ф. 349. Оп. 1. Д. 7208, 7309, 7329, 7330, 7333; Ф. 1100. Оп. 1. Д. 2, 8.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230, 1231, 1232; Д. 1233. Ч. 1–2; Д. 1236, 1239.

Опубликованные

Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1988.

Восстание Емельяна Пугачева: Сборник документов / Подг. к печати М. Мартыновым. Л., 1935.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Отв. ред. Р. В. Овчинников. М., 1980.

Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.: Сборник документов *Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов-нД., 1961.*

Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 68.

Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко. М., 1997.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии: Сборник документов / Отв. ред. М. А. Садаков. Ижевск, 1974.

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: Сборник документов / Отв. ред. В. А. Нестеров. Чебоксары, 1972.

Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания

ГИМ / Отв. ред. Е. И. Индова. М., 1973.

Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: Сборник документов / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Р. В. Овчинников. Уфа, 1975.

Показания командира пугачевской гвардии // Вопросы истории. 1980. № 4.

Пугачевщина: Из следственных материалов и официальной переписки: В 3 т. / Подг. к печати С. А. Голубцовым. М.; Л., 1926–1931.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 124–138; № 4. С. 111–126; № 5. С. 107–121; № 7. С. 92–109; № 9. С. 137–149.

Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории. 1973. № 8.

Литература

Александр Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством Емельяна Пугачева / Авторизованный пер. с англ. Уфа, 2012.

Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири: Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907.

Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным источникам: В 3 т. СПб., 1884.

Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. М., 1996.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева / Под ред. В. В. Мавродина: В 3 т. Т. 2–3. Л., 1966–1970.

Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М., 1980.

Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995.

Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966.

Alexander J. T. Emperor of the Cossacks. Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775. Lawrence, KS, 1973.

Raeff M. Pugachev's Rebellion // Preconditions of Revolution in Early

Modern Europe / Eds. R. Forster, J. P. Greene. Baltimore, London, 1970.

Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugadev (1773–1775). Berlin; Wiesbaden, 1973.

INFO

Трефилов Е. Н.

Т 66 Пугачев / Евгений Трефилов. — М.: Молодая гвардия, 2015. — 399[1]с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1532).

ISBN 978-5-235-03796-0

УДК 94(47) "17" (092)

ББК 63.3(2)513-422

знак информационной продукции 16+

Трефилов Евгений Николаевич
ПУГАЧЕВ

Редактор *Е. А. Никулина*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *В. В. Пилкова*
Корректор *Г. В. Платова*

Сдано в набор 21.01.2015. Подписано в печать 16.03.2015.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,0+0,84 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1505320.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@Kvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

notes

Примечания

Средний рост рекрутов 1740–1744 годов рождения составлял 164,9 сантиметра (см.: *Миронов Б. Бремя величия // Родина. 2001. № 3. С. 33*). (Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примечания редактора.)

Сказочные казаки — взятые на учет («сказывавшиеся») и ограниченные в правах дети и внуки донских казаков, участвовавших в восстании Кондратия Булавина (1707–1709). До конца 1760-х годов по правительственному указанию ни на какие «казачьи службы» не назначались.

Терское Семейное (ранее — Аграханское) войско — донские казаки, после Гянджинского договора с Ираном (1735) переселенные с семьями на левый берег Терека.

Рогатка — здесь: легкое оборонительное заграждение из перекрещенных и скрепленных между собой деревянных брусьев и заостренных кольев.

Согласно указу Петра I от 8 февраля 1716 года, приверженцы старой веры должны были платить в казну подушную подать в двойном размере.
(Прим. авт.)

Чекан — холодное оружие с топорообразной боевой частью в виде клюва, с плоским бойком на обухе и проушиной, в которую вставлена рукоять.

Андрей Прохорович Крылов (1738–1778) — один из руководителей обороны Яицкого городка, капитан 6-й полевой легкой команды, отец баснописца Ивана Андреевича Крылова. (Прим. авт.)

Сеитовский (Каргалинский) посад (слобода) Оренбургской губернии был основан татаринoм Сеитoм в 1750 году в 18 верстах от Оренбурга при впадении реки Каргалки в Сакмару.

Конфедераты — участники союза (конфедерации), созданного шляхтой — дворянством Речи Посполитой в крепости Бар на Подолии (1768–1772), выступавшие против короля Станислава Августа Понятовского и усиления влияния России. После поражения часть конфедератов была отправлена в ссылку в Россию. *(Прим. авт.)*

10

$1^{<fi} H U$ [\[10\]](#) $4 e_c, c/l(< Ut (c^r cecf^{\wedge}V^{\wedge}$

Воздух — здесь: матерчатый плат для покрытия Святых Даров.

12

Оборонительное сооружение полевого типа (*фр.*).

Канават — цветная шелковая полосатая ткань с узором, вытканым золотными или серебряными нитями.

Имеется в виду послание, направленное Рейнсдорпом бунтовщикам 7 февраля, с обычным призывом «отстать» от Пугачева и выдать его властям.
(Прим. авт.)

По совету директора Оренбургских горных заводов Тимашева губернатор приказал расставить под стенами Оренбурга железные капканы для поимки конных бунтовщиков. Рычков писал об этой затее: «Сия выдумка хотя и казалась некоторым нужною и полезною, однако не только никакой пользы и успеха от того не произошло, но и оные капканы, как после слышно было, кроме немногих, неведомыми людьми раскрадены, а злодеи, узнав, прямо делали разные о сей выдумке насмешки». (Прим. авт.)

Варовенная петля— сделанная из пеньковой веревки, пропитанной варом — смолой.

В то время в русской армии жалованье платили «по третям», то есть трижды в год; таким образом, здесь речь идет о премии в размере третьей части годового оклада.

Здесь: орденская лента через плечо.

Далеко не всегда источники дают возможность определить, идет ли речь о добровольной или принудительной форме набора в повстанческую армию. *(Прим. авт.)*

Похлебка, чаще всего уха из мелкой рыбы. (Прим. авт.)

Имеется в виду голландец на русской службе Якоб Янсен, бежавший к туркам во время Первого азовского похода Петра I (1695). В следующем году, предъявляя туркам, засевшим в Азове, ультиматум о сдаче крепости, царь потребовал выдачи беглого бомбардира. Голландец был выдан, отправлен в Москву и казнен (см.: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. С. 42–44). (*Прим. авт.*)

В литературе некогда существовали разногласия по поводу того, где на самом деле был казнен С. Т. Разин — на Болотной или на Красной площади; однако имеющиеся в распоряжении историков источники свидетельствуют, что местом казни была именно Красная площадь (см.: *Попов М. Я. О месте казни и погребения С. Т. Разина// Вопросы истории. 1961. № 8. С. 208–212). (Прим. авт.)*

О детях в этом определении ничего не упоминается — видимо, потому, что они были малолетние, работать еще не могли и жили с матерью. (*Прим. авт.*)

comments

Комментарии

Подробный разбор работ, посвященных Пугачеву и вышедших до 1961 года, см.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева: В 3 т. Т. 1. Л., 1961.

См.: Там же. Т. 3. Л., 1970. С. 444–445; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте // *Курмачева М. Д.* Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991. С. 216; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 6. Д. 414. Л. 230 об.; Д. 425. Л. 135; Ф. 1100. Д. 2. Л. 15 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 93 об.; Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 372.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 308.

См.: *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с господином Вольтером. С 1763 по 1778 г.: В 2 ч. СПб., 1802. Ч. 2. С. 201, 202; Соловьев С. М. Учебная книга русской истории. М., 1860. С. 467–472; Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным источникам: В 3 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 276; Пушкин А. С. История Пугачева // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 9. I Gi. 1. М.; Л., 1950. С. 27; Письма А. И. Бибикова // Там же. С. 201; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 37.*

См.: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с господином Вольтером. Ч. 2. С. 195, 201, 202; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым Публ. Р. В. Овчинникова / Вопросы истории (далее — ВИ). 1966. № 7. С. 96; № 9. С. 146; РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 2 об., 7 об.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 5. С. 118;
Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его
сподвижниками: Источниковедческое исследование. М., 1995. С. 66;
Летопись Рычкова (Рычков П. И. Осада Оренбурга) // Пушкин А. С. Полное
собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 355.

См.: Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 8. Кн. 1. М.; Л., 1948. С. 277–384; Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика, Емельки Пугачева: В 2 ч. М., 1809; Броневский В. Б. История Донского войска, описание донской земли и Кавказских Минеральных вод: В 4 ч. СПб., 1834. Ч. 2. С. 90—124.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 1. С. 25–30.

См.: Там же. С. 53, 54, 56–76, 81–84, 92–95, 103–114, 124–128.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. 3-е изд.: В 4 т. М., 1920. Т. 3. С. 174; *Он же.* Библиография. Рецензии. Н. Чужак. Правда о Пугачеве // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 218–222; *Он же.* К вопросу о пугачевщине // Там же. 1932. № 1/2. С. 77.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 436–444.

См.: Павленко Н. И. Не превращать историю в арифметику // ВИ. 1988. № 3. С. 20; Шамагонов Н. Н. Емельян Пугачев — разрушитель или герой? // Человек и закон. 1991. № 3/4. С. 80–89; Овчинников Р. В. Введение // Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко. М., 1997. С. 24; Лесин В. И. Силуэты русского бунта. М., 2007. С. 89—202.

См.: Мауль В. Я. Емельян Пугачев: восхождение личности в социокультурном контексте переходной эпохи // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 1. Ростов-н/Д., 2006. С. 237, 238.

См., например: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова *Публ. Я. К. Грота* / Записки Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1862. Приложение 4; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева *Публ. Я. К. Грота* / Там же. Т. 25. СПб., 1875. Приложение 4; Письма государыни императрицы Екатерины II к князю М. Н. Волконскому // Семнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым: В 4 т. Т. 1. М., 1868; Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник РИО). Т. 6. СПб., 1871; Бумаги императрицы Екатерины II // Там же. Т. 13. СПб., 1874. Некоторые источники, опубликованные до революции, переиздавались позже. См., например, приложения к «Истории Пугачева»: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1; Кн. 2. М.; Л., 1940. Воспоминания пугачевского полковника Дементия Верхоланцева (Разказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте *Публ. Н. А. Попова* / Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). 1862. Кн. 3. Отд. 5. С. 295–302) были переизданы в 1991 году — см.: *Курмачева М. Д.* Указ. соч. (далее ссылки будут даваться на эту публикацию).

См., например: Пугачевщина: Сборник документов: В 3 т. / Подг. С. А. Голубцовым. М.; Л., 1926–1931; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым И ВИ. 1966. № 3–5, 7, 9; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / Отв. ред. Р. В. Овчинников. М., 1975; Емельян Пугачев на следствии.

См.: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковедческое исследование. М., 1980; *Он же.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 53.

См.: *Покровский Н. Н.* Томск. 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 39, 60, 137.

См.: Пугачевщина. Т. 2. М.; Л., 1929. С. 111; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 39 об., 40.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 129, 129 об.

Цит. по: *Соловьев В. М.* Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991. С. 134.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. Л., 1966. С. 69; *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 170; *Мыльников А. С.* «Он не похож был на государя». Петр III: Повествование в документах и версиях. СПб., 2001. С. 349, 350, 367; *Мауль В. Я.* Указ. соч. С. 239.

См.: *Астапенко М. П.* Где родился Степан Разин? // ВИ. 1988. № 9. С. 141, 142.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 127.

См.: Юдин П. Пугачев-терец // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 23; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.: Сборник документов Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов-нД., 1961. С. 27, 39; Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 57, 127, 239, 250; Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 28.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 69, 70.
Примечание 6.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой Публ. Г. В. Есипова /Древняя и новая Россия. 1878. Т. 1. № 4. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39; Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 127; Пугачевщина. Т. 2. С. 389; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 135; Д. 436. Л. 7; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 214 об.; Д. 425. Л. 135.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 127, 128, 134; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 37, 40.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 128.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 349–351.

Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 128.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 147.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 466.

См.: *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 51–60; *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 296, 312, 358.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 68.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 128, 129.

Там же. С. 56; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39.

Емельян Пугачев на следствии. С. 128.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича.
СПб., 1906. С. 135.

Подробнее о жизни донского казачества в допетровскую эпоху см.: *Рябов С. И.* Донская земля в XVII в. Волгоград, 1992; *Мининков Н. А.* Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.) Ростов-н/Д., 1998; *Куц О. Ю.* Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009; *Voeck B. J.* Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739: Ph. D. diss. Harvard, 2002; *Imperial boundaries: Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great.* Cambridge, 2009.

См.: *Пронштейн А. П.* Земля Донская в XVIII в. Ростов-н/Д., 1961; *Сахаров А. Н.* Степан Разин — предводитель крестьянской войны // *Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения.* М., 1974; *Он же.* Степан Разин. М., 2010; *Усенко О. Г.* Разин и Разинщина // *Родина.* 2006. № 11. С. 70–74.

Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 57.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39; Емельян Пугачев на следствии. С. 57, 128.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 96, 97.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 40; Емельян Пугачев на следствии. С. 57, 128.

Емельян Пугачев на следствии. С. 57, 128; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 360.

Там же. С. 57. См. также: С. 66, 128, 241, 242, 245.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 71.

Буганов В. И. Пугачев. М., 1984. С. 10.

Мауль В. Я. Указ. соч. С. 241.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 65, 241, 242.

Там же. С. 128.

См.: Там же. С. 57, 128, 129, 246.

См.: Там же. С. 57, 129, 246.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Емельян Пугачев на следствии. С. 57, 58, 129, 246, 360.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Юдин П. Указ. соч. С. 23; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39; Емельян Пугачев на следствии. С. 56–58, 127, 129, 130, 246, 360.

Емельян Пугачев на следствии. С. 57, 58, 129, 246, 360.

Там же. С. 129. См. также: С. 58.

Там же. С. 58, 130. См. также: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366.

См.: *Мауль В. Я.* Загадка болезни Е. И. Пугачева (Об одном казусе из предыстории русского бунта XVIII столетия) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 113–118.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 58, 129, 130, 247, 361.

Там же. С. 58, 59, 130.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 27, 39–40.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 35; Емельян Пугачев на следствии. С. 59, 130.

Емельян Пугачев на следствии. С. 59, 130, 131.

Там же. С. 131.

Там же. С. 59, 131, 132.

См.: Там же. С. 56, 244; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36, 40.

Емельян Пугачев на следствии. С. 59, 132.

Там же. С. 59, 60.

См.: Там же. С. 132.

См.: Там же. С. 60, 132, 133; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 132, 133; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366.

Емельян Пугачев на следствии. С. 60, 133, 134.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 35, 36; Емельян Пугачев на следствии. С. 60, 61, 134; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366.

Емельян Пугачев на следствии. С. 61, 106, 134.

См.: Там же. С. 61, 134; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 134.

Там же. См. также: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 27, 36, 40; Емельян Пугачев на следствии. С. 56, 127.

Емельян Пугачев на следствии. С. 134, 135. См. также: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36.

Емельян Пугачев на следствии. С. 135. См. также: С. 237, 238; Акты о пребывании Пугачева в Моздоке // ЧОИДР. 1848. Кн. 1. С. 118; Пугачев на Кавказе // Русская старина (далее — РС). 1883. Т. 37. С. 167.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 135, 136.

Там же. С. 135.

См.: Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. С. 121; Емельян Пугачев на следствии. С. 237, 238; Пугачев на Кавказе. С. 169–170; Юдин П. Указ. соч. С. 22, 23.

См.: Юдин П. Указ. соч. С. 23.

Емельян Пугачев на следствии. С. 238, 239. См. также: Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. С. 120–122; Пугачев на Кавказе. С. 167, 170.

См.: Акты о пребывании Пугачева в Моздоке. С. 118, 119, 122; Пугачев на Кавказе. С. 167, 169, 170; Емельян Пугачев на следствии. С. 238; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 27, 36, 40.

Емельян Пугачев на следствии. С. 136. См. также: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36, 40.

Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.
С. 36, 40; Емельян Пугачев на следствии. С. 61, 136.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 136, 137, 362; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 137; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 36.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 137, 138.

См.: Там же. С. 61, 106.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 77, 78; Буганов В. И. Указ. соч. С. 17; Емельян Пугачев на следствии. С. 248. Материалы допроса Худякова см.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 425–428 (частично опубликованы: Пугачевщина. Т. 2. С. 184, 185).

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 138; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 427 об.; Ч. 3.Л. 60, 60 об.

Емельян Пугачев на следствии. С. 106, 138, 223.

См.: Там же. С. 138, 223.

См.: Там же. С. 138, 139; РГАДА. Ф. 6, Д. 512. Ч. 1. Л. 336 об., 337.

Емельян Пугачев на следствии. С. 139, 223; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.
Л. 337–338 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 139, 223, 224; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 337 об.-339 об.; Ч. 2. Л. 428; Ч. 3. Л. 60 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 61, 106, 107, 139, 224; РГАДА.
Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 339, 339 об., 340 об. -341 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 61, 62, 139, 140.

См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ).
СПб., 1830. Т. 15. № 11420; Т. 16. № 11683, 11720, 11725.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 140, 224, 241.

См.: Там же. С. 62, 107, 140, 224; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340 об.

Емельян Пугачев на следствии. С. 140, 141.

См.: Там же. С. 62, 107, 141, 224; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 429, 429 об., 431.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 62, 107, 141, 224, 225; РГАДА.
Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 431, 431 об.

Емельян Пугачев на следствии. С. 250, 251.

См.: Там же. С. 224–225; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 371, 371 об., 373 об., 430, 430 об.; Ч. 2. Л. 431 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 431 об., 432; Ч. 3. Л. 61.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 225; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 339 об., 340; Ч. 2. Л. 432; Ч. 3. Л. 60 об.-62.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 225; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.Л. 340; Ч. 2. Л. 432 об.

См.: *Сень Д. В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). 2-е изд. Краснодар, 2002.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 225; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340; Ч. 2. Л. 432; Ч. 3. Л. 62, 62 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 340, 340 об.; Ч. 3. Л. 62 об. — 63 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 225, 226; РГАДА. Ф. 6. Д. 512.
Ч. 1. Л. 405 об., 406, 418–424; Ч. 2. Л. 432.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 405 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 144, 226; РГАДА. Ф. 6. Д. 512.
Ч. 1. Л. 405 об., 419 об., 420; Ч. 2. Л. 432.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 432, 432 об.; Емельян Пугачев на следствии. С. 62, 144, 145, 242.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 26; Д. 512. Ч. 2. Л. 432 об.; Емельян Пугачев на следствии. С. 226.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 432 об.; Емельян Пугачев на следствии. С. 62, 110, 145, 149.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 62, 146.

См.: Там же. С. 62, 63, 108, 146, 228, 229, 242; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450, 450 об.; Д. 506. Л. 10 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 449 об.

См., например: *Витевский В. Н.* Яицкое войско до появления Пугачева // *Русский архив* (далее — РА). 1879. № 3, 4, 8, 10, 12; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 1—104; *Рознер И. Г.* Указ. соч; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 15–56.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 77.*

См.: Там же. С. 14, 21, 22, 37, 43–45.

См.: Там же. С. 29, 31, 32; *Рознер И. Г. Указ. соч.* С. 104.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

См.: Там же. С. 54–104, 155, 156; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 112–179.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 108, 146, 147, 228, 229; РГАДА.
Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 450 об.- 451 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 38; Д. 512. Ч. 1. Л. 226 об.

Пугачевщина. Т. 2. С. 116, 128; Емельян Пугачев на следствии. С. 63, 64, 108, 110, 147, 226, 229, 230, 240, 254; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 229, 229 об., 453, 453 об.

См.: *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 303–307.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 116; Емельян Пугачев на следствии. С. 229.

Пугачевщина. Т. 2. С. 116.

Емельян Пугачев на следствии. С. 229, 230.

См., например: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 156–158; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 84, 85; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 131, 132. Однако не все ученые согласны с этой версией (см.: *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 22, 23; *Клибанова А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 154, 155).

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 128, 129; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 131; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.Л. 240, 254.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3. С. 124–138; № 4. С. 111–126; № 5. С. 107–121; № 7. С. 92–109; № 9. С. 137–149; Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками; Емельян Пугачев на следствии.

См., например: *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Т. 3. С. 174.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 67, 68, 81, 82; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 25, 26.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3. С. 131;
Емельян Пугачев на следствии. С. 71.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. № 5. С. 108; Летопись Рычкова. С. 355; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 61, 62.

Емельян Пугачев на следствии. С. 106.

Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте//РС.
1870. Т. 2. С. 351.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 106–108.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 351, 352; Емельян Пугачев на следствии. С. 108, 226.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 108–112.

См.: Там же. С. 141, 142.

См.: Там же. С. 143–145.

См.: Там же. С. 147, 222–226.

См.: Там же. С. 222; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 16а-33; Д. 512. Ч. 1. Л. 336-343, 371-373 об., 405 об., 406, 418-421, 429-430 об., 459, 459 об.; Ч. 2. Л. 394 об., 431-432 об.; Ч. 3. Л. 19-23, 131-132, 134-136, 146-147, 180-181, 198, 211, 215-215 об.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 159; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 197, 230–231 об.; Д. 506. Л. 10 об., 26, 26 об., 57; Д. 512. Ч. 1. Л. 406, 418.

Емельян Пугачев на следствии. С. 58, 119, 120; РГАДА. Ф. 6. Д. 662. Л. 61–62 об.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 5. С. 118.

Там же // ВИ. 1966. № 3. С. 132; Емельян Пугачев на следствии. С. 104.

См.: *Чистов К. В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003; *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 26.

См.: Гурьянова Н. С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988; Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 75—109; Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 19–29; Он же. Политические настроения на Дону в 1697–1707 гг. и повод восстания К. А. Булавина // Клио: Межвузовский журнал для ученых. СПб., 1997. № 1. С. 149–158; Он же. Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и общество в русском общественном сознании. М., 1999. С. 70–93; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000; Трефилов Е. Н. Представления о царской власти участников народных бунтов Петровского времени: Дисс.... канд. ист. наук. М., 2010.

См., например: *Анисимов Е. В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства: Альманах. Т. 3. М., 2006.*

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 56, 84, 90, 91; *Рознер И. Г.* Указ, соч. С. 115, 157.

См.: *Усенко О. Г.* Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг.: Опыт системно-статистического анализа // *Россия в XVIII столетии*. М., 2004. Вып. 2. С. 290–353.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 367; *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1950. С. 89, 90; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 81, 82; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 23, 24; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 21; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 171.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 82.

Пугачевщина. Т. 2. С. 187, 188, 194, 195.

См.: ПСЗРИ. Т. 15. № 11444.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 271.

Емельян Пугачев на следствии. С. 230; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 453, 453 об. См. также: Емельян Пугачев на следствии. С. 147, 148, 231; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. С. 229, 229 об., 235 об.

См. Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 159; Пугачевщина. Т. 2. С. 116, 128, 129; Емельян Пугачев на следствии. С. 64, 149, 150, 230, 231, 240; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 197, 197 об.; Д. 506. Л. 26, 26 об., 65 об., 66; Д. 512. Ч. 1. Л. 229, 229 об., 235 об., 236, 445 об., 453–454 об., 455 об., 456; Ч. 3. Л. 24–25.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 64, 65, 120, 121, 149, 239–241;
РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 25–26 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 111, 112, 149, 150, 227, 228, 232, 233; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 6-11, 15-16; Д. 512. Ч. 1. Л. 441-446.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 65, 66, 150, 151, 241, 242;
РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 196, 196 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 259, 338, 372; РГАДА. Ф. 6. Д.414.Л. 92–94 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 66; РГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 131–132.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 113, 114, 153, 154; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 33 об., 210–212, 221.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 112, 113, 151, 152; РГАДА. Ф. 6.Д.512. Ч. 1. Л. 215–216.

РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 214 об., 215, 216–217. См. также: Емельян Пугачев на следствии. С. 154.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 65, 114, 152; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 243–264; Д. 512. Ч. 2. Л. 464 об., 465 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 66, 154; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 269–271 об., 283 об.-285.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 170–175 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 66, 67, 155; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 271 об.-273 об., 285–286.

См.: *Акельев Е. В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М., 2012. С. 352–358.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 92, 126, 162; Д. 512. Ч. 1. Л. 211, 211 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 67, 68, 114, 155, 156; РГАДА.
Ф. 6. Д. 414. Л. 37, 109, 273 об.-276, 285–287.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 13 об. -15, 28 об., 29, 34 об., 44, 44 об., 103 об. — 105, 107, 107 об., 141 об.-142об., 143 об., 144, 215 об.-216 об.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3. С. 131; Емельян Пугачев на следствии. С. 68, 156; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 30 об., 31, 32, 32 об., 62, 80, 276, 287.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 70, 129–132.

См.: Дубовый *Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 169–172.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 68, 69, 156–158; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 276–277 об., 285 об., 287–288 об.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 278–282, 288 об.-292, 297–310.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 69, 70, 158, 259.

См.: Там же. С. 70, 158, 159; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 38 об., 39; Д. 512.
Ч. 1. Л. 229 об., 230.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 70; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 39–40 об., 41, 41 об., 140 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 244 об.

Емельян Пугачев на следствии. С. 70, 71.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 155, 156, 183–186; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 177–182; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 17, 18.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 71, 159; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 42 об.-43 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 230, 230 об.

См.: *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 49—275; *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 80; *Перри М.* Символика «царских знаков» российских самозванцев XVII—XIX вв. // *Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX в. (Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй): Тезисы докладов Второй международной научной конференции 24–26 июня 2009 года.* М., 2009.

РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 44 об.-46, 67–69 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 230 об., 231, 237–238, 240 об. См. также: Емельян Пугачев на следствии. С. 71, 72, 159.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 72, 159, 160; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 46–52, 141 об.-144 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 231–232, 240 об.-241 об., 245–246; Ф. 349. Д. 7330. Л. 3-10, 17 об.

Буганов В. И. Указ. соч. С. 72.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 72, 73, 160, 161, 263; РГАДА. Ф. 6. Д. 414. Л. 230–231 об.; Д. 506. Л. 52–57 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 232–233.

См.: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 171, 176, 200–203; *Емельян Пугачев на следствии.* С. 260.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 176; Показания командира пугачевской гвардии // ВИ. 1980. № 4. С. 97–99; Емельян Пугачев на следствии. С. 73–75, 161, 162; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 77–81, 100 об.-104 об., 120 об.-124 об., 145–153, 156–160, 172–173, 175–178 об., 320, 320 об., 326–328; Д. 512. Ч. 1. Л. 241, 242, 242 об., 246–249 об., 254, 254 об., 256, 258, 258 об.; Ф. 349. Д. 7330. Л. 13–16 об.; Ф. 1100. Д. 2. Л. 15, 15 об.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия: Путешествие-1833. Реалии «Истории Пугачева». Прототипы «Капитанской дочери». Исследователи и интерпретаторы / Сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. Оренбург, 1997. С. 148–150, 180, 181, 261, 492, 493; Показания командира пугачевской гвардии. С. 97.

См., например: Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 75, 76; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 81, 126–128 об., 164 об., 165, 166, 166 об., 180–181, 188, 227 об., 239 об., 240, 241 об.-242; Д. 512. Ч. 1. Л. 242 об., 251, 251 об., 253, 256.

См., например: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 217–222; *Андрущенко А. И.* О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 145–149; *Он же.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 30–31; *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 176; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 416, 417; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 23; *Тоёкава К.* Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. М., 1996. С. 100.

212

РГАДА. Ф. 6. Д. 421. Л. 1 об. — 2 об.

Пугачевщина. Т. 2. С. 130, 131; РГАДА. Ф. 6.Д. 506. Л. 94 об., 100 об., 101.

Емельян Пугачев на следствии. С. 233.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 127, 132, 133, 134, 200, 223, 388; О победе отрядов Е. И. Пугачева под Оренбургом // Исторический архив. 1960. № 1. С. 158; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 215, 216; РГАДА. Ф. 6. Д. 422. Л. 29 об., 31 об., 34; Д. 506. Л. 184 об., 284, 290 об., 333, 339 об., 340; Д. 512. Ч. 1. Л. 94, 202, 202 об., 204, 264 об., 271 об., 279 об., 320; Ч. 2. Л. 143 об., 152 об., 153.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 234; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.
Л. 254 об., 257, 260.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 120–122; Емельян Пугачев на следствии. С. 226, 227; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 292 об.-298; Д. 512. Ч. 1. Л. 315–316 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 123, 124, 131, 132; Сподвижники Пугачева свидетельствуют // ВИ. 1973. № 8. С. 108; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 75–77, 162–164; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 375; Д. 506. Л. 124 об., 125 об., 126, 128 об.-132, 167–169 об., 179–184 об., 188–189, 230 об.-232, 260–261 об., 274–276, 283 об.-284 об., 288–290 об., 321, 328 об. — 330 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 251, 251 об., 252 об., 253, 256, 256 об., 258 об.-259 об., 261, 261 об., 263, 264, 264 об., 267, 267 об., 302–303 об.; Ч. 3. Л. 13 об., 14.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 132; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 108; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 77, 164; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 375 об., 376; Д. 506. Л. 133, 133 об., 169 об., 170 об., 184 об.-186 об., 188 об., 189, 276, 299 об. — 301, 303, 304–306, 321, 321 об., 330 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 242 об., 243, 251 об., 252, 256 об., 259 об., 260, 261, 262–263, 303 об., 304.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 77, 164–166; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 276; Д. 512. Ч. 1. Л. 303 об.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 23; Емельян Пугачев на следствии. С. 78, 165; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 304. См. также: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 29–32.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 109.

Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 29, 30. Похожая мысль высказывалась и другими историками (см., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. С. 100, 101; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 128).

Цит. по: *Рознер И. Г.* Указ. соч. С. 10, 11; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 39 об., 40.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 29–31, 33, 48, 52; Емельян Пугачев на следствии. С. 78, 171; РГАДА. Ф. 6.Д. 506. Л. 191.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 78, 165.

См.: Там же. С. 77, 78, 164–166; Пугачевщина. Т. 2. С. 132; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 202–203; Д. 506. Л. 189, 189 об., 269–270, 276 об., 277, 321 об., 330 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 259 об., 260, 275, 303 об., 304.

См.: Прибавление о разбойнике и самозванце Пугачеве из дневных записок 1773 года, города Оренбурга Благовещенской церкви, что на гостином дворе, священника Ивана Осипова (далее — Записки священника Ивана Осипова) // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 2. С. 551; Известие о самозванце Пугачеве // Там же. С. 583; Записка полковника Пекарского о бунтах Яицких, что ныне Уральские, казаков и о самозванце Емельке донском казаке Пугачеве // Там же. С. 600; Летопись Рычкова. С. 210–212; Пугачевщина. Т. 2. С. 132; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания ГИМ / Отв. ред. Е. И. Индова. М., 1973. С. 15; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 108; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 78, 79, 166, 167; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 36, 37, 39, 40; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 81, 81 об., 134 об., 135, 189 об., 190, 270, 270 об., 276, 277, 277 об., 284 об., 285, 321 об., 330 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 256 об., 260, 263, 269 об., 275, 275 об., 304, 304 об., 306–307.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 78, 79, 166, 169; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 32–35; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 105, 106, 156, 157.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 79, 168, 169.

РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 304 об. См. также: Л. 307, 307 об.; Д. 506. Л. 135; Летопись Рычкова. С. 212; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 24, 25, 79, 80, 372, 401; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 35–41; Емельян Пугачев на следствии. С. 81, 84, 169–170, 171, 175; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 203, 203 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 307; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200, 200 об.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 337; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 36–39; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 79, 80, 167; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 30–31; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 203 об., 207, 207 об.; Д. 506. Л. 69 об., 70, 81 об., 82, 135, 135 об., 190, 190 об., 232–233, 270 об., 271, 277 об., 278, 285, 285 об., 321 об., 330 об., 331 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 177, 260, 269 об., 272, 275 об., 277, 300, 300 об., 304 об., 307 об., 310; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 213, 213 об., 418, 418 об.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 337; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 37, 39–40; Емельян Пугачев на следствии. С. 80, 81, 167, 168, 170, 220, 274; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 203 об.-204 об.; Д. 506. Л. 82, 82 об., 135 об., 190–191 об., 233–234, 271, 271 об., 278, 278 об., 285 об., 321 об., 322, 331 об., 337 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 177–178, 253, 269 об., 270, 272, 275 об., 277, 277 об., 300 об., 304 об., 305, 307 об., 308, 310; Ч. 3. Л. 14; Ф. 349. Д. 7333. Л. 1–2; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200, 213, 213 об., 418 об., 419; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 24; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 35–37.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 40, 41; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 81, 171, 172; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 204 об.; Д. 506. Л. 82 об., 191, 191 об., 233 об., 234, 271 об., 278 об., 279, 322; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 180.

См.: Показания командира пугачевской гвардии. С. 99; Емельян Пугачев на следствии. С. 81, 170, 171, 275; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 204 об.; Д. 506. Л. 279, 331 об., 332; Ф. 349. Д. 7333. Л. 2–3 об.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 79, 401; Емельян Пугачев на следствии. С. 171. См. также: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 82 об.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 110; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 16; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 279; Ф. 349. Д. 7329. Л. 196, 215 об. — 216; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 24, 25; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 37–39.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 141; Емельян Пугачев на следствии. С. 82, 83, 172, 173; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 211–212, 332, 341, 341 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 281 об., 282; Ф. 349. Д. 7329. Л. 196–198, 215–217, 287–288 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 141, 142; Емельян Пугачев на следствии. С. 82, 172; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 82 об., 83, 191 об., 212, 212 об., 279, 279 об., 322, 332, 341 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 282, 282 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 198, 198 об., 217, 217 об., 288 об., 289.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 142; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 115; Емельян Пугачев на следствии. С. 82, 83, 172, 173, 277; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 83, 212 об., 332, 341 об., 342; Д. 512. Ч. 1. Л. 282 об., 283; Ф. 349. Д. 7329. Л. 198 об., 217 об., 218, 289.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 83, 277; РГАДА. Ф. 349. Д. 7329. Л. 198 об., 217 об., 289, 289 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 142; Емельян Пугачев на следствии. С. 83, 173, 174, 277, 384; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 191 об., 212 об., 213, 322, 332, 342; Ф. 349. Д. 7329. Л. 198 об., 199, 218–218 об., 289 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 83, 173, 174; Пугачевщина. Т. 2. С. 142; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 283.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 17–19; *Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений.* С. 25; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 40, 41; *Емельян Пугачев на следствии.* С. 83, 174, 278; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 204 об., 205; Д. 506. Л. 83, 212 об., 279 об., 342; Ф. 349. Д. 7329. Л. 199; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 19–20; Емельян Пугачев на следствии. С. 83, 174–175, 278, 385; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 83, 83 об., 212 об., 213, 332, 332 об., 342; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200.

См.: Известие о самозванце Пугачеве. С. 584, 585; Летопись Рычкова. С. 217; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 20, 21; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 111, 112; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 140; *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 107, 108; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 182.

См.: Летопись Рычкова. С. 211, 213, 214, 217; *Дубровин Н. Ф.* Указ, соч. Т. 2. С. 21–23; Известие о самозванце Пугачеве. С. 585; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 16; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 146, 147; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии: Сборник документов. Уфа, 1975. С. 25, 26, 342; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 180 об., 181.

Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 24.

См.: Летопись Рычкова. С. 214; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 24; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 17; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 467 об., 468.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 24, 25; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 112; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 17; *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 141.

См.: Известие о самозванце Пугачеве. С. 586; *Дубровин Н. Ф.* Указ, соч. Т. 2. С. 25–28; Пугачевщина. Т. 2. С. 430; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 165, 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 83, 84, 175, 176, 278, 386; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 205, 205 об.; Д. 506. Л. 83 об., 192, 192 об., 212 об., 213, 279 об., 322, 332 об., 342, 468–471 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 267 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200, 200 об.

См.: Пушкин А. С. Оренбургские записи // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 2. С. 495, 496; Записки священника Ивана Осипова. С. 553; Известие о самозванце Пугачеве. С. 586; Летопись Рычкова. С. 217, 234; Овчинников Р. В. О Елагиных и Харловых из пушкинской «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 12. Л., 1986. С. 351–356; Емельян Пугачев на следствии. С. 84, 86, 279, 280, 283; Пушкин А. С. Конспекты, выписки и наброски // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 2. С. 761.

Цит. по: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 28.*

См.: *Летопись Рычкова*. С. 218; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч.* Т. 2. С. 28; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 112, 113.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 113. См. также:
Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 28, 29.

См.: Летопись Рычкова. С. 218, 219; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 37–43, 45, 46; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 113–115; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 109, 110; Показания командира пугачевской гвардии. С. 99, 100; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 166–169; Емельян Пугачев на следствии. С. 84, 85, 176, 177; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 83 об., 84, 192 об., 213, 279 об., 322, 332 об., 342, 471 об.-472 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 199, 199 об.; Д. 7333. Л. 4; *Таймасов С. У.* Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа, 2000. С. 6, 7.

См.: *Летопись Рычкова*. С. 219; *Дубровин И. Ф. Указ. соч.* Т. 2. С. 30, 34, 37; *Крестьянская война 1773–1775 гг. в России*. С. 17, 18; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1.Д. 1231. Л. 184.

Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 18.

См.: Тоёкава К. Указ. соч. С. 50–98, 118, 119.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 30, 31; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 181–183; Летопись Рычкова. С. 214–216, 219, 220; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 18, 19.*

Летопись Рычкова. С. 214, 220, 225; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 122; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 181. См. также: Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 18, 19.

См.: *Летопись Рычкова*. С. 217; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч.* Т. 2. С. 33, 34; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 116, 125.

Цит. по: Летопись Рычкова. С. 216, 220.

Емельян Пугачев на следствии. С. 88. См. также: Летопись Рычкова. С. 220.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 84.

Цит. по: Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 68. С. 163, 164. См. также: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 117.

См.: Летопись Рычкова. С. 221; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 36, 37, 44, 45; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 164, 165; Емельян Пугачев на следствии. С. 84, 85, 176, 177; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 98 об., 99.*

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 133; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 165; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 110; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 20; Емельян Пугачев на следствии. С. 85, 177; Летопись Рычкова. С. 218; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 41, 42; Известие о самозванце Пугачеве. С. 591; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 28.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 122; *Тоёкава*
К. Указ. соч. С. 123, 124.

Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 18, 19.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 48; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 185; Записки священника Ивана Осипова. С. 554; Записка полковника Пекарского... С. 602; *Летопись Рычкова.* С. 221; *Крестьянская война 1773–1775 гг. в России.* С. 20.

См.: *Спирков В. А.* Участие пленных польских конфедератов в Крестьянской войне в России 1773–1775 гг. // *Вестник ЛГУ.* 1963. № 14. Вып. 3. С. 19–31; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 122–125, 185–187; *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 125–127.

Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 327–337; *Овчинников Р. В.* Предисловие // Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 3.

См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в.: В 2 т. СПб., 1888; *Он же.* Крестьяне в царствование Екатерины II: В 2 т. СПб., 1901–1903; *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. М., 1999. С. 467.

См.: *Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 13. М., 1994. С. 216–218, 399, 400; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. М., 2002. С. 215.*

Цит по: *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 1. С. 198.

См.: Там же. С. 178–237.

Там же. С. 232.

См.: Там же. С. 195, 196, 199, 200.

Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.; Л., 1949. С. 17.

Каменский А. Б. Указ. соч. С. 316.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 137.

Каменский А. Б. Еще раз о Екатерине II и крепостничестве (из опыта изживания марксистской историографии) // Екатерина Великая: эпоха российской истории: Международная конференция. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г.: Тезисы докладов // http://www.ekaterina2.com/konf/konf_048.php

См.: ПСЗРИ. Т. 18. № 12966. С. 335, 336. О законодательстве по крестьянскому вопросу см.: *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 38–54.

См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 402; Мадариага И. де. Указ. соч. С. 218.

Подробнее о деле Салтычихи см.: *Студенкин Г. И.* Салтычиха. 1730–1801 гг. // РС. 1874. Т. 10. С. 497–548; *Манькова Л.* Кровавая барыня *U* Родина. 2002. № 2. С. 44–51; *Экштут С. А.* Роман душегубицы // Там же. 2002. № 3. С. 52–55.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 48, 271.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 235, 236.

См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 375–379; Редин Д. А. Классы и сословия в крестьянской войне 1773–1775 гг.: мастерские и работные люди уральских заводов // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. М., 1991. С. 209–211; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 253, 254.

Цит. по: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 356–357.*

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 271; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 191.

Цит. по: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 357.*

См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 112, 114, 208, 209, 218, 219, 223; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 221; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 45 об., 153, 201 об.-202 об., 220 об., 221, 222 об., 223.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 31, 43, 47, 48, 75, 129, 130, 132, 137.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 12; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 248–272; Пугачевщина. Т. 2. С. 3–40; Бекмаханова Н. Легенда о Невидимке: Участие казахов в крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 гг. Алма-Ата, 1968; Беликов Т. И. Участие калмыков в крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева. 1773–1775 гг. Элиста, 1971; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии: Сборник документов. Чебоксары, 1972; Алишев С. Татары Среднего Поволжья в пугачевском восстании. Казань, 1973; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии; Таймасов С. У. Указ. соч.

См.: Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 110; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 18; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 28, 30, 33, 36, 343, 344; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 25–28, 81; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 41–44; Емельян Пугачев на следствии. С. 86, 87, 178, 179; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 185, 185 об.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 47, 48.*

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 28, 29; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 44–46, 169–171; Записки священника Ивана Осипова. С. 555, 556; Известие о самозванце Пугачеве. С. 590; Записка полковника Пекарского... С. 602; Летопись Рычкова. С. 222, 224, 225; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 72, 73; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 20; Емельян Пугачев на следствии. С. 85, 178; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 272, 472 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 185 об., 186.

См.: Летопись Рычкова. С. 222, 223, 225; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 74; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 127; Записки священника Ивана Осипова. С. 556; Известие о самозванце Пугачеве. С. 590; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 20, 21; Емельян Пугачев на следствии. С. 85, 86; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 186.

Известие о самозванце Пугачеве. С. 590. См. также: Летопись Рычкова. С. 225; Записки священника Ивана Осипова. С. 556.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 556; Известие о самозванце Пугачеве. С. 590, 591; Летопись Рычкова. С. 225, 226; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 127, 128.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 556, 557; Известие о самозванце Пугачеве. С. 591, 592; Летопись Рычкова. С. 223–229; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 75–77; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 128–130; *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 134–136, 139, 140; Записка полковника Пекарского... С. 602, 603; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 21; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 28; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 187–188 об.

Показания командира пугачевской гвардии. С. 100.

Пушкин А. С. История Пугачева. С. 18.

См.: Пугачевщина. Т. 3. М.; Л., 1931. С. 214, 215; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 208, 208 об., 220 об., 221; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 104.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 559; Известие о самозванце Пугачеве. С. 593, 594; Летопись Рычкова. С. 239–243; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 22, 23; Емельян Пугачев на следствии. С. 87, 88, 178, 179; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 132, 133; Записка полковника Пекарского... С. 603, 604; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 190, 190 об.

См.: Известие о самозванце Пугачеве. С. 592, 593; Летопись Рычкова. С. 231–235, 237, 238, 244; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 165, 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 179; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 85 об., 194, 473; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 214.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 79–82.*

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 5–9; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 31, 32; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 53–55.

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 9—12.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 241.

Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 165; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 193 об. См. также: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 30, 31.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 234–293, 339, 340.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 133–156.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 108; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 322 об. — 333;
Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 158–160.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 49–53; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 167, 168; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Приложение. С. 293–296.*

См.: Манифесты и указы, относящиеся к пугачевскому бунту // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 163–165; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 53–55, 61–64; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 168, 169; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Приложение. С. 296–300

См.: Архив Государственного совета: В 5 т. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1869. С. 437–441; Семнадцатый век. Т. 1. М., 1868. С. 100, 101; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 64–72; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири: Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907. С. 9; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 168–171; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Приложение. С. 300, 301.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 71; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 9; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 170.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 21–25, 29, 30; Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара: Материалы для истории пугачевского бунта. Приложения Публ. Д. Анучина / Военный сборник. 1869. № 6. С. 174–181; Дубровин Н. Ф. Указ, соч. Т. 2. С. 92—100; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 171–174.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 83, 84; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 175, 175 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 106; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 39; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 182, 182 об., 288 об., 290, 290 об., 475 об.; Д. 512. Ч. 3. Л. 143 об.

См.: Летопись Рычкова. С. 230–232, 243, 244; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 33; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 73–75; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 190 об., 191.

См.: Летопись Рычкова. С. 244; Пугачевщина. Т. 2. С. 112, 142; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 86 об., 194, 214, 342 об., 474, 474 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 217.

См.: *Пушкин А. С. История Пугачева. С. 27; Дубровин Н. Ф. Указ, соч. Т. 2. С. 145.*

Емельян Пугачев на следствии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 442 об., 443.

329

РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 443 об.-445.

Там же. Д. 467. Ч. 13. Л. 137, 137 об. См. также: Д. 436. Л. 3 об.;
Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 168.

См.: Восстание Емельяна Пугачева: Сборник документов Подг. М. Мартыновым. Л., 1935. С. 58; Емельян Пугачев на следствии. С. 235; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 100, 332; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 222; «Оный Слесарев всем тем несчастливым приключениям... был самовидец»: Свидетельства современника о пугачевском бунте Публ. Д. А. Быкова // Источник. 2003. № 5. С. 10; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 209 об., 210, 211 об.; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 344; Т. 3. С. 93.

Цит. по: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 102.*

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 552, 553, 561; Известие о самозванце Пугачеве. С. 584–586, 588, 595, 598; Летопись Рычкова. С. 218, 232, 233, 235, 237, 238, 258, 267, 269, 277, 291, 292, 300, 307, 320–323; Пугачевщина. Т. 2. С. 110, 114, 134, 119, 190, 198; РГАДА. Ф. 6.Д.512. Ч. 1.Л.202, 203, 203 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 39; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 289; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 218; Емельян Пугачев на следствии. С. 201, 202; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 90, 90 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 202 об., 203.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 114, 196; Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 6 об., 7.

См.: *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 200–202, 204, 351, 352, 361; Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов: В 4 т. Т. 1. М., 1954. С. 151, 188; Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 20, 43, 53, 190, 393, 394; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 51, 56.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 88, 181; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 85 об., 86, 194 об., 280, 322 об., 323, 333, 333 об.; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 27; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 26, 27, 30; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 101; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 323, 333 об.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 27; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 101, 102.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 27, 28, 30; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 102; Пугачевщина. Т. 3. С. 209, 210; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 88, 181, 182, 286, 389; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 86, 194 об., 323, 323 об., 333 об., 334; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 193; Летопись Рычкова. С. 248; Записка полковника Пекарского... С. 606.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова.
С. 27–29.

См.: Там же. С. 28, 34; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 104, 105; Пугачевщина. Т. 2. С. 134; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 47, 48, 300, 416; Емельян Пугачев на следствии. С. 182; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 194 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 134; Т. 3. С. 210; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 88, 89, 182, 287; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 86; Известие о самозванце Пугачеве. С. 594; Записка полковника Пекарского... С. 606.

См.: Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 182; Летопись Рычкова. С. 247, 248; Известие о самозванце Пугачеве. С. 593.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 28–31, 33; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 105.

См.: Летопись Рычкова. С. 248; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 105, 106; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 24, 25; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1.Д. 1231. Л. 191об., 192.

См.: Летопись Рычкова. С. 248, 249; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 105–107; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 25; Емельян Пугачев на следствии. С. 89, 179, 287; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 1 об., 2; Д. 436. Л. 1, 1 об., 2 об.; Д. 506. Л. 324, 334 об., 335; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 216, 217 об., 448; Д. 1231. Л. 192 об., 208; Известие о самозванце Пугачеве. С. 594, 595.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 561; Летопись Рычкова. С. 248, 249; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 107, 110; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 25; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; Емельян Пугачев на следствии. С. 89, 90, 179, 180, 287; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 2, 2 об.; Д. 436. Л. 1 об.; Д. 506. Л. 86, 195, 195 об., 280, 324, 324 об., 335; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 216, 448; Д. 1231. Л. 192–193, 208; Записка полковника Пекарского... С. 606, 607.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 561; Известие о самозванце Пугачеве. С. 595; Записка полковника Пекарского... С. 607; Летопись Рычкова. С. 249, 251; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 107–110; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; Емельян Пугачев на следствии. С. 90, 180, 288; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 1 об., 2; Д. 506. Л. 86, 86 об., 195–196, 324 об., 335; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 216, 448, 448 об.; Д. 1231. Л. 193, 201, 209.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 561; Известие о самозванце Пугачеве. С. 595; Записка полковника Пекарского... С. 607; Летопись Рычкова. С. 248–250; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 110, 111; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 25; Емельян Пугачев на следствии. С. 86, 90, 180, 181; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 195 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 192, 192 об.; Пугачевщина. Т. 2. С. 134.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 562; Известие о самозванце Пугачеве. С. 595; Записка полковника Пекарского... С. 607, 608; Летопись Рычкова. С. 250, 251; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 111, 112; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 10; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 181, 182; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 25, 26; Емельян Пугачев на следствии. С. 86, 90; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 192, 193, 193 об., 376, 376 об., 377.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 562; Известие о самозванце Пугачеве. С. 583, 587, 595, 596; Летопись Рычкова. С. 250–252; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 182; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 26; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 488, 489; Емельян Пугачев на следствии. С. 90; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 449, 450, 450 об.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова.
С. 29–31, 33, 34.

См.: Манифесты и указы, относящиеся к Пугачевскому бунту. С. 165; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 31, 33–36; Осмнадцатый век. Т. 1. С. 102–104; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 157, 158, 165, 166.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 36, 37; Осмнадцатый век. Т. 1. С. 103, 104; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Приложение. С. 304.

См.: *Пушкин А. С. История Пугачева. С. 31; Дубровин Н. Ф. Указ, соч. Т. 2. С. 162–166; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С.179.*

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 179, 180.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 165, 166, 170–174; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 44–46.*

См.: Архив Государственного совета. Т. 1.4. 1. С. 442–444; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 38, 39, 41; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 167–169, 174, 176–180.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 39–41. См. также: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 174, 175.

См.: Манифесты и указы, относящиеся к Пугачевскому бунту. С. 168–172; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 38, 39; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 169, 170, 178, 180; Державин Г. Р. Записки. М., 2000. С. 37–39.

См.: Манифесты и указы, относящиеся к Пугачевскому бунту. С. 165–168; Сборник РИО. Т. 13. С. 385; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 177, 237–240.

Манифесты и указы, относящиеся к Пугачевскому бунту. С. 172, 173.
См. также: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 238, 240, 241.

См.: *Сподвижники Пугачева свидетельствуют*. С. 101–104; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 130–133.*

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 185; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1.
Л. 318–321.

Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 105.

Осмнадцатый век. Т. I. С. 102.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 120, 121;
Тоёкава К. Указ. соч. С. 120, 121.

Летопись Рычкова. С. 253. См. также: Пугачевщина. Т. 2. С. 112.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 558, 560, 563; Известие о самозванце Пугачеве. С. 598; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 127.

См.: Летопись Рычкова. С. 269; Емельян Пугачев на следствии. С. 185, 186.

См.: Летопись Рычкова. С. 275; Пугачевщина. Т. 3. С. 211, 212; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 34, 39, 40; *Овчинников Р. В.* «Немецкий» указ Е. И. Пугачева // ВИ. 1969. № 12. С. 133–141; *Он же.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 77–79, 88–91; Емельян Пугачев на следствии. С. 89, 117, 184; *Овчинников Р. В.* Записи Пушкина о Шванвичах // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991. С. 235–245; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 485, 486; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1232. Л. 427, 427 об.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 127, 189–192, 249–251, 267–270;
Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 192–196, 406–408.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 112–116; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 13, 14, 22–30; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 2. С. 183–185.

Цит. по: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т 2. С. 185.

См.: Там же. С. 206–291, 320–355, 379–392, 402–409.

См.: Там же. С. 206–236; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 141–148; Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973.

Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 199.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 87, 284.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 113, 143; Емельян Пугачев на следствии.
С.95

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 34–36, 444–465; *Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 72–97; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 53–78; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 82, 83.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева.
Т. 2. С. 36, 444, 445.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 113, 143, 144, 195; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 87 об., 474 об., 475.

Емельян Пугачев на следствии. С. 204.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 447, 448; Овчинников Р. В. Введение. С. 13; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 104.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений; Воззвания и переписка вожakov пугачевского движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1988.

См.: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 77, 78;
РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 208, 216, 216 об.

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 212.

См.: *Овчинников Р. В.* Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России; *Он же.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 110, 111, 151, 152; *Соболева И. А.* Пугачевские печати // ВИ. 1977. № 8. С. 211–215.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 113, 143; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 89, 89об., 216 об., 217, 475.

Цит. по: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 461.

392

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 89, 89 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 254 об.;
Пугачевщина. Т. 3. С. 213.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 131–132.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 177, 204, 234; Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. С. 80–85, 101, 102, 124, 125, 190, 191; *Мауль В. Я.* Архетипы русского бунта XVIII столетия // *Пушкин А. С., Цветаева М. И., Мауль В. Я.* Русский бунт. М., 2007. С. 141, 142.

Летопись Рычкова. С. 321; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ.
1966. № 9. С. 138.

См.: Пушкин А. С. История Пугачева. С. 11; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 7 об.; Д. 436. Л. 2 об.; Ф. 349. Д. 7208. Л. 73 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 200, 210, 372, 380 об.; Пугачевщина. Т. 2. С. 430; Т. 3. С. 229.

См.: *Попов М. Я.* О месте казни и погребения С. Т. Разина // ВИ. 1961. № 8. С. 212; Саратов во время пугачевского восстания: Сборник документов для семинарских занятий по истории Саратовского края. Саратов, 2001. С. 36–38; *Паскаль П.* Пугачевский бунт / Пер. с фр. Л. Ф. Сахибгареевой; под ред. И. В. Кучумова. Уфа, 2010. С. 153; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 88.

См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 109, 124, 126, 150, 196, 200, 201, 217–219, 250, 389; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 93, 192, 208, 213 об., 271 об., 272, 277 об., 287 об., 445, 473, 474, 480; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 217 об.; Д. 1231. Л. 208 об., 209, 378.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 199; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 141, 142.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 141, 142; *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 430; *Пушкин А. С.* История Пугачева. С. 118–146.

401

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 180, 181.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 2; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 380 об.; Емельян Пугачев на следствии. С. 168.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 81; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 195 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 307–308 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 209; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 202 об. —
203 об.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 79–81, 84, 86, 91, 92, 103, 118, 119, 178, 187, 203, 204, 211, 216, 233.

См.: Пушкин А. С. История Пугачева. С. 27, 28, 102; Летопись Рычкова. С. 322–324; Письма А. И. Бибикова. С. 201; Пушкин А. С. Замечания о бунте // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 373; Он же. Капитанская дочка. С. 352; Оренбургская пушкинская энциклопедия С. 352, 353; Пугачевщина. Т. 2. С. 135, 195, 196.

407

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137, 137 об.; Д. 506. Л. 278 об.

Цит. по: Летопись Рычкова. С. 322–324. См. также: *Пушкин А. С.* История Пугачева. С. 27.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 127, 135; Емельян Пугачев на следствии. С. 188; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 82, 88 об., 129 об., 218.

Цит. по: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 5. С.118.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 41; Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным / Публ. Я. К. Грота И Записки Императорской Академии наук. Т. 3. Приложение. № 4. СПб., 1863. С. 29, 30; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 248.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 32, 37, 38, 43–45, 47–52, 75, 78, 113.

Мауль В. Я. Ритуальный символизм повстанческой казни в России (по материалам Пугачевского восстания) // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 60; *Он же.* Архетипы русского бунта XVIII столетия. С. 137. См. также: С. 150–162.

См., например: Емельян Пугачев на следствии. С. 200, 201; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 94 об.

См., например: *Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.* М., 1976. С. 210; *Он же. Пугачев.* С. 259.

См.: *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 353.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 110; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166, 167; Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 104, 188; Подробнее о дворянах, служивших в пугачевском войске, см.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 339–347.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 53–55, 57, 59, 61, 69, 77, 78, 123, 126–132, 136–139, 146, 147, 150, 153, 154, 156–158, 169, 178.

См.: Там же. С. 36, 37, 39, 41, 59, 71, 392; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 63; Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. С. 15.

См., например: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 55, 61, 115, 126, 136–139, 147, 151, 159, 160–163, 169, 199, 200, 204, 208, 229, 249, 256, 259, 261, 276, 281, 286, 298, 299, 320, 361.

Там же. С. 115.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 167, 168, 193, 302, 304, 306–309, 311, 312, 314–318, 321, 325–329, 331–333, 337, 382–384, 390; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 565, 565 об.; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 163.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 55.

См.: Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. С. 146; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 92, 221, 400; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 136–139, 151, 160–162, 217, 261, 266, 268, 426; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 508 об., 509; Ф. 349. Д. 7329. Л. 219 об.; Д. 7333. Л. 6; *Таймасов С. У.* Указ. соч. С. 53.

См.: Орлов С. Пирамида Салавата. Казань, 2006.

Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 101.

См., например: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 10*; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 468, 468 об.; *Тоёкава К. Указ. соч. С. 59–62*.

Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 63.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 61.

Пушкин А. С. История Пугачева. С. 116–118; Записки священника Ивана Осипова. С. 560, 578; Известие о самозванце Пугачеве. С. 591; Летопись Рычкова. С. 243; *Платон (Любарский), архим.* Краткое известие о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранное Платоном Любарским, архимандритом спасоказанским 1774 года августа 24 дня // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 363, 364; Емельян Пугачев на следствии. С. 221; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 5 об.; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 142.

Пугачевщина. Т. 2. С. 188; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 2 об.; Д. 506. Л. 270 об. См. также: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 350, 351.

Емельян Пугачев на следствии. С. 383; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 248; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 272.

См.: Саратов во время пугачевского восстания. С. 24–33.

См.: Пушкин А. С. История Пугачева. С. 117, 121, 122, 125, 127, 134–136, 138, 142; Платон (Любарский), архим. Указ. соч. С. 363, 364; Пугачевщина. Т. 2. С. 304; Т. 3. С. 329, 330, 396, 397; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 52; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 159–161, 164; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 211–430; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 216, 217; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 2. Л. 384; Материалы для истории Пугачевского бунта и истории Казани, собранные К. Ф. Фуксом. Казань, 1843. С. 7.

Эти проблемы были затронуты в работах: *Кадсон И. З.* Восстание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Т. 4. М.; Л., 1960; *Он же.* Церковь — активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Там же. Т. 6. М.; Л., 1962; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 3. С. 348–378; *Клибанов А. И.* Указ. соч. С. 136–165.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 357;
Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 81; Пугачевщина. Т. 3. С. 5, 6.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 29–31, 33, 45–49, 52, 72, 75, 169.

Об участии духовенства в борьбе с повстанцами см.: *Кадсон И. З.* Церковь — активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 364–378; Пугачевщина. Т. 2. С. 332, 333.

См.: Саратов во время пугачевского восстания. С. 25; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 380; *Державин Г. Р.* Указ. соч. С. 42; Пугачевщина. Т. 3. С. 182; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 365, 377, 378; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 227, 228; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. С. 316.

«Онйй Слесарев всем тем нещастливым приключениям... был самовидец». С. 10.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 180–185, 227.*

См.: Там же. С. 225, 226.

Бибиков А. А. Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова.
2-е изд. М., 1865. Приложение. С. 86, 87.

См.: Письма А. И. Бибикова. С. 198, 199; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 42, 43, 46–48, 56, 57, 59; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 223, 224, 228–236, 249–251; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 58–61, 63–65.

См.: *Таймасов С. У.* Указ. соч. С. 88, 89.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 49, 50; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 224, 225, 241, 242.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова.
С. 52, 61.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 236–316, 331–353, 361–367, 372–377, 384–387, 389–391, 409; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 162–181, 191–199, 216–222, 225–293.

См.: Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166, 167; О победе отрядов Е. И. Пугачева под Оренбургом.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 247; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 11, 12.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 268; Емельян Пугачев на следствии. С. 290.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 270; Пугачевщина. Т. 2. С. 108, 109, 117, 125, 126, 164, 165; *Сподвижники Пугачева свидетельствуют.* С. 104; *Емельян Пугачев на следствии.* С. 91, 290; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 6; Д. 467. Ч. 13. Л. 136 об.; Д. 506. Л. 236, 236 об; Ф. 349. Д. 7329. Л. 157, 157 об.

Пугачевщина. Т. 2. С. 117, 118.

См.: Летопись Рычкова. С. 296; Частное письмо (Яицкий городок, 15 мая 1774 г.) // Архив князя Воронцова: В 40 кн. Кн. 16. М., 1880. С. 472–475; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 269, 271; Пугачевщина. Т. 2. С. 108, 109, 126, 165; Емельян Пугачев на следствии. С. 91, 92, 186, 290, 291; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137, 142–143; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1.Л. 169, 169 об.

См.: Частное письмо. С. 476–479; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 271, 272; Пугачевщина. Т. 2. С. 109, 173; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 46; Емельян Пугачев на следствии. С. 92, 186, 292; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137, 143, 143 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 170 об.-171 об.; Пугачевщина. Т. 2. С. 165.

См.: Частное письмо. С. 482–484, 489; Пугачевщина. Т 2. С. 109, 110; Емельян Пугачев на следствии. С. 93, 94, 186, 187, 290, 291, 295, 296; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 145; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 171 об.; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 275; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 46, 47.

См.: Частное письмо. С. 484, 485; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 276, 281; Пугачевщина. Т. 2. С. 110; Емельян Пугачев на следствии. С. 93, 94, 291, 294, 296; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 145–146; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 172; Пугачевщина. Т. 2. С. 166.

См.: Частное письмо. С. 484–489; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 281, 282; Пугачевщина. Т. 2. С. 110; Емельян Пугачев на следствии. С. 94, 188, 296; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 172, 173; *Андрущенко А. И.* Указ. соч. С. 49.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 109.

См.: Там же. С. 199; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 104, 105; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 129, 130; Д. 506. Л. 71 об.; Емельян Пугачев на следствии. С. 188.

461

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 128, 129.

Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 105.

463

Там же.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 92.

465

См.: Там же. С. 92, 187; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137 об.; Д. 506. Л. 198 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 157 об.-158 об.

466

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 92, 187; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137, 137 об.; Д. 506. Л. 198 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 158.

467

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 93, 187; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137 об.; Д. 506. Л. 198 об., 199; Ф. 349. Д. 7329. Л. 158.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 118, 197, 198; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137 об.; Д. 506. Л. 198 об., 199; Ф. 349. Д. 7329. Л. 158, 159.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 118, 119, 198.

См.: Там же. С. 200; Емельян Пугачев на следствии. С. 92, 93, 187;
РГАДА. Ф. 6.Д. 506. Л. 199.

471

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 119, 198; РГАДА. Ф. 349. Д. 7329. Л. 159.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 279, 280; Пугачевщина. Т. 2. С. 117–119, 198, 200; Емельян Пугачев на следствии. С. 93, 187; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 137 об., 138, 154 об., 160 об., 161; Д. 506. Л. 199; Ф. 349. Д. 7329. Л. 159 об., 160.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 118, 119, 198–200; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 138, 138 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 160.

Пугачевщина. Т. 2. С. 118; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 199.

Пугачевщина. Т. 2. С. 198, 199.

476

РГАДА. Ф. 349. Д. 7329. Л. 160.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 109, 110, 114, 144, 188, 189; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 208; Частное письмо. С. 480.

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 207 об.; Ч. 2. Л. 412; Летопись Рычкова. С. 319.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 27, 36, 37, 40.

См.: Показание о Пугачеве первой жены его Софьи Дмитриевой. С. 366; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 246.

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С.180.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 244, 245; Письма А. И. Бибикова к А. М. Лунину // РА. 1866. Вып. 3. С. 385; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 37, 38; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 441; Д. 512. Ч. 1. Л. 461–463.

483

См.: РГАДА. Ф. 6, Д. 467. Ч. 13. Л. 130, 130 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 199, 200; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 105; РГАДА. Ф. 6.Д. 467. Ч. 13. Л. 130 об. — 132, 138, 138 об.; Д. 506. Л. 287 об.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 367; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 383 об., 384.

486

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 418; Д. 506. Л. 383, 383 об., 385–386 об.

См.: Частное письмо. С. 490–493; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 105, 106; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 173.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 249–266, 290–387, 392–395; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 316–319, 352–354, 367–372, 377, 378, 387–390; Т. 3. С. 7–38.

⁴⁸⁹ См.: Летопись Рычкова. С. 309; Частное письмо. С. 489, 490; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 261; Емельян Пугачев на следствии. С. 93, 94, 294, 295, 297.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 76, 77; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 459; Т. 3. С. 20; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 90; Летопись Рычкова. С. 305–310, 313, 314, 316, 318–320, 322; Тоёкава К. Указ. соч. С. 191, 192; РГАДА. Ф. 349. Д. 7208. Л. 71, 72 об.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 62, 63, 395.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 94, 189; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 42; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 130 об., 131; Д. 506. Л. 201, 382 об., 383; Ф. 349. Д. 7329. Л. 160; Летопись Рычкова. С. 320.

См.: *Летопись Рычкова*. С. 318; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 294–296; *Емельян Пугачев на следствии*. С. 94, 188, 189, 297, 397; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 89, 200 об., 201, 219 об.

См.: *Овчинников Р. В.* В поисках автора «весьма замечательной статьи» (об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // История СССР. 1979. № 4. С. 173–179.

См.: Частное письмо. С. 494–497; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 204; Емельян Пугачев на следствии. С. 94, 297; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 130 об., 131; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 173, 173 об.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 42; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 102, 103, 204, 205; РГАДА. Ф. 6.Д.467. Ч. 13. Л. 130 об., 131, 157; Д. 506. Л. 201.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 572, 573; Летопись Рычкова. С. 315, 316; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 296, 297, 299; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 23, 24; Емельян Пугачев на следствии. С. 94, 95, 190, 298; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 89, 201, 201 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 390, 398; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101.

Емельян Пугачев на следствии. С. 189, 190.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 297, 298; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 24, 25; Емельян Пугачев на следствии. С. 95, 190; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 201 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 397 об.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 298–300; Емельян Пугачев на следствии. С. 95, 190, 298; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 202, 202 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 397.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 300–302; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 26; Емельян Пугачев на следствии. С. 95, 190, 191; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 202 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 390, 390 об., 397–399.

502

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 95, 191.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 27; Емельян Пугачев на следствии. С. 95, 96, 191; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 202 об., 203; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 390, 390 об., 398, 398 об.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 27.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1236. Л. 390 об. См. также: Л. 390.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 304; Емельян Пугачев на следствии. С. 194, 299, 398, 400; Пугачевщина. Т. 2. С. 225.

См.: Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167.

Емельян Пугачев на следствии. С. 191; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 475; Т. 3. С. 28.

См.: Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков: В 3 т. СПб., 1910. Т. 3. С. 169, 205; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 1. С. 216; Т. 2. С. 475; Т. 3. С. 28.

Цит. по: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 28. См. также: Т. 2. С. 475.

См.: *Соловьев В. М.* Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. С. 173–175.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 336.

См.: Там же. С. 144, 145, 166, 195; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167; Емельян Пугачев на следствии. С. 96, 191; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 205 об.; Д. 506. Л. 89 об.-90 об., 203, 203 об., 480 об., 481; Летопись Рычкова. С. 327, 328.

См.: Летопись Рычкова. С. 315, 325; Пугачевщина. Т. 2. С. 104–106; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167; Емельян Пугачев на следствии. С. 96.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 105; Емельян Пугачев на следствии. С. 96;
РГАДА. Ф. 349. Д. 7333. Л. 4 об., 5.

517

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 104, 105; РГАДА. Ф. 349. Д. 7333. Л. 6 об.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 55, 56; РГАДА. Ф. 349. Д. 7309. Л. 31 об., 32.

См.: Летопись Рычкова. С. 326, 327; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167, 168; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 29, 30; Емельян Пугачев на следствии. С. 96, 192, 300.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 191; Записки священника Ивана Осипова. С. 573; Летопись Рычкова. С. 315, 326.

Летопись Рычкова. С. 315, 316, 325–327; Пугачевщина. Т. 3. С. 213, 214. См. также: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 376, 377.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 145, 166; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101; Емельян Пугачев на следствии. С. 96, 191, 300; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 205 об., 206; Д. 506. Л. 90 об., 203 об., 204, 219 об., 220, 362 об., 481, 481 об.; Д. 512. Ч. 2. Л. 148, 148 об.; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т.2. С. 379–381.*

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 191, 192, 398.

524

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 90 об.

525

См.: Там же. Д. 505. Л. 206; Д. 506. Л. 90 об., 91, 205 об.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 573; Летопись Рычкова. С. 317, 328–330; Емельян Пугачев на следствии. С. 96, 192, 193, 300, 301, 399; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 206; Д. 506. Л. 91, 91 об., 204, 204 об.

См.: Записки священника Ивана Осипова. С. 573; Летопись Рычкова. С. 317, 329–331; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 383, 384; Пугачевщина. Т. 2. С. 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 96, 97; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 204 об.; *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 208, 209.

См.: Летопись Рычкова. С. 317, 331–333; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 385–387; Пугачевщина. Т. 2. С. 145, 166; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 32, 33; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 110; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101; Емельян Пугачев на следствии. С. 97, 193, 274, 302, 399; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 91 об. — 93, 204 об. — 205 об., 220, 272, 362 об., 481 об., 482; Записки священника Ивана Осипова. С. 574, 575.

См.: Частное письмо. С. 497–508.

См.: Там же. С. 506, 507; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 392–394; Пугачевщина. Т. 2. С. 165, 173, 174, 225; *Сподвижники Пугачева* свидетельствуют. С. 106; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 132, 132 об., 157, 157 об., 162 об.; Д. 505. Л. 284; Д. 506. Л. 72, 280 об., 281, 287 об.; *Емельян Пугачев на следствии.* С. 194, 195.

Частное письмо. С. 508–511; Пугачевщина. Т. 2. С. 116, 118, 119; РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 13. Л. 132 об., 138 об., 139, 162 об., 163; Д. 506. Л. 36 об., 37, 72, 72 об., 236 об., 237, 281, 281 об., 287 об., 288, 383 об., 389, 389 об.; Ф. 349. Д. 7329. Л. 160; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 58, 174; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 394, 395.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 321–327; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 36, 37.*

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 127, 135.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 253, 254.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 38, 39.

См.: Семнадцатый век. Т. 1. С. 104, 105; Пугачевщина. Т. 3. С. 458;
Александр Дж. Т. Российская власть и восстание под предводительством
Емельяна Пугачева / Авторизованный пер. с англ. Уфа, 2012. С. 110–115.

См.: Письма А. И. Бибикова. С. 201, 202, 806; Семнадцатый век. Т. 1. С. 104; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 248, 249; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 393; Т. 3. С. 322–325; *Александр Дж.* Т. Указ. соч. С. 112–115.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. С. 58; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 332; *Александр Дж. Т.* Указ. соч. С. 109, 110, 119, 120, 127–130.

См.: *Корнилович О. Е.* Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте // *Анналы*. Т. 3. Пг., 1923. С. 149–176; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 3. С. 330–338; *Шаркова И. С.* La Gazette о Крестьянской войне в России под предводительством Е. И. Пугачева // *Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения*. С. 380–389; *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 162–164; *Александр Дж. Т.* Указ, соч. С. 110, 117–120, 123–127, 129, 130; *Alexander J. G.* Western Views of the Pugachev Rebellion // *Slavic and East European Review*. 1970. № XLVUI.

Цит. по: *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 163.

Цит. по: *Александр Дж. Т. Указ. соч. С. 125.*

См.: *Бибиков А. А.* Указ. соч. Приложение. С. 89; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 305; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 37; РА. 1867. № 4. С. 500–506.

См.: *Екатерина II*. Именной указ 1 мая 1774 года, данный оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, военным и гражданским чиновникам и всем вообще жителям одного города... // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 173, 174; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 304, 305, 378, 379.

См.: Пушкин А. С. История Пугачева. С. 27; Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 187.

Пушкин А. С. Д. В. Давыдову («Тебе певцу, тебе герою!..») // *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 1. М.; Л., 1948. С. 415.*

546

Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 164; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 6.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 134, 135; Пугачевщина. Т. 2. С. 333, 388, 389; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 466, 467, 470; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 64, 65, 69–72; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 55, 66, 101, 142–144, 156, 158, 174–177, 200, 202, 207, 208, 214–216, 222, 254–258, 268, 302, 307, 308, 310, 327–330, 346, 350–352; Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. С. 60–64, 66–68, 70–72, 92, 99–101; Емельян Пугачев на следствии. С. 202; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 134; Д. 432. Л. 7; Д. 436. Л. 6 об.; Д. 506. Л. 87, 87 об., 207, 207 об., 474 об.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 251; *Пугачевщина*. Т. 2. С. 161, 249; *Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.* С. 208, 209; *Сподвижники Пугачева свидетельствуют*. С. 106; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 125; *Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений*. С. 386; *Крестьянская война 1773–1775 гг. в России*. С. 152.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 204; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1, Д. 1239. Л. 146 об.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 150; Пугачевщина. Т. 2. С. 152, 227, 249; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 83, 84, 149, 160, 162, 178, 192; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 107; Емельян Пугачев на следствии. С. 202, 220, 408; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 478.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 475–477.

См.: Там же. С. 499–504.

См.: Там же. С. 478–499; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 78–84.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 480, 493;
Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье,
на Урале и в Сибири. С. 84.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 491, 492, 494, 495; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 83, 84.

Второе появление Пугачева и разорение Казани: Материалы по истории Пугачевского бунта // Военный сборник. 1871. № 4. С. 266; Частное письмо. С. 473; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 115.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 29; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 487; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 3, 3 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 373.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 504.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 84, 88, 89, 104; Пугачевщина. Т. 2. С. 111.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 217, 219; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 68; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 2 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 216 об., 217 об., 448 об.; Д. 1231. Л. 207 об., 372 об., 373.

См.: Известие о самозванце Пугачеве. С. 591; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 68.

562

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 3 об.

Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 53.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 68; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 372, 372 об., 380, 384 об.

См.: Летопись Рычкова. С. 236; Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 187, 388; Т. 3. С. 214; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 468, 494, 495; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 3об., 6об.

См.: Летопись Рычкова. С. 292; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 467, 468; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 84.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 325, 326; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 215.

См.: Летопись Рычкова. С. 225; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 6 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 377 об., 382; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 157, 174, 204; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 317.

Пугачевец свидетельствует... // Советские архивы. 1982. № 3. С. 66;
РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 5 об.

570

См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1230. Л. 449; Д. 1231. Л. 209, 209 об., 377 об., 381 об., 382.

См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 385; Т. 3. С. 46; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 87, 141, 142, 154; Емельян Пугачев на следствии. С. 84.

См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 112, 114, 135, 208, 209, 218, 219, 223; Т. 3. С. 212, 214; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 432. Л. 6, 6 об.; Д. 436. Л. 6; Д. 506. Л. 93 об., 94 об., 95, 207, 207 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 208, 208 об., 214 об., 380 об., 381.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 133; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 78; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 87; Ф. 349. Д. 7208. Л. 72 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 380 об., 381.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 389; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 166, 167; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 3; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 377 об., 381.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 107, 188; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 165, 168; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 104; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 146, 152, 153, 190, 191, 218, 249; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 59, 60, 69, 84, 90–92, 108, 115, 120, 129, 138, 139, 141, 148, 149, 157, 158, 160, 162, 164, 165, 178, 179, 182, 183, 191, 192, 204, 208, 209; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 354, 397; Емельян Пугачев на следствии. С. 116, 124, 196, 201, 203, 204, 207, 208, 210, 316, 407, 410, 414, 415.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 190; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 317; Показания командира пугачевской гвардии. С. 101; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 200 об.

См.: *Стрейс Я.* Указ. соч. С. 202; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 108.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 124–125; Емельян Пугачев на следствии. С. 220, 430.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 104, 106.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 144, 154; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 106, 107, 262–264, 266–268, 302, 307.

См.: *Фальк П. И.* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук, по предложению ея президента. Т. 6. Ч. 2. СПб., 1824. С. 244, 245; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 458; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 75, 76; *Тоёкава К.* Указ. соч. С. 73, 74, 191, 207, 215; РГАДА. Ф. 349. Д. 7208. Л. 72 об.

См., например: *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 77, 120.

584

См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 208 об.

585

РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 10–10 об.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 76.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 325, 326, 355, 356. См. также: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 471–474.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 472. См. также: *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 128.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 467, 468, 498; Т. 3. С. 183, 467; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 114, 117, 125–127, 136, 169–171, 184, 185, 192–194, 231, 235, 236, 247, 251, 254, 282, 290–293, 297, 298, 304, 306, 307, 315–318, 321, 324–330, 346, 347, 350, 355, 356; Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и на Урале. С. 47–50, 55, 61, 62, 65, 73, 85, 111, 112, 116–118, 123, 124, 128, 131, 143, 146, 155–157, 160–162, 171, 172, 175, 180, 182, 183, 186, 190, 192, 193; Емельян Пугачев на следствии. С. 210, 211; *Таймасов С. У.* Указ. соч. С. 53; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 87.

590

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 507, 507 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 151; Т. 3. С. 211, 212; Емельян Пугачев на следствии. С. 77, -184; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 209, 209 об., 216 об.

592

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 320 об., 328 об., 507 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 176, 188, 195, 390; Т. 3. С. 214; Емельян Пугачев на следствии. С. 74, 147, 148, 230; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 93 об., 94, 101 об., 320 об., 321, 328 об., 329, 507 об.; Ф. 349. Д. 7330. Л. *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 128.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 188, 390; *Дмитриев-Мамонов А. И. Указ, соч.* С. 128.

См.: Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 398; Пугачевщина. Т. 2. С. 187, 188.

596

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 106, 114; РГАДА. Ф. 6. Д. 436. Л. 3, 3 об.

Пугачевщина. Т. 2. С. 106, 223, 389.

Там же. С. 189.

Там же. С. 124.

Там же. Т. 3. С. 214.

601

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 209 об.

602

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 178, 179.

603

Показания командира пугачевской гвардии. С. 101.

Пугачевщина. Т. 2. С. 363.

См.: Там же. С. 197; Показания командира пугачевской гвардии. С. 100; Емельян Пугачев на следствии. С. 88, 89; РГАДА Ф. 6. Д. 506. Л. 94об.;Д. 508. 4.2. Л. 10.

Пугачевщина. Т. 2. С. 114; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 142, 416.

Цит. по: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 165.*

См., например: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 9, 10, 210, 238, 239, 251, 253, 254, 323, 362, 364, 375–378, 381–383, 389, 391, 414, 440, 446, 458; Т. 3. С. 32, 103, 135, 154, 219, 242, 243, 294, 473; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 8, 41, 69, 70, 94, 114, 123, 124, 150, 157, 173, 180, 182, 218–220, 230–233, 240, 258, 259, 263, 265, 266, 283, 289, 316, 317.

См.: Волков Л. В. Социальные представления участников восстания Е. И. Пугачева//ВИ. 2006. № 12. С. 107–115.

См., например: *Павленко Н. И.* По поводу книги М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» // История СССР. 1968. № 3. С. 106.

Цит. по: *Максимов С. В.* Сибирь и каторга: В 3 ч. СПб., 1900. Ч. 3. С.377.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 362, 363.

См.: Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 124; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 103.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 43, 45, 47, 48, 73, 75.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 260.

Цит. по: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 438.

617

Волков Л. В. Указ. соч. С. 108–111.

618

Там же. С. 111.

См.: *Мавродин В. В., Кадсон И. З., Сергеева Н. И., Ржаникова Т. П.* Особенности крестьянских войн в России // ВИ. 1956. № 2. С. 74.

620

Волков Л. В. Указ. соч. С. 111, 112.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 43–45, 47, 48; Емельян Пугачев на следствии. С. 82.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 111, 112, 135, 162, 188, 194; Емельян Пугачев на следствии. С. 82; *Волков Л. В.* Указ. соч. С. 107, 108.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 135; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 339–347; Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 45–49; *Мауль В. Я.* Архетипы русского бунта XVIII столетия. С. 137.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 356–360; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 341, 342.

См.: *Трефилов Е. Н.* Еще раз о «бабах» на русском престоле, или Несколько слов о том, как пугачевцы относились к Екатерине II // *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского: Сборник статей / Сост. Е. В. Акельев, В. Е. Борисов; отв. ред. Е. Б. Смилянская. М., 2014. С. 144–160.*

См.: *Мауль В. Я.* Архетипы русского бунта XVIII столетия. С. MOMS.

См.: *Трефилов Е. Н.* Элементы традиционного и нового в мышлении простолюдина XVIII в. (по материалам пугачевского бунта) // *Человек в культуре русского барокко.* М., 2007. С. 519–530.

См., например: *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.

629

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 397–400; Т. 3. С. 1–3.*

См.: Там же. Т. 3. С. 6, 7; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 496, 497.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 21, 22, 28, 29; Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 96—103, 105, 106; Пугачевщина. Т. 2. С. 145, 166; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 41–46, 60; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 165; Емельян Пугачев на следствии. С. 97, 193, 194, 302, 303, 399, 400; Таймасов С. У. Указ. соч. С. 110; РГАДА. Ф. 6, Д. 512. Ч. 1. Л. 468 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 103.

См.: *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 10; *Таймасов С. У.* Указ, соч. С. 16; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 3. С. 53–60, 66–71.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 54, 55, 57.

См.: РС. 1875. Т. 17. С. 393; Пугачевщина. Т. 2. С. 255–258, 264, 265, 268–270; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 167, 168, 178, 179, 186, 192, 193, 204, 232, 234, 302, 304, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 317, 318, 321, 325–329, 331, 332, 337, 382, 385, 390, 391, 426, 427; *Таймасов С. У.* Указ. соч. С. 118, 122, 128, 144, 145; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 466–484, 488, 488 об.; Ф. 1100.Д. 8. Л. 111–113 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 343, 343 об.

635

РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 565, 565 об. См. также: *Орлов С. Указ. соч. С. 45.*

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 167, 168, 311, 312, 318, 325–327; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 488; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 343.

См.: Крестьянская-война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 315, 317, 321, 325–329.

См.: Там же. С. 302, 304, 308, 309, 316–318, 321, 329; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 54.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 60; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 139, 308, 309.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 26–28; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 101; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 468, 468 об.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 11–14, 16–20, 22–26, 28, 30, 31;*
Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 100, 102, 103, 105; Крестьянская
война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 46–53, 56.

Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 29, 33; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 105, 106; *Пугачевщина*. Т. 2. С. 145; *Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг.* С. 337; *Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии*. С. 146, 151, 165; *Емельян Пугачев на следствии*. С. 97, 98, 194, 303; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 362 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 468 об., 469; Ч. 2. Л. 148, 148 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 103.

См.: *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 108; Пугачевщина. Т. 2. С. 174, 225, 330, 331, 349; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 337; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 185; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 106; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 146, 165, 166; Разказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 215, 216; Емельян Пугачев на следствии. С. 97, 98, 194, 195, 303, 304; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 284 об.; Д. 506. Л. 362 об.; Д. 512. Ч. 2. Л. 148 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 103.

См.: К истории Пугачевщины // Исторический вестник. 1881. № 7. С. 673–675; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 31–34; Дмитриев-Мамонов А. И. Указ. соч. С. 106–111; Пугачевщина. Т. 2. С. 145, 146, 166, 167, 174, 330, 331, 349; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 185–187; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 61, 62; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 106; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 165–167; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 216; Емельян Пугачев на следствии. С. 98, 195, 304–306; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 284 об.; Д. 506. Л. 362 об., 363; Д. 512. Ч. 1. Л. 470 об.-473 об., 487; Ч. 2. Л. 148 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 342; Д. 1239. Л. 103, 103 об.

См.: К истории Пугачевщины. С. 674–677; *Дубровин Н. Ф.* Указ, соч. Т. 3. С. 34; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 110, 111; Пугачевщина. Т. 2. С. 146; *Сподвижники Пугачева свидетельствуют.* С. 106; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 485–486 об.

См.: К истории Пугачевщины. С. 674; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 32, 33; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 108; Пугачевщина. Т. 2. С. 145, 146, 174, 330, 331, 349; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 61, 62; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 166; Емельян Пугачев на следствии. С. 98, 195; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 471 об., 472, 487; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 1. Л. 342; Д. 1239. Л. 103, 103 об.

См.: К истории Пугачевщины. С. 674, 675; *Дубровин Н. Ф.* Указ, соч. Т. 3. С. 36; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 113; Пугачевщина. Т. 2. С. 146, 331; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 187; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 203; *Сподвижники Пугачева* свидетельствуют. С. 106; *Емельян Пугачев* на следствии. С. 98, 195, 196, 306; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 284 об.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 203, 204; РГВИА.
Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 146.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 98, 196; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 106.

См.: К истории Пугачевщины. С. 674; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1239. Л. 146–147; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 204.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 39–43, 52–74; *Крестьянская война в России в 1773–1775 гг.* Т. 3. С. 63–75, 85—107; *Овчинников Р. В.* Введение. С. 18, 19.

652

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 346–348.

653

См.: Там же. С. 148; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363.

Емельян Пугачев на следствии. С. 99.

См.: Показания разных лиц // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 2. С. 701, 702; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 66–73; Пугачевщина. Т. 2. С. 147, 148, 332; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 106; Емельян Пугачев на следствии. С. 98, 99, 307–310; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 216; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 250, 251; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 284 об., 285.

656

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 146.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 146, 147; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 106, 107; Емельян Пугачев на следствии. С. 114, 115, 197–199; Показания разных лиц. С. 702; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 89–93 об.

П. С. Потемкин во время Пугачевщины *Публ. Я. К. Грота* / РС. 1870.
Т. 2. С. 402; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 83, 85, 86.

См.: Показания разных лиц. С. 703; *Платон (Любарский), архим.* Указ. соч. С. 362; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 82, 87; Пугачевщина. Т. 2. С. 133, 149, 201; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 106, 107; Емельян Пугачев на следствии. С. 99, 199, 310, 405; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 424, 425.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 75, 76, 81, 82, 83–85; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 108–111; Емельян Пугачев на следствии. С. 310, 311.

661

См.: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 237, 238.

См.: Показания разных лиц. С. 703; Пугачевщина. Т. 2. С. 201, 333, 357–360; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 107, 108; *Платон (Любарский), архим. Указ. соч.* С. 362.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 88–96; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 111–115.*

См.: Платон (Любарский), архим. Указ. соч. С. 363, 364; Сказания старожилов о пребывании Пугачева в Казани, о состоянии ея в то время // Материалы для истории Пугачевского бунта и истории Казани, собранные К. Ф. Фуксом. С. 7–9, 12; Баженов Н. К. Казанская история. Т. 1. Ч. 2. Казань, 1847. С. 85, 86; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 89–94; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 107; Емельян Пугачев на следствии. С. 100.

665

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 365; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 2. Л. 383, 384; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 94.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 164, 165; Емельян Пугачев на следствии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363, 363 об.; Пушкин А. С. История Пугачева. С. 118; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 2. Л. 383 об.

667

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 365; *Пушкин А. С.* История Пугачева. С. 119.

Сказания старожилов о пребывании Пугачева в Казани... С. 8, 18.

См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 2. Л. 384; *Пушкин А. С.* История Пугачева. С. 117; Второе появление Пугачева и разорение Казани. С. 254.

670

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 149, 333; Емельян Пугачев на следствии. С. 200; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 444, 444 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 149; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217; Емельян Пугачев на следствии. С. 100, 200, 311; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.; РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1233. Ч. 2. Л. 384.

672

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 200; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 16а—33; Д. 512. Ч. 2. Л. 392, 393 об., 394об.-397.

673

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 463, 463 об.

См.: Там же. Д. 506. Л. 441–442 об.; Показания разных лиц. С. 708, 709; Емельян Пугачев на следствии. С. 200.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 149, 168; Емельян Пугачев на следствии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об., 444, 444 об., 445 об., 446.

676

РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 443 об.-446.

См.: Показания разных лиц. С. 703, 706; *Платон (Любарский), архим.* Указ. соч. С. 363, 364; Сказания старожилов о пребывании Пугачева в Казани... С. 8; П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 403; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 81, 89, 90; Пугачевщина. Т. 2. С. 149, 226; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 333, 334; Т. 3. С. 113–115; Емельян Пугачев на следствии. С. 199, 200; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217.

См.: Показания разных лиц. С. 703, 704, 706; *Платон (Любарский)*, архим. Указ. соч. С. 364; П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 403; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 91–93; Пугачевщина. Т. 2. С. 333; Емельян Пугачев на следствии. С. 100; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.

П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 403, 404.

См.: Платон (Любарский), архим. Указ. соч. С. 366; Второе появление Пугачева и разорение Казани. С. 266; Пугачевщина. Т. 2. С. 149; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 213, 214; Емельян Пугачев на следствии. С. 312, 313.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 115, 116; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 389; Емельян Пугачев на следствии. С. 100, 312, 313; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.

См.: Показания разных лиц. С. 703; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217; Емельян Пугачев на следствии. С. 200.

См.: Платон (Любарский), архим. Указ. соч. С. 365, 366; Второе появление Пугачева и разорение Казани. С. 267, 269; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 214, 389; Емельян Пугачев на следствии. С. 100, 200, 313.

См.: Второе появление Пугачева и разорение Казани. С. 269, 270;
Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 214, 215.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 150, 334, 335; Емельян Пугачев на следствии. С. 100, 200; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 38–40; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 444 об.; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 253, 254; *Дубровин И. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 101, 102; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т.3. С. 117.

См.: Показания разных лиц. С. 706; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 103, 105; Пугачевщина. Т. 2. С. 221, 226, 275, 340, 358; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 137, 138; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 138, 139; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 382; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 215, 379; Емельян Пугачев на следствии. С. 100, 101, 200; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 143–146;
Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 239.

689

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 104, 215; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 367, 445 об.

Пушкин А. С. История Пугачева. С. 68, 69.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 111–128, 162–243; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 131–252.*

Емельян Пугачев на следствии. С. 201, 202. См. также: Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 316, 317.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 202; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 255, 256; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 153.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 101, 102, 203–210.

См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 189, 190; Емельян Пугачев на следствии. С. 203.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 203, 204, 207.

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 197, 198; Емельян Пугачев на следствии. С. 206–208, 414, 415; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 177, 178.

Брикнер А. Г. История Екатерины Второй: В 2 т. СПб., 1885. Т. 2. С. 236; *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 432.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 113, 114; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 215; *Мадариага И. де.* Указ. соч. С. 434.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 48. О распространении и влиянии этого и других пугачевских манифестов на последнем этапе восстания см.: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 152–161.

Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 174, 175.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 150, 358; Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева в Чувашии. С. 214, 229, 237, 301, 302, 326, 328, 344, 359, 379, 382, 385, 438; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 137–141, 152, 378, 379, 381; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217; Емельян Пугачев на следствии. С. 101, 200, 201, 314; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.

См.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 369, 370, 454.

См.: Платон (Любарский), архим. Указ. соч. С. 362, 363; Пугачевщина. Т. 2. С. 218, 219; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 53, 84, 87, 88, 95; Емельян Пугачев на следствии. С. 202, 203, 208.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793: В 3 т. Т. 3. СПб., 1872. С. 377, 378.

См.: Там же. С. 440, 441.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 128–155.*

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным. С. 3, 21, 22; Семнадцатый век. Т. 1. С. 96–98; Сборник РИО. Т. 13. С. 420; *Александр Дж. Т. Указ. соч.* С. 161; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 300–302; Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину от 29 июля 1774 г. // Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. М., 1997. С. 36.

Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 134.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 77–79, 81–89; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 142–146; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 23; Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину от 29 июля 1774 г.

711

Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 86.

См.: Семнадцатый век. Т. 1. С. 365, 366; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 220, 221; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 95–96 об.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 222–225; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 95 об.

См.: *Екатерина II*. Наставление, данное за собственноручным ее величества подписанием, 8 августа 1774 года, гвардии Преображенского полку капитану Галахову // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 1. С. 174, 175; *Материалы для истории Пугачевского бунта*. Переписка Екатерины с графом П. И. Паниным. С. 36; *Семнадцатый век*. Т. 1. С. 118, 119; *Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте*. С. 225–228; *Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте*. С. 95, 96, 101, 104, 105, 108; *Сборник РИО*. Т. 13. С. 432–434, 441; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 161, 162.

715

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 90.

716

См.: Там же. Л. 83–84, 86 об., 87, 88, 96 об., 136.

717

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 150; Емельян Пугачев на следствии. С. 201;
РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 91 об.-95.

См.: Семнадцатый век. Т. 1. С. 365; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 222, 247, 248; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 102; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 92 об., 93, 95, 95 об., 130 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 152, 228; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 80, 96, 98, 99, 112, 114, 124, 128, 136, 138, 164, 189; Емельян Пугачев на следствии. С. 210, 319.

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 243–245; Пугачевщина. Т. 2. С. 152; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 95, 99–101, 111, 112, 114–116, 121, 124, 128, 138, 141; Емельян Пугачев на следствии. С. 102, 210, 211, 319.*

Емельян Пугачев на следствии. С. 211. См. также: Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 218.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 153, 154, 167, 168, 219, 223, 227, 228; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 95, 124, 138, 139, 150, 151, 158, 160, 206, 207; Емельян Пугачев на следствии. С. 102, 211, 318–320; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 285 об., 286, 287 об., 301; Д. 506. Л. 364; Д. 512. Ч. 1. Л. 312 об., 313.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 139, 141, 207; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 165–169, 230, 231.

См.: Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 207, 208.

725

См.: Там же. С. 207, 211, 212.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 218; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 139, 141, 207, 208; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 202, 202 об., 204.

См.: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 251–253; Пугачевщина. Т. 2. С. 153, 154; Т. 3. С. 308, 309; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 121, 131, 132, 139, 141, 160, 164, 208, 209; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 169, 220–222; Емельян Пугачев на следствии. С. 102, 211, 271, 274, 320.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 353, 354; Пугачевщина. Т. 2. С. 151, 153, 154, 228, 241; Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 гг. С. 87, 139, 141; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 218; Емельян Пугачев на следствии. С. 211; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 364; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 87; *Он же.* Введение. С. 22.

729

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 301.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 321–334; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 253, 254; Пугачевщина. Т. 2. С. 168; Емельян Пугачев на следствии. С. 102, 211, 321; РГАДА. Ф. 6. Д. 425. Л. 95 об., 97, 97 об., 130 об., 131 об., 133.

См.: *Овчинников Р. В.* Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов; *Он же.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева. С. 110, 111, 151, 152; *Соболева Н. А.* Указ. соч. С. 211–215.

732

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 151, 152; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 363 об.,
364.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 154–156, 168, 169; Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 107; Емельян Пугачев на следствии. С. 102, 211, 212, 321–323; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 152, 152 об., 370–371.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 156, 157, 170, 171; Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 212, 213, 322, 323; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 286, 286 об., 301, 301 об.; Д. 506. Л. 364 об., 365.

См.: Пугачевщина: Т. 2. С. 157, 158; Емельян Пугачев на следствии. С. 213; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 286 об., 301 об.; Д. 506. Л. 365.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 158, 159; Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 213; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 286 об., 287, 301 об.; Д. 506. Л. 365, 365 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 160, 161, 169, 172; Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 213, 214; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 287, 301 об., 345 об., 346; Д. 506. Л. 365 об. — 366 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 161, 203; Емельян Пугачев на следствии. С. 103, 214. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3. С. 132; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 32, 39; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 286 об., 287, 301 об.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 159, 160, 171; РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 286, 287, 301, 301 об., 345 об.; Д. 506. Л. 364 об., 365 об., 366; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 266–276; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 41, 42.

См.: Пугачевщина. Т. 2. С. 407; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 37.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 37, 38.

Цит. по: Там же. С. 39, 40. См. также: Летопись Рычкова. С. 354, 355.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 70; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 3. С. 131, 132; Летопись Рычкова. С. 354; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 38, 39.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 31–54; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *ВИ.* 1966. № 3. С. 124–138; № 4. С. 111–126; Емельян Пугачев на следствии. С. 56–104, 243–325.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 55–61.

См.: *Летопись Рычкова*. С. 353; *Пугачевщина*. Т. 3. С. 315, 316; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 56, 57.

См.: *Антинг И. Ф.* Жизнь и военный деяния генералиссимуса, князя Итальяского графа Суворова Рымникского: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1799. С. 160, 161; Автобиография графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. СПб., 1848. С. 27; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 3. С. 62.

См.: *Летопись Рычкова*. С. 354, 355; *Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте*. С. 155, 156; *Дубровин Н. Ф. Указ. соч.* Т. 3. С. 307, 308; *Следствие и суд над Е. И. Пугачевым* // *ВИ*. 1966. № 5. С. 108; *Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками*. С. 61, 62.

Цит. по: *Пушкин А. С.* История Пугачева. С. 78. См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 61, 62.

Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 348, 349. См. также: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 156.

751

См.: *Державин Г. Р. Указ. соч. С. 67, 68.*

Летопись Рычкова. С. 355. См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 63, 64.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 354; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 64.

См.: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 65–67.

См.: Летопись Рычкова. С. 355; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 348–350, 353; Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 101, 102; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 62–64.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 55–84; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *ВИ.* 1966. № 5. С. 107–121; Емельян Пугачев на следствии. С. 105–126, 325–358.

Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 353; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 5. С. 118.

См.: Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швыйковского // *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений*. Т. 9. Кн. 2. С. 499, 500; Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 353, 356; Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 156, 157, 168, 169; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *ВИ*. 1966. № 7. С. 95; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 86, 87.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 353, 354.

См.: Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевском бунте. С. 354–356.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 94, 95.

Там же. С. 95. См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 88.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 97.

Пушкин А. С. Table-talk // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.;Л., 1949. С. 161.

Цит. по: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 90.

См.: Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швыйковского. С. 500; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 94, 96; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 86.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 96, 97;
Емельян Пугачев на следствии. С. 216, 217.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 96, 97.

769

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 209, 417; РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 147; Д. 508. Ч. 2. Л. 2 об., 7 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 247 об.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 5. С. 118; РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 2. Л. 2–6 об. См. также: Л. 6 об.—8.

См.: РА. 1876. Кн. 2. № 5. С. 6; *Курукин И. В.* Княжна Тараканова. М., 2011. С. 122–128.

772

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 325–326 об.

См.: *Мыльников А. С.* Указ. соч. С. 370, 371.

774

Емельян Пугачев на следствии. С. 215; Р1АДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 327.

См.: Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с господином Вольтером. Ч. 2. С. 195, 196; Семнадцатый век. Т. 1. С. 129; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 95.

См.: Семнадцатый век. Т. 1. С. 124–128; Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 136; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 94; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 113–115; Емельян Пугачев на следствии. С. 216, 217; Письмо Екатерины II Г. А. Потемкину от 15 сентября 1774 г. // Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка. 1769–1791. С. 42.

См.: Семнадцатый век. Т. 1. С. 127, 128; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 94; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 115; Емельян Пугачев на следствии. С. 232, 438, 439.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 93, 102.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 357; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *ВИ.* 1966. № 7. С. 95, 108; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 90, 116, 117.

См.: П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 399; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 93, 94; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 112, 113; *Александр Дж. Т.* Указ. соч. С. 144; Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 331, 332.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 93;
Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.,
2008. С. 94–103.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 92—109; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 85—137; Емельян Пугачев на следствии. С. 127–237, 358–444.

Емельян Пугачев на следствии. С. 222; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 127.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 106, 108;
Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его
сподвижниками. С.130.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 106.

См.: *Тхоржевский С. И.* Социальный состав пугачевщины // Труд в России. 1925. № 1. С. 108; Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 1. С. 96; Т. 2. С. 19; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 98.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 7. С. 105; Овчинников Р. В. Архивные документы на страницах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 17–19; Он же. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 109, 110; Емельян Пугачев на следствии. С. 236, 237, 444; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. 4.2. Л. 434–439 об.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 113.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 132–139; *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 27, 57, 58; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 292, 303, 322, 331, 387; Т. 3. С. 20, 38, 42, 99, 100, 252; *Александр Дж. Т.* Указ. соч. С. 201.

См.: Урланис Б. Ц. Указ. соч. С. 58; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 112, 285, 303, 310, 322, 349; Т. 3. С. 20, 42, 99, 100.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 13, 15, 16.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 200; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 172, 173; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 23, 29.

Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 29.

Цит. по: *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч. С. 146–148. См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 23, 24.

Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. *И Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск.* 2007. № 5/3. С. 164, 165; *Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте.* С. 129.

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 390–394.

Державин Г. Р. Указ. соч. С. 62, 63.

Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 273.

Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибилова. С. 58, 61; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 310.

Разказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217, 218; *Державин Г. Р. Указ. соч.* С. 62.

Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия. С. 172.

Пушкин А. С. Дмитриев. Предания // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 9. Кн. 2. С. 498. См. также: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 35.

803

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 460. Л. 41–49 об., 123–146 об., 150, 150 об., 153–161 об., 170–175.

804

См.: Там же. Л. 145 об.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 193; Пугачевщина. Т. 2. С. 61; Т. 3. С. 328, 329, 345, 346; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. С. 287–290; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 274; *Александр Дж. Т.* Указ. соч. С. 51.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 113–115, 117, 144, 154, 158, 159; Рассказ, записанный со слов одного из участников в пугачевском бунте. С. 217.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 101, 266–276; *Пугачевщина*. Т. 3. С. 239–241, 245, 248, 251, 252, 258–260, 303, 390–394; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 200, 201, 203; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 21, 41, 42.

См.: П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 405, 408; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 255, 257; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 117, 154; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 17, 21.

См.: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 8—30.

810

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 466–468.

Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 28, 29.

812

Сборник РИО. Т. 13. С. 396.

813

См.: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 329–352.*

Цит. по: Там же. С. 347.

См.: Там же. С. 90, 101, 266–276; П. С. Потемкин во время Пугачевщины. С. 407, 408; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 20, 21, 41, 42; РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 78.

См.: Пугачевщина. Т. 3. С. 326, 327; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 21, 25; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. 4.2. Л. 145–146 об.

817

См.: РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 157–179 об., 181–182 об.

См.: Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. С. 117, 120; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 23–25; Пугачевщина. Т. 3. С. 331–334.

См., например: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 12.

820

См., например: *Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 257.*

См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 2. Ч. 1. С. 196, 197, 199, 200, 210, 215, 222, 223, 236, 237, 239, 273, 274, 318, 335, 336, 389, 444; Т. 3. М., 1962. С. 72.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 137–149; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 138–175.

См.: ПСЗРИ. Т. 20. № 14233. С. 5, 6; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 294; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 138, 140, 145; *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 481, 482.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 140–145.

См.: Там же. С. 151–157, 159, 173.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 142, 143; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 157, 158; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 444–620.

См.: Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повалов-Швыйковского. С. 500; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 143, 144, 146.

ПСЗРИ. Т. 20. № 14233. С. 5, 6; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым//
ВИ. 1966. № 9. С. 144.

См.: Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 120–122.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 425, 426; РГАДА. Ф. 6.Д. 512.4. 1.Л.94.

См.: Оренбургская пушкинская энциклопедия. С. 175–177.

См.: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 141, 142; *Материалы для истории Пугачевского бунта.* Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. С. 120–132.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 144–146; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 159, 163–165.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 146.

См.: *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 119; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. С. 114, 130; Иностранные известия о восстании Степана Разина. М., 1975. С. 74, 123, 126, 129.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 144;
Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его
сподвижниками. С. 174.

Пушкин А. С. Замечания о бунте. С. 375. См. также: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // *ВИ.* 1966. № 9. С. 144; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 161–163.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 161–163.

См.: Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 144, 145; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 160, 161.

См.: ПСЗРИ. Т. 20. № 14233. С. 1–11; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 363; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 166–175.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 147.

См.: *Дружинин В. Г.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 187; *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии: В 5 т. Т. 3. Л., 1946. С. 222; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 176, 177.

Подлинные бумаги до бунта Пугачевского относящиеся // ЧОИДР. 1860. Кн. 2. С. 81; *Болотов А. Т.* Указ. соч. Т. 3. С. 488, 489. См. также: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 177, 178.

Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 147.

См.: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 363, 364; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым Ц ВИ. 1966. № 9. С. 148.

Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 487.
См. также: *Дубровин И. Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 364.*

Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 179. См. также: *Ляликов Ф. Л.* Предание о казни Пугачева // РА. 1877. Кн. 2. № 6. С. 234; Подлинные бумаги до бунта Пугачевского относящиеся. С. 81, 82; Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швыйковского. С. 500.

Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 488.
См. также: *Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 179.*

Подлинные бумаги до бунта Пугачевского относящиеся. С. 81, 82; Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 487, 488; Ляликов Ф. Л. Указ. соч. С. 234; Биография секунд-майора Николая Захаревича Повало-Швйковского. С. 500.

Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 490.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 182.

Подлинные бумаги до бунта Пугачевского относящиеся. С. 82; Дмитриев И. И. Указ. соч. С. 28; Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 489–491; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // ВИ. 1966. № 9. С. 148. См. также: Ляликов Ф. Л. Указ. соч. С. 234; Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швйковского. С. 500.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 178.

См.: Подлинные бумаги до бунта Пугачевского относящиеся. С. 82; *Болотов А. Т.* Указ. соч. Т. 3. С. 491; Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швуйковского. С. 500; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 182–185.

Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 3. С. 490; Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 182.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 182, 186, 188–221.

857

Орлов С. Указ. соч. С. 38.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 220, 300, 303, 338–341, 430, 431; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 193–195, 197–199; РГАДА. Ф. 6.Д. 506. Л. 188.

См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 338–341; *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 192, 194, 197, 198.

См.: *Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1871. С. 342; Овчинников Р В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 196.*

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 199–203, 205–221.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 70; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 221, 222; Анисимов Е. В. Дыба и кнут. С. 671; РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 183–184.

См.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 222–225.

Цит. по: Там же. С. 225–226.

Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 т. М., 1928. Т. 1. С. 370.

См.: *Овчинников Р В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. С. 226–229.

Пушкин А. С. Дневник. 1833–1835 гг. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 12. С. 319.

См.: Емельян Пугачев на следствии. С. 360; *Александр Дж. Т. Указ*, соч. С. 207; ПСЗРИ. Т. 20. № 14275. С. 85, 86.

См.: Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Т. 2. С. 22, 23; Т. 3. С. 475–477; Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 322, 323.

См.: *Лошакова С. Ю.* Оренбургский край после Крестьянской войны 1773–1775 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Оренбург, 2003; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 323, 324.

871

Емельян Пугачев на следствии. С. 221.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 76–78.